Дмитрий Н. Алексеев

ЧАСТИЧНО УПРАВЛЯЕМОЕ
К новой эпистемологии

Москва 2016

Дмитрий Николаевич Алексеев

©Дмитрий Николаевич Алексеев. Серия книг.

Посвящается моим учителям: сходства и различия
ваших взглядов и позиций, сообщенных мне,
большей частью находятся за пределами вас самих,
но именно они в наибольшей степени будят мысль,
оставаясь на усмотрение моего выбора
и ответственности за его последствия.

Содержание

В КАЧЕСТВЕ ЭПИГРАФА 7

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ПОЛУУПРАВЛЯЕМОСТЬ 12

Каким языком говорить о полууправляемости? 12
Причинность как хлопок одной ладонью 15
Доверие миру как эпистемическая установка 26
"Поправки Ирины Яровой" как пример тупика идеи "полной управляемости" в законотворчестве 38
Феномен полууправления: особенность восприятия 43
О сверхрациональном в истории науки на примере работ К.Свасьяна 45
К формуле вечного мира 49
Иррациональное начало экономического поведения и расширительное понимание абдуктивного мышления 53
Спекуляция о парадоксах 62
Естественность социальных структур и экономическая герменевтика 71

ОТ ГОРОДА-ТОВАРА К АСТРОИНЖЕНЕРИИ 82

О первичных абстракциях и объектах их приложения в масштабе человека 82
О конкретных вопросах макросоциального присутствия на планете 90
Три давних аспекта 98
О профессиональной урбанистике и сопряжении ее с неоекономикой О.Григорьева 101
Сообщества низового уровня в аспекте локальных инфоком-сетей (в качестве приложения) 105

О ПЕРСПЕКТИВАХ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ 112

Среди трезвых взглядов на технологические тренды: комментарии к прогнозу NIC до 2030 года 112
Нобелевская саморефлексия науки: на холостом ходу или шенкеля? 121
В Академии Наук заседает… О подлинном источнике экспертного обеспечения управления обществом 123
О кейс-нарративах для управления фирмой в свете проблем построения неоекономической теории 129
Новый технологический уклад: о мере прав на разговор о нем 131
Схематический нарратив о натурфилософских понятиях современных авторов явно пифагорейского толка 134
Типология технологий: предметно-технологическое множество как компонент и средство антропогенного формирования среды 146
Творчество как эпистемическая установка и некоторые спекуляции о логической структуре гипотезы 150
Предикативная логика частичности и предикативный аспект квантовой логики 154

КРИПТОВАЛЮТЫ КАК СРЕДСТВА "ГРАЖДАНСКИХ ИНВЕСТИЦИЙ" В КОНТЕКСТЕ ПРОЧИХ ФАКТОРОВ УПРАВЛЕНИЯ 167

Мотивы действий проектантов и деньги: основания для реализации возможности новой реальности 167
"Знания vs деньги" в нынешней системе неоекономических понятий 170
Криптовалюты с позиции известных представлений о деньгах 171
О "новых деньгах" и новом способе администрирования 177
Варианты "новых денег": усомниться для поиска решений 187
Некоторые замечания относительно складской гипотезы происхождения денег 192
О Гезеле и некоторых вопросах естественного права 199
Возможны ли "криптогаражники"? 205

НАССИМ ТАЛЕБ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ПРЕДТЕЧА ПРОБЛЕМАТИКИ: О ЧЕРНЫХ ПТИЦАХ И ЯЩИКАХ 212

Случайность или неподконтрольная соуправляемость? 212
Антихрупкость и алгедонические значения 219
Carmina burana может выглядеть не столь мрачно 224
О разнице талебового и григорьевского деятельностных приоритетов 236
Гомеостаз и осцилляция – родственники антихрупкости 245
О чем, собственно, речь? 250
Возможен ли в принципе прогноз и как он возможен? 253

О предсказании технологий и технике предсказаний 260
Логико-кибернетический Талеб 274
Опциональность и два вида теогностики 282
Масштаб, рекурсия и "растянутость мира" 287
Нелюбовь к платонизациям и проблема авторства 294
Стандарты научности и фрактальный стандарт жизни 302

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 314

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ 319

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 320

ОБ АВТОРЕ 330

В качестве эпиграфа

«*Разумеется, если вам повезет, вы наткнетесь на какую-нибудь жемчужину, но обычно речи членов ученого сообщества в лучшем случае напоминают разговоры сантехников, а в худшем – болтовню консьержки, изливающей на вас слухи самого скверного сорта, то есть сплетни о неинтересных людях (других ученых) и всякие пустяки. Да, беседа выдающихся ученых подчас может быть захватывающей: те, кто накапливает знания, легко переходят с темы на тему и собирают разрозненные кусочки научного пазла воедино. Но таких ученых на этой планете очень мало*».

Н.Н.Талеб, "Антихрупкость"

Небольшое предисловие

В широком научном сообществе, гласно или негласно, действует презумпция того, что «открытия делаются на стыке наук», предполагаемая в качестве важного творческого момента научной деятельности и санкционирующая выход в соседние предметы, направления и сферы. Обозначение этого "стыка" было задумано в виде трехтомной серии книг, эта – вторая из них. И, конечно, является неким экспериментом, позволяющим связать вокруг единого содержательного аттрактора некоторые вещи, ранее представлявшиеся разрозненными. Именно поэтому такой эксперимент может показаться кому-то не соответствующим тем или иным познавательным канонам.

Предлагаемый вниманию моего дорогого читателя второй том продолжает то, что было изложено в предыдущей книге «Возможность управления. Понимание человеческой способности», где был обозначен ряд ключевых моментов, связанных с проблематикой управления, но в аспекте не столько того, что суть управление (до меня этим уже занимались многие, и весьма успешно), сколько того, в каких сферах управление, как человеческая способность, исчерпывает универсум такой способности. Ибо первичным феноменом управления, в рамках рассмотрения которого возможен осмысленный разговор, есть тот, что соизмерим человеческому существу.

Как эта, так и следующая за ней, работа, хотя и являются раскрытием темы первой, но имеют самостоятельное значение, не зависящее от возможностей дальнейшего развертывания обозначенных в ней тем: это развертывание может быть осуществлено и в другую сторону. Собственно, третий том планируется посвятить более внимательному рассмотрению образа и условий формирования личности будущего, которой предстоит стать

двигателем истории – собственно элите, но такой, которой предстоит преодолеть свою исторически бандитскую изначальность. Отчасти эта тема междисциплинарности была прояснена в первом томе – там, где речь шла о двух исторических источниках европейской научности – условно говоря, о «науке критериев» и «науке открытий».

В ходе изложенного в первой книге была, в частности, предпринята попытка обозначить факт взаимной изолированности каждой из основных сфер управления, сочетанная со стремлением управленцев каждой из них к экспансии в другие среды, с прямой экстраполяцией управленческих принципов из собственной – операционально привычной и лингвистически обеспеченной, безотносительно к задаче освоить либо воссоздать язык другой сферы, во избежание остракизма и возникновения прочих конфликтов в системе разделения научного труда. Несмотря на очевидность того, что тремя такими сферами управления являются социальная среда, психосома человеческого организма и внечеловеческая природная среда, вопрос об их управляемости не так уж тривиален, поскольку умозрительная очевидность предмета никак не соотносится с примерными фактами попыток медиков судить об общественных процессах, иных экономистов судить о физиологических возможностях, а представителей «естественных» наук – судить о физике процессов, выходящих за рамки их собственного предметного рассмотрения (при том, что собственно наука физика как целостный корпус знаний по всем своим направлениям уже давно является содержанием памяти не отдельных ученых человеков, но распределена внутри научного сообщества).

Как бы то ни было, то, что объединяет эти сферы, есть область общенаучных, эпистемических, парадигмальных, установок, функционирующих в массе отдельных ученых умов, безотносительно к осознаваемости оных и критическому рассмотрению их исторических предпосылок (в случае осознаваемости). Как показало мое (и не только мое) изучение данного вопроса, сами эти установки являлись, вопреки расхожему мнению, не столько следствием поступательного развития трезвой мысли в борьбе с невежеством и мракобесием, сколько следованием сумме познавательных запросов, идущих со стороны «вненаучных» агентов и диктуемых надличностными условиями исторических процессов в обществах европейского типа.

Также было обозначено, что сегодня сумма научных предпосылок, включая парадигмы и форматы научной документации, претерпевает кризис, равно

как социально-экономические условия миропорядка, вместе с которыми сложилась известная нам (а для многих известная в качестве единственной) форма научной деятельности.

В ходе специфического стечения обстоятельств моей (и не только моей) жизни выяснилось, что некоторые прорывные идеи, в достаточной степени обоснованные, и относящиеся как к сфере общественных наук и наук о человеке, так и к сфере наблюдения внечеловеческой природы, способны иметь описание на основаниях, существенно отличающихся от широко известных. И это помимо все чаще звучащих, и напрямую не связанных с излагаемым здесь, мнений о том, что решение ключевых проблем рубежа XX и XXI веков невозможно на известных либо тривиальных путях. Те пути, что отличаются от тривиальных, в рамках моего нарратива оказались связанными с пересмотром общих представлений о ряде основополагающих вещей, включая понятия модели и модельной структуры. И поскольку в первом томе было обозначено начало подобных изменений, в этом продолжено развитие обозначенных ранее идей.

В начале XXI века все более становится очевидным, что, выкачав природу на потребу «прогрессу», дискредитировавшему идею научно-технического развития, сменяющие друг друга в поколениях «отцы общества» стали выкачивать деньги, а также потенциал здоровья и жизни из самого населения, численность которого является главным условием разделения труда и богатства, редуцируя тем самым уровень цивилизационного развития и разрушая тем самым основу собственного существования. Мир сформировал глобальную торговую конфигурацию, однако одновременно стали возникать идеи о разукрупненности с высоким уровнем локальной жизни. Отсюда возникают вопросы о рисках со стороны остальной части мира и подконтрольности его процессов, и о том, может ли быть целостным частичное управление миром как часть его самоуправления. Выходящая за рамки экономики концепция экстерналий уже сегодня указывает на то, что такое управление неизбежно есть управление экосистемой, частично открытой самой Вселенной.

Далее, если в рамках этих рефлексий взять пример системной динамики (СД) как изобретения, направленного на решение фундаментальных проблем глобального присутствия человека, то можно обнаружить, что она как

инструмент эффективна лишь в парадигме частичной управляемости, но никак не в парадигме патерналистски-централизованного, что связано с объемом входных данных, неподконтрольных связей и факторами саморегуляции, естественным образом исключающими ятрогенный патернализм. Более того, сферой приложения СД сразу была заявлена автоматизированная управляемость урбосреды, и как раз с этой одновременно и задачей, и сверхзадачей, она вышла в свет. А значит, поскольку открыт разговор об органике человеческого присутствия в ограниченной зоне хозяйствования, он также касается частичной управляемости. Подобно тому, как "не абсолютным" является медицинское управление человеческим телом и, конечно, обществом, не абсолютным, частичным, является и управление урбосредой, охватывающее все три сферы управления. А потому, надеюсь, что для читателя уже видится оправданным рассмотрение предмета этой книги именно в аспекте урбосреды как объекта метауправления.

И, конечно, категория частичности должна быть соотнесена со столь странным понятием современной кибернетики, как "открытые системы". Уже на уровне элементарной интуиции заметно, что таким системам свойственна частичная управляемость, однако я сильно сомневаюсь, чтобы этот их аспект кто-нибудь рассматривал сколь-нибудь серьезно или строго.

Метауправление основных сфер управления[1] соотносится с особой содержательной логикой коммуникативных состояний, а значит, здесь открывается метафизическое измерение управления. Заявленные ранее поливерсальные модельные структуры представляются перспективным средством работы с семантикой обобщенных описаний состояний (пространством фаз) и логикой возможных миров; а значит, открывается возможность разговора о логике случайного с учетом позиций (прежде всего, максимально ориентированных на инструментальность же), существующих в современной науке (будь она официальной или нет) и представляющих собой лидерство мнений, занимающих определенную долю медиаконтента.

Книга "Частично управляемое. К новой эпистемологии" предлагает созданный мной набросок новой концепции мира – прежде всего,

[1] О чем говорилось в первом томе "Возможность управления. Понимание человеческой способности".

космологическую концепцию, тогда как идущая за ней парадигма – новую концепцию деятельностного человека, связанного с этим миром, и существенной частью жизни этого человека оказывается развитая медиасреда, которая, однако, неизбежно должна принять какой-то специфический вид, если мы ведем речь о таком человеке как свободном и развитом. Мои сомнения здесь, прежде всего, касаются того, насколько оправдано разделять тематику двух первых книг – даже в том случае, когда уже имеется представление о содержании каждой из них. Это разделение осуществлено большей частью ради удобства, однако реальное (и единственное) оправдание такому разделению состоит в том, что прежде, чем говорить о творческом человеке, наверняка следует прояснить структурные и познавательные установки и возможности самого этого мироустройства (или, вернее, принципы возможного взаимо-действия с ним) до того, как сосредоточиться на предполагаемом в качестве адекватно устроенного этому миру человеке-акторе! Если задуматься, то ведь именно это и будет началом разговора о человеке с позиции возможных картин мира, их отсутствия или нечеткости! А потому сразу же должно быть понятно и ожидаемо, что при рассмотрении темы частичной управляемости будут забегание вперед, предвосхищение и смешение.

Полууправляемость

Каким языком говорить о полууправляемости?

В предыдущей книге "Возможность управления. Понимание человеческой способности" сам феномен управления рассматривался в следующих аспектах:

- трех основных сфер приложения этого понятия (различие каковых снимает очень многие мнимые противоречия из-за понятийной путаницы);
- метауправления, соединяющего основные сферы между собой;
- жизнеспособности управляющих и управляемых систем, для которых свойственна регулярность воспроизводства (в своей идее восходящей к «кибернетике третьей волны» С.Бира);
- логики внеиерархического способа управления, исключающей иррациональное, но предполагающее такую вещь, как сверхрациональное.

По ходу работы стало очевидным, что доминантой сознания процессов управления даже для тех, кто мыслит в парадигме «делегирования полномочий», остается, тем не менее, состояние «полной контролируемости ситуации», а если таковое отсутствует, то и само делегирование признается неэффективным.

Логика вопросов и метод вопрошания восстанавливают и оправдывают ищущее косноязычие и ученое незнание. Изначальная хаотичность открытого в вопрошании решает проблему комплементарности предметов, но подвешивает вопрос о языке, который, в перманентном поиске своего пути, перестает быть гладким и общим, и становится полон сбивчивостей, метафор и раздражающих заимствований. Наука эпохи "научно-технического прогресса" (НТП) не вполне научилась использовать косноязычие как методологический прием (эта тема также была лишь отчасти затронута), хотя как феномен он вполне известен в постмодернизме. Научное же с позиции НТП есть то, что хоть как-то проработано в качестве языка, и до этого состояния в поле научного едва зародившиеся нарративы не попадают, требуя отдельных методологических конструкций вроде «веерных матриц» (к тому же, кстати, относятся и настораживающие попытки в Неоекономике определить нарратив в строгом смысле). Однако ж открытия делаются в косноязычии, ибо в неизведанном, где фигурирует вполне себе НТП-

категория "рабочего понятия" (у Григорьева их немало); оперативная работа с ними должна стать лейтмотивом темы комплементарной работы.

Несколько слов о том, почему в конце первой книги речь идет о Фуллере:

- он не проассоциирован отдельно с учением Григорьева, хотя в одном отношении объединение получается плотным: это поливерсальная модельная структура, о которой в первой книге речь идет применительно к неокономике. Эта структура, несомненно, относится к синергийным порядкам и способам познания бытия, о которых говорил Фуллер[2];
- фуллеровы механика и синергетическая геометрия объясняют вещи, лежащие в основе управления жизнеспособными системами, о чем также идет речь последней главе первой книги, но также упоминаются раньше по причине того, что представляют сферу актуальных управленческих проблем и знаменуют попытку метафизического понимания и объяснения природы, проблем и вопросов управления.

В этой книге речь идет о позитивно (но не позитивистски) понимаемых факторах сверхрационального и частичной управляемости. Здесь видится развитие идеи активной материи, в смысле представления Аристотеля об отношении причинностей материи и формы. Что сразу предполагает тезис о допустимости "сотрудничества" и "договоров" с такой материей в меру ее сознательности и разумности, и уж, во всяком случае, проявление уважения к собственным материально-множественным подобиям, ожидая и способствуя высшему проявлению этих качеств от нее как стоящему на грани эгоизма и альтруизма ожиданию наиболее дружественной для себя среды обитания. В предыдущей книге неоднократно намекалось на то, что иные древние весьма хорошо понимали эти вещи!

Между тем, есть еще кое-что, существенно разводящее рассматриваемого в последней главе этой книги Нассима Талеба с рассматриваемым в последней главе предыдущей книги Бакминстером Фуллером: первому скучны проектные люди, ибо они очевидным образом наивны в своем

[2] Неокономика является не единственной научной системой, к которой применима модельная структура вида $<Г_iU,Г_jI>$. Она также может быть применима для представления других областей знания – например, в интегративной конфликтологии Мэри Паркер Фоллет. Психология мира способна найти богатое поле исследований в неокономической концепции финансовых дисбалансов, равно как психологическая наука в целом (уж коли призыв Григорьева направлен на построение целостной социальной науки).

неусмотрении случайного; тогда как второй вселенски проектен: чего стоит одно его понятие "Scenario Universe"?! Но ведь, с другой стороны, и проектность бывает разная. "Певец случайности" противопоставляется "певцу вселенских форм".

Талеб в "Антихрупкости" много говорит о способности самоукрепления костей и удивительных свойствах этих человеческих органов. Но тот факт, что многие кости суть структуры растяжения и спирали, остается за пределами его нарратива по все той же причине: постнеклассика для многих продолжает оставаться несоединенной с аутентичной ("дохокинской", если угодно такое выражение) синергетикой. И велосипед, что бы ни говорил Талеб, все же полезен для костей, ибо полезен для образующих с ними целостность связок.

***

О мыследеятельности, пестуемой Московским Методологическим Кружком (ММК). Мысль есть нечто связанное с деятельностью, но большинство людей не только разводят эти вещи, но и были бы даже рады их разводить. Поскольку выполнение регулярной рутины, столь милой сердцу Григорьева (ну и Щедровицкого, наверное, столь сильно перекликающегося с его идеями[3]) для большинства людей, работающих на чужого дядю за зарплату, есть деятельность, которая должна быть связана с минимальностью трудозатрат, тогда как мышление есть весьма затратное занятие. Автоматизм и привычка, коей определение "замена счастью", есть то, что избавляет нас от лишней суеты и необходимости искать дополнительную пищу. Между тем, собственно мышление (особенно то, что в свое время о нем писал незабвенный Мамардашвили) есть особого рода напряжение (по нему, чуть ли не оргаистическое), и связано с особого рода деятельностью – выработкой и принятием решений. Вслед за П.Г.Щедровицким, любящим этимологии, отмечу то очевидное, что мысль есть обретение и осуществление смысла. Семиотически же последний возникает как раз-таки на разрывах "процессов направленности" и "состояний комплементарности" (полноты), открывая дверь в мир удивлений, вопросов, перформативных актов и того, что касается делезовских машин желания, кои "работают, ломаясь", но представляют собой механизм функционирования

[3] https://www.youtube.com/watch?v=_cpWkGwZMSI (активно на 2016 г.).

капиталистической системы спроса. В этом самом смысле смысл и связанные с ним мышление и смыслополагание есть, конечно, деятельность, причем вполне конкретная – деятельность по восстановлению гомеостаза, подобно тому, как организм занимается деятельностью по восстановлению нарушенной целостности кожных покровов: поначалу кровь, потом больно, потом начинается регенерация, щекочет и чешется, а потом образуется коллоидный рубец той или иной степени выраженности. С мышлением нечто подобное, только вот раневое состояние (состояние "трещины", по тому же Делезу) можно фиксировать и менять способ восполнения трещины: как смыканием сторон, так и заполнением чем-то посредствующим. Именно поэтому лучшим средством такого гомеостаза оказывается коммуникация как первичное социальное действие, однако если последняя не способствует "исцелению смыслополагания", то имеется возможность вести таковой поиск самостоятельно с предполаганием коммуникативных выходов на что-то стоящее того, если вдруг обнаружится. Это довольно просто и довольно давно известно. Единственный момент – между персональным созданием смыслополагающего текста и коммуникацией по поводу его написания (или предмета его написания), безусловно, не может быть жесткой порядковой иерархии. Деятельностные фазы сцепляются друг с другом в зависимости от условий адаптации и текущих предпосылок актуализации.

Причинность как хлопок одной ладонью

В рамках классических философских номинаций онтологические взгляды Нассима Талеба могут быть обозначены как радикальный акцидентализм. У невнимательных читателей этого автора может сложиться ложное отождествление его очевидной причины, которая не всегда оказывается верным объяснением, с причиной как таковой (хотя это отождествление во многом происходит от того, как сам Талеб изъясняется). Здесь с ним можно согласиться в том, что мы, скорее, живем не в мире иллюзорных причин. Но конструктивный выход за рамки этих "причин" не есть выход, в смысле расхожего выражения, "из зоны комфорта": деятельность человека на Земле (а может, и не только на ней) как раз и состоит в том, чтобы создавать приемлемые условия существования, или зону комфорта, а потому и выход из нее осмысленен лишь в том случае, когда эта зона становится дискомфортной. И если понятие причинности не решает наших задач и

проблем в отношениях с миром, то, пожалуй, куда более продуктивным будет рассмотрение его в качестве мира следов, оставленных чем-то или кем-то на ком-то или чем-то, происхождение которых зависит от влиятельности и восприимчивости. В модусе этих вещей ставится вопрос о том, какой след может оставить человек, и ищется на него ответ.

Когда я в университете изучал предмет логики и понятие причинности, меня всегда смущало, во-первых, то, что собственно в естественном языке причинность противоположна цели как наречия "почему" и "зачем" (обращенные, соответственно, во времени назад и вперед), тогда как в рамках "строгого классического представления" о причинности цель – одна из четырех ипостасей причинности, кроме которых ничего более толкового по существу придумано не было со времен Аристотеля. А во-вторых, то, что причинность или причинение[4] совсем не объясняется с позиции того, что можно было бы называть "фундаментальной онтологии следа" – при том, что следование существует как одно из основных логических отношений, причем семантическое, элементарное рассмотрение которого всегда распадается на "то, чем след..." и "то, на чем след...", открывая тем самым богатую палитру усмотрений способов взаимодействия и взаимопроявления материальных субстратов и образуемых ими (а также образующих их) форм. В этом смысле распространенное понятие о причинности в обыденном употреблении обозначающего его слова мне всегда представлялась каким-то китайским "хлопком одной ладонью" – не объясненным до конца понятием, несмотря на то, что оно – одно из фундаментальных в науке и философии. Рассмотрение причинности в этом ключе привели меня к тому, что уже на уровне материальной импликации во всяком A⊃B антецедент A (если всякому "если" соответствует интуиция причины, а всякому "то" – интуиция следствия) почему-то всегда есть нечто "одно", хотя во всяком реальном причинении он уже есть в элементарном случае "два-в-одном", но не проясненное как "два", а консеквент B – в любом случае нечто одно, или собственно "хлопок". В таком случае импликация представлялась как некое функциональное отношение между множеством из области определения и единицей из области значений, общим значением которого является "следообразование", или "образование последствий". Почему столь

[4] Иные полемисты склонны в причинении усматривать "действующий" вид причинности – и это в лучшем случае.

очевидное обстоятельство природы причинности никем не объяснялось, мне было совершенно не понятно. То, почему антецедент почти всю историю философии не воспринимался дихотомично, может быть связано с некими "архетипами философского образования", восходящими, с одной стороны, к античным "началам", с другой – к неоплатоническому Единому и аврамическо-христианскому "супербогу", выступающими источниками причинности. Представление о дихотомичности антецедента ведет к вещам, которые, возможно, выходят за рамки известной исторической ретроспективы.

Но, еще раз, даже в случае, когда причинность до конца не прояснена в качестве наблюдаемого феномена мира или же способа мышления о нем, это еще не есть свидетельство в пользу иллюзорности самого феномена. Для меня причинение как нечто наблюдаемое есть некое взаимодействие чего бы то ни было с образованием новой сущности – следа, и оно всегда различается и в отношении к консеквенту, и в отношении к тому, что распадается на ворох антецедентных дихотомий воздействующего и воспринимающего (или не воспринимающего, или сопротивляющегося восприятию) компонентов причинности (или, если угодно, ее основных "элементов" или "начал"), причем степень все той же, понимаемой в общем смысле, восприимчивости может иметь в своем внутримирном воплощении высокоорганизованную природу – вроде того, о чем говорил Талеб насчет допаминовой доверчивости.

Такая дуальность онтологии следа, реабилитирующей причинность в смысле талебовой критики, открывает весьма экзотическую на сегодняшний день тему стоической онтологии, интерпретирующей истинность через тоничность, или напряженность; в фуллеровых же механике и метафизике напряженность интерпретируется как натяженность.

Способность к влиянию/не влиянию в зависимости от напряженности как условия следообразования (или образования на-следования, по-следования, оставления-следа – отдельным и весьма интересным занятием является изучение слов с корнем "след" и их сочетаний), и восприимчивости – не восприимчивости как активных качеств, открывает также и специфическое понимание основных отношений управления – более того, эта способность

обнаруживает оба отношения столь же фундаментальными для этой области, сколь фундаментальными логическими отношениями являются совместимость и следование, обуславливающие прочие логические отношения: противоположности, подпротивоположности, противоречия, подчинения, эквивалентности.

При таком понимании причинности обычное понимание ее и, соответственно, повествующего о мире нарратива, действительно, является плоским. Однако и обнаруживающаяся в связи с ним многомерность не является бесконечно бессчетной и хаотичной: становится видна ее структура и образованность мира следствиями влияний и восприятий – подобно тому, как множество цен в многообразии товарной массы образовано смитовым синтезом цен труда и ренты, специфику экономических споров вокруг которых в свое время весьма тонким образом разобрал О.Григорьев.

О том, что приведенное здесь рассмотрение причинности дает нечто важное для понимания Талеба, свидетельствует его собственное восхищенное упоминание метафоры Шарля Бодлера, сравнивавшего память с палимпсестом – многократно перезаписываемым пергаментом (на котором, добавлю, при каждой новой записи проступают следы прежних). Интуиция Талеба насчет памяти, нарраций и причинности соответствует тому, что здесь названо на хайдеггеровский манер "фундаментальной онтологией следа", но эти понятия не были им истолкованы в таком ключе. Важным же в этой онтологии оказывается то, что как воспринимающая сторона, так и влияющая, оставляют его в меру способности к самозатрачиванию или к затрачиванию стороны взаимодействия. А в случае, когда такими членами антецедентной дихотомии причинения оказываются люди, может произойти инвертирование сторон восприятия и воздействия.

Все, что было раньше сказано мной про порядок формирования предметно-технологического множества и кунст-коллекции образцов, напрямую может быть интерпретировано в причинной онтологии следа: «artificialia» – следы движений человеческих рук, отображающих плоды переработанного восприятием усмотрения, когда речь идет не только про технику, но и про творения художественного искусства; «scientifica» – следы движений ума и движений человеческих рук, отображающих плоды движений ума;

«naturalia» – следы взаимодействия природных сил и форм. Ибо все артефакты, создаваемые как части предметно-технологического множества и называемые нами предметами материальной культуры, также суть следы, или следствия, взаимодействия влияющего и воспринимающего факторов, будь они получены сознательно или неосознанно. Не подобное ли подразумевал Сенека, когда акцентировал действующую причину среди прочих в 85-м письме к Луциллию? Любой технологический продукт суть результат последовательного сочетания следов, оставленных одним материальным субстратом на другом в определенной форме, соответствующей в той или иной степени принципам сочетания природных сил и энергий.

Основная бессознательная интрига при обращении к кунст-коллекции тех, кто идет туда за тем, чтобы оставить след в своем восприятии – в том, как следы ключевых сфер причинности оказываются или могут оказаться причинами каких-то новых следов-артефактов или природных форм. Дальнейшая интрига кроется в вопросах о том, какой из них окажется воздействующим, а какой – воспринимающим воздействие антецедентом; и о том, какие следы и при каких раскладах воздействия и восприятия обнаружатся актуально возможными. И это – совершенно особенная сеть причинности, существенно отличающаяся от того, что принято понимать под кондициональными цепями и сетями причинности юмовского типа. Здесь имеется основание для специфической модели прогностики, оказывающееся реалистичным и, кстати, предельно эмпиричным, поскольку распределение степени способности к восприятию и воздействию чего-либо – вопрос эмпирического наблюдения внешнего мира, в берклианско-экзистенциальной интерпретации – вопрос внутренней решимости.

Во всех этих вещах присутствует то важное обстоятельство, что именно коммуникативность составляет онтологическую предпосылку причинности. А важной новостью для понимания действия так понятого причинения относительно различных степеней сложности здесь является то, что органические антецеденты создают автономное и устойчивое сущее, тогда как косные антецеденты, взаимовоздействуя, либо уничтожают друг друга, либо создают примитивные фигуры (имеющие, впрочем, ценность в том, что указывают на начала геометрических форм).

Кстати, сегодняшнее использование понятия действия как философской и методологической категории – такой же хлопок одной ладонью, как причинность (будучи, собственно, одним из видов причинности), а потому и выстраиваемые на этой категории разные "деятельностные подходы" без объекта приложения и ожидаемого следствия или эффекта оказываются таким же хлопком. Что, в свою очередь, обнаруживает еще один, казалось бы, неожиданный, момент: категория деятельности предполагает эстетическое измерение, а также, по мере абстракции видов деятельности – особое семиотическое измерение.

Способность к берклианскому активному восприятию и есть способность понимания. Желание понять что-либо есть желание того, чтобы понимаемое оставило свой след; в свою очередь, желание правильного понимания есть желание целостного, объемного и сущностного восприятия. Для человека восприимчивость – прежде всего, сенсорная способность, а полнота, целостность и корректность восприятия, а также опосредованность его собственной способностью управлять его порядком означает ничто иное, как полноту жизни. Развиваемая способность к этому есть то, что имеют в виду под воспитанием чувств и вкуса; располагая ими, человек оказывается способным к избирательному и развитому взаимодействию с окружающим миром и людьми. Как бы странно это ни звучало, это не очень сильно зависит от социальной группы происхождения, хотя, конечно, в сфере того, что представляет собой социальная категория развитых до уровня аристократии элит, этому уделяется особое внимание.

С другой стороны, невосприимчивость есть обратная, практическая сторона понимания, не означающая, однако, непонимания, но практика риторической "апатии", а также той "невозмутимости", что составляет конек стоического учения, произведшего из своих недр христианское мировосприятие.

Приводимая здесь антецедентная разница воздействующего и воспринимающего подобна аристотелевой разнице движимого как ключевых условий движения, которые, однако, способны меняться местами в разные периоды и в разных отношениях. В этом смысле обращает на себя внимание действующее движение как фактор причинности. Аристотель

считал движение промежуточным состоянием между существованием и несуществованием; эта категория – вообще фундаментальная философская проблема со времен элеатов, если не раньше.

Подобно тому, как реальный мир состоит не из чисел, но из форм, организующих интеграции сил, реальные события образуются не вероятностями (числовыми по сути, а потому концептуальными), но из сетей причинения, в которых сама причинность оказывается весьма проблемным понятием (с точки зрения содержательной, или ненормативной, части науки логики); подобно той же интенции, которая для Гуссерля есть нечто исходное – но не понятие, а проблема.

Там, где Талеб ведет речь про таблицы Excel как иллюзорный инструмент прогноза, дающий эскапическое успокоение числа перед неопределенностью, важной новостью с точки зрения деятельностного подхода к управлению является то, что табличная форма представления данных суть матричная, и здесь в неоекономическом смысле фактически идет речь ни о чем ином, как о попытке осуществить прогноз из позиции аврально-опытной деятельности (АОД), используя отчужденное представление таблиц как матрицу АОД в качестве основного инструмента. Однако как было сказано ранее[5], прогнозная операция принадлежит сфере проектной деятельности, и фактически является собственно инструментом создания проектов, в отличие от экстраполяции собственного опыта на будущее. С другой стороны, сочетание сильно разнесенных ячеек или даже набора таблиц матрицы АОД способно порождать новое в пределах воображения в смысле Кестлера, и быть, тем самым, основанием для проектной деятельности – но, опять же, в пределах собственной способности к такому сочетанию, или способности воображения, которая носит далеко не всегда характер сознательной рациональности, с трудом допускающей актуализацию специфических пластов опыта и накладывающей ограничения на свободу ассоциаций.

В этом смысле, если деятельность (прежде всего, "мыследеятельность", как ее понимает "Московский методологический кружок" имени Щедровицких) понимать как самостоятельное движение живой или самоорганизующейся

[5] См. книгу "Возможность управления...".

сущности, вызванное эндогенными или экзогенными факторами, то здесь следует добавить, что, в отличие от аврально-опытного и регулярно-рецептурного видов деятельности, являющихся по сути аллопоэтическими, деятельность по созданию проектов (иной стороной которой оказывается дизайн), является автопоэтической, то есть, по здравому рассуждению, основанной на "диалектико-логическом" противоречии как отправной точке всякого движения, мыслимого эпистемически и внеплатонистически. А потому и любой прогноз, относящийся к этой деятельности, имеющий своим лингвистическим компонентом вопрос, а системным компонентом – неопределенность, также должен включать в себя и фактор противоречия, в общем смысле экстраполируемый на будущее с различной степенью ожидаемости. Это и будет вероятностью черного лебедя – если, конечно, здесь не вести доходящих до сюрреалистического предела разговоров о спонтанности возникновения здесь и сейчас "конического анаморфоза" и структуре событий непосредственно перед его появлением. А если такой разговор все же вести, то здесь обнаружится не только то, что эстетически идея "черного лебедя" представляет собой обозначенный в предыдущем предложении онтологический сюрреализм (а в этом предложении – рефлексируемый), но и то, что любое порождение черных лебедей (как "злых", так и "добрых"), будет иметь корень в логической ситуации противоречия, и чем более неснимаемо противоречие, тем более "вероятность" чернолебяжьего курьеза (этим же образом имеем механизм его производства). Важной особенностью именно таких противоречий является то, что они представляют собой конфликты внутри процесса, мыслимого как система (той или иной степени сложности). И еще противоречие может быть истолковано как взаимная направленность оставить след без допущения впечатлиться: противоречия являются лишь условием порождения нового, но непосредственно новое есть оставление следа, способного иметь сложную природу. И, действительно, нам легче предсказывать способность влияния, нежели то, что создаст логический конфликт – но лишь для того, о чем мы знаем как о способном к влиянию на что-то или восприятию воздействия чего-то. В этом же смысле наше представление об организованных силах природы должно выйти за рамки одной лишь неоекономической идеи "перемещения", поскольку в случае

оставления следа большое значение имеет фактор соотносительности и связанности, как таковой относящийся к порядку бытия, но не сущего.

С учетом сказанного, порок многосотлетнего понимания причинности представляется состоящим в том, что, будучи заведомо помещенной в сферу метафизического, был сильно истерт и стал почти незаметен ее элементарный буквализм.

Мы мыслим сегодня причинность (во многом вслед за стоиками) через действие, отрицая или недопонимая парный действию целевой ее аспект, однако почти не предполагаем ее умозрение через материю или форму как еще одну взаимодействующую пару категорий причинности, хотя именно в нем обнаруживается фундаментальная онтология следа, а не в каузальности транзитивно сталкивающихся шариков и событий, образующих цепи причинности, но не дающих перехода к происхождению. Именно след есть аспект причинности в смысле открытости вопроса и о его "родителях" (или родителях без кавычек), и о том, есть ли он нечто, представляющее собой след-ствие прямого или обратного процесса.

Фундаментальная онтология следа позволяет преодолеть давнюю проблематизацию Юмом опыта причинности, когда от неуловимого аспекта "элеатского действия" осуществляется переход к информационной "материоформальности": отношение влияния есть и содержание восприятия и, одновременно, "бледная копия" (или не такая уж и бледная, но яркая и "как будто вот только что") воспоминания, синтезированная в элементарную "сложную идею" и удостоверенная тем, что именно след и образует содержательность образуемого событиями времени в лейбницевом смысле. Причины и след-ствия (равно как впечатления – относительно стираемые следы "внешнего мира" в нашем существе) не есть лишь результат привычки; которая, пожалуй, в общем случае есть ничто иное, как регулярно допускаемое удобство заполнять уже проложенный след – допускаемая очень часто именно как сублимат якобы оставления следа или его последующего заполнения, только postfactum. В этой фундаментальной онтологии проблематичность отношения исторического и логического нивелируется. Ответ на эту проблематику в таком ключе также задает внекантианский нарратив по вопросу о разуме, позволяющий смотреть на

нее вне засветки новоевропейской научности, заквашенной на иррационализм "рациональной бюрократии" и нашедшей столь яркое выражение в "прусских порядках" кантовской эпохи. Традиция материализма застила от нас каузалистическую интерпретацию и материи, и формы как онтических начал, сведя либо к ресурсно-денежным интерпретациям, либо к диаматовским квазидаосским упрощениям (усугубившимся в своей упростительности по мере массовизации марксистских идей). В этом смысле целое материи и формы есть не кантовская "субстанциональная суть" опыта, но его содержание. Ответ на вопрос о возможности "синтетического суждения a priori" вроде бы намечен был Юмом в направлении "человеческой природы", производящей "внутренние идеи", однако в силу того, что сама проблематичность причинности стала лейтмотивом английского философа, оказалась подвешенной и кантовская "трансцендентальная способность воображения", попавшая в хитросплетения хайдеггеровой лингвистической вязи – при том, что рассудок "присоединяется" к этой способности ("...и примкнувший к ней рассудок!..."). А значит, оказывается подвешенным вопрос о природе творчества (для немца, видимо – соблазн, для англичанина – безумие).

Очень важным обстоятельством оказывается различие Талебом прямого и обратного процессов в истории, введенного на примере с тающим кубиком льда и образованной вследствие этого водой. Эта проблема ретроспективного поиска причин лужи воды сугубо гносеологическая, поскольку онтология следа вроде бы не дает сведений о том, какое агрегатное состояние представляла собой вода до того, как стала лужей. (Впрочем, если все-таки признавать научность гипотезы о специфической структуре талой воды, то здесь можно было бы и поспорить. Однако все равно бесспорно непреодолимым затруднением здесь будет определение по одной только луже того, какую форму изначально имел растаявший лед. Для того, чтобы искать ответ на этот вопрос, придется выйти за рамки объектности лужи в область пространственно-событийного контекста ее присутствия – и здесь-то возникает ключевой вопрос о том, какие дифференциации или "малые маркеры" этого контекста способны указать на кубичность этой формы.)

Талеб говорит о том, что людей, понимающих разницу этих процессов, очень мало. В детстве у меня была книжка восточных анекдотов о хитроумном Бирбале (более подробно о нем – в следующем разделе), один из которых назывался "Легко ли утешить ребенка?": в нем Бирбал, прикинувшись капризным дитем, требует от своего падишаха, чтобы тот собрал обратно уже ранее очищенные и порезанные на кусочки по его же просьбе стебли сахарного тростника. Эта маленькая история – не только наглядное различие двух талебовых процессов, но и поучение о том, что не различать их – детский наив. Невосстановимость иных следов до пары образующих их антецедентов означает невозможность познавать причины по следствиям (в терминах Талеба это называется "обратным проектированием"), как, судя по всему, основную трудность постижения исторического прошлого.

Между тем, процесс "прямого проектирования", или "проектирования будущего" состояния с использованием некоторого следа для улучшения его формы или функции в будущих поколениях, также не менее интересен; ибо, в отличие от обратного состояния, когда яичницу нельзя обратно запихнуть в скорлупу в не денатурированном виде, здесь имеет место ситуация, когда некоторый след воспроизводит себе же подобный след (условно говоря, "яичница" воспроизводит "яичницу"). И здесь я в качестве примера возьму не сложный, хотя и весьма ожидаемый, биологический процесс генетического наследования, но случай первого токарного станка массово распространенной формы, на котором его изобретателем Г. Модсли путем нескольких последовательных итераций были вытачиваемы все более точные ходовые винты в пределах одной машины. И это – куда более интересный пример аллопоэтического процесса усовершенствования системы "с учителем", связанный к тому же с процессом внедрения инноваций, причем системы эргатической и, к тому же (опять же, если внимательно присмотреться) конструктивно весьма напоминающей иное изобретение, сделанное почти за полвека до предложенных столетием ранее Нартовым идей суппорта и гитары подач – арифмометр Лейбница, ходовой винт которого позволял каретке-суппорту пробегать по разрядам (арифмометр Однера и все его последующие подобия уже не имели такой каретки, а были "стационарными"). Такой процесс прямого проектирования самоуточняемой системы, безусловно, имеет относительный предел, однако

позволяет создавать вещь, управляющую тонкими различиями и возможностями. Хотя, конечно, наверняка найдется кто-то, кто скажет, что в данном примере понятие аллопоэзиса неуместно и его следует применять только к живым системам.

Фундаментальная онтология следа в некотором смысле близка монадам Лейбница, представляющим собой единство материи и формы (равно как души и тела), и как раз представляет собой способ рассмотрения причинности в соединении материального и формального. Вкупе с лейбницевым признанием нематериальности формы это дает возможность подойти к исследованию транссубстратных информационных феноменов, включая те, что в медиасреде связаны с принципом COPE.

Доверие миру как эпистемическая установка

В итоге 600-летней «эпохи роста», ставшей одновременно «эпохой комфорта», доверие миру было доверием к человеком созданному и через человеческую деятельность пропущенному, причем в ряде случаев – через деятельность человека вполне определенного качества и типа. Так, говоря об управлении сложностью, чаще всего ведут речь о компьютере как наиболее сложном артефакте, созданном человеком, и о реальной или мнимой проблеме или угрозе выхода этого артефакта, равно как (по нисходящей) финансовой системы и глобального социального мира из-под контроля. Об управлении сложностными процессами, относящимися к порядкам природной среды, если и говорится, то не в контексте темы "компьютеров" и, как правило, как о "подлинной научной" и еще далекой фантастике (сами компьютеры и даже большинство связанных с ними проблем управления уже не являются фантастикой) – во всяком случае, эти фантазийные темы не предполагают друг друга на вторую декаду XXI века с высокой вероятностью. Что касается доверия к некой, даже гипотетически допускаемой, сложности надличностного механизма (например, социального или институционального, особенно сложившегося естественным образом) или механизмов биосферных, климатических или геологических процессов, то изначально (то есть в период, когда сообщества акцентированно делили мир на своих и чужих, явь и навь, «цивилизацию» и «земли варваров») о них вообще не было речи. В связи с чем вспоминается один давний сюжет моего раннего знакомства с миром литературы.

Итак, в детстве у меня была книжка восточных анекдотов "Поучительные истории о падишахе Акбаре и его советнике Бирбале", где в забавной манере рассказывалось об отношениях между правителем Великих Моголов и его фаворитом-советником, индусом по происхождению, живших на территории Индостана в XVI веке. Там была одна история с весьма неоднозначной моралью, когда, плывя в лодке, падишах затеял со своим советником спор о природе судьбы и случайности: он настаивал на том, что надеяться на помощь неподконтрольного внутримирного порядка вещей глупо, когда речь идет об очевидной логике развития событий, тогда как Бирбал настаивал на обратном – что на случай можно полагаться и что в мире есть дружественный человеку порядок, превосходящий человеческое разумение. Тогда падишах снял с руки перстень и бросил его в воду, сказав, что если через три дня Бирбал либо не предоставит его падишаху, либо не признает его правоту, то будет обезглавлен. Советник спокойно принял этот вызов, и до последнего не соглашался признать правоту повелителя. А когда на эшафоте палач спросил его о последнем желании, Бирбал попросил дать ему отведать свежей речной рыбы. Ему принесли рыбину и, когда стали ее потрошить, внутри обнаружили тот самый перстень, который Бирбал предъявил падишаху, и остался жив. Во всех историях о падишахе и его советнике последний мне всегда казался образцом находчивости, остроумия и здравомыслия, но эта история вызвала у меня недоумение. Понятно, что индусы имеют особый порядок обращения с миром, в котором фигурируют понятия кармы и сансары и особое представление о целостности мироздания. Представление о такой целостности существует для европейцев и русских, однако без того, чтобы на волю случая отдавать столь буквальный вопрос жизни и смерти. У русских, конечно, есть свой "авось", но в данном случае все-таки имеет место нечто другое. Что это? Для европейца и для русского той эпохи, в которую жили Бирбал с Акбаром, внешний порядок мира был управляем Богом, чьи пути считались неисповедимыми, а сам он считался всемогущим и ревнивым, и уж точно не любящим подобных человеческих шуток с Его провидением, сиречь промыслом, поскольку человек сам был вписан в это провидение, сиречь промысел, в долге постижения и следования ему, но никак не игры или оперативного вмешательства в этот порядок. А ведь в случае с рассмотренной восточной историей было именно последнее.

Конечно, культурологи наверняка повели бы речь об особой "эпистеме жертвоприношения", связанной с идеей реинкарнации и свойственной индийскому "ансамблю семантических связей", однако считаю нужным отметить здесь еще кое-что. Позиция Бирбала – признание того, что порядок человеческой судьбы находится в отношении соуправления с порядком хода событий внечеловеческой среды, которая, однако, не только является средой обитания человека, но и областью неизвестной природы – такой, как темные воды Ганга, по которому плавали падишах и его советник. И то, что ушло в эту среду от человека, оказывается способно человеку же благодатно возвратиться, если он этой среде доверяет. Не в этом ли мораль сей истории? Если так, то эта мораль имеет продолжение. Дело в том, что в "Поучительных историях..." еще фигурировала такая множественная категория, как сановники падишаха, время от времени пытавшиеся подшутить над любимчиком государя, но этот любимчик то и дело обводил их вокруг пальца. Так вот, ситуация, в которую попал Бирбал в этой конкретной истории, такова, что и по мнению падишаха, и по мнению свиты его сановников, и по мнению "любого здравомыслящего человека" и, кстати, по мнению любого, кто вооружен теорией вероятностей и доверяет ей либо какому иному математическому просчитыванию рисков, выбор Бирбала оказывался за гранью благоразумия и возможности принятия. И можно себе представить, какое отчуждение испытывал бы человек европейской культуры, рискни он отстаивать такую позицию – если этот человек, конечно, не юродивый, хотя последние, при всем внимательном к ним отношении русских государей того времени, никогда не занимали государственные посты. Европейский человек, homo economicus (или даже homo antieconomicus), мыслит категориями рисков, и то, что сделал Бирбал, есть максимизация рисковой ситуации – еще раз, заведомо высокорисковой. Примечательно также, что это был случай на водном транспорте: "управляющее рисками" страховое дело, из которого возникло банковское дело Европы, как известно, само возникло из судовой бодмереи – страхования под залог судна, а здесь фактически человек страховался его величеством случаем под залог собственной жизни. Однако в этом-то вся загвоздка: страховое дело просчитывает и оценивает риски, выбирая из них приемлемые, но где критерии того, что оно ими "управляет"? Вряд ли Бирбал испытывал какое-то отчуждение: согласно книжке, он был спокоен,

благодушен и даже весел; он был нетипично для "рационального человека" уверен, что ему удастся выиграть в споре, и считал, что ситуация находится в состоянии управляемости. При этом то, на что он рассчитывал, находилось за пределами возможностей контроля не только со стороны его самого, но и вообще со стороны человеческого контроля. Возможно, он испытывал отчужденность или непонимание со стороны конкретных людей, но он явно не испытывал отчужденности от общества вообще, поскольку не испытывал отчужденности от той внечеловеческой инстанции "природной среды", в которую погружено общество "de re" и с которой оно взаимодействует как "de re", так и "de dicto". Потому состояние Бирбала в течение трех дней ожидания вряд ли можно было бы характеризовать через хайдеггеровскую и общеэкзистенциальную установку заброшенности и покинутости, или через марксову установку отчуждения. И, еще раз, не через установку русского "авося", предполагающую надежду как-нибудь выкрутиться из конкретной ситуации. Бирбал точно знал, на что шел, и его позиция скорее соответствует кибернетическому понятию black box, но примененному к внешнему миру. Иной вопрос – какова структура входных и выходных сигналов, или набор предпосылок такого управленческого взаимодействия, позволивших ему понять, что все будет хорошо. На эту тему уже шла речь в разделе "О протестантской сверхорганизованности" книги "Возможность управления...", и там упоминался провиденциализм Дефо. Однако провидение, поставлявшее время от времени Робинзону подарки моря в виде разбитых кораблей с утварью и оружием, было чем-то вроде бонусов, сыплющихся в раунде аркадной игры по непонятной логике (кстати, не исключено, что не столь уж неожиданных для той эпохи "великих географических открытий"), тогда как в восточной истории это вопрос не бонуса, но элегантного выхода каскадера в ситуации "пан или пропал". Протестантский провиденциализм Дефо – это возможности мира, которые не стоит упускать, а в случае Робинзона это дидактические возможности, поскольку они представляют собой то, что невозможно упустить человеку, находящемуся одному в ограниченной природной ойкумене, территория которой дана в одиночной пешей доступности. При том, что постоянно декларируемая задача сюрвивалиста Робинзона – освоить эту ойкумену, источник благоприятных провиденциальных возможностей находится за ее пределами, трансцендентен ей; а имманентно данную природную среду необитаемого

острова Робинзон рассматривает как источник не "подарков", но "даров" – во всяком случае, эти подарки "не случайны", а потому по-мичурински он и не ждет милости от природы, а берет их, осваивая ресурсы острова. А в освоенном не может быть случайностей, поскольку даже благоприятные из них настораживают, ибо обнаруживают неподконтрольность. Остров для Робинзона – область рационализируемого, а "дары моря" приходят из области, превышающей данные возможности рационализации и находящиеся относительно нее в сфере сверхрационального.

Бирбал же получает конкретную реакцию "внутримирного сущего" на контекстно обусловленный сигнал, до этого посланный в него, и при этом то, куда этот сигнал послан, заведомо не подконтрольно и не предполагается к освоению, однако реализует некоторый принцип управляемости. И здесь обнаруживается еще одна мораль про брошенный в реку перстень, которая, несмотря на свою тривиальность, звучит оригинально: порядок внутримирного сущего протекает по своим законам, безотносительно к представлениям о порядке этих законов и даже "научном скепсисе" по поводу факта их существования со стороны высшей управленческой инстанции в общественной иерархии, и в обществе существуют люди, встроенность которых в эту иерархию вторична и акцидентальна относительно их сведущности в таких порядках. Для иерархии нет управления без подконтрольности, тогда как выстроенные на мировых аврамических религиях государственные иерархии всячески боролись с подобной сведущностью, объявляя ее колдовством и происками дьявола... хотя вспомним еще раз Артура Кларка и то, что он говорил про магию и достаточно развитую технологию. Здесь же имеет место довольно интересный подход, полагающий мир достаточно слаженно устроенным, чтобы взаимодействие с ним по модели black box не требовало каких-то дополнительных технологических вычленений из него сил и феноменов, их гербаризаций да использования в абстрагированном и комбинированном с другими абстракциями виде. Мир – это уже, так сказать, "естественная технология", работающая тем образом, что выходит за рамки наших представлений о его законах. И если человек способен задействовать этот механизм, то он оказывается также способен взломать любую иерархию, сколь бы инертной, агрессивной и ревнивой она ни была. Это то, что было

ранее названо мной метауправлением, и относилось к осуществлению управленческих взаимодействий между сферами индивидной психосомы, общества и внечеловеческой природы как теми, что исчерпывают предметный универсум возможностей человеческого управления, однако здесь речь идет о способности к непосредственному осуществлению такого метауправления на уровне практики повседневной жизни отдельной личностью, помещенной к тому же в общество, заведомо не располагающее развитыми в современном рубежу XX и XXI веков понимании технологиями управления.

Доступ к этому механизму открывается через принятие парадигмальной предпосылки о том, что бытие конкретного человека в мире важно в качестве неотъемлемой части, играющей важную роль скорее, нежели выполняющей некую функцию, причем эта важность обусловлена именно тем, что человек, независимо от его исходной социальности (хотя таковая социальность нередко, а на начало XXI века – весьма распространенно, имеет крайне плачевный вид) встроен во внутримирные механизмы и ритмы не только этой, имманентно данной ему, социальности, но и человечества в целом как соответствующий ему биологический вид, и в те, еще менее понятные ему, порядки природной среды, в которой этот вид обитает. Я понимаю, что столь радикальное утверждение сразу вызывает требование его позитивного подтверждения, которое, однако, как раз и не может быть дано в позитивном ключе. Между тем, именно в рамках позитивной установки сегодня вполне обыденным оказывается так называемый "синергийный эффект", зависящий от объема прилагаемых человеком коммуникативных и деятельностных усилий (включая усилия по мотивации и вдохновению на деятельность других людей), помноженного на разнообразие этой деятельности, когда на определенном ее этапе события начинают складываться в комплементарном порядке, и это становится заметным. Самое интересное, что такое начинает происходить без какого-либо предварительного планирования или формальных договоренностей с другими людьми о разделении их деятельности. Более того, оказывается заметным, что в этом эффекте участвуют порядки вещей и событий, очевидным образом не имеющие отношения к непосредственной или целенаправленной человеческой деятельности, охватываемой наличным

сознанием или прогнозом: например, может найтись какая-то вещь или ресурс, или весьма вовремя произойти какое-то событие. Такая парадигма, однако, противостоит все еще расхожей и доминирующей на уровне интуиций предпосылке о необходимости освоения природы и однозначной конвертации ее в пространство собственного языка и понимания, транслируемой просвещенной публике лидерами мнения, как правило – по медиаканалам.

Тем не менее, разговоры на подобные темы среди той же просвещенной публики – не редкость, и когда речь заходит о подобных вещах, говорится, что эти вещи тонкие, а "где тонко, там и рвется", а потому о них, подобно протагоровым богам, и знать что-то навряд ли можно: "и вопрос темен, и людская жизнь коротка". Действительно, произошедшая из аврамической традиции иерархическая наука известной нам эпохи ухватывает лишь непосредственную связь вещей, попадающую в систему ее категорий, либо ту, что связана с решением конкретных задач, так или иначе ориентированных на логистическую близость, сомасштабную человеку, и не только не рассматривает как сомасштабные человеку связи тех вещей или событий, что разнесены на значительное от него расстояние (логическое, временное или буквальное физическое), но не может признать сам факт такой связи ни между вещами, ни между вещами и человеком. И, конечно, не предполагает возможности для человека влиять на эти тонкие связи. Между тем, если признавать всеобщую системность мира в том, что он по-фуллерову растянут, то такая логика означает, что управляющая им материя как раз и есть тонкая, и что эти тонкие связи оказываются одними из самых прочных в мире, и что, воздействуя на них как непосредственно встроенных в мир, оказывается возможным весьма нетривиальным для сегодняшней науки образом влиять на вещи и процессы, размер и масштаб которых значительно отличаются от размера и масштаба оператора. Впрочем, на уровне принципа в последнем обстоятельстве нет ничего нового: способность посредством малых затрат управлять движениями солидных масс и энергий составляет едва ли не ключевую полезность систем управления, только в рамках нынешней кибернетики он понимается вполне определенным образом. Наличие таких тонких связей взаимодействия и управления между системами и сущностями различного масштаба

представляет собой продолжение темы рекурсии, затронутой в соответствующем разделе в книге "Возможность управления...". В случае с Бирбалом имело место именно такое межмасштабное управленческое соответствие, а в рамках темы рекурсии важной новостью будет как раз то, что межмасштабные связи являются тонкими в рассматриваемом смысле.

Вспоминая источник темы рекурсии как межмасштабности, также стоит вспомнить рассмотренную там логическую интерпретацию экономического поливерсума относительно примененного к нему понятия множества его фазовых состояний, или режимов существования. Вполне очевидным образом такой подход оказывается направлен на такую автоматизацию управленческих систем, где поднимается пресловутый политэкономический лейтмотив баланса и дисбаланса для разных игроков и ойкумен, находящихся в разных фазах, взятый как кибернетическая категория гомеостаза. Причем вопрос этот поднимается заново уже postfactum пахнущей ницшеанством неоекономической идеи дисбаланса (продуктивно-разрушающая роль которого создается притоком в ойкумену денег), предложенного в рамках критики австрийской концепции "баланса отдельно взятой национальной экономики". Когда смитовская категория баланса (этот надбухгалтерский "святой дух" политэкономии, разлитый по его "Исследованию о природе и причинах богатства народов") рассматривается как гомеостаз, сама она и ее отрицание оказываются даны через провозглашаемое Григорьевым лонгитюдно-динамическое рассмотрение и, соответственно, получают возможность дальнейшей интерпретации уже в системно-динамических понятиях, выводящих экономический нарратив на более целостный предметный уровень урбанистики. А потому состояния как баланса, и дисбаланса могут быть рассмотрены как желательные к достижению в зависимости от актуальной фазы существования экономического игрока на более высоких степенях и уровнях сложности; сама же достижимость может быть рассмотрена как эксперимент.

С лета 2016 года бизнес-проектная деятельность была предложена к рассмотрению О.В.Григорьевым в качестве эксперимента – по аналогии с научными экспериментами. Это еще одна вещь принципиального характера, которую следовало бы здесь учесть и многим взять на вооружение – ведь в качестве таковой эта деятельность, а также инвестиционные договоренности,

сегодня в предпринимательской среде не рассматриваются. Этот тезис заставил меня вспомнить мой собственный случай: когда я догадался о том же самом и сообщил своим ребятам в стартапе в 2012 году, те косо на меня посмотрели: дескать, предлагаешь сомнительные игры с деньгами инвестора. Четыре года спустя тема возникла совсем из другого источника. Дело в том, что такое рассмотрение проектов возникает в ответ на иррациональные страхи принятия решений в аврально-опытной системе управления, возникающие вследствие неизбежной потери контроля над бизнес-процессами без перехода их в режим регулярно-инструкционной деятельности. Отсюда следует два важных вывода: во-первых, то, что такой экспериментальный подход к проектным инвестициям, с одной стороны, дополняет прогноз как еще один критериальный фактор перехода к точке начала регулярной деятельности фирмы (точка "Y" в неоэкономической терминологии); во-вторых, то, что деньги в таком случае оказываются средством ведения социально-управленческих экспериментов, а потому их эмиссия, с одной стороны, действительно, не должна быть привязана к "денежному материалу", а с другой – быть подчинена задачам инвестиционной игры, сочетающей прогнозное удостоверение ожиданий с экспериментальной неизвестностью результатов. Собственно, проектная деятельность, судя по всему, и возникает из последовательного сочетания прогнозного и экспериментального видов деятельности, а эффективность этой деятельности именно в таком сочетании является фактором регулирования инфляционных ожиданий (иной вопрос – насколько общезначимо последнее утверждение). Поскольку инфляция есть конечный этап обесценения денег вследствие их экстенсивной эмиссии при демонстрации экономического роста на промежуточных этапах, сопровождающихся их относительным массовым дефицитом, постольку за этим, неизбежно макроэкономическим, процессом не всегда оказывается виден интенсивный аспект эмиссии, связанный с микроэкономическим процессом работы фирмы или проектной организации, который как раз отражает полезный либо холостой характер работы денежного механизма в конкретном инвестиционном процессе. А здесь, в свою очередь, возникает проблема управления рисками, поскольку экспериментальная деятельность перестает быть таковой и становится регулярной как раз в тот момент, когда в ней предельно минимизируется фактор неопределенности; который, в

свою очередь, никогда не может быть исключен, особенно в случае венчурных инвестиций, непосредственно выражающих экономический закон обратного отношения доходности и рисков. Все это неоднократно пытался объяснить О.В.Григорьев, но в таких именно понятиях у него это не было проговорено, ибо проектная деятельность в рамках его неоекономической концепции не дополнена прогнозной.

Далее возникает вопрос о связи задачи экспериментирования с задачей достижения гомеостаза. В понятиях живых систем можно сказать, что открытость к новому (и "аппетиты к риску" как проявление этой открытости) есть свойство здорового организма, а потому экспериментирование может быть рассмотрено как смысл достижения гомеостатического, или балансового, состояния системы, в том числе в случае, когда такую живую систему представляет социальный рой. Но это не абы какой дисбаланс, поскольку он неизбежно связан с выбором собственной игры, а не навязанной ему извне по неизвестным правилам. Это уже вопрос этики (как, опять же, специфического коммуникативного направления управленческой науки уже хотя бы в своей формально-логической части) и следующих из нее мотивировок и регулятивов уровня международного законодательства. Разумеется, такой подход к денежному взаимодействию представляет автопоэтическую в своей сути идею "порождения жизни", нежели исходная неоекономическая посылка, представляющая описательную по своему характеру и аллопоэтическую по сути идею экспансивно-ростового капиталистического взаимодействия ойкумен посредством ницшеанствующих денег, вносящих дисбаланс в гомеостаз примитивных социальных систем, но не способствующих возникновению в них более развитых форм социальной организации (дверцей к которым оказывается, согласно неоекономике же, особо понятая проектная деятельность).

В этом смысле оказывается возможным более конкретно говорить об основаниях достижимости балансового или дисбалансового состояний (как гомеостатического или "надгомеостатического") в качестве желательных, и далее ставить вопрос о степени доработанности процедур достижимости. В последнем случае речь идет о содержательном аспекте модальной логики, и вспоминается то, что в рамках той же темы рекурсии было по-патнемовски рассмотрено ранее в умозрительном примере с большой и малой планетами

как естественными ограничителями экономического роста. И в этом же смысле процесс проектного формирования среды возможен в качестве альтернативы возникающей вследствие естественной экспансии «антропогенной нагрузки», поскольку оказывается возможным согласованное целеполагание и четкое определение ниш свободного действия.

Хотя модель и рекурсия были у меня обозначены как разные вещи, момент перехода от одной из них к другой может быть рассмотрен как отправная точка начала инвестиционных экспериментов. Выражение "модель vs рекурсия" теперь можно заменить выражением "от модели к рекурсии", поскольку моделирование, в конечном счете, и есть ничто иное, как способ рекурсивной работы. Когда несколько моделей множества свойств одного объекта, представляемых в каждой из них по категориям или группам, комплементарно соединяются в одной конструкции, то выполняется рекурсивный принцип соответствия межмасштабной сложности, но еще нет реализации принципа связанности этих сложностей; тогда как именно обеспечение последней образует рекурсию в смысле С.Бира. А создание системы транспорта управленческих сигналов от объектов сложности меньшей масштабности к объектам большей в различной сложности уже самой этой системы способно создавать управленческое взаимодействие с теми порядками бытия, о которых шла речь выше в истории о падишахе и его советнике. Однако здесь возможны и более интересные опосредования: так, управленческое взаимодействие может распространяться от объекта некоторого масштаба сложности к объекту (или множеству объектов) меньшего масштаба и, далее, через массовизацию взаимодействия на этом уровне, оказывать воздействие на объекты, масштаб которых существенно превосходит масштаб изначального (хотя, конечно, здесь возникает вопрос о способе обеспечения подконтрольности такого рода опосредованного взаимодействия, ответ на который, скорее всего, зависит от полноты знаний обо всех объектах процесса). Понятно также, что идентичность устройства и степеней сложности объектов обуславливает дискретную простоту и однозначность управленческих каналов.

Такого рода опосредование, в общем смысле, не есть нечто совершенно фантастичное и новое для привычных нам способов научного управления

жизненной средой: так, проверенное в условиях медицинской лаборатории поедание экзотичной рыбешкой личинок малярийного комара было распространено по всему региону Большого Сочи в 1940-х годах, а после того, как малярийный вид исчез, исчезла и рыбешка, лишившись источника питания. Следствием этого стало превращение сочинского причерноморья в полноценную курортную зону с массовым открытием там здравниц и медлабораторий. Этот пример прост, и находится в пределах привычного нам позитивного порядка объяснения – прежде всего, потому, что, при всей гениальности в своей простоте предложенного решения, само оно реализуется по довольно простому же каналу взаимодействия с биоценозом, тогда как порядки каналов управления биоценозными процессами (особенно в сочинском субтропическом климате) достаточно сложны. Подобную сложность представляют социальные и экономические балансы – прежде всего, потому, что они подобным же образом естественны. Что, в свою очередь, служит важным аргументом против конспирологических интерпретаций кризисных проблем хозяйства и общества: ручное управление этими проблемами все еще носит, как в случае с комарами и рыбками, до простоты топорный характер управления посредством выражаемого в механизмах грабежа и войны насилия, однако, в отличие от того гениального биоинженерного решения, не представляет из себя ничего нового, и не является, по большому счету, проявлением достижений человеческой способности воображения. Именно поэтому я склонен рассматривать подобные способы управления в общем виде, дабы, переходя от них к конкретным задачам и ситуациям, применять эту способность с целенаправленной пользой.

В этом же смысле я больше склонен обращать внимание на онтику и онтологию, и почти ничего не говорю о гносеологии в смысле саморефлексии мышления, или мышления того, что и как я мыслю, с единственной целью избежать «эффекта сороконожки», следуя при этом принципу правильного употребления знаков: говорить об означаемом, а не о самих знаках; о последних я веду речь, когда рассматриваю семиологические феномены – например, денежные или медийные системы. Возможно, это также потому, что для меня вопрос о познаваемости мира не столь уж важен, как взаимодействие с ним в порядке собственной встроенности в него; мир

познаваем частично и насколько это актуально, и в достаточной мере преисполнен постигаемыми энергиями, силами и возможностями, полезными и благоприятными, без того, чтобы алчно и ревниво осваивать их с позиции голодного варвара. В связи с этим еще один вывод: управление "тонкими" связями и вещами по схемам может носить исключительно праксеологический характер (ибо последние есть модели), и означает действие по принципу вычленения и актуализации значимых вещей в значимых связях. Но такое обращение к миру заведомо не может носить потребительский характер "освоения", поскольку здесь нельзя взять больше, чем просишь, без непредвиденных последствий. А потому корректной позицией здесь будет восприятие сверхрационального как доверительного и коммуникативного, но не страшного в своей неизведанности, ибо мы сами есть его часть, а потому операционализируемого, относительно постигаемого и постижимого. Принятие такой относительности представляет собой существенную проблему для тех, кто мыслит мир прежними категориями и презумпциями и, ведая то или нет, ввергает его в пучину средневековых страхов и мистификаций. А потому в следующем разделе – комментарий к одной из наиболее скандальных и ярких не только для России попыток осуществить "полную подконтрольность", делая это в истеричном формате. Ведь когда мы не можем довериться миру, мы доверяемся пахану-государству либо собственным религиозным, модельным и теоретическим конструктам, и запираемся в них.

"Поправки Ирины Яровой" как пример тупика идеи "полной управляемости" в законотворчестве

Тема эта касается не столько даже конкретной законодательной инициативы, сколько кризиса способов регулирования существующей системы мироустройства, связанных с регламентацией чьей-либо деятельности, особенно деятельности внутри телекоммуникационных сетей, составляющих подмножество коммуникационных инфраструктур селитебных сред, в рамках которых происходит предпринимательская активность – безотносительно к тому, связана эта активность с извлечением прибыли или нет. В этой связи встает вопрос об эффективности и обоснованности использования законодательных регуляций, свойственных "эпохе модерна" с учетом внешних к некоторой ойкумене реальных угроз.

Также этот, достаточно конкретный, кейс, касается связи вопроса о "полноте управляемости" с вопросом о подконтрольности медийных сред и способов формирования антропологической реальности посредством этих сред, о чем более подробно будет изложено в следующей книге, посвященной проектной антропологии – равно как о том, что касается собственно технологических средств и социальных форматов тотального контроля, используемых в мировой практике; это все – то, что лежит на стыке "инфокома" и так называемой "социальной инженерии". Законодательных рогаток как старого доброго средства уменьшения системной сложности общественных процессов я до сих пор не касался, а потому считаю нужным уделить ему хотя бы некоторое внимание на конкретном и, по-моему, достаточно ярком, примере, обратив внимание читателя на подоплеку использования такого инструмента.

Сегодня Россия, в целом, движется в фарватере мировых практик регуляции инфотелекоммуникационных течений, и общий принцип здесь таков, что там, где не удается управлять посредством денег, начинают работать нормативные акты, причем очевидно по "праву сильного", где сильный понимается в узком обезьяньем значении многочисленно вооруженного. Примечательно, что в период первоначального накопления капитала хлынувшие в страну нефтеденьги также работали по "праву сильного", однако огромная масса "сильных" на поверку оказалась массой "больших". В период "первоначального накачивания прав" также появляется масса "сильных", которая на поверку оказываются массой "больших", но ведь "большой" – не "старший", и уж, во всяком случае, совсем не обязательно "умный" или "умелый": пижонство на десятках гелендвагенов фээсбэшных курсантов указывает на сомнительность их способности что-либо контролировать (во всяком случае, делать это грамотно), равно как траты миллионов на содержание футболистов и их роскошную жизнь очевидно говорят не в пользу их способности играть в футбол. Драматизм ситуации усугубляется, когда находится кто-то, кто начинает спорить насчет того, что это не связанные вещи.

В случае с поправками – похожая ситуация, только она относится ко всей системе государственного управления. Причем с точки зрения управления они имеют мало отношения к проектной деятельности, о которой столь

много сегодня говорит гражданин Греф – кто бы и как бы к нему ни относился, слова произносятся конъюнктурно правильные (в этом конкретном случае). А ведь вопрос борьбы с терроризмом – преимущественно общественно-институциональный и процедурный, а не законодательный, и об этом также довольно много и много кем говорилось.

Мне как-то задали вопрос, читал ли я эти поправки, имея в виду необоснованность суждений в духе "Пастернака не читал, но осуждаю". Отвечу честно: я их просматривал "по диагонали", и не утруждал себя тем, чтобы копаться в их отсылочном крючкотворстве – в этом нет нужды для формирования компетентных суждений о происходящем в стране и в законодательстве. Во-первых, я не юрист и не собираюсь быть представителем той профессии, в которой способность к воображению является признаком профессиональной непригодности, а требования к знанию науки логики в массе этих специалистов, за редким исключением, ограничиваются школьным курсом классики (хотя нынче в школах логику, увы, не преподают), однако немало работал с анализом федерального законодательства на предмет его совершенствования в соответствующих сферах, а также выработки процедур такой работы, чтобы понимать, что означает практика подобного рода поправок, направленных на фактически запутывание и снижение прозрачности нормативного акта и, одновременно, на создание еще одной хлебной поляны для господ юристов (замечу по ходу, что господа юристы очень быстро богатеют, когда господам финансистам оказывается не во что вкладываться); как говорится, мне не нужно есть яйцо до конца, чтобы убедиться в его тухлости. Во-вторых, признаком хорошего специалиста по общественным наукам является способность к пониманию широкого контекста событий, ситуаций, биографий, оценок, ожиданий, деклараций, выводов и прогнозов, составляющих ткань Истории – тем более хорошего, чем быстрее он умеет распознать ситуацию. В этом смысле частная законодательная регламентация оказывается характерным маркером вполне конкретных вещей, выходящих за рамки декларируемых мотивировок законодательства, которые, конечно, к сим мотивировкам не сводятся.

Господа, уже почти третье десятилетие стремящиеся войти в "клуб мировых элит", пробуя играть по правилам этого клуба и надеясь стать то ли равными,

то ли младшими, его партнерами, обоснованно и с открытой ко всему прогрессивному в мире душой уничтожив технологические наработки послевоенного времени и связанную с ними, поистине загнивающую, систему разделения труда, вдруг обнаружили, что, как только запахло глобальным финансовым керосином (в прямом и переносном смысле), партнерство стало исчезать, яко дым, и в России стали наспех восстанавливать оборонку, поставив туда рулить самых эффективных из оставшихся, вливая в отрасль существенные бюджетные средства. А до того, в период "партнерской презумпции", была попытка встроиться в систему единых правил управления с негласно подразумеваемым единоначалием и официально провозглашаемой многополярностью; однако что есть последняя, да как возможно высокоорганизованное управление многополярным миром, было неясно изначально, равно как неясно, как сочетать эту "многополярность" с концепцией конвергенции в единоначалие глобального истеблишмента. Едва ли большинство практиков такой конвергенции об этом задумывалось. Равно как неясен ответ на старый добрый, и все более остро клюющий, вопрос "что делать". Вот и остается делать имидж в модусе "я-то знаю, но не скажу", да качать патриотическую тему про "проклятый госдеп" (у которого как раз учились в те самые "благие десятилетия"), пугая сегодня людей "оранжевым процессом". Друзья, в 1990-е у нас именно это и было – только, в отличие от национализирующейся "незалежной", в здешних условиях прошло иначе. Пройдет ли заново – как знать, у менее образованных историческая память короче, да внушаемость выше. Так что "неча на зеркало пенять" ... коли доллар кривой. Ибо всем нужен доллар, все ему доверяют – и вы, господа, тоже.

Поправки Яровой – не российский эксклюзив, но закономерность общественного развития (или, если угодно, перехода общественных фаз) там, где государство, стесненное финансово и существующее в условиях роста внешних военных угроз и внутреннего недовольства беднеющего населения, переходит к репрессивной политике, и очевидно, что в мироустройстве европейского типа, к коему наполовину относится и российское, происходят существенные сдвиги в связи с новой реальностью – как технологической, так и социально-экономической, обусловленные фундаментальными проблемами роста и управления, а также отмеченным

еще Шпенглером кризисом европоцентрического мира и его институтов: национальных конституций и представительной демократии. Ситуация усугубляется еще и давним системным расколом российской государственности – ее многосотлетней неопределенностью между статусами империи и нации (сформировавшей "загадочную душу" русского человека примерно также, как дрязги гвельфов и гибеллинов сформировали "ответственного европейца"), и с поправками здесь яркий пример: имперское закручивание гаек входит в противоречие с национальным по сути конституционным принципом, что замечается многими ехидниками, постящими разного рода фотожабы, но не рассматривается ими с общих позиций (именно за эту лозунговость я не люблю репосты, но куда уж деваться: все эти, излагаемые здесь, вещи как раз и должны быть предметом обсуждения, и как-то неохота это все писать в контексте прочего происходящего – но, видимо, не всем понятно). В-третьих, Пастернака я как раз читал – в его переводе "Фауста" Гете есть выражение: "вся суть – в естественных правах, а их и втаптывают в прах". Эти слова, напомню, произносит Мефистофель под видом умудренного профессора, когда студент спрашивает его о перспективах поступления на юридический факультет. В четвертых, в отличие от поэта Пастернака, пастернак – это такой овощ, а я не овощ, я другой. Здесь же стоит заметить, что рассуждение на тему "поправок Яровой" именно с общих позиций не должно рассматриваться как бегство от конкретной действительности – напротив, именно такое рассмотрение должно позволить видеть подобного рода законотворчество с позиции фундаментальных процессов, и вырабатывать решения, находящиеся, скорее всего, за рамками существующих общественных институтов и технологических инфраструктур.

Лично мое (а также немногих кроме меня) видение решения рассматриваемых проблем – в направлении создания новых поселенческих сред и форматов обитания в них, не связанных или связанных минимально с теми реалиями, в рамках которых вообще оказываются возможными подобные законодательные инициативы и дискуссии. Хотелось бы, чтобы переход к этим новым форматам присутствия на планете произошел без катастроф, но вряд ли мы можем похвастаться способностью к трансисторическому управлению цивилизационным развитием – как на

глобальном, так и на собственном, региональном, уровне – тем более, что качество государственного управления в нашей стране (в последнее время – уже даже по словам не отдельных экспертов, а весьма влиятельных шишек) по многим аспектам низкое. А ведь не так давно именно наша страна была центром пусть и нелепого, но смелого и во многом продуктивного эксперимента глобального переустройства жизни на планете. Сегодня мир, пожалуй, даже в большей степени готов к изменениям, чем в начале XX века. Может, поэкспериментируем по-настоящему, учтя ошибки прошлого, и включим воображение?

Феномен полууправления: особенность восприятия

У французских специалистов по теории денег Орлеана и Аглиетты доверие к деньгам культурологически тесно связано с подражанием в их использовании, каковое уже есть особенность веберовского натурального человека, тогда как доверие и подражание проявляют связь, прежде всего, в коммуникативных отношениях между людьми общества традиций или даже обезьяньей стаи. Не всякое доверие, однако, есть подражание и предполагает его, но всякое подражание основано на доверии к возможной пользе от объекта подражания, либо воспроизводимых или имитируемых его способностей. Натуральный человек – примитивно доверяющий, то есть доверчивый; именно в склонности подражать он наиболее уязвим; однако доверие также еще не есть и доверчивость. В свою очередь, организованный человек Вебера принципиально недоверчив; но он, опять же и обратно же, недоверчив реактивно, а потому натурально. И следующая из его недоверчивости антиподражательность (редуцирующая в нем часто эстетическое и художественное начало, однако же пестуемое многими «людьми дела» в качестве атрибута китчевой аристократичности), следующая из такой недоверчивости, как раз и создает то взаимодействие с миром, при котором любая его креатура (будь то произведение или бизнес-процесс) рассматривается в презумпции максимальной контролируемости и абсолютной защиты, требующей максимальной инструктивной рутинизации – с одной стороны, патентной защиты – с другой и коммерческой тайны – с третьей. Исторические примеры новейшего времени связанных с этой установкой последствий деятельности «организованных людей» достаточно известны на начало XXI века: патентный троллинг, индустрия «информационной безопасности» (растущая, заметим, одновременно со

средствами total control), а также методы оценки KPI, реализуемые в наибольшей степени (что самое забавное) именно там и в той степени, где и в какой степени проявлены управленческие иерархии. Стоит отметить, что во всех этих эффектах и феноменах никак не сквозит представление об имманентной сложности мира, самостийного его устройства и принципиальной невозможности его «полного» (тотального, монопольного) контроля со стороны каких бы то ни было групп, управителей или экспертов-экономистов (исторически возникших как раз для консультаций конкретно действующих фирм в мутной социальной воде).

Здесь же совсем отдельной от патентов, информзащиты и KPI с инструкциями, темой стоит вопрос об инфраструктуре как факторе управления, в отличие от распространенного вопроса об «управлении инфраструктурой»; чаще всего инфраструктура рассматривается как нечто, чем можно или нужно управлять, но не как нечто, составляющее реальность средств управления. А значит, это вопрос о том, что считать инфраструктурой, а значит – вопрос о том, что считать организованными и неорганизованными силами природы. Это важно, поскольку инфраструктуру вполне допустимо определить как осмысленную организацию деятельностной среды – прежде всего, пространства действия.

В неоэкономическом (как вполне себе классическом научно-академическом) представлении разница между такими силами тривиальна, и демонстрируется простыми примерами: организованное суть то, что неким образом приспособлено для более-менее регулярного использования с какими-либо целями человеком, таким образом, что этим самым человеком сочетаны между собой перемещающим преобразованием объекты природной среды. При этом не допускается принципиальная организованность этой среды до того, как человек целенаправленно приложил руку к ней, и то, что выходящий из естественного («природно-звериного») состояния человек до такого приложения не только может иметь с этой средой некие управленческие связи, но и планомерно выстраивать новые, причем таким образом, чтобы, используя всю сложность процессов окружающего мира, иметь минимальные затраты.

Конечно, для такого видения нужно иметь холистический и панвиталистический взгляд на мир (коим не обладает экономика в силу отмеченного выше исторического обстоятельства – подобно тому, как профессия юриста не предполагает способности создавать законы федерального уровня, ибо исключает отмеченное воображение из числа профессиональных качеств), предполагающий акцент на глобальном органическом присутствии человека в природе, но вне руссоистской дикарской презумпции; речь идет о, так сказать, сознательном и динамическом соприсутствием человека в природе. Разумеется, если таковое соприсутствие и реализуется хоть в какой-то степени, то лишь в модели «черного ящика» и, разумеется, здесь требуется выход на интуиции и разговоры, начатые в разные времена Аврелием, Вернадским и всеми теми, кто занимался «концепцией экстерналий». Сциллой и Харибдой, которых следует избегать здесь, при попытке такого выстраивания мира, будет как упомянутый руссоистский дикарь – с одной стороны, так и полная подконтрольность сверхсложного мироустройства – с другой.

Важно то, что подконтрольность, или осваиваемость, мира, весь период капиталистической эпохи создавалась по линии замещения естественной среды артефактами (в том числе имитациями) как раз в смысле той самой парадигмы соотношения организованных и неорганизованных природных сил; и, возможно, проблема вытеснения экономически оправданной искусственной жизнью естественной в дальнейшем будет занимать все большее внимание биоэтики.

О сверхрациональном в истории науки на примере работ К.Свасьяна

Небольшой комментарий к обстоятельной книге известного философа и науковеда, представляющий несколько замечаний о приводимых им исторических основаниях математического стандарта научности и некоторых важных персоналиях, высказанных в качестве рефлексии по свежим впечатлениям того, что запомнилось, с некоторой критической оценкой.

Сей автор интересен и масштабом охвата, и языком. Что до его истории европейской науки, то калейдоскоп стилистической вязи из содержательных и персональных аллюзий, столь неожиданный для тех, кто ожидает сухой "научности" изложения истории науки, вполне объясним. Почти сразу он

обозначает историческое разделение направлений ума на нус поэтикос и нус потетикус в пользу второго и в ущерб первому, а потому, восстанавливая эллинистический дух, объемность и смыслополагание адаптивно-познавательных возможностей человека, мастерски выявляя разного рода хитрые мимикрии под науку того, что было акциденциями да эффектами властных практик, он вполне закономерно и демонстративно использовал стилистику "потетикус", вскрывая глубинные, неоднозначные, рабочие пласты целостных процессов трансформации сознания, установок, упований и памяти, показывая, что процесс, широко известный нам как прогрессивное развитие науки (или же развитие прогрессивной науки, или же развитие научного прогресса) был во многом процессом институционального, равно как институционально формируемого, запустения возможностей познания (подобное, кстати, можно наблюдать в виде частного случая в тезисе О.В.Григорьева о том, что история экономической мысли, возникшая у физиократов и меркантилистов, и продолжившаяся в политэкономии и неоклассике, была историей не прогресса, а деградации).

Далее идет речь о приводимых им исторических основаниях математического стандарта научности и некоторых важных персоналиях, с некоторой критической оценкой. В своей книге[6] автор обстоятельно обосновывает понятие сверхрационального не просто как именно что оперативное понятие, а как целое поле такой оперативности, делая недвусмысленное указание на ценность "философии духа", противостоящее сразу двум, диалектически грызущимся между собой, направлениям – эмпиризму и рационализму (которые, как знает большинство интересующихся этой темой, как раз и составляли основу "классической эпохи", или "нового времени", между которыми располагался элегантный "подшипник" великого их примирителя Лейбница). Особо стоит отметить представление автора об исторической трансформации математики, приведшей к двум ее видам, определяемой по четырем основаниям. Во-первых, различие математики божественно-платонических качеств, на смену которой пришла выхолощенная математика количеств, замкнувшая на себя как на эрзац метафизики физику, отказавшуюся от собственных метафизических оснований. Во-вторых, различие способов образования

[6] К.А.Свасьян. Становление европейской науки. Ереван, 1990. 2-е изд.: Evidentis — М., 2002. ISBN 5-94610-009-2.

числа в зависимости от акцента доминирования математической операции (среди четырех базовых арифметических), связанное с представлением о целостном: сложения многих единиц, в отличие от деления одной единицы на многие. В-третьих, декартова центрация на алгебре "пустых чисел", которые лишь иллюстрируются фигурами в рамках аналитической геометрии, в отличие от обратной ситуации, когда содержательные числа эксплицируют фигуры, коими устроен мир (здесь уместно вспомнить мое любимое различие Пункаре «алгебраически» и «геометрически» ориентированных математиков). В-четвертых: различие «божественной», идеальной, теологической математики извечных сущностей, применимой к абстрактным штудиям, но не к реальному миру сущностей изменчивых и приходящих, аль-джабри – язык, на котором архангел Джабриил поведал Мохаммеду волю Всевышнего, и этой же, абстрактной, математики (однако же в большей степени гармонико-пифагорейской, ибо главный инструмент этого архангела – духовая труба), примененной к реальному миру, но в уплощенном виде, что, в итоге, позволило усилить массовостью нарождающуюся научную институциональность в калькулятивном безмыслии и оттеснить фигуру Парацельса фигурами Декарта и Ньютона. Впрочем, первые три из этих оснований, собственно, являются структурными для формирования того, что также известно как математический стандарт научности, тогда как четвертый – скорее, антропософским, связанным с тем, на что Свасьян указывал как на развитие либо атрофию «органа духа». Впрочем, четвертое основание, скорее, относится к математике в «арабской глазури» периода христианской Европы, ибо эллинистическая математичность все же оперировала неразделенными воплощениями божественных эйдосов в предметной практике.

Важно, что эта, декартова, инверсия математики, является, в известном смысле, замком к декартовой же физике, воспринятой и преизрядно разработанной Теслой, но запрещенной Максвеллом в смысле картезианских определений движения (в силу чего многие тесловские открытия и пояснения так до сих пор и остались непонятыми). Эта же инверсия одновременно является водоразделом внежизненной (или безжизненной) количественной исчислимости мира – с одной стороны, и биологического (и даже панвиталистического) оперирования объектами

природы в едином поле общенаучного понимания, идущего от науки (геометрических) форм, как первичной самоданности и организованности природы, а не науки формул – с другой стороны. И здесь уже возникают сразу две, интересующие меня, фигуры: Р.Фуллер и В.Шаубергер. Именно благодаря их усилиям сознание значительной части всемирного научного комьюнити было обращено от формул к формам, причем грандиозность этого сдвига оказалась как бы незаметной, теневой, в силу того, что пришелся он как раз на середину XX века – наивысшую точку институциональной научной клерикальности эпохи НТП. Эти двое, каждый – по-своему, значительно постарались для того, чтобы соединить биологическое с общеструктурным, вызывая к жизни интуиции, волновавшие Кеплера и Пифагора, если не кого еще раньше.

Здесь примечательно, что Свасьян говорит в конце книги по поводу того, как акцентированная на тяжести и гравитации механистическая наука выключила из поля возможных объяснений феномен биологического роста. Ну да, только вот полукельт-полудруид, лесничий Шаубергер в этом вопросе совершенно не осторожничал (в 1-й трети XX века), прямо указывая на взаимодополнимость «гравитативных» и «левитативных» сил в природе, и ключевую роль последних в процессах роста растений (и почем зря тролля Ньютона насчет того, что тот вместо вопроса о том, почему упало яблоко, лучше задался бы вопросом о том, почему в том месте, где он сидел, выросло дерево, на котором, в свою очередь, выросло яблоко, позже упавшее). Едва ли, делая столь прозрачный в своей теме (для знающих) пассаж насчет неучтенности «биологоразмерного» роста механикой, Свасьян не подразумевал этого «альтернативщика» – хотя бы потому, что вся его книга фактически посвящена возможностям научных альтернатив. Однако здесь возможно разное, и точно судить не берусь. Равным образом, говоря еще чуть дальше в конце и еще пространнее о субъект-объектной инверсии, он не говорит о ней как о парадигме и не упоминает Хайдеггера; впрочем, здесь такое неупоминание, наверное, простительно, поскольку все же он ведет речь скорее об истории европейской науки, а не о философии. Как бы то ни было, подобные неупоминания столь же яркие и говорящие, как неупоминания Стаффордом Биром Фуллера при разговоре о team syntegrity. Либо даже персона такого масштаба боялась навлечь на себя гнев

истеблишмента (даже в период своего широкого признания Фуллер многими не воспринимался всерьез), либо попросту не имела нужды в банальной отсылке на общеизвестный первоисточник понятий, легко узнаваемых многими, находящимися в общем нарративном поле. Также не берусь однозначно судить об этом.

Среди персоналий, обозначенных Свасьяном, обратила на себя мое внимание фигура Гогенштауфена-Барбароссы – пожалуй, первая значимая энциклопедическая фигура высшего общественного уровня в постантичном мире после Марка-философа (панвиталиста, кстати). Важно, что отмеченная Свасьяном странность появления Гогенштауфена как организатора общественного и научного процесса (подобно постоянно отмечаемой О.Григорьевым странной череды «случайных закономерностей» возникновения европейского капитализма, или до сих пор не проясненного «окна стабильности» в бифуркационной паутине общественных процессов) была тесно связана с арабским влиянием поливерсального эллинистического следа, в этом своем, арабском, отпечатке начавшего приобретать черты обезличенно-институциональной научной просвещенности. Гогенштауфен – нечто большее, чем великий царь-токарь Петр, живший уже в эпоху «науки умственного запустения», когда Лейбниц, приложивший руку к созданию корня нынешней Российской Акажемии Наук, осуществлял, по Свасьяну, духовный подвиг сошествия во ад новоевропейского рационализма, преобразуя его изнутри. То, с чем полемизировал европейский император своей ученостью, была все же более объемная и содержательная ученость восточно-арабической имперскости (хоть и содержавшей в себе зачатки выхолащивания), тогда как то, на что равнялся российский император в своих ученых уподоблениях – уплощенная и второпорядковая, нарождающаяся капиталистическая ученость эпохи НТП, возникшая в системе европейской недоимперскости.

К формуле вечного мира

Конкуренция (что малых стран за инвестиции и рынки стран развитых, что последних – за сырье и рынки же первых, что отдельных людей между собой, выстраивающих иерархии и реализующих так называемый «инстинкт доминирования») есть состояние (модус, режим) взаимоотношения между людьми, инициируемое и потенцируемое на основе подражания (равно как

в случае с приверженностью к доверяемой валюте), а потому в этом своем качестве и формируемое как главная ценностная установка натурального, но не организованного, человека, в пределе этого состояния ведущего войну и создающего средства войны, самооправдываемое в своей естественности и постулируемое как целевое к достижению «по природе». Организованный же человек, в своей профессиональной приверженности, также есть агент беспристрастного созидания средств конкурентного доминирования и войны, пользоваться которыми он мотивирует "людей естественных" в массовом порядке, в этом же порядке вменяя им войну как первейший и главный момент внешней и само- организованности, возвышающий их над ними самими и придающий их жизни смысл весомости.

Здесь, однако, смешиваются два основания первичности в смысле Дунса Скота: первичность по времени с первичностью утилитарной («для человека»), что ведет к искаженному пониманию «первичности сути», особенно там, где предполагается понимание сути человека. Если таковой сутью (вполне справедливо) указывать цель, то в качестве таковой цели провозглашается конкуренция и творение ее средств, включая предельные (безотносительно к тому, что это может быть частный вид творения); последние же, в своей рабочей функции, есть средства разрушения и смерти, в своей знаковой функции – их символы. В чистом виде, какими бы совершенными ни были эти средства (даже если они возможны в качестве производственных инструментов – подобно топору или взрывчатке), они есть средства удовлетворения животного инстинкта.

Но есть и другой тип, о котором писано мной, да и не только – «человек трансцендентальный», или «гельветический». Это человек не открытый (подобно естественному), но открывающийся, не поддающийся чувствам или отказывающийся от них, но управляющий ими; вернее, он управляет самой своей открытостью, которая, помимо эмоциональной, также предполагает рациональную и сенсорную размерности. А поскольку такая открытость есть «выход за…» – выход в сверхрациональное и экстрасенсорное. Он возникает из организованного человека, превосходящего себя в этой антропологической фазе, возвращаясь к открытости, но не скатываясь до натурального состояния. Ему потребны иные люди, также готовые к открытости и восприятию иного, а потому здесь нет места конкуренции, но

есть место кооперации, как реальному мотиву деятельности и главной ценностной установке; но, пожалуй, самое важное – как непревзойденному источнику порождения смыслов. Организованный человек уже содержит потенциал трансцендентального, поскольку сама открытость к выбранному типу сигналов внешнего мира, «своему делу», содержит потенциал ее развертывания в сложность отдельного мира, имеющую пределом востребованность иного – именно в этом адаптивная суть смены профессии, а не в конкурентной замене более дешевым и качественным, но созданным в условиях профессионального и личностного лизиса массового человеческого существа. Гельветический человек приветствует разделение труда, но исключает такой лизис. И, кстати, поэтому же презумпция производящей машины в условиях более дорогих и компетентных работников может не быть однозначно связанной с отказом от более дешевых и менее компетентных, заменяемо занятых в производственном человейнике. Есть ли рационально постигаемая грань между натуральной средой и самовоспроизводимыми жизнеспособными артефактами? Новое (или, может, хорошо забытое старое) производство способно играть полутонами палитры производственного мультипликатора, эффекта масштаба и скорости прохода в гибких и рационально выстраиваемых практиках социальной инженерии.

Именно поэтому открывающийся природе, людям и даже «надприродному» трансцендентальный человек, выходящий за рамки данной рациональности в ее «сверхстадию» – творец, придирчиво ищущий других творцов, либо прикладывающий усилия к формированию таких вокруг себя. Конечно, это происходит по принципу «много званых, да мало избранных», однако он заведомо предполагает, что каждому открыта творческая избранность.

И, конечно, он способен к творению оружия, которое может быть куда более оригинальным, простым и совершенным, чем то, что используется естественным человеком и создается организованным – оружие иных древних превосходило то, что мы считаем вершиной индустриального производства. Оно есть лишь частный инструмент разрушения, и открытый человек относится к нему как к частному, хотя и предельному, коммуникативному средству, которое в ином своем виде, будучи организацией природных сил, способно выступать в инструментальной

ипостаси (как нож или топор, способные быть не только оружием, или подводная лодка, способная обогреть своим реактором замерзающий город); поскольку он оказывается способен заниматься тем, что представляет куда больший интерес в смысле системной сложности, функциональности и целеполагания, чем оружие.

Здесь уместно задаться вопросом о том, применимо ли понятие разделения труда непосредственно к торговой деятельности в качестве смысла последней. Смыслом торговли традиционно является конкуренция, или осуществление принципа "воевать или торговать" как главной жизненной альтернативы свободного человека, представляющего собой своего рода "экономический закон исключенного третьего". Там, где он не действует, экономика как наука исключает свое существование как деятельностная практика; там же, где действует – предполагает существование человека в качестве достойного либо в торговом, либо в военном, режимах, и в макросоциальном плане устройства второго представляет собой то или примерно то, о чем идет речь в четвертой книге "Исследования..." Адама Смита (для случая капитализма). То есть существование человека в форматах агрессии, или трофических цепочек, либо в формате коммуникативного обмена, осуществляемого... опять же, в формате таких цепочек, поскольку в основе торговой коммуникации так или иначе оказывается экспансия, ограничиваемая от монопольного состояния, опять же, только конкуренцией, абсолютным выразителем которой оказывается государство – "стационарный бандит", осуществляющий это ограничение, в конечном итоге, гарантией применения технологий weponry. И здесь, в свою очередь, возникает то соображение, что именно эти технологии производства и использования оружия предстают собой более глубокий уровень инфраструктуры, нежели деньги, оказываясь также специфическим способом коммуникации с другими людьми и миром, основанным на принципе разделения и хаотизации структур и связей; точнее, поводом для коммуникации на принципе угрозы и своеобразным (если не ключевым) средством "антикоммуникации". К оружию прибегают, когда общение на языке, сублимирующемся и, одновременно, редуцирующимся, до языка денег, исчерпывается или вырождается – например, в случае обнаруженного денежного обмана. И тогда общение переходит в свое инобытие с

использованием оружия, в макросоциальном плане отчуждаемого себе в качестве права государством, становящимся миротворящим арбитром до тех пор, пока оно сильно, но никак не менее склонным к произволу и обману в интересах образующих его элит. Разрешение этой каверзы социальной органики имеет отношение ко всему тому, о чем шла речь выше и идет речь далее насчет естественности права собственности на оружие как сущностного критерия гражданственности, составляющих часть политической и проектной антропологии, допускающей жизнь в свободе и творчестве.

Иррациональное начало экономического поведения и расширительное понимание абдуктивного мышления

В своей книге "Spiritus animalis " Дж.Акерлоф и Р.Шиллер говорят про важность иррационального начала, апеллируя к Дж.М.Кейнсу, но не рассматривают антропологические источники экономического рационализма – в их книге ни разу не упоминается М.Вебер. Они говорят про важность иррациональных мотивации и поведения как факторов экономических процессов, но не рассматривают ни иррациональное относительно вопроса о «постиндустриальных» возможностях организованного человека, ни, тем более, сверхрациональное (и, соответственно, возможностей сверхрационального человека) как системный социоприродный феномен, для сознательной работы с которым требуется особая эпистема (о чем пытаюсь вести речь я). Между тем, их книга ценна как раз примерами того, как проявляющий иррациональное поведение человек (в моей, григорьевской и веберовской терминологиях – натуральный) вновь становится доминирующим субъектом денежного обращения, и как вокруг такого человека и эффектов иррационального, сиречь естественного, сиречь доверчивого, или преимущественно потребительского, поведения формируются специфические рынки вроде пресловутого рынка потребкредитования голытьбы – как (параллельно рассуждая в понятиях уже таких авторов, как Истерли и Григорьев) попытки банковско-инвестиционным способом напрямую решать проблемы бедности. Причем попытки, предпринятой в рамках наиболее богатой страны – США, а не какой-нибудь «третьей»; видимо, апеллируя к тому соображению, что подъем уровня жизни бедноты в большом экономическом контуре с

высоким уровнем разделения труда на волне роста способен обеспечить эффект некоего стартера и стимулятора внутристрановой производительности, одновременно снижая значимость фактора социальной напряженности, с расчетом на то, что общим многолетним результатом практики перекредитования будет качественный скачок в приросте общественного блага, дающий, в конечном итоге, бедноте возможность либо отдать кредит, либо безболезненно его списать за счет разного рода мультипликативных эффектов. Так или иначе, но приведенные авторами примеры с ипотечными закладными, получавшими высшие оценки рейтинговых компаний, говорят как раз о таких эффектах иррационального поведения, свидетельствуя о «голландской болезни», только работающей на уровне не конечных потребителей – физлиц, а крупнейших финансовых учреждений; иначе говоря, свидетельствуя о той парадоксальной ситуации, что именно финансовые учреждения, инвесторы, мотивируясь иррациональным концептуальным «софтом», не только не знали четко, на что направить денежный инструмент – что простительно для несведущего в коммерции «массового голландца», но и того, какой цели в итоге они стремятся достичь – что, впрочем, объяснимо для коммерческого крупняка, самоцельно отторговывающего деньги текущей прибыли. Между тем, именно за рамки презумпции «текущей прибыли» и есть выход в позицию «взгляда со стороны», формирующего сначала организованного человека, или «человека дела», а затем – трансцендентального человека, или «человека сверхзадачи», использующего доступные ему инструменты управления (включая деньги) для реализации проектов, далеко выходящих за рамки его экзистенциальной данности. Однако экономика, на протяжении едва ли не всей ее 300-летней истории как позитивной науки, есть как раз наука именно что конъюнктурного поведения в рамках такой данности – даже в случаях, когда она имеет дело с более-менее долгосрочными ожиданиями и прогнозами: так или иначе, но она, действительно, едва ли не всегда стремилась дать рациональное объяснение иррационально выглядящей, ибо не отслеживаемой и не управляемой полностью, а потому пугающей, экономической действительности, а если и давала (кстати, почти сразу с момента своего возникновения – с привлечением категории массового иррационального актора), то задавала ту самую позицию презрения самоограничивающегося (а потому и богоугодного) торговца к

доверчивым дурачкам, что, в порыве неосознанного подражания преимущественно ложным ценностям имеют лишь право на то, чтобы быть потребителями как можно более дешево произведенной продукции, и главную обязанность – быть как можно большими числом. Ситуация, когда потребитель доверяет и приобретает торгуемое, имея трансцендентальные сверхзадачи, есть, в конечном итоге, вопрос проектного конструирования коммуникаций, и в рамках экономики рассматривается преимущественно либо как ситуация внеэкономическая, либо как ситуация «нишевого рынка» (где заправляют сверхкомпетентные и сверхспециализированные в рамках имеющейся СРТ), либо, в конечном счете, редуцируется до рационального поведения в смитовско-маржиналистском смысле. Однако ситуации, в которой некий потребитель выступает в качестве проектанта собственной жизни, последовательного формируя свою жизнь как проект в рамках специфической системы воспитания (уже не чисто «протестантской»), предъявляя спрос на большие (соответствующие этому проекту) или меньшие (носящие «сервисный» относительно этого проекта характер) блага, в современной экономике, судя по всему, нет. Даже григорьевский человек-проектировщик, по сути, есть автор проекта, составляющего содержание его жизни, но сама по себе жизнь как проект не рассматривается. Эту непростую тему я поднимал раньше – в контексте вопроса о том, должна ли проектно мыслимая профессия мыслиться как дело жизни[7]. Здесь же речь идет о том, что сама жизнь человека не может быть тождественной профессии как чему-то частному и всегда извне требуемому системой разделения труда (хотя и может, конечно, стать «делом всей жизни»), но вполне себе мыслима и создаваема как проект, имеющий частные профессиональные и проектные содержания; именно таковую «жизнь-как-проект» являет нам пример Р.Б.Фуллера, с той «маленькой» особенностью, что Фуллер не только не был экономистом, но был *системно внефинансовым* человеком, сочетая это со способностью сознательно и проектно создавать в высшей степени ресурсно экономичные артефакты.

Впрочем, весь этот разговор, начавшись сугубо антропологическим, а потому во многом инновационным, акцентом Акерлофа и Шиллера на

[7] См. раздел "Научный и профессиональный статус проектной деятельности" в книге "Возможность управления...".

иррациональном, знаменует собой еще один сдвиг антропологического акцента – теперь уже с вопроса иррационального фактора на вопрос о воспитании (безусловно, с «младых ногтей») человека, способного рассматривать собственную жизнь как проект, в котором возможна профессиональная деятельность как инструментальная.

В этом смысле встает вопрос о том, насколько категория воспитания должна быть увязана с категорией традиции, то есть насколько система вводных понятий, акцентов и приверженностей способна соответствовать принципу свободной их ревизии личностью в презумпции осознанного выбора. Вопрос, конечно, давний, и неоднократно поднимавшийся в иных понятиях, пожалуй, весьма многими авторами. Здесь же он поднимается в рамках социальной инженерии гуманистического толка (или, если угодно, в рамках попытки целостного подхода к построению социально-антропологического знания на основе "клинического стандарта научности", предлагаемого на смену математическому). Это означает постановку вопроса о способности «вновь организованного» человека к оперированию собственными мифопоэтическими и архетипическими установками (разумеется, включая категорию «святого» как исходно-эмпирического) на основе взвешенных решений – иначе говоря, его способность к осознанному самопрограммированию и перепрограммированию помимо того, что в некоторых нишах социологической науки именуется «социальным аттрактором». Одновременно это означает конструктивный и конкретный вопрос о трансцендентальном человеке, о его способности сопоставлять или сталкивать друг с другом эти разнородные архетипы, мифы и конституции, то есть быть творцом в условиях неопределенности. А потому нужно дать предварительный набросок способа работы с такими вводными понятиями, в ходе которой иррациональное, и происходящее от него аффективное, основания человеческого поведения, будет «оборено» признанием и опредмеченностью неопределенного, неизвестного и недостаточного как активного. В этом также нет ничего особо нового или аксюморичного, поскольку, как свидетельствует изучение вопросов содержательной логики (которая уже есть металогика), «не-объект есть объект».

Для того, чтобы входить в некую новую тему, желательно давать некие общие предпосылки понимания, выводящие на новое из неких точек

старого, уже известного или очевидно присущего, но не осознаваемого актуально. Так, для того, чтобы ввести новичка в практику рукопашного боя и техники ударов (для большинства европейских школ и стилей), желательно представить ему умозрительную схему биомеханики тела, согласно которой все удары идут от плечей и бедер (а не от самих точек касания с поверхностью цели), распространяясь по идущим от них конечностям, анатомически представляющим собой затухающие к кистям и стопам спирали, а потому удар и должен быть поставлен относительно этой геометрии, дабы получился идеально хлещущим – что рукой, что ногой. Также желательно дать представление об отличии удара от толчка (по основанию разницы момента импульса и момента движения), и о том, что и плечевой, и тазобедренный, пояса, представляют собой триангулярные структуры, обращенные вершиной вниз, расположенные на единой шарнирной системе позвоночника, линейно структурированной лордозами и кифозами в волну и работающей не только, в случае большинства ударов, как торсион, для чего весьма важны упражнения на поперечное скручивание, но и во всех направлениях относительно своей оси, что важно для уклонения от встречных ударов и для чего важны упражнения с наклонами. Имея такую, неизменно модельную, схему тела, можно обнаружить, что она годна и для освоения иных практик физической культуры, как то плавания, бега, ходьбы на лыжах или стрельбы из лука.

Другой пример – из области общественных наук. Для объяснения неоэкономической теории Олега Григорьева человеку, не имеющему вообще никаких экономических представлений, спустя несколько лет после обстоятельного ее изучения видится целесообразным дать предварительный набор понятий бухгалтерского учета, носящих сугубо ремесленный характер, в своем прикладном использовании не имеющих прямой привязки к научным гипотезам насчет экономических процессов, но представляющих относительно них некий инструментальный инвариант: дебета и кредита, активного и пассивного счетов (как счетов вкладчика и объекта вложений), положительного и отрицательного балансов, могущих быть торговыми и платежными, (а также собственно сугубо бухгалтерского понятия баланса), обретающих свой конечный смысл в категориях богатства и бедности. Взрыхлив этими понятиями почву сознания (даже слегка), от них легче

переходить к идеям взаимодействия воспроизводственных контуров, разнице уровней и типов разделения труда, природам потребительского и финансового использования одних и тех же денег, а также к отличию неоэкономического теоретического подхода от прочих в истории экономической мысли, где понятие экономического баланса есть нечто иное, нежели понятие баланса бухгалтерского, и дисбаланса как категории фактора экономического развития, имеющего кибернетический аспект (отсутствующий в бухгалтерском учете).

Методологически базовые определения, как некий предварительный алфавит, желательны до объяснения реальности, в которой они оказываются частью верифицируемых описаний процессов; при этом для первого случая верификация связана с травмоопасностью, тогда как для второго – с ожидаемостью и прогнозируемостью изменений экономической действительности. Так что система предварительных понятий пуста без практики, но практика без них слепа – во всяком случае, освоение теории как средства описания реальных процессов, либо техники движений, связано с существенными затруднениями.

Подобно этим примерам, позволю себе предположить, что и деньги также являются введением в систему обменно-производственных социальных коммуникаций, однако отдельные социумы и их представители остаются на уровне чистого алфавита и его игр, не применяя в полной мере его возможности – причем как с торгово-финансовой, так и чисто производственно-потребительской, сторон. То же применение денег, что они считают полным, в сущности является лишь кажимостью, ибо не отвечает возможностям жизнеспособной адаптации в социоприродной среде на планетарном макроуровне, которого в конечном, историческом, итоге, достигает их система жизни. Они вообще едва ли мыслят этот мир социальных взаимодействий с точки зрения каких-либо определений жизни. Что касается моего собственного определения этого феномена, то оно соответствует содержанию более ранних вещей на эту тему, и на данный момент довольно просто: суть того, что мы называем жизнью, состоит в сочетании гомеостатического поведения с алгедоническим, но не по отдельности каждого из них (ибо так они есть лишь частные, и давно известные, проявления жизни), при этом здоровая форма осуществления

такого поведения – игровая, то есть ограниченно, или управляемо, конкурентная. То есть жизнь – это алгедонический гомеостаз с коммуникативными экспериментами как оптимальными шоками неравновесия. Эти семантические координаты представляют собой аналог компьютерного BIUS – базовой программы, запускающей нечто более сложное; пространство исходных аргументов, предлагаемых к общему принятию. И, конечно, основу системы нарративов. А также подобные «координаты» есть первое, относительно чего нужно рассматривать различные нарративы для связи их друг с другом. Я мог бы их назвать локальными, или рабочими, архетипами, играющими роль «реперных точек» роста семантической сети[8].

В этом случае, однако, я придерживаюсь того же мнения, что и относительно исследования медиатекстов (чем я занимался еще ранее и отдельно): здесь нужна своя система предметных различий, и филологическое рассмотрение не может быть исключительным или отправным. Однако, собственно нарратология должна быть учтена, и в первую очередь здесь важно упомянуть, в контексте моих штудий, не столько даже соображения программного автора-нарратолога вроде Вольфа Шмита, сколько семиолога Ч.С.Пирса: в рамках диалоговой модели задачей построения теории оказывается выявление мест невыявленных, несозданных, необозначенных или неакцентированных, или потребных, нарративов, как дискурсивных (денотативно ситуационных) секвенций, отсутствующих в системе рассуждений. В этом смысле абдуктивный метод получает толкование, выходящее за рамки энтимем и силлогистических фигур в более широкое поле языковой действительности – на уровень информационных лакун в системе семантической сети (или, собственно, в системе культуры в тартусско-московском смысле), каким бы своим видом последняя ни была представлена. Понятая таким образом абдукция оказывается методологическим направлением, способным сочетать натуальноязыковую практику строгой познавательной деятельности с методологией построения теорий постпозитивистского толка. Но здесь, опять же, нарративы

[8] Такое определение близко талебову понятию "эффекта штанги", но не тождественно ему – хотя бы потому, что использует куда более давние и устоявшиеся понятия, а также – потому, что исходит из ценности сочетания сбалансированного и дисбаланса, нежели собственно "неуязвимого" и "антихрупкого".

предлагается понимать скорее в смысле содержательной логики, нежели структурализма филологических экземпляров.

Все это также ведет к вопросу об информационных лакунах на уровне «локальных архетипов». Постепенно восполняя последние отсутствующим, мы получаем нарратив мифа, вполне интерпретируемого в терминах классического структурализма, в котором проектная и прогностическая составляющие существуют нераздельно. Между тем, такого рода лакуны способны образовываться лишь при возникновении межпредметного взаимодействия. Собственно, абдукция (более-менее широко понимаемая) и есть призма мышления, в рамках которой операционализируется сверхрациональное.

Способность создавать системы вводных понятий (которые уже есть системы доминант в их доминирующих же связях) как раз представляет собой способность к самопроектированию жизни, возникающую в ответ на недостаток некоего основания или схематизма; проблема в том, что, будучи изначально созданными или понятыми как работающая модель, они начинают использоваться как рекурсия, и задачей практика оказывается способность насвежо их осознать. В этом есть определенная проблема, связанная с тем, что для этого требуется соотнесение не только с целью, но и с конкретикой срока жизни; отсутствие ощущения такой срочности препятствует проектному мышлению.

Мы говорим «в жизни есть место для того-то» – для красоты, неприятных разговоров, гигиены, заработка, развлечений и ожидания, сна и прочего; но мы не имеем при этом в виду, сколько именно всего этого и как именно все это между собою связано, и в какой последовательности, либо говоря про невозможность все высчитать (и критикуя при этом маржиналистов), либо отдавая этот вопрос на откуп пословиц, посторонних лиц, чьим мнением мы дорожим, или еще более общей и внешней социальной динамике – продуктом которой, кстати, являются пословицы и поговорки. Среди них, однако, есть максима, дающая стратегический акцент в данной ситуации: «живи так, будто это твой последний день, ради вещей, для которых нужна вечность».

В этом смысле вспоминаются слова М.Хайдеггера о необходимости «*…экзистенциальной интерпретации совести, долга и смерти*»[9], что прекрасно ложатся на слова Акерлофа и Шиллера о том, что «*экономический цикл зависит от того, как меняется отношение к необходимости вести себя порядочно и сколько людей ведут себя недобросовестно. Это, в свою очередь, влияет на условия для подобной деятельности*». И на мою концепцию денег как регалий относительной власти, которые до средства платежа (о котором говорят авторы, акцентируясь, однако, на них как на средстве измерения) есть средства кредита, который этимологически и аналитически уже есть измеряемый кредит доверия, иначе говоря – осмысленности инвестиций (для которых увеличение прибыли через расширенное воспроизводство имеет осмысленность лишь в качестве промежуточной цели). А значит, уже всегда есть инструмент власти, работающий через посредство не насилия, но делегирования. Однако недобросовестность они, прежде всего, связывают с отношением к наказанию, а не с ростом возможностей продаж и снижением общесоциальной «доверчивости». Но и тезис о том, что «*крупные карательные акции государства в борьбе с экономическими преступлениями постепенно забываются. В периоды пышного расцвета таких злоупотреблений многим кажется, что им все легко сойдет с рук… До определенной степени люди поступаются своими принципами, руководствуясь рациональными соображениями*» также не стоит сбрасывать со счетов – все-таки здесь разговор ведется в рамках алгедонической концепции жизни, где немаловажную роль играет деонтическая логика. Стоит лишь напомнить, в рамках предыдущего моего рассмотрения основных сфер управления, что именно сверхрациональная благодать стала в свое время основанием полемики с фарисеями в модусе «вам сказано, а я вам говорю…» и, соответственно, основанием формирования христианского сознания. Особо стоит отметить выражения, в которых они описывают «социальный аттрактор» – в понятии «социального осмоса» Р.Саха и их собственного понятия «мультипликатора доверия», который, в свою очередь, в понятиях Орлеана и Аглиетты, вполне может быть интерпретирован в категории «миметической способности», однако уже примененной к этическому феномену, хотя и находящемуся в пределах

[9] «Кант и проблемы метафизики», перевод О.В.Никифорова.

торгово-финансовой логики, при этом выходящему за ее рамки в иные социальные страты; авторы «теории экономической иррациональности» об этом говорят прямо.

Спекуляция о парадоксах

Вероятно, устранение бардака в отдельно взятых головах нынешнего времени способно устранить бардак «снаружи», однако есть и вещи, определяющие саму возможность такого «бардака» и хаотизации человеческого сознания, способного быть демиургическим. Именно такой вещью, вернее, когнитивным обстоятельством, и оказывается парадокс.

Разумеется, более актуальной проблемой, во всяком случае, для России, как и для мира в целом, конечно, является проблема тотального воровства (как весьма частной разновидности стяжательной ценности), однако у меня все больше складывается впечатление, что даже эта проблема, как бы ее ни записывали в основу человеческих качеств, есть следствие непонимания какой-то еще более важной проблемы, лежащей в системной основе окружающего мира и его восприятия. И если с воровством История, так или иначе, разберется посредством его величества Баланса, будь то баланс природный или политэкономический, то с парадоксом дело обстоит несколько сложнее, ибо он представляет собой некую, системную же, неотъемлемость, отрицающую системно же неотъемлемый, баланс. Похоже, баланс и парадокс образуют собой, так сказать, категориальную пару, определяющую режим существования любой системности. Однако поскольку баланс операционализировался преимущественно как экономическая и кибернетическая категория, а парадокс – как преимущественно философская, остановлюсь на последнем, ибо его системный характер в экономике и управлении, по-видимому, становится все более актуальным, хотя, наверное, и не очень явным.

Парадокс, как возможность и как феномен, является наиболее сложной интеллектуальной проблемой (по крайней мере, человека) и, в конечном итоге, если быть до конца интеллектуально честным с самим собой, знаменует предел человеческого мышления: потому-то философствуют многие, но философом оказывается не каждый. Для того, чтобы признать парадоксальность так называемых «последних оснований», нужно иметь

особую отвагу, смелость. Недостаточно просто доказать существование парадокса, или парадоксальности чего-нибудь; знание и воспроизведение речевой конструкции, представляющей такое доказательство и выдаваемой как заклинание, еще не дает видения действительности в аспекте парадокса. В действительности человеческого бытия существует градация степеней убежденности, помимо элементарных «верю – не верю». Отвага признания парадоксальности действительности заключается в попытке видеть действительность таковой и в попытке руководствоваться этим способом видения в жизни, то есть жить со знанием о реальности парадоксального, с, так сказать, позитивным знанием о нем.

Парадоксалистами были софисты, подвергшиеся критике сократиками, ими же были исследовавшие онтологический фундамент противоречивости элеаты, парадоксалистом был Кант со своими паралогизмами, а также те, кто сформулировал радикальный ответ философствующей личности на принципиальную парадоксальность бытия – сводившие счеты с жизнью стоики и, судя по всему, наследовавший им экзистенциалист Камю со своим вопросом «стоит ли жить». Есть нечто принципиально трудное для умопостижения, правильная выводимость чего-то и отрицания этого чего-то, что требует одновременного признания, и единственным выходом оказывается признание фундаментальной дуальности бытия, что, однако, рушит представление об универсуме как единой не-дуальности, используемой в качестве основной логической категории. Как сказал Фуллер, “*Universe Divisible by Two: Everything in Universe is divisible by two. There will always be two poles to any system. Unity is two*”[10]. Но тогда меняется и самое логика, поскольку в любой модельной структуре <U,I> должна быть допущена и учтена эта полярность. Впрочем, не так уж это и ново: понятие «поливерсума» становится в ходу в современной физике, а базовые логические отношения составляет пара совместимости и следования.

Следует отличать основные вопросы философии от основных проблем философии. Если верить словам Декарта о том, что в вопросе уже содержится часть ответа, и надо лишь хорошо задать вопрос, чтобы получить его значительную часть, то основные вопросы философии, в зависимости от способа их задавания, уже предполагают и способ отвечания на них;

[10] R.B.Fuller, “Synergetics-1”: 537.08, "Twelve Universal Degrees of Freedom".

философия, не предполагающая невысказанной онтологии, пусть даже сама эта онтология и является предметом вопрошания, а также – вопрошания или попытки ответа на вопрос о постижимости бытия, то есть возможности онтологии, не может считаться европейской в строгом смысле слова. Другое дело – проблемы философии. О них я говорил в других местах, в частности – о том, что они могут быть выявлены через временную ретроспекцию в качестве регулярно воспроизводящихся прецедентов истории мысли, поэтому здесь просто их обозначу. Это:

- проблема постижимости движения («проблема движения-покоя») – основная онтологическая проблема софистики, заостренная Зеноном, просуществовавшая в том ли ином виде вплоть до корпускулярно-волнового дуализма и структурализма; образующая эту проблему пара категорий образует собой полюса универсума механики как предметной основы классической физики; здесь здорово может помочь парадигма фуллеровой синергетики с ее представлениями об энергии и программой возвращения метафизики в позитивную науку;

- проблема языка, касающаяся, прежде всего, приоритетных целей его использования, которую можно назвать проблемой философии и риторики, статуса их как профессий, рассматривающих язык либо как средство и способ отыскания и прояснения истины, либо как средство и способ управления и манипуляций его носителями; на начало XXI века эта тема наиболее актуальна, поскольку, по мнению некоторых, весьма прозорливых, авторов-мирсистемников, после индустрий производства вещей и научно-технического прогресса будут властвовать специфические индустрии пропаганды и производства сознания (что, на мой взгляд, должно обострить конфликтность данной проблемы по мере распространения этих индустрий и эскалации кризиса мироустройства);

- проблема универсалий, обозначенная еще Платоном и Аристотелем, и наиболее мощно развитая и разработанная в системе схоластической средневековой учености, определившей высшие формы абстрактного умозрительного оперирования в известной исторической ретроспективе, открытой более-менее целостному постижению; проблема эта касается непосредственно основ научного мышления и научной методологии,

реализуемой в рамках парадигмы научно-технического прогресса, и реконфигурация представлений об общем и единичном, частном и целом, конкретном и абстрактном здесь будет способствовать сдвигам общенаучных методологических стандартов.

Эти три проблемы можно было бы назвать полями апорийности, мотивирующими (рискну сказать, всякую) философскую интенцию. Разумеется, сказанное вовсе не отрицает определение философии как любви (и науки такой любви) к свободе-мудрости, и следующие возможности вопрошания гносеологии и онтологии о познаваемости мира и первичности. Отмеченные проблемные области характеризуются той особенностью, что рассмотрение каждой из них, так или иначе, приводит к необходимости рассмотрения остальных, а значит, они обладают системностью и целостностью. Далее – вопрос: обладают ли они такой же целостностью и системностью в денотативном смысле? Несмотря на кажущуюся очевидность положительного ответа на этот вопрос, представляется основательным все же остановиться на нем подробнее и прибегнуть к эмпирическому рассмотрению его существа.

Лично я считаю, что, собственно, в философии ключевым достижением является именно формулировка парадокса, будь он выражен формальным или содержательным образом. Парадокс задает проблемный момент, вокруг которого образуется поле смыслов, где формируются парадигмы и эпистемические установки. Доминирование парадокса как фундаментальной апории определяет направление познавательного интереса, загадку, вокруг которой обозначаются все другие загадки, разрешаемые в технологическом или рабочем порядке.

С парадоксом, особенно если он выражен не формально-логически, а содержательно, бывает довольно трудно согласиться – прежде всего, потому, что ум отказывается признавать необходимость противоречия, ведь противоречие, или абсурд, есть нечто недопустимое в рамках правилосообразного рассудка, а процедура адаптации в виде поиска альтернативной, и притом работоспособной, системы правил, довольно затратна и даже болезненна. Но, если признавать единство фундаментальной дуальности бытия, то экзистенциально проблема

парадокса выглядит не так уж и страшно. Собственно, сами попытки его обойти уже содержат начало верификации и научного поиска в его первозданной форме.

В староглиняные времена, где-то в 1990-е, мной замечены и сформулированы три парадокса, которые я позволю себе здесь привести.

1. Парадокс закона обратного отношения между объемом и содержанием понятий (близкий к теоретико-множественному парадоксу Рассела).

Если мощность множества предметов, составляющих объем некоторого понятия “X”, является максимальной в теоретико-множественном смысле (то есть если это, в пределе, бесконечно-бессчетное множество), то содержание этого понятия является наименее информативным, то есть наиболее энтропийным. Это значит, что содержание такого понятия соответствует состоянию максимального понятийного хаоса (хаоса понимания); максимально хаотичное содержание понятия есть абсолютно хаотичное содержание, которое тождественно содержанию понятия абсолютного хаоса. Однако понятие абсолютного хаоса является информативным, ибо исключает содержания многих других понятий. Получается парадокс, разрешаемый введением иерархии типов, то есть полаганием нетождественности отмеченных выше содержаний или нетождественности понятий максимального и абсолютного хаоса. Этот парадокс, как и многие другие, латентно связан с проблемами делимости, движения, а также, разумеется, с проблемой универсалий, и с прочими вопросами, о которые много было сломано античных и более поздних копий; запах свежесломанной древесины сохранился вплоть до конца XX века. Поскольку закон обратного отношения, несомненно, имеет герменевтическую значимость, постольку такую же значимость имеет и связанный с ним парадокс, особенно в той части его формулировки, где речь идет о состоянии хаоса понимания.

2. Парадокс предметности, или «содержательный парадокс вакуума» (как разновидность семантического парадокса Ришара).

Предметность дается и рассматривается не иначе как в ее чтойности, наличии и структурности. Даже хаотические состояния типологизируются по

основанию их возможных структур. Отрицание предметности есть полное ничто, вакуум, отсутствие, бесструктурность. Единственно, как можно типологизировать вакуум и что-то сказать о нем, так это только указать на способ его появления или указать на его границы. С другой стороны, вакуум есть нечто, о чем говорят, то есть что-то, а не ничто. Понятие вакуума является известным предметом философской рефлексии. Сюда можно отнести знаменитое «бытие есть, небытия нет», а также паскалевские медитации по поводу пустоты. Однако понятие вакуума редко формулируется в явном виде как парадокс, хотя парадоксальность этого понятия вроде бы налицо. Формулировка парадоксальности этого понятия (а значит, и важности его для философии) является дополнительным аргументом в пользу моего общего утверждения о том, что основным предметом философии, вопреки известному «скандалу предметности» в ней, является парадокс как таковой. Как только некая предметная область перестает быть парадоксальной, она становится предметом отдельного научного знания. Спецификация философа – заостренность на парадоксах и фундаментальных проблемах, ими порождаемых. Что же касается предмета как такового, то философия, таким образом, скорее имеет дело с проблемой предметности как таковой, а значит, с проблемой наличия, ибо парадокс ставит под сомнение наличие любой предметности, в которой он обнаруживается. Сам этот парадокс в предметном плане представляет собой нечто подобное тому, что читают об отношении «объекта» и «не-объекта» в рамках appendix-курса по логике на Философском факультете МГУ.

3. Антропологический парадокс самости, или парадокс психофизиологической системности человека, или «парадокс семени».

Парадокс имеет место, если признавать две вещи: во-первых, то, что человек есть негэнтропийная самоорганизующаяся система, и во-вторых, то, что «семенная жидкость» мужских особей раздельнополых биологических видов, к коим человек относится, есть особого вида ткань, подобная прочим жидким тканям организма – прежде всего, крови. В таком случае, как целостная негэнтропийная система, человеческая особь откачивает во внешнюю среду энтропию в виде пота, мочи и экскрементов. Во внешнюю себе среду мужская особь откачивает и сперму, которая, однако, есть организация, но не энтропия. Пока это простое противоречие, но еще не

парадокс, и решается оно признанием того, что, поскольку имеется особый вид ткани, постольку она предназначена для физиологически специализированной передачи посредством нее генетической информации женской особи (осуществляющей, со своей стороны, прием), составляющей, на момент ее передачи, с мужской особью целостность и системность более высокого уровня. Парадокс заключается в одновременной возможности как обособленного существования мужской и женской особей в качестве отдельных целостностей, так и в актуальной потребности образовывать надындивидную, надличностную, целостность, требующую альтруистического поведения, поскольку до и после передачи эта целостность доминирует в физиологическом и психосоциальном аспектах. В отличие от предыдущих двух примеров, этот парадокс эмпирический, и острота его обозначается не только в случаях «конфликта полов», но и в случаях «конфликта культур», более-менее индивидуалистично, или наоборот, общинно, ориентированных. А способ разрешения данного парадокса определяет собой конфигурацию социальной структуры, существующий в ее рамках набор требований и запретов, и соответствующие этим требованиям и запретам ожидания в процессе межкультурной коммуникации. Здесь же кстати будет отметить, что человек суть самоприменимое, а потому потенциально уже парадоксальное, существо, и степень этой парадоксальности часто определяется характером акцентуации отмеченных уровней целостности.

Все эти парадоксы в их, весьма умозрительных, постановке и описаниях, разумеется, допустимо опровергать по самым разным основаниям и, собственно, такие опровержения как раз и будут представлять собой работу в рамках «позитивной эвристики». Здесь важно то, что игра ближайшего будущего станет вестись на уровне системных противоречий, и само по себе выявление наиболее фундаментальных из них, а также установление предметной взаимосвязи между ними, должно стать одной из главных задач для тех, кто работает над их прикладным разрешением.

Далее предлагаю постановку одного принципиального вопроса ребром и коротко, в виде манифеста. На «актуальные темы» происходящего вокруг социально-политического и вообще цивилизационного кошмара

высказываться не буду по причине давней проясненности знающими людьми, а также пошлости перетираний этих тем сегодня.

Когда имеешь дело с фундаментальным противоречием или даже с парадоксом, то сторон этого противоречия (p & ¬ p) или парадокса (├ p& ├ ¬p) два – собственно, p и ¬ p ((p=T V p=F) – собственно «закон исключенного третьего», парадокс же для меня не есть нечто статическое само по себе, ибо он есть следствие процесса системного самоприменения и самозамыкания (включая семантическое), то есть специфического процесса (само)становления; он же, в своей явленности и констатированности, есть основание нового движения). Выход из него можно искать исторически, ожидая диалектического «синтеза» конъюнктов в «снятом виде», либо активно ища вариант, когда ни один конъюнкт не удовлетворителен, то есть когда нельзя склониться ни в одну сторону либо нельзя признать бесконечные колебания из одной стороны в другую. Так, в период интеллектуального напряжения "спора о социалистическом расселении", когда нельзя было признать ни «идиотичную деревню», ни «каменные джунгли города», речь представителей русского авангарда периода 1920-х гг. зашла о треугольной сетке дорог и принципиально ином способе организации пространства относительно их каркаса, нежели самосозданные в ходе того же, исторического, процесса, «города» и «деревни». Это было сознательным конструированием, но согласно определенному пониманию того, что есть естественное.

Другим основанием для «поиска третьего» общечеловеческого масштаба является соотношение «модель циклов» vs «модель роста», конкретно – исцеление воспроизводства мальтузианско-риккардианских циклов расширяющимся капиталистическим воспроизводством, дошедшим к началу XXI века до планетарных пределов и, похоже, снова идущее обратно к системным основаниям «мрачного» статуса экономической науки. А потому здесь нужно искать какое-то «дальше»… но, простите, какое такое «дальше» в неростовой модели? Значит, это «дальше», в лучшем случае, может быть обеспечено лишь каким-то «диалектическим снятием» в синтезе обеих известных моделей. Но какое? Диалектике самой по себе, в ее логике «докажем что из А выводимо В, а из В – А», лично я не очень-то доверяю, поскольку с подозрением отношусь к гегелевскому «поеданию обобщенного

супа». Хотя и не исключаю, что гегелевская «идеальная архитектура» (каковой, по меткому выражению одного архитектора, является могила) может быть применима в том смысле, когда она действительно является знанием, то есть позволяет что-то делать. (Но что, как не парадокс и противоречие есть таковое?) На сегодняшний день в качестве надежных объяснительных средств у меня есть три предметных конструкции:

- неоекономика О.В.Григорьева (в ее собственно экономическом корпусе);

- многочисленные знания о социологии социальных сетей (включая знания об иерархических системах, бандах-кликах и коллоидных организмах, разновероятностных групповых атрибуциях и ролях акторов и т.п. вещах, наиболее изъезженных и проработанных во 2Н XX века в Северной Америке преимущественно на гестаповских дрожжах при поддержке местных инфоком-бизнеса и спецслужб, и едва ли не единственное сегодня направление, в рамках которого допустимо грамотно рассматривать сложностно-структурные аспекты «общества вообще»);

- то, что я назвал бы корпусом знаний о «механике первоформ», отдельные направления которой разрабатывались несколькими авторами в XX веке, коренящемся в интересных аспектах седой старины, между которыми мне удалось найти некоторые содержательные соответствия и предположить их соотнесенность, как уже многократно здесь отмечалось, с пифагорейской традицией.

Средства их описания основаны на концепции семантической сети (взятой, еще раз, как различновероятностная взаимосвязь значений, и алгоритмизируемой, кстати, в этом смысле) и выражаемой в различных представлениях ее подмножеств: нарративном (в неоекономике речь идет именно об «американской школе исторического нарратива»), мета- и межнарративном (частным случаем которых выступают научные теории), дискурсивном, контекстуальном, контекстуально-секвенциальном, а также иных, кои наверняка можно изрядно породить, исходя из общего принципа.

В таком-то вот виде, с такими вот средствами, на сегодняшний день вижу возможным двигаться в плане решения насущных задач – как частных, так и более общих.

Естественность социальных структур и экономическая герменевтика

"Немецкое философское", "английское политэкономическое", "французское социальное"... Сколь много в политэкономическом философского? Далее идут некоторые предварительные итоги определения предметов машинного охвата с выходом на "понимающую" методологию"[11].

Итак, в системе общественных отношений на сегодня получаются три понятия, распределяемые по основанию естественности, причем первое выделено по этому основанию самим Григорьевым:

- разделение труда (РТ) – естественное и технологическое;
- предметно-технологическое множество (ПТМ) – естественно и научно создаваемое;
- деньги – естественно возникающие в догосударственных складских формах и искусственно создаваемые в рамках государственного строительства[12].

Каждая из этих категорий может переходить от естественного состояния в противоположное и наоборот. Этому способствует научно-технический подход к миру, едва ли не главный принцип которого состоит в способности конвертировать в некоторую пользу результаты систематически наблюдаемых, объясняемых и предсказываемых сил, явлений и сущностей природы посредством воспроизводства и преобразования в качестве технологии. Причем делать это таким образом, что на определенном этапе развития научно-технического потенциала возникает вопрос о техногенном происхождении некоторых из тех вещей, что ранее считались естественными. Причем как воспроизводство, так и преобразование может

[11] Данный раздел коррелирует с разделом "Методологические требования для разработки машинных систем, работающих в логике диалога" в книге "Возможность управления...".

[12] А значит, создаваемые как "грабежно-элитно-военно-монопольные". То есть искусственное формирование денег существует в обществах, где есть элиты. Отсюда – вопрос о возможности искусственного формирования денег во внеэлитных обществах ("гельветического типа"). Сама идея государства возникла из идеи и опыта дефицита ресурсов (прежде всего, продовольственных). Там, где нет такого дефицита (который всегда ресурсный, ибо есть ничто иное, как нехватка или недостача чего-либо необходимого или нужного), там нет оснований для возникновения государства захватническим путем (а значит, государства в подлинном виде), однако сохраняются основания для углубления разделения труда как способа эффективного использования и обеспечения развития способности к организации ресурсов и сил природы. Но единственный ли это способ? Осознание этих вещей дает человеку понимание, за которым следует опредмечивание в выражаемых знаками знаниях, позволяющих выйти за рамки социальной естественности, примитивная регуляция процессов которой выдается сегодня за вершину науки, в сторону той социальной инженерии, что реально обеспечивает прирост общественного блага.

влечь неосознанное, естественное следование им как заданным установкам, что является специфической особенностью социальной динамики.

Все эти понятия вписываются в набор предметных различий по сетевому основанию, это графы:

- товарно-денежный, или экономический;
- семантический;
- социальный;
- предметно-технологический, или система вещей.

Каким образом одно вписывается в другое?

Предметно-технологическое множество (ПТМ) является следом, эффектом и результатом взаимодействия социальной сети, однако при этом, в своем отчужденном виде, интегрируется с тем предметным и природно-климатическим миром (а значит, и с графово выражаемой системой его вещей в различных масшабных представлениях), который существует до- и помимо процесса его социального задействования, а потому всегда изначально воспринимается членами общества как естественный (за исключением случаев обнаружения в нем совсем уж очевидных артефактов, а также мифов о "божественном творении"). Как система артефактов, макромасштабно она дана человеку пространственной организацией города из преимущественно прямоугольных зданий прямоугольной же структуры, тяготеющая в этой своей ортогональности к самозамкнутой регулярности (геометрически воплощая идею национального общества), а также как пространственно организованная из городов, преимущественно триангулярная, или геодезическая, структура страны, как будто в уподобление платоновой пещере отображающая на поверхности планеты структуру звездного неба (а принятым в стране моральным законом – порядок небесных движений). Только эта триангулярность по преимуществу и в известной исторической ретроспективе, во-первых, не регулярная, и во-вторых, "естественным образом" повсеместно планарная, и в большей степени открытая; а там, где она все-таки регулярна, предстает в концентрическом, радиально-кольцевом, устройстве (геометрически воплощая идею феода или империи). Новыми любопытными перспективами пространственного устройства и их социальных эквивалентов будет

реализация регулярной геодезической структуры как организационно-планировочной доминанты на уровне города, а также повышение регулярности (а также, возможно, сложности и уже не новой средовой интегрированности) геодезической структуры в масштабе страны. И важным моментом здесь будет осознание того факта, что любая концентрическая структура становится империей или феодом лишь в презумпции своей исключительности, тогда как онтологически и общеструктурно она есть элементарный компонент в системе взаимодействия подобных ей, синергийная связанность которых только и способна полнейше реализовать ее потенциал и обеспечить ее существование[13]. Тогда как презумпция структурной исключительности ("сферический город в вакууме") ведет либо к отношению имперского поглощения, либо к структурной ортогональности, в своей динамике реализующей парадоксальное сочетание основанного на этой ортогональности принципа замкнутого пространства, экспансионистски распространяемого, однако, на все прочее пространство, не охваченное этим принципом[14].

ПТМ, включая объекты природной среды, исторические и авангардные артефакты, представляется вещественным жизненным миром человека (особенно если это естественное ПТМ и естественная же природно-климатическая среда обитания – как в случае сельхозки), выходящим, в силу различной проявленности себя различным членам общества, за рамки охвата отдельным человеческим сознанием, однако в себе самом и в интегрированности с другими компонентами – собственно социальными связями (как экономическими, так и социально-сетевыми), а также представленном в его языке распределением значимостей – образует целостность (в том числе целостность объектов, описуемых в понятиях роя и нечетких множеств), со всей, присущей этой целостности, жизненной динамикой и эффектами влияния на погруженного в него человека, нередко воспринимающего эти эффекты как результат действия провидения. В

[13] Наглядный пример – кольцевые скульптуры К.Снельсона.

[14] Наглядный пример – плотно формировавшиеся, ортогональные геологические структуры скальных гор, выдаваемые не особо критичными искателями неизвестных древностей за мегалитическую кладку доисторических цивилизаций. Идя дальше в направлении метафор, можно сказать, что принцип "расширяющейся отогональности" есть принцип " расширяющегося уплотнения", и напоминает процесс образования опухоли, противоречащий фуллеровому принципу пружинно-резинового мироустройства "островков сжатия в океане растяжения", в контексте которого удивительным образом проглядывает объяснение феномена инерции, недопроясненного до сих пор классической физикой.

некотором смысле так оно и есть, особенно с учетом того, что именно в такой же, частичной, проявленности, человеку, так или иначе "разделенному в общественном труде", открываются социальные связи, внутриязыковые значимости, смыслы и понятия, а также экономические процессы. Причем даже то, что проявилось, не обязательно может быть отдельным человеком идентифицировано (и тем больше такого, чем менее он эрудирован), а сам человек при этом, как правило (имеется в виду, прежде всего, современный человек начала XXI века), с одной стороны – не философичен, то есть не ориентирован на систематическое постижение мира в его тотальности с универсальных позиций, с другой – вписан преимущественно в очень мощные множества этих графов, реализованных в мегаполисных урбосредах. При этом здесь не рассматривается провиденциализм в смысле чего-то выходящего за рамки знаний всего общества или пространства его присутствия.

Однако, каким бы ни было актуально данное предметно-технологическое множество, названный научным тип его формирования представляет собой практику коллекционирования – пополнения, исследования и изменения сознательно и (непатологически, но, как правило, страстно и с азартом) формируемых коллекций (включая библиотеки и галереи) – таков, что, в конечном итоге, в сочетании с другими системами сетевого типа, способен радикально трансформировать довольно мощные и сложные предметные среды на очень больших пространствах, начинаясь при этом с небольших типологических наборов и обращенного к ним вопрошания о природе, предназначении и различиях. Эта практика на макросоциальном уровне, при должном управлении, способна даже, по некоторым смелым оценкам, привести к состоянию новой естественности.

Управление естественностью ПТМ осуществляется, в первую очередь, натуральноязыковой семсетью, тогда как регуляции со стороны экономического графа носят вторичный характер – хотя бы потому, что денежный язык является искусственным и менее мощным, а научный язык описания экономических феноменов – подмножеством натурального (а семантическая сеть этого языка – подмножеством общеязыковой натуральной сети). Социально-сетевые ассоциации, в свою очередь, формируются относительно общности интересов по категориям ПТМ.

Глубина разделения труда обуславливается экономическим графом (системой отношений), а значит, и вовлекаемой в последний части системы вещей, или ПТМ. Характер и глубина разделения труда детерминирует систему связей знаемости (соцсеть), а в отношении семантической сети здесь имеет место ситуация с обратной связью в зависимости от того, какое место в системе РТ он занимает и какую личностную позицию по отношении к ней он выбирает занять: значимости и смыслы определяют собой направления вложений и спроса, они же формируются под влиянием практики жизни, иначе понимаемой как исторический процесс, в рамках которого происходит расширение осознания социальных структур и их свойств, и отдельные личности предпринимают попытки преодоления инерции существующей системы РТ, создавая собственные технологические решения и даже системы РТ, нарушая принципы "естественного" и вызывая конфликты собственным нонконформным поведением. Нередко это сопровождается созданием нового языка и систем значимостей, реализуемых в рамках семантической сети.

***

Разговор о естественности денег весьма непрост хотя бы потому, что с этой естественностью имеется большая путаница, как бы ее ни мыслить – историко-технически или экономически. Дело в том, что и естественность, и искусственность, денег может быть определена по разным основаниям. Первоначальное основание этого различия, приведенного здесь – государственный статус, с которым ассоциирована искусственность денег подобно тому, как архетип искусственного формирования системы разделения труда в неоекономике ассоциируется с вождем племени или государем, специализирующим членов племени или представителей элит по направлениям деятельности. Даже если предполагать, что некая форма денег возникла стихийно в догосударственный период, и также представляла собой отчуждаемые складские расписки, то так понятая естественность их формы не исключает того, что и привычные нам деньги как порождение государственности представляются столь естественно существующим, и распространенным среди разных народов разных времен, явлением, что, кажется, именно разного рода денежные суррогаты (включая криптовалюты) было бы вроде более корректным считать искусственным. Также в

большинстве экономических концепций они рассматриваются как нечто естественным образом и уже существующее в обществе, и возникшее в нем в силу неких, естественных же, внутрисоциальных задач обмена. Между тем, те же концепции – как правило, исходящие из металлодевизного стандарта денежного обращения – указывают на добычу драгметалла и его чеканку как на вполне себе технологические процедуры, а значит – наипаче искусственный процесс более-менее глубокой переработки благородных металлов, тогда как пресловутые редкие ракушки и камушки полагаются естественными денежными средствами. И даже если деньги считать великим древним языковым изобретением, то этот язык все равно искусственный, и даже игровой. Между тем, само различие искусственного и естественного возникает в рамках языковой практики, частным случаем которой и является практика денежного обращения.

Здесь следует добавить и еще кое-что, касающееся научного статуса неокономики. 28.07.2016 прошел семинар Олега Григорьева, посвященный вопросам перехода "от экономической теории к теории экономической истории". Семинару была предпослан ознакомительный материал: статья д.э.н. и консультанта Всемирного банка В.М.Ефимова "Спор о методах и институциональная экономика", представляющий собой ничто иное, как попытку рассматривать экономику с позиций герменевтики: в качестве тематической завязки статьи был взят "Спор о методах" (Methodenstreit) между немцем Г. Шмоллером и австрийцем К. Менгером, в котором автором отдавалось предпочтение немцу как занимающему позицию "исторического понимания"[15]. Примерно в таком же ключе с апелляцией к истории и вопросу

[15] Статья представляет собой редкий пример верного направления развития экономической мысли в соответствии с общим методологическим контекстом общественных наук, однако для корректной оценки отдельных ее посылов было бы желательно владеть некоторыми историко-философскими вопросами: так, в числе прочего автор костерит дуализм души и тела Декарта, и может показаться, что картезианский подход следует вообще выкинуть из методологии науки. Но дело в том, что по этому дуализму в рамках герменевтического рассмотрения проходились все, кому не лень, и столь часто, что подобное стало, пожалуй, своего рода традицией. Однако сам Декарт, несмотря на ключевую роль дуализма души и тела в его философии, последним не исчерпывается, и что есть еще, по крайней мере, нереализованный потенциал физики Декарта, спрятанной за уже отмеченной, надежно запертой дверью максвелловской критики. И, уж если говорить с позиций герменевтики, то также будет уместным спросить, не в специфическом ли направлении был понят этот философский феномен эпохи позднего Ренессанса, и не является ли сам Декарт, как целостность его интенций, чем-то большим, чем последующее за ним

о соответствии экономических теорий "реальной экономике" высказывался и Григорьев (на Youtube можно найти соответствующую запись).

Действительно, согласно широко распространенному убеждению, суть устройства науки представляет собой дихотомию теории и практики, соединенных между собой пространством экспериментов. Не столь широко распространенным является соображение, согласно которому наука может представлять собой систему процедур понимания или феноменологический анализ опыта, отличный от такового в смысле того же "научного эмпиризма" английского толка. А что касается экзистенциального измерения наук, в особенности "точных", то далеко не все их представители склонны его рассматривать в качестве их части – подобно тому, как увлеченный или занятый чем-то или кем-то не всегда отдает себе отчет в такой увлеченности.

В этом смысле здесь может быть усмотрено столкновение английского по преимуществу эмпиризма, преодолевающего неразличие мозгом реального и воображаемого с протестантским самоограничением последнего, и немецкой по преимуществу, творящей саму реальность трансцендентальной способности воображения, где управляющим фактором оказывается как раз способность к пониманию в большей степени, нежели способность к детерминации.

Такая позиция многое проясняет в неоекономике. Если уже давно заявленный в качестве исторического и нарративного по своему методу неоекономический подход является герменевтическим, то и сама неоекономика оказывается своеобразным видом герменевтической практики, направленной на прояснение экономической реальности. А также, пожалуй, первым системным, после немца Маркса, подходом к социальным наукам, выстраиваемым как экономическая герменевтика – тем более, если помнить, что последняя представляет собой ключевую методологию наук об обществе, человеке и духе. Однако каковы задачи такой герменевтики? Не с пониманием ли направлений и результатов вложений они связаны? Во всяком случае, здесь экономическое понимание всякий раз будет предпосылаться экономическому знанию – подобно тому, как "финансовое

картезианство. Ведь, например, известно, что этот дуализм возник во многом из попыток решить суть богословской проблемы теодицеи, которая для классической НТП-науки вообще не предмет.

чутье" по-кейнсиански всегда предпосылается, если не противостоит, "экономическому знанию".

Здесь уместно вспомнить интервью, данное 04.02.2015 руководителем американского "теневого ЦРУ" Strategic Forces (Stratfor) Дж.Фридменом[16], имеющее отношение к технологическим зонам и близким рынкам. В числе прочего, Фридмен (а выступления этого человека, даже если предполагать их в качестве "слива", никогда не выглядят дешевыми сенсациями) высказался в том духе, что США вот уже около столетия (а значит, весь советский период и Вторую Мировую Войну) стремятся не допустить альянса Германии и России, действуя по принципу "не уничтожить, но ослабить" и "ссорить других ради собственной выгоды", и что, если с Россией на сегодняшний день все более-менее понятно, то вот позиция Германии по вопросу экономического альянса с русскими для США представляется terra incognita. По мнению Фридмена, такой альянс способен привести, в конечном итоге, к созданию очень мощной силы (по крайней мере, в Восточном полушарии), и существенно подорвать глобальный характер американского талласократического присутствия. В этом смысле значимой оказывается сумма идей (включая эпистемические установки), транслируемая миру теми или иными центрами силы.

До этого момента все, отмеченное мной в плане социальных структур, касалось машинной исчислимости, и того, что касается операционализации возможностей сознания, доминанту в чем держат США. Собственно герменевтика на рубеже XX и XXI веков по-прежнему остается уделом немецкой философской традиции[17]. Герменевтический подход к экономике обнаруживает вне- или до- инструментальный порядок человеческого присутствия в человеко-машинной системе управления хозяйством.

***

Преимущественная важность понимающего подхода позволяет допустить одну очень странную, но, тем не менее, необходимую, вещь: закончилась сама "эпоха экономики", но при этом неизвестна, хотя и предчувствуется, и

[16] https://www.youtube.com/watch?v=pLeV1DsIOXo (активно на 2016 г.).

[17] Хотя, как было отмечено выше, анализ сетевых сообществ и клик поначалу как раз был предметом активного развития и даже коньком специалистов Третьего Рейха и, как многое другое, впоследствии перекочевал на территорию США.

предполагается, некая возможность внеэкономического социального и даже технологического роста (или, лучше сказать, развития – слово "рост" нагружено вполне конкретными коннотациями его "предела"). Именно поэтому все поиски экономистами и околоэкономистами в пределах экономики источников развития, и разговоры на эти темы, сегодня обречены на неудачу. Но мой общий вопрос об управлении с прояснением исторической конкретики направлен в прикладном плане как раз на эту возможность. А вопрос о порядке актуализации потенциальных возможностей и есть вопрос о логике сверхрационального, который, таким образом, лежит в сфере модальной логики, оперирующей этими категориями, частным случаем которых являются наборы состояний в практиках организации сил окружающей природы и системах научных объяснений и прогнозов. Что касается последних, то прогнозы есть ничто иное, как темпоральный вывод на основе актуальных или близко актуализируемых возможностей, тогда как их дополняющий проектный фактор связан как раз с поиском потенциальных возможностей, осуществляемых задействованием способности воображения, и перевода их в план актуального, с изменением условий оправдываемости иных реалистичных, высказанных ранее, прогнозов.

А поскольку сермяжная правда получения нового, как одна из объяснительных возможностей творчества, кроется в кестлеровском "столкновении разнородного", именно это самое столкновение в широком спектре случаев (включая взаимодействие социальных групп, отраслей, концепций, методов и личностей) оказывается возможным противопоставить экономическому взаимодействию "различно развитых" ойкумен, которые на поверку оказываются лишь численно множественным и серийным, не всегда являющимся благом, и лишь частным способом осуществления творчества, иной раз работающим топорно и кроваво, и числящимся закономерным явлением природы лишь потому, что его-то эмпирику лишь и смогли изучить – благо она была дана на протяжении нескольких столетий – что, в свою очередь, сформировало иллюзию закономерности, поскольку люди склонны воспринимать как "от века сущее" то многое, что возникло в сравнительно небольшой отрезок времени до их появления на свет. А потому здесь практической задачей именно что

герменевтики проектной деятельности, нежели некой экономической герменевтики, оказывается налаживание союза воображения с разумом, дабы, по словам Гойи, оно стало "матерью искусств и источником творимых ими чудес".

Метаструктура для описания диалога вида <Г1,U;Г2,I> есть конструкция объяснения взаимодействия относительно замкнутых универсумов (миров) в пространстве. Для интерпретации неокномической теории О.В.Григорьева в качестве таковых миров выступают воспроизводственные контуры либо замкнутые рынки. Между тем, в научном обиходе уже существует комплекс понятийных конструкций, дополнительных к данной, для объяснения взаимодействия миров-универсумов во времени. Это вся сумма того, что в логике наработано по поводу семантики возможных миров, обобщенных описаний состояний и модельных множеств. Соединение методологических подходов к моделированию диалога с методологией фаз и состояний должно вывести неоекономический нарратив на новый уровень. В данном случае речь идет о том, что в неоекономике понимается под проблемой управления. Первичная ее часть, экономическая, имеет дело с логистикой, плотностью и ресурсами – с тем, что в пространстве, а время там связано, в первую очередь, с трудом (понятие рабочего времени, затрачиваемого в рамках естественного и технологического способов разделения труда), а также с отложенной выгодой и временем задействования денег в системе обращения. Однако управление какой бы то ни было системой всегда есть достижение либо поддержание некоторого ее состояния. Соприсутствие состояний во времени означает разницу миров в пространстве: перемешанных в одном ее локусе либо разнесенных в разных. И это простое рассуждение совершенно не предполагает повышения континуальной мерности для обобщения и бесконечной бессмыслицы поглощения одними теориями других.

В этом смысле можно говорить о фазах общественно-экономического состояния общества, в которых тем или иным способом доминирует тот или иной из уже рассмотренных[18] личностных типов: натуральный, организованный или трансцендентальный, и строить рассуждения о

[18] См. разделы "О неоекономике как социальной науке в веберовском смысле и не только", "Дополнительный творческий аспект организованного человека" в книге "Возможность управления...".

достижимости одного состояния общества из другого по совокупности всех его состояний, не ограничивающихся одними лишь этими типами, которые под влиянием некоторых факторов (например, денежных) могут переходить одно в другое. Здесь появляется еще одно усмотрение времени, позволяющее брать экономические сущности и явления в аспекте их планомерности и предсказуемости конечных результатов. Во всяком случае, соединение логики фаз с логикой диалога на общем уровне делает закономерными прикладные вопросы о том, к какому результату способно привести конкретное хозяйственное взаимодействие, а также как грамотно достичь желаемого экономического состояния, исходя из (возможно, не самой благоприятной) данности.

От города-товара к астроинженерии

Для того, чтобы обозначить что-то новое, направленное на решение наиболее фундаментальных задач, иной раз оказывается необходимым обозначить сверхзадачи, определяющие границу смысла рассматриваемого. Такое было уже не раз в истории – по большому счету, в самом этом методе нет чего-то нового. Чем фундаментальнее проблема и радикальнее решение, тем шире горизонты смысла и сверхзадачи. Далее представлено несколько существенных моментов, касающихся возможностей решения известных проблем расселения.

О первичных абстракциях и объектах их приложения в масштабе человека

Пределом глубины разделения труда являются социально-личностные патологии переспециализации, требующие реформы системы социоприродного взаимодействия. Но как рассматривать этот момент в аспектах социальном, личностном, профессиональном, философском, ресурсном? Или вообще не стоит здесь вводить подобное разделение? О бессмыслице переспециализации говорил не только Фуллер, возвращавший человечество на "aerospace level of technology", но и многие экономисты, когда касались темы осмысленности массового производства 1/128 сапога одним рабочим изо дня в день. Переспециализация создает этот предел посредством уничтожения субъекта спроса, однако при условии невозможности дальнейшего расширения. Переспециализированный субъект просто не в состоянии сложно дифференцировать и сублимировать собственные потребности, как не может этого сделать машина, потребности которой определяются лишь ее производственной функцией. Равным образом не может этого сделать имитация такой машины – чистый потребитель, живущий в мире навязанного бренда. Генерить неподконтрольные экономической системе (вернее, выходящие за рамки ее контроля) бренды чистому потребителю – имитатору деятельности – категорически возбраняется большинством социальных аттракторов, поскольку в этом случае имеет место создание замкнутого мира, и не иначе, как бунт против самой, пожалуй, главной системной особенности денег – взламывания замкнутых миров и ойкумен с вовлечением в торговый оборот ресурсов последних. Между тем, образование таковых только и делает осмысленным существование денег в обменной, или торговой, функции, ибо

предполагает взаимодействие не взаиморастворенного; примером последнего, кстати, является вопрос о предмете взаимных спроса, общения и обмена между производителем 1/128 каблука и производителем 1/130 голенища. При этом всякая прочая функция денег – базовая, распределительная или государственническая; но для государственного складирования не нужно изобретение нового спроса и удовлетворение его дизайном для реального мира – у него уже есть свой собственный спрос и задачи, которым все должны соответствовать. И оно будет совершенствовать этот спрос, создавая переспециализированных людей-винтиков и поощряя устойчивые потребительские стандарты для них до тех пор, пока не возникнет надобности во включении его исходной – грабительской – функции: в этом случае "идут клочки по закоулочкам" и перенаполняется "склад", включая казначейские фонды, налоговыми поступлениями.

Иначе говоря, обеспечение универсализма на государственном уровне (или монопольно-корпоративистском, что недалеко от государства в случае чеболя) требует переспециализации на уровне личности, компенсаторным механизмом для которой (уж если монополию на универсализм стяжает себе государство) выступает бренд как симулякр того или иного аспекта жизни (спортивного, интеллектуального, богемного, аристократического и т.п.), во множественном своем выражении формирующий личность, без конца играющую режимами своего фрагментарного, лоскутного, сознания. Впрочем, эти вещи уже достаточно известны и хорошо расписаны постмодернизмом да постструктурализмом.

В свою очередь, соотношение уровня переспециализации отдельной личности и уровня разделения труда всего общества (макросоциальной группы) определяет гомеостатические границы товарно-денежного графа экономической системы. Остальной социальный гомеостаз определяется (согласно предшествующему прояснению этого вопроса) графом знаемости (соцсетью), работающим на разнице оснований солидаризации (по интересам и по физическим, исторически сложившимся, локусам пространства), а также графом семантической сети (собственно культуры), культивируемым в солидаризациях по интересам и охраняемым в пространственных солидаризациях.

Можно ли сказать, что какой-то из этих трех графов "главный"? Очевидно, нет, но можно задаться вопросом, насколько такой набор является полным, то есть предполагает дополнение без нарушения исходной целостности рассматриваемой системы либо ее описания. Во всяком случае, для общества я вижу такой набор целостным, но допускаю, что оно существует во внешней для себя среде, а потому предполагаю возможным ввести сюда еще одно понятие, характеризующее систему вещей, которая, как всякая система, может иметь графовое выражение, но которая в своей первичной эмпирической данности представляется любому наблюдателю (будь то феноменолог или ребенок) как именно набор, или множество, без определенной внутренней связанности и истории. С одной стороны, она соответствует системе вещей Бодрийяра (потребительской системе вещей повседневности), с другой – тому, что соответствует понятию кунст-размерного предметно-технологического множества, включающего как артефакты, так и природные объекты.

Важной новостью является то, что всякое множество уже предполагает фактор связанности его элементов – хотя бы на основе отношения тождественности в свойстве, определяющего принадлежность элемента множеству (особость отношения тождества, равно как мериологическую интерпретацию категории множества, оставим в стороне); даже максимально тождественные в сумме всех своих свойств объекты способны различаться, а потому и соотноситься, лишь своей пространственной разнесенностью, а потому первичным видом интуитивно мыслимого и допускаемого отношения, выражаемого в нотациях дуг и ребер графа, оказывается пространственная связанность. Для наглядности также можно сказать, что синтаксис пиктографического представления категории множества на диаграмме Вена изоморфен аналогичному представлению гиперграфа, только в булевом случае представление элементов множества в рамках нотации bundle для удобства опускается – в отличие от вершин гиперграфа, которые всегда должны быть обозначены.

Зачем дополнять, казалось бы, стройное представление об обществе еще чем-то "четвертым"? С одной стороны, такое дополнение обеспечивает понимание социоприродных феноменов, способствует формированию концепции связи организованных и неорганизованных сил природы и, в

целом, пониманию той реальности, что входит в объем понятия предметно-технологического множества. С другой стороны, это дополнение дает специфическую установку на понимание мироздания в презумпции его внутренней связанности, причем на основе простой и, кстати, общедоступной, абстракции; что, в свою очередь, необходимо в качестве математического примитива, позволяющего картезиански восходить к постижению и моделированию более высоких сложностных порядков бытия – с одной стороны (включая сверхрациональные и фазовые порядки мироустройства), и биоразмерному (если не биомеханоидному) проектированию актуально данных сил природы (не будем говорить "неорганизованных") – с другой. Простота абстракта, в первую очередь, направлена на формирование привычной повседневности такого мировидения. Еще такая установка дает основание для конкретизации внутримирных связей, в том числе – прояснения невидимых и, в целом, для конкретизации и операционализации научной работы на основе холистического, а не предметно-дифференциального, подхода. Иначе говоря, общество, когда пытаются определить его предметность в классическом виде, всегда оказывается (даже при наиполнейших его описаниях) неким "сферическим социумом в вакууме", тогда как любая его реальная система погружена в ту или иную среду, всегда являющуюся средой ресурсов той или иной степени полезности и ценности. Обычно же общественные процессы рассматриваются относительно экстернальных как фоновых, что отчасти оправдывается тем фактом, что для получения торгово-финансового богатства народа конкретика ресурсной среды последнего не играет существенной роли (а нередко играет роль отрицательную). Тем не менее, именно система вещей "до человека", пропущенная через человека в его упорядоченной множественности, образует систему вещей "после человека", которую человек, что самое интересное, вместе с первой осваивает, а в некоторых случаях (правда, довольно редких, но оттого не менее интересных) затрудняется определить, возникла ли вещь "до человека" или "после него"; и тогда оказывается возможным задаваться вопросами о вселенских формах организации и самоорганизации – при том, что предпосылкой вопросов о такой организации всегда оказывается признание связанности вещей, наблюдаемых как раздельно существующие.

Для того, чтобы понять, о чем я говорю применительно к внутримирной связанности графа "сил природы", физически дополняющего три антропосоциальных графа, достаточно в безлунную и безоблачную ночь, вдали от городской засветки, посмотреть вверх: обнаруженные там "острова сжатия в океане растяжения" существенно проясняют предмет; посмотрев вниз и вокруг, нетрудно догадаться, что наблюдаемый земной порядок (или беспорядок) вещей в некотором смысле продолжается в подобии того, что открывается сверху. Самое интересное, что именно эта, открываемая нам сверху, реальность, одновременно демонстрирует суть моделирования самым, пожалуй, естественным способом, поскольку невооруженному глазу всегда предстает как некий абстракт, обусловленный факторами светимости и масштабности наблюдаемого ночного неба; будучи при этом вполне осознаваема и в качестве актуально данной немыслимой множественности, и в качестве системной связанности в себе этой множественности – как средой (или ее мыслимым подобием), так и циклами, или ритмами, движения ее элементов. И, очевидно допуская сложностную вариативность этой наблюдаемой множественности, очевидно же наблюдается движение и связанность в ее модельных примитивах. И возникает вопрос о том, насколько и как эти движение и связанность способны быть управляемы, и мог бы человек быть причастен к такой управляемости, и каким образом, коли столь малое дерзает предполагать собственную причастность к управлению столь великим? И зачем бы могла понадобиться такая причастность? И означает ли такая управляемость подконтрольность?

Как-то давно, на уроке иностранного языка в университете я прочел статью Moscow Times про Карла Сагана. Тогда о нем я узнал впервые, и долгое время он был мне знаком лишь как популяризатор науки с мировым именем, выступающий против распространения ядерного оружия. Чуть позже мне стал известен Кардашов, некогда учившийся в том же университете, что и я, а также концепция трех типов цивилизаций, предложенная вторым и уточненная первым до счетной формулы. В своем строгом виде она предполагает тотальное освоение энергии планеты – для первого типа цивилизации, энергии звезды, в системе которой обращается планета – для второго, и энергии галактики (будь то ядро, рукава или что еще – для третьего).

Известные сегодня критики и оговорки этой концепции насчет непрямой связанности уровня развития цивилизации с объемами энергопотребления касаются того, что уровень развития таковой совершенно не обязательно связан с высокой степенью ее энергопотребления; однако допущение последнего вполне логично, и является ничем иным, как экстраполяцией капиталистической (или социалистической) действительности на вселенские масштабы. Однако иные взгляды на техносоциальную обустроенность человека, среди которых особое место занимают идеи Р.Б.Фуллера, как раз свидетельствуют об обратном – о возможности развития на основе принципа ресурсо- и энергосбережения, но никак не энергоемкости, в т.ч. энергоемкости производств. Последнее, кстати, также противоречит принципу экономической эффективности. Так что в уточненном виде энергетическая типология цивилизаций Кардашова-Сагана будет касаться скорее принципа малозатратной доступности произвольных объемов энергии соответствующих астрономических масштабов, нежели регулярного или даже растущего извлечения и потребления таких объемов. Здесь, конечно, должно быть переопределено понятие энергии, прежде всего – в соответствии с принципом "энергия имеет форму", эвфемеризации, а также с прочими принципами, способствующими превращению человека из ненасытного троглодита в рационального потребителя. Кроме того, в макрохозяйственном смысле энергия (особенно масштабов планеты) должна быть осмыслена как ресурс инфраструктурного развития, а значит – каналов и сред коммуникации. О моделях паразитарного роста применительно к астроинженерии говорить в условиях сегодняшних знаний и представлений попросту нелепо; к тому же, в соответствии с поливерсальными интуициями современной физики, принципы существования в ней и согласования деятельности, скорее всего, будут соответствовать диалогическим, а не монологическим, модельным представлениям.

Между тем, если взглянуть на состояние присутствия человека на Земле в рамках отмеченной концепции знаменитых астрофизиков, то смело можно констатировать, что нынешние насельники планеты, доминирующие на ней и рассуждающие о "глобальных процессах", не дотягивают даже до цивилизации первого типа (значение 0,72 по Сагану). Если не рассматривать эту концепцию как прогрессистскую галиматью (а всякий прорыв вверх, тем

не менее, как раз и сопровождается историями про некие сверхзадачи, воплощаемые конкретными практиками – вспомним тех же алхимиков или Федорова с Циолковским), то, с учетом все более острых и продолжающих набивать оскомину вопросов о дефиците энергоресурсов, эффективности их использования и сырьевом проклятии, более актуальным оказывается вопрос о способе использования планеты с позиции ее понимания как космического корабля (при том, что такое понимание стало активно распространяться со 2Н XX века). А за этим вопросом следует еще один: что должно измениться, исчезнуть или возникнуть в мире такого, чтобы приблизить человечество к цивилизационному состоянию 1-го типа? При этом я совсем не предполагаю, что следующие два типа являются обязательными, необходимыми или должными поглотить и освоить "в снятом виде" цивилизации предшествующих типов: еще раз, здесь речь идет не о моделях взаимодействия экономик с различным типом разделения труда, перенесенных в астрономический масштаб, но о возможности использования энергоресурсов некоторой цивилизацией. Конечно, эти модели могут как-то проявиться и в таких масштабах, но вопрос о том, как это будет выглядеть и что здесь делать – совершенно отдельный, а предположение о типах взаимодействия по известным экономическим моделям – не категоричным.

Касательно астроинженерии я склонен использовать не понятие "овладеть источниками энергоресурсов", но понятие "охват пространства управления", предполагая, во-первых, информацию (структурность) и энергию ключевыми взаимосвязанными ресурсами управления; во-вторых, что управление в этом пространстве, какой бы масштаб оно ни имело (будь оно пространство парника, климатической зоны, планетарных или астрономических масштабов) может быть также частичным, и в-третьих, понимая само управление как процесс "организации сил природы" (в первую очередь, понимая организацию как структурирование), включает реорганизацию и соорганизацию устройств и материальных ресурсов. Еще раз: наше нынешнее представление об энергии очень сильно обусловлено хозяйственными практиками минувших столетий, связано в большей степени с понятиями энергоносителей и энергоемких материалов, а понятие

эффективности энергозатрат и энергопроизводства слабо обусловлено общими представлениями о порядках природного структурирования.

Да, наверное, управление и должно быть таковым, особенно если речь идет... впрочем, это не имеет большого значения, поскольку даже если в мысленном эксперименте представить себя в своем масштабе способным весьма дифференцированно влиять на процессы, происходящие на обитаемой планете, то почему для этой планеты и ее насельников быть диктатором, а не предоставить возможность самостоятельного развития, взаимной и внешней адаптации на основе выбора в системе когнитивных операций – того, что отличает автономное живое существо, присутствующее среди прочих автономий? И управлять бы ею лишь в тех случаях и направлениях, когда эта, планетная, форма жизни, требует защиты. Последнее, однако, возможно лишь в том случае, когда нечто, созданное до тебя, рассматривается только как собственное детище – то есть как нечто такое, за чем признается будущее; а также как нечто такое, что, существуя и развиваясь до тебя, соуправляется тобою – но не в пространстве, а во времени, где право управления – лишь временное. Сегодня, однако, трудно представить, что Земля "in total" воспринимается в такой презумпции – во всяком случае, правительствами сегодняшних стран, замыкающихся в своих ойкуменах. Единственно, в чем есть консенсус едва ли не всех рас и развитых народов – в признании благостности взаимной торговли как естественного формата управления присутствием человека на планете. Более того: автономный выбор защищаемого существа имеет смысл в том, что с таким существом оказывается возможным коммуницировать, в частности – играть, и в этом, пожалуй, состоит ключевой смысл такой автономии, поскольку коммуницирующее различное увеличивает внутримирное сущее, повышая степень его организованности. А дальше возникает вопрос о том, насколько среди прочих игр должны присутствовать игры обмена, и соответствующие им игровые средства и режимы (финансовые инструменты).

У человечества сегодня есть определенный технологический выбор самой возможности выбора между ставшей реально отчуждаемой виртуальной реальностью и астроинженерной строительной фантастикой – с одной стороны, и взаимным дополнением этой реальности и этой строительной фантастики – с другой. Потому разговор об астроинженерии, кому бы он ни

показался фантастичным, куда уместнее разговора о "глобализации", как якобы новом тренде XX века. Это "новшество" – современник едва ли не всех крупных торговых эпох, в частности – той, что известна под именем эпохи капитализма; конкретно эта глобализация началась именно тогда, но в последнее время возникает все больше оснований считать, что она была не только не первой, но что, как процесс, равеннобъемна тому, что мы сегодня понимаем под "внешней торговлей", каковая, как естественная способность человеческого общества, существует довольно давно. А вот сможем ли мы (уже в качестве целостного человечества, ибо живем на едином шарике) прыгнуть дальше торгово-финансового расползания по планете – большой вопрос, ответ на который сомнителен; равно как вопрос о том, должен ли быть и будет ли этот выход на новый масштабный уровень в прежнем стиле. Сегодня США как торгово-финансовый гегемон отдает ближний, околоземный, космос в частные руки, официально сосредотачиваясь на дальнем, и уже много лет JPL показывает будоражащие воображение снимки Красной Планеты с неведомыми артефактами на ней, а также других миров Солнечной Системы, но все равно неясно, сколь долго еще протянет эта полуимперия в нынешнем своем состоянии, и сможет ли осуществить хотя бы эту задумку с учетом всех тех рисков, что прогнозируются для американской экономики в ближайшее время – эти проекты запускаются страной в одиночку, а NASA минимум с 2007 года неоднократно заявляла о недостатке финансирования. К тому же подобные "дальние" проекты реализуются в рамках все той же модели "финансового растекания" по поверхности планеты, перестающей работать в глобальном масштабе. Да и, спросим философски, ради чего осваивать эти миры – ради портирования в них и расширения присутствия во Вселенной человека в рамках этой модели? Не пора ли пересмотреть тезис о том, что основу жизни составляет тотальная экспансия? Жизнь исчезает, если снижается разнообразие ее форм, а жители планеты, где все красного цвета, не знают, что такое красный цвет.

О конкретных вопросах макросоциального присутствия на планете

С учетом всего сказанного, получается, что конкретика новых поселений обретает смысл, выходящий не только за региональные рамки в масштаб глобальной целостности, но и за рамки этой последней в более широкий

масштаб. Причем этот смысл сегодня оказывается все более конкретным и прикладным, теряющим свой фантастический статус, становящимся предметом конкретных задач.

Что касается продуктивного выхода из глобального кризиса в сторону отмеченной "астроцивилизационной" перспективы 1-го типа, то, очевидно, речь должна идти о необходимости что-то сделать с человеческими поселениями – прежде всего, с крупными городами, сформировавшимися в эпоху модерна – особенно с мегаполисами и иными форматами, по историческому генезису и численности населения являющимися сегодня не просто главным центрами цивилизационного развития, но местами, где формируются его принципы, ценности и нормы, и воспитываются их носители, сиречь истеблишмент, и откуда эти нормы и ценности вменяются к распространению всему миру. С такой вещью, как город, нужно сделать что-то принципиально новое, используя при этом те инструменты, что являются драйверами развития уже сегодня. Разумеется, это будет город проектировщиков, дизайнеров и предпринимателей, и создание его, действительно, выглядит делом преимущественно торговых коммуникантов, а не администраторов. Конструктивные, хотя и мало упорядоченные, дискуссии на сей счет в среде подвизавшихся решать эти вопросы энтузиастов в рамках научно-практической работы НИЦ "Неокономика", привели к определенности по следующим аспектам:

- оптимальный формат такой дискуссии должен носить характер взаимных вопросов от экономистов – к архитекторам, и в обратную сторону;
- ключевой вопрос от архитекторов: необходимо экономическое обоснование требуемого от них проекта, представляющее собой обоснование возврата инвестиций в подобную территорию;
- ключевой вопрос от экономистов, мыслящих в сторону урбанистики: архитекторам необходимо строить "город-кластер", а не имперско-дотационный "город-хоспис" (хотя очевидно, что они и такое могут создать), с участием бизнеса и ориентиром на численность населения, достаточную для качества живой, деловой, торгово-финансовой, деятельности (в ходе обсуждений было предположено, что для запуска комфортного бизнесу процесса нужен трехмиллионник, коего в России на начало XXI века нет, хотя

этот вопрос, конечно, дискуссионный, и зависит от конкретных задач и расчетов);

- используемое здесь понятие кластера требует уточнения: его следует определить в неоекономической терминологии как организованное деятельностное и жилое пространство с более высоким уровнем разделения труда по некоторому производству (а значит, достаточно длительным по времени развития), чем аналогичные производства в остальном мире, во избежание получения последними конкурентных преимуществ[19], и отделить как от понятия кластера-чеболя (сложившегося в системе азиатских экономик), так и от собственно кластерного типа глобального взаимодействия стран безотносительно к системе территориального расселения;
- в рамках этой темы выяснилось важным рассматривать соприсутствие солидаризированных групп русскоязычных лиц в среде иных стран и языков (диаспор), поскольку выход за рамки страны некой средообразующей деятельности, субъектами которой выступают группы пассионариев торгово-финансовой деятельности и формата мышления, может быть важным для решения задачи "градоформирования", прежде всего – встраивания такого "нового города" в международную систему разделения труда и торгово-финансовых коммуникаций, причем как в формате "инвестиций-покупок" в расположенный на территории страны новый город (благо в России профицит неосвоенной земли), так и в формате выстраивания "городских" сред нового типа этими диаспорами на территориях страны их присутствия по заказу местных элит или по международному соглашению с ними;
- вопрос об инвестициях в такую вещь, как селитебная среда, сама по себе (какой бы она ни была – городом-миллионником или кооперативным селом-общиной) неизменно следует соотнести с такой вещью, как возврат вложенных средств (каковы бы ни были отмеченные выше форматы таких вложений). Поскольку такая "новая среда" есть всякий раз экспериментальный проект, предлагается рассмотреть потребителя экзотического продукта: "город как франшиза", а также "город с приобретаемой долей инфраструктурного сегмента в нем", также

[19] Примеры таковых долгоиграющих производств в России, несмотря на всю проблемность существования российской промышленности в текущее время, особенно высокотехнологичной, все еще можно найти: это сфера аэрокосмических и медицинских решений, а также некоторые направления ИТ, пользующиеся высоким спросом на международных рынках.

приобретаемый на франчайзинговых основаниях. Купить его может корпоративный и государственнический крупняк мирового и странового уровней (в данном случае возможны решения разного масштаба под разных заказчиков, начиная с организации экспедиционных поселков, уже являющейся сферой высокотехнологичных решений), а в качестве источника спроса на такой продукт, кстати, может выступать консорциум покупателей;

- так понимаемый город – продукт новый, но не абсолютно: фактически он является развитием идеи создания и развития фирм, и дальнейшей продажи их как готовых бизнесов; разумеется, такого рода деятельность в серийном формате доступна не каждому предпринимателю, а в случае городов и поселений (то есть сред формирования и присутствия самих фирм и бизнесов) как методология и технология будет доступна еще меньшему числу лиц на планете, что также влияет на конкурентное преимущество (и, кстати, является торгуемым стандартом управленческой практики, которую, согласно давнему высказыванию О.Григорьева, мы можем кластерно же продавать миру. С учетом этого обстоятельства предложение инвестировать кровные, заработанные, деньги в город как таковой для большинства сегодняшних предпринимателей, представляющих собой, в основном, инвесторов в фирмы (если не в их акционерные доли) и отдельные объекты недвижимости (пусть даже очень крупные) – полнейшая чушь, однако оно перестает быть таковым при определенном уточнении понятий и определении оснований заинтересованности инвестора (но это вполне перестает быть чушью, как только актуальным и ценным становится запрет на вывоз национальной или "ойкуменной" валюты). При этом, однако, особую заинтересованность могут проявить к подобного рода проектам возникающие в России инвесторы и девелоперы столь крупных объектов и территориальных образований, что предполагают комплексные инфраструктурные решения, требующие высокоуровневой межпредметной коммуникации.

В связи со всем изложенным возникают вопросы. Я задам их с учетом явных предпосылок, образующих контекст неизвестного каждого вопроса. Прежде всего, ключевой вопрос о том, какую отдачу получит инвестор в этакий "чудо-город", упирается, по крайней мере, в задачу прояснения следующих двух обстоятельств, требующих дальнейшего прояснения:

1. формата коллективного инвестора различных масштабов (от "кооператоров" до крупных деловых ассоциаций);

2. места создаваемого города в системе таких городов – планируемых или параллельно создаваемых.

1. Здесь, прежде всего, следует ответить на вопрос о процедуре согласования взаимных интересов участников консорциума по извлечению прибыли, поскольку для соприсутствия в условиях города как объекта управленческого планирования субъектами частного сектора (еще раз – невидали на сегодняшний день) требуется заранее определить сферы экономического влияния с учетом перспективы развития объекта инвестирования и сопутствующих тому рисков. Собственно, на это и рассчитан такой формат продукта, как "часть инфраструктуры в городе", поскольку требуется согласование интересов владельцев таких частей (причем в перспективе).

А значит, здесь требуется ответить на вопрос о привлечении деятелей страхового бизнеса, ибо также требуется поставить вопрос о рисках при проектировании подобных объектов, и о фактически новом направлении страхования, если вообще не о новом направлении актуарной математики, требующем, по предварительной оценке, компьютерного моделирования, а для межгородских кластеров (см. ниже) – не исключено, что и суперкомпьютерного; ибо именно страховщики являются субъектами обеспечения прогнозной аналитики, включая аналитику рисковых ожиданий (в том числе риски взаимодействия с ойкуменами сомасштабного и иномасштабного уровней, а также климатические и политические шоки); а потому возникает вопрос о порядке контроля беспристрастности оценки его представителей. Особую тему здесь будет представлять фигура специалиста, способного сочетать навыки актуария с навыками в области системно-динамического моделирования.

Здесь же требуется ответить на вопрос о допустимости и порядке привлечения иностранных инвесторов в строительство таких городов (что логично), участия государства в этом процессе в качестве соинвестора, включая иностранное (что также логично, но дискуссионно с учетом исходной предпосылки о чисто бизнесовом, негосударственном городе), и

готовности местного государства к этому. Здесь возникает задача политического решения о допустимости такого города, создаваемого исключительно предпринимателями, а также дипломатического обеспечения нового формата экономического присутствия на международных рынках со столь экзотическим продуктом, как внегосударственный город (что уже предполагает статус не только внутренней, но и внешней, автономии, если не переопределения конституционной роли государства, подчиняющего себя вопреки всему, что о нем известно, установке на примат внегосударственных способов развития человека), границы законодательного регулирования деятельности таких городов (дабы логика законодательной механики не вступала в противоречие с логикой денег как социальной крови), условия допустимости иностранных соинвесторов на территорию страны.

2. Сегодня мы говорим о проекте создания города "с нуля", но ведь наш изначальный вопрос – не столько о городе, сколько о системе правильного расселения и организации деятельности такой кривой страны, как наша, где город для бизнесменов, а не для государства, выступает лишь средством решить такую проблему деятельностного оживления социальных процессов. А потому, с учетом того, что город – центр деловой активности, и представляет собой особенный продукт, интуитивно воспринимаемый к тому же нами как некий крупный недвижимый объект (не ползучий в управляемо-оперативном режиме, и уж точно не мобильный в таком режиме; гуляй-города не в счет – они не центры деловой активности, а вот тема водных поселений сегодня весьма популярна – здесь можно подумать, как ее можно было бы зацепить), то возникает вопрос о степени и характере мобильности (включая деконструкцию и реконструкцию на новом месте) объектов инфраструктуры разных масштабов и специализации, что становится более актуальным с учетом того, что часть инфраструктуры предлагается рассматривать в качестве торгуемого продукта, а значит – целостно развиваемого, меняемого и движимого. Ведь если, наконец, уже существуют профилированные рекреационно-туристические мобильные города-корабли (исторические формы плавучих поселений давно известны), то почему не может быть "более привычного" сухопутного города с экономическими задачами? Здесь также можно вспомнить пример из лекций О.Григорьева

насчет мобильных производств в Мексике и других странах, и примерить подобное для сельхозки, учебно-офисных и технопарковых центров (кампус Дальневосточного университета на о.Русский, в который превратили здания, ставшие бесхозными после Азиатско-Тихоокеанского саммита), систем коммуникаций и объектов жилого фонда.

Соответственно, здесь следует ставить вопрос о производстве такого рода объектов под степень динамики спроса и вкупе с вопросом о типологии транспортно-логистических решений, поскольку последние начинают зависеть от размещения и реконфигурации объектов инфраструктуры (стоит заметить, что весь транспорт продолжающейся нынче эпохи поршней и турбин был завязан на капитальную, фундаментальную, недеконструируемую и немобильную, но ремонтируемую, инфраструктуру).

Фактор мобильности объектов инфраструктуры должен быть рассмотрен (даже, наверное, в первую очередь) в аспекте их быстровозводимости – хотя бы потому, что этот аспект соединен со сроком управляемо создаваемой среды как критерием оценки инвестиционной привлекательности проекта. Последнее, впрочем, не новость: тема быстровозводимости сегодня привычна для производств, торговых центров, аэропортов, "домов-городов" (по типу "сталинских высоток" и более поздних проектов), технопарков (те же здания в девелоперском по сути проекте "Сколково") и прочих объектов, главным, единственным или существенным компонентом которых является терминал как объемное решение. Но, безотносительно к этому аспекту, для нас все равно остается актуальным вопрос о сроках формирования такого продукта, как город, который оказывается значимым как для инвестора в него, так и для инвестора в фирмы или филиалы фирм, планируемых к размещению в нем.

Далее стоит собственно вопрос об устройстве системы таких городов, распределенных на некоторой (в нашем случае – необъятной российской) территории, поскольку именно связи между 1) такими, управляемо-планируемо-франшизными городами и 2) между такими городами (наверное даже "деловыми поселениями", ибо слово "город" нас обманывает своими коннотациями, равно как слово "бизнес", кстати) и поселениями, исторически сложившимися, неизменно должны и будут

устанавливаться хозяйственные связи, а также выстраиваться коммуникации, протяженность которых будет выступать в качестве фактора плотности организации территории страны (ойкумены) и во многом иметь определяющее значение для фактора мобильности объектов инфраструктуры и типологии транспорта. То есть в вопросе о системе городов заключено сразу несколько:

- о характере связей новых и старых поселений, если таковые вообще возможны (может, с последних нечего взять, и они будут постепенно "отживать свое");
- об условиях плотностного распределения поселений – особенно с учетом того, что франшиза в рамках деловых консорциумов и межправительственных соглашений может быть реализована как в ближнем, так и в дальнем, зарубежье;
- о возможности для комплекса или кластера (в пространственном смысле) новых городов реализовывать межгородские проекты с образованием экономических кластеров в отмеченном выше смысле (здесь же – отдельные вопросы о том, какое экономическое содержание может иметь идея таких "экономических городов-побратимов" и насколько такое побратимство способно быть размазанным по пространству планеты);
- о планировании спроса и переориентации мобильной инфраструктуры города под показатели нового спроса глобального или странового масштабов (кстати, гибкость такого спроса – существенное основание для рассмотрения вопроса о мобильной или трансформируемой инфраструктуре, которую, в свою очередь, нужно соотнести с критикой идеи диверсификации производств Григорьевым, только применительно к масштабам торгово-промышленного региона, каковым является город);

В рамках упомянутого выше дизайна планетарного масштаба и предлагается создание городов в качестве не столько даже торгуемого продукта, сколько, прежде всего, производимого под некий спрос эргона – как правило, под спрос крупных экономических групп влияния, для которых деньги играют вполне инструментальную и административную функцию. Причем такой "город-как-товар" (или, лучше сказать, "деятельностная среда как товар"), представляющий собой некий продукт, на который есть платежеспособный спрос (то есть нечто нужное и полезное, на что стоит тратить время и усилия),

может производиться в самых разных масштабных линейках: от дачного кемпинга до мегаполиса.

Между тем, город, формирующийся в процессе исторического естества, и город, формируемый товарно-искусственным образом, есть образования, имеющие свой цикл жизни, только последний оказывается более адаптивен к собственной диссоциации и трансформации, а также к диссоциативным процессам, возможным в системе коворкинговой работы проектных групп.

Три давних аспекта

Если говорить о городе-товаре, то, конечно, следует быть готовым к вороху принципиальных проблем и задач, которые тут обнаруживаются. А поскольку лучшей тактикой оказывается считать, что типичные проблемы имеют типичные решения, постольку здесь оказывается недурным обратиться к историческим примерам чего-то похожего; и первое, что здесь вспоминается – торговый город Гамбург, хотя такой подход, весьма вероятно, и не будет очень продуктивным в силу того, что и Гамбург не был городом-товаром, поставляемым "под ключ" (который градостроители выносят не победителю, но покупателю) или "в коробке" (в середине XX век проект такой коробки назывался "Девятое небо"), и сама история, в известной нам ее части, вряд ли предложит что-то подобное в понятиях индустриального или постиндустриального городского поселения – за исключением разве что военных лагерей, обмениваемых на "принцессу" замков срочного возведения (но это уже феодальная фишка), да (уже более близких чему-то индустриальному) готовых поселковых инфраструктур геологических экспедиций, во многом следующих традициям той же регулярной военно-полевой каструметации классической эпохи. Эти все примеры, разумеется, будут учтены при поиске и оценке подходящих решений. В частности, город как товар, покупаемый проектантами и населяемый ими, должен быть как раз демаркирован от своих средневековых подобий, когда сеньоры обменивались городами и завоевывали их, воспринимая города как целостный полуресурс-полутовар, причем не только по основанию особого социального актора, представляющегося субъектом интереса в таком городе, но и по основанию отмеченной мобильности компонентов его инфраструктуры, носящему скорее технологический характер. К тому же владетельные средневековые сеньоры никогда не покупали ни часть

городской инфраструктуры, ни бизнес по ее производству и обслуживанию – это купеческое занятие было немыслимо для суверена, распространяющего свой суверенитет на тотальность жизни, равно как немыслимым было то представление о той инфраструктурной сложности, требующей разделения труда и обеспечения согласованной работы, что связана с численностью населения общества, преодолевшего проблему демографических циклов пока что единственно известным человечеству способом – созданием капиталистической экономики. И уж точно, суверены не покупали город для того, чтобы "довести его до ума" и продать кому-то: их задача заключалась в распространении своего влияния через экстенсивное расширение пространства присутствия и получение в свое распоряжение как можно большего числа земель и городов, а не в улучшении качества "принадлежащей Богу" среды обитания – тем более ради какого-то "творчества народных масс"; последние должны были быть исправно встроены в принадлежащую суверену или сеньору малоденежную или даже безденежную систему разделения труда, работая на его интересы и получая от него милостивые благоволения за верную службу, нередко в натуральном виде. Иное дело – вольные торговые города, но этот феномен, при столько сильной похожести на то, о чем здесь идет речь (прежде всего, магнатским характером правления), столь сильно вписан в контекст европейской истории начала "эпохи денег", что извлечь его и применить сегодня в чистом виде не представляется возможным – прежде всего, потому, что сегодняшняя экономическая реальность связана с серьезным кризисом капиталистической системы в целом и денежного обращения в частности – причем достаточно сложного, работающего на несоизмеримо более сложные инфраструктуры и социумы. Не говоря про то, что в те времена комплексная селитебная среда просто не могла даже мыслиться в качестве торгуемого продукта, и что в контексте сегодняшнего дня речь снова идет о человеке нового типа, не являющимся прямой калькой с типологических форматов прошлого.

Также вольные города предренессансного периода возникли из отделения денег от государства, но сами деньги имели государственную природу. Именно поэтому для нового города-поселения, возникающего вследствие кризиса того периода, что начался вольными городами, здесь

рассматриваются новые модели денежных отношений, включая предположения о возможностях криптовалют, проходящих горнило сомнений, исходя из предпосылки о неком вызове, на который они стали ответом. Деньги вольных городов по-любому были чужими деньгами, взявшимися как будто "из ниоткуда". В городе проектантов это должны быть собственные деньги города, и они не должны быть зависимыми от государственных структур или структур, несущих возможность огосударствления, но более того: их задача – институционально воспроизводить способ бытия проектантов, которые не есть проектанты-протестанты именно в силу того, что в своей данности они преодолевают как исчерпанность торгово-финансовой модели, так и современный протестантам абсолютистский и конституционалистский типы монархической государственности. К тому же для города проектантов заведомо не актуален конкретно-исторический конфликт гвельфов и гибеллинов.

Между тем, хотя идея города-товара демонстрирует радикальное качественное отличие от идеи да исторических форм прочих городов, набор основных аспектов требований к нему соответствует прочим и сводится к трем, это:

- способы формообразования и разграничения объемов – собственно объемное, или архитектурное, проектирование (в котором, для случая города-товара, особую роль будет играть фактор мобильности);
- способы обеспечения экосистемы и жизни, включая экономический примитив сельхозки (но реализуемый, с учетом нынешних возможностей, климатронным способом);
- способы коммуникации, включая систему денежного обращения.

Именно здесь для города-товара, работающего на трансцендентального человека-проектанта, я предлагаю в качестве гипотезы более пристально рассмотреть модель денег, основанных на принципе персональной ограниченной эмиссии, безотносительно к тому, имеют ли они электронный формат и называются ли биткоинами или как-то еще. Остановлюсь на этом аспекте более подробно в отдельной главе, поскольку первые два аспекта уже давно не новость как в теории, так и в практике архитектуры и дизайна.

О профессиональной урбанистике и сопряжении ее с неоэкономикой

О.Григорьева

Эмпирически наблюдаемый закат эпохи капитализма одновременно означает закат экономической науки как знания, обобщающего теорию и практику капиталистического хозяйствования. Взамен этой науки на первый план выступает архитектура как познавательная предшественница экономики (см., к примеру, "Десять книг о зодчестве" Альберти) и тесно примыкающая к ней (если не происходящая от нее) фортификация, но в новом обличии более развитой, целостной и комплексной науки урбанистики, которая, только возникнув и просуществовав несколько десятилетий в младенческом состоянии, еще должна трезво осознать себя в таковых условиях.

Стоит сказать пару слов о том, почему не стоит бояться вопросов о том, профессиональный ли вы специалист по урбанистике. Этот момент стоит отметить, поскольку нередко в попытках обсуждать проблемы городов и поселений присутствует определенное непонимание и фрустрации, связанные с неясностью того, где этих самых профессионалов брать. Прежде всего, сермяжная правда урбанистики во многом связана с пониманием и бриколажем того, что человек способен преодолевать макросоциальные стрессоры на микроуровне своего жилища и своей жизни, то есть его жизнь и пространственная ойкумена способны быть антихрупкими, его жилище – в определенном смысле неуязвимым. Кроме того, любой хаос социального урагана оставляет место для окна стабильности, а значит – предпосылки неуязвимости.

Вместе с тем, проблема урбанистики как науки проявляется в двух аспектах: 1. предметном и 2. прикладном.

1. Собственно, это предмет науки, выходящий (или, вернее, преодолевающий) сразу несколько: экономику – в сторону экологии, архитектуру – в сторону ландшафта. Сюда же примыкают демография, политология, социология, культурология, антропология, этнология и, пожалуй, весь ворох общественных наук – не считая предметов из иных областей вроде гигиены, медстатистики, телеком-электроники и транспортной логистики. Хотя бы приблизиться к освоению такого

комплекса, выбирая из предметов нужное для сочетания с целью решения конкретных задач – значит уже быть универсальным, ренессансным, исследователем. Можно ли в этом смысле сказать, что большинство занимающихся урбанистическими проблемами с позиции одной предметной области – универсалисты, а потому способны наиболее целостно охватить урбанистическую проблематику? Не сомневаюсь, что таковые есть и были (В.Л.Глазычев тому яркий пример), но я бы не сказал, что большинство занимающихся вопросами человеческих поселений хотя бы в неполной мере отдают себе отчет в искусственности разделения общественных наук и в том, что последнее преодолевается как раз урбанистикой (хотя, возможно, интуитивно догадываются об этом). Она же по праву мыслится как большей частью прикладная наука. И тут есть смысл перейти ко второму пункту.

2. Возможность что-то сделать в общегородском плане сегодня связана с возможностью контролировать поселение как предмет модернизации в его актуальном состоянии, включая оперативную идентификацию актуальных проблем и перспектив изменения поселенческой среды. Любая локализованная для города (особенно столь сложного, как мега- гигаполис или агломерация) позиция отдельного бизнеса или подотрасли его жизни для оценки не подойдет, поскольку город целиком, как то обнаруживают наиболее трезвые и обстоятельные исследователи самых разных эпох – органическая целостность, и оценивать его нужно как таковую. Единственным коммерчески используемым средством точной оценки комплексных рисков на сегодняшний день оказывается актуарная математика, применяемая в страховом деле – давнем и даже, пожалуй, исходном для всего финсектора, однако все равно слишком локализованном по отраслям, чтобы вести речь об организме городского масштаба и принимать решения с акцентом на четкую перспективу.

И здесь вспоминается другое точное средство, созданное специально для целостного мониторинга урбосреды, основанное на изначальной предпосылке о том, что город – органическая целостность, или же аристотелева энтелехия. Это та самая системная динамика Дж. Форрестера. Не вижу смысла вообще поднимать вопрос о том, много ли в мире существует специалистов-практиков применения СД, а также тех, кто способен работать на стыке СД и актуарной математики. Между тем, скорее

всего, именно такие специалисты могут оказаться наиболее востребованными для решения прикладных проблем городской среды: сочетание инструмента оценки рисков с инструментом гомеостаза сложных систем еще должно быть осуществлено. Однако и в этом случае такой уникальный прикладник еще не будет универсальным специалистом по урбанистике, подобно тому, как владение техникой лабораторной диагностики еще не делает медработника врачом.

А в рамках этих, последних, вещей, довольно лаконично и недвусмысленно выстраивается содержательная связь между неоекономической теорией и кибернетическими концепциями Бира и Форрестера; ну и некоторыми моими построениями, кстати. Но прежде, чем изложить дальше нехитрое повествование, хотелось бы отметить, что замечательные догадки кибернетики "второй волны" об управлении жизнеспособными системами, частным случаем которых рассматриваются человеческие поселения, работали над решением хозяйственных задач и проблем в парадигмах экономической ортодоксии – как в случае автоматизации госуправления проекта Cybersyn, так и в случае применения системно-динамических моделей Worls группой Форрестера-Медоуза для оценки перспектив глобального присутствия человечества на планете. То есть, располагая великолепной концепцией и даже прикладными средствами управления жизненной средой, сообразовывались с корпусом положений о денежно-ресурсном управлении обществом (кстати, частным относительно самой кибернетики), несущим набор не проясненных парадигмальных изъянов. Не в этом ли кроется причина неудач кибернетики "второй волны", очевидно выходящая за рамки по отдельности весьма обнадеживающих проектов?

Итак, один из ключевых моментов Неоекономики состоит в том, что она предлагает парадигму взаимодействия нескольких воспроизводственных контуров (ВК) взамен парадигмы саморазвития одного контура из себя самого – так называемой "национальной экономики", от которой отталкивается ортодоксия. Минимальное число взаимодействующих ВК – два, и это, как правило, контуры с высоким и низким уровнями разделения труда. Между контурами существует товарно-денежное взаимодействие в обе стороны, осуществляющееся изначально – в пяти возможных режимах, в

более поздней версии – в семи[20]. Соответственно, такая концепция уже имеет дело с системно-динамической обратной связью и графовой моделью экономической системы с дуговыми связями емкостью минимум равной двум, а также показателем внутриузловой дифференциации. А также соответствует принципу построения Viable Sistem Model (VSM), или модели жизнеспособной системы по С.Биру.

Конкретным объектом моделирования оказывается проектируемый город, взятый как система таких воспроизводственных контуров – локализованная в природной среде ойкумена для философско-антропологического типа проектантов как доминирующей в таком городе социальной группы (и, соответственно, воспроизводимой там в качестве доминирующей). Исторические и структурные подобия такого рода поселений (города торговцев прошлого – Гамбург, Венеция) не актуальны и не подлежат моделированию.

Деятельность доминирующей социальной группы города акцентируется на принципах коллаборации и кооперации – от заинтересованных в моделировании и реализации города инвесторов до рядовых жителей. Инвесторы проекта города-как-продукта образуют консорциум и договариваются о местах в будущей системе ВК (локальных воспроизводств и логистик) для оптимальной реализации возврата вложенных средств с прибылью. Что, в свою очередь, соответствует коллегиально-ротационно-регламентному принципу экспертной компоненты управления аналогично методу Team Syntegrity С.Бира.

Наилучший способ вернуть вложения с прибылью – встроить город в мировую торгово-финансовую систему, то есть допустить в ойкумену часть ВК, расположенных в мировой системе. То есть город проектантов мыслится как частично открытая система контуров, не замкнутая лишь на саму себя. А потому моделирование города, а также прогнозно-аналитическая компонента управления, также будут ориентироваться на факторы глобальной целостности, аналогично модели World для исследований по заказу Римского клуба.

[20] Соответственно, в монокультурном, инвестиционном, постепенно- и скачкообразно догоняющих, кластерном, а также транзитном и офшорно-финансовом.

При этом как для организации системы взаимодействия экспертов, так и для создания VSM городской среды, может быть задействован принцип поливерсальной модельной структуры, оказывающийся применимым как для неоекономической теории (что было изложено в двух моих статьях), так и для системно-динамической модели жизнеспособной системы, ориентированной на гомеостатический баланс последней. В этом смысле здесь оказывается возможным соединить ключевой общебиологический принцип гомеостатического баланса с парадигмальной неоекономической установкой на принцип хозяйственного дисбаланса, привносимый в доденежный ВК деньгами. В этом смысле VSM города предстает как система мест различной концентрации инвестиционных средств, чередующихся одно за другим посредством управляемого внесения денежного дисбаланса (и, соответственно, ростовых процессов) в отдельных зонах, и балансовой стабилизацией во всей системе (или некоторой подсистеме) контуров города. Таким образом, влияние финансовых шоков для компонентов с низким уровнем разделения труда (дифференциации деятельности) оказывается возможным минимизировать, а также попытаться представить такой подход к управлению социумом через VSM в глобальном масштабе.

Таким образом, нужна модель города, соответствующая интересам инвесторов, статистически уточняемая относительно задач возврата вложений и обеспечения гомеостаза всей городской системы с учетом перспектив шоковых и планируемых торгово-финансовых дисбалансов в результате взаимодействия участвующих в ней ВК. А значит, необходим набор команд аналитиков и разработчиков проекта, включающих в себя специалистов по системной динамике, актуарной математике, урбанистике, программированию и использованию программных средств аналитической поддержки систем ситуационно-прогнозного управления для компьютерной реализации вычислительных аспектов проекта.

Сообщества низового уровня в аспекте локальных инфоком-сетей (в качестве приложения)

Когда власть становится преступником, право быть судьей получает народ. Беда в том, что суд этот, свершаемый гласом народным как гласом божьим, осуществляется, как правило, через бунт и смуту, когда вместе с "грязной водой" выплескивается и вполне здоровый "ребенок". Когда верхи не могут,

низы, согласно классике, не хотят; но не только – они не могут, ибо, будучи низами, не знают. Однако сегодня, когда массовость умелого, но необразованного пролетариата сменяется массовостью образованного, но неумелого, эдьюкариата, знания могут быть распространены и получены, и требуется их конвертация в системные действия гражданской самоорганизации, исключающие либо резко снижающие риски социальных шоков, с одновременным перехватом контроля над повседневной экономической активностью. Здесь представлены структурные основания для низовой самоорганизации общества, соответствующие гипотезе о разделении труда на основе одноуровневой (либо малоуровневой) кооперации малых социальных групп.

В природе такого рода формы самоорганизации встречаются сплошь и рядом, а потому изложенное в виде схем и текстов носит перипатетический характер. Но это одновременно значит, что изложение неизбежно является и кибернетическим, и урбанистическим. В ходе обсуждения этих идей в группе экспертов НИЦ "Неокономика" было высказано опасение насчет сведения вопроса к постулированию энгельсового "идиотизма деревенской жизни"; тем паче это актуально, что, по одной из версий неономадического альтерглобализма, идущего от валлерстайновской мирсистемности, глобальным "новым кочевникам" противопоставлено забитое в локусах низовое население, где такой идиотизм возводится в степень на принципиально новых основаниях. Сразу оговорюсь, что речь в моей небольшой презентации, сделанной в НИЦ, не о том: оптимизация жизни "на местах" для меня вовсе не означает резкого сужения горизонта сознания и отказа от вселенского масштаба человеческого существа. Речь идет об инструментальном комплексе предметных различий, определяющих стратегии коллективного выживания – не больше, но и не меньше. И этот комплекс, на мой скромный взгляд, как раз способствует и обеспечению возможности беспрепятственного выхода за рамки локуса, и сохранению широты сознания. Тем более, что подобные прецеденты общественной организации в Истории уже были, хотя рассмотрение этих прецедентов – тема отдельного поста.

О чем, собственно, шла речь в презентации от 2013 года? Если в целом, то были предположены операторы локальных инфоком-сетей в качестве

организующей основы местных социальных групп, или нишевых социальных инженеров инфраструктурного уровня. Понятно, что для такого решения эти операторы не должны быть зависимы от более масштабных инфраструктурных ИТ-игроков.

Далее привожу текст материала с разбивкой на слайды.

Слайд 1

Все большим числом экспертов самых разных познавательных и ценностных установок признается как факт, что:

- «средний класс» исчезает;
- общества европейского типа (включая Россию) поляризуются по уровням доходов;
- титульные носители национальных культур и языка активно вытесняются массой мигрантов в процессе нарушения этноконфессионального баланса;
- солидаризация и содержательное взаимодействие между носителями титульными носителями национальных культур низкая;
- начнается глобальный процесс регионализации, затрагивающий все уровни хозяйственной и общественной жизни;
- возможности для ведения малого бизнеса и обеспечения домохозяйств на приемлемом бытовом уровне в легальном пространстве ничтожно малы;
- нарастают внешние и внутренние кризисные процессы экономического и цивилизационного характера, катализируемые со стороны официальных властей, разрушающих системы культурного и общественного воспроизводства;

- и так далее…

Для выживания российского общества в системно-кризисных условиях требуются системные способы самоорганизации его рядовых членов, обеспечивающие их самозанятость, культурную идентичность и приемлемый уровень бытовых условий.

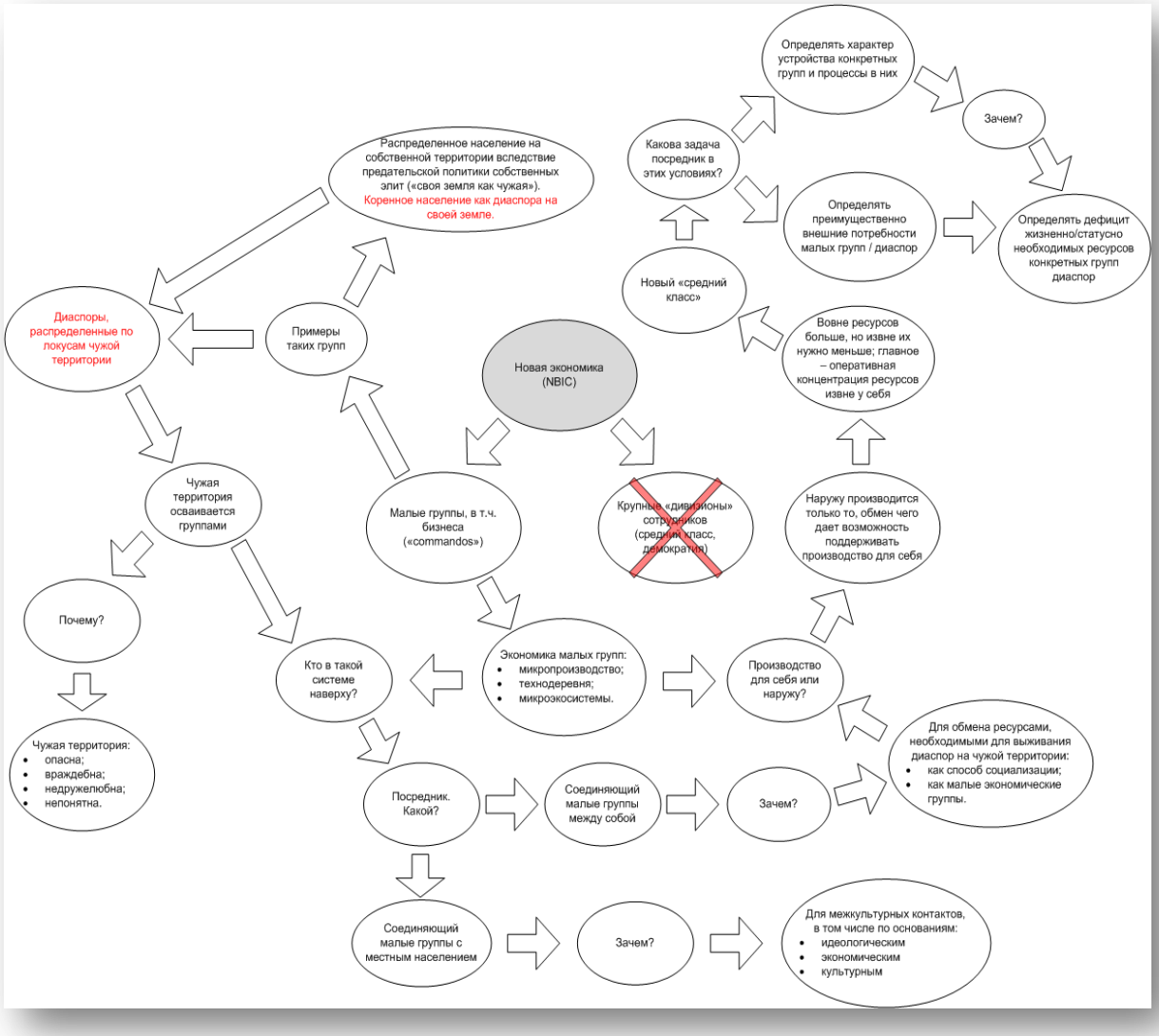
Основная гипотеза при таком рассмотрении состоит в том, что наиболее оптимальным способом самоорганизации общества в складывающихся условиях будет формирование одноуровневых сетей малых социальных групп. Такая форма позволит оптимально взаимодействовать, распределять ресурсы, производить быструю ротацию экспертов и противодействовать отмеченным негативным факторам (прежде всего, имущественной поляризации).

Слайд 2

Малые социальные группы образуют малые соцсети, которые объединяются «посредником» в метасеть, но сами не заинтересованы в экспоненциальном расширении рынков сбыта и больших безразмерных соцсетях. Посредник – «диспетчер», «связующий материал», «Гермес», по основаниям потребностей. Его интересуют отдельные пользователи, но не как потребители, а по степени их интегрированности в группы и способности предлагать себя группам. Посредник выполняет социальную роль фактора неиерархической регуляции системы разделения труда, динамика которой не экспоненциальна и отличается от индустриальной экспоненциально-иерархической системы. Такими посредниками могут быть локальные инфокомм-операторы (в широком смысле), использующие пиринговые принципы работы.

К этому тексту приводится схема со стрелками, которая может показаться сегодня кому-то наивной, однако для иных, возможно, не лишенная смысла.

Ожидаемая конъюнктура хозяйствования: «свои как чужие»



Слайд 3

Понятие о социальной сети: преодоление расхожего представления:

- социальная сеть как реальная система межличностных и межгрупповых связей, организующая общество;
- социальная сеть как система формирования межличностных и межгрупповых связей в онлайновом пространстве с помощью социального софта.

Слайд 4

Кто есть пользователь соцсети?

- Это реальный человек или виртуальный фантом?
- Насколько достоверны предоставленные сведения?
- Можно ли доверять так представленным лицам?

Неясность и недоверие часто затрудняют общение, ради которого создается «чистый виртуал» соцсетей на базе одного лишь интернет-протокола.

Слайд 5
Существующие онлайн-сообщества: какова основа общения?

- Нет принципов построения сообществ на содержательных основаниях;
- такие сообщества неустойчивы;
- нет надежной среды продвижения товаров и услуг предприятий любого уровня;
- нет надежной монетизации соцсети (социальный софт вообще создается не для этого).

Непонятные друг другу люди говорят непонятно о чем. Они не знают и не понимают друг друга…

Слайд 6
Сети: проблема общения (инфраструктурная и социальная)

- Обычная социальная: отдельно от физической инфраструктуры (Владельцы социальных сетей предоставляют услуги общения, но не гарантируют «реальность» собеседника); и
- IP-соединение: на основе физической инфраструктуры (операторы «последней мили» имеют дело с реальными людьми – пользователями услуг, но это не услуги общения).

В обоих случаях - лишь видимость связи, реальной межличностной связи нет.

Появление социальных сервисов среди IP-услуг (включая деловые крауд-сервисы), а также инфраструктурных решений низового уровня (включая darknet-инфраструктуру) – логичный этап развития телеком-сетей.

Слайд 7
Два вида Value Added Servises (VAS) для локальных операторов гражданской коммуникации низового уровня (в т.ч. легальные «операторы последней мили»).

Реальные сети + реальные пользователи = реальные товары и услуги = реальная экономика конечного спроса.

Имеем два вида VAS как два источника доходов операторов:

- виртуальные VAS (brpы, видео, ТВ, музыка, софт, новости, почта, форумы и т.п.) - завязаны на скорость и "полосу";
- реальные VAS (ЖКХ, места досуга, бытовые и авто сервисы, магазины, ярмарки, WiFi-зоны, учеба, спорт, детсады, школы, поликлиники, ветклиники, загсы, карты, маршруты, оплата проезда и т.п.) - завязаны на социальное взаимодействие.

Слайд 8
Сети: решение проблемы для урбосред.

«Офлайновая» проблема крупных городов: будучи соседями, люди разобщены. В сегодняшнем онлайне – то же самое!...

В повседневной жизни приходится самостоятельно искать информацию о местах, благах и лицах, не связанных с местами частого пребывания.

До понимания взаимных интересов и поводов общения пользователи IP-услуг уже объединены реальным соседством.

Местные инфраструктурные инфокомм-решения концентрируют информацию о местах, благах и лицах вокруг каждого пользователя на основе географии их выхода в сеть.

Слайд 9
Что это дает?

Общение в такой сети становится более содержательным. Пользователь больше заинтересован в поиске пока неизвестного ему, но ближнего круга общения. Ему легче достичь взаимопонимания с онлайновыми собеседниками, поскольку территориальная близость создает общность интересов скорее, чем «чистая виртуальность».

Слайд 10
Общение: реальные поводы.

Такой онлайн возвращает людей к самим вещам и меняет качество потребления.

Слайд 11
Брендинг как «продажа образа жизни»: смена парадигмы.

[Традиционное] увязывание «сверху» образов жизни [представлены логотипы известных транснациональных брендов], как правило, сомнительной престижности.

«Низовая социалка» меняет качество брендирования: для нее открываются перспективы cash flow на основе новых форм продвижения и схем формирования спроса. Тагетирование рекламных посылов становится прецизионным.

Коррекция предложения «снизу», ориентированная на реальный образ жизни и жизненный мир пользователя. User Generated Branding (UGB) становится фактором локального воспроизводства. Местные артельные и кооперативные формы (фирмы) в структурах сообществ рассматриваемого типа получают устойчивые позиции по доверию и эффективности.

Следовательно, продвижение крупных и транснациональных торговых марок получает более жесткую фильтрацию и становится не исключительным.

Слайд 12
Мотивация присутствия в «локальном онлайне». Человеку может быть интересно то, что рядом, особенно когда он получает новые операциональные возможности, в данном случае – онлайновые.

Факторы брендирования:

- окружающие блага и ресурсы;
- система жизненных интересов.

Оффлайновые блага:

- ближняя инфраструктура (ЖКХ, магазины, сервисы, etc.);
- ближние площадки самореализации (клубы, НКО, спортцентры, etc.).

Жизненные блага:

- базовое жизнеобеспечение;
- социально значимые;
- экзистенциальные, межличностные.

Предметы общения:

- условия жизни на территории;
- участие в жизни на территории;
- средства формирования жизненного мира.

Слайд 13
Низовая инфокомм-инфраструктура – основа посреднической организации локальных и малых сообществ.

Предметы общения в сети связаны с повседневными интересами, которые обеспечивают конкретные поставщики услуг.

Благодаря сети жители района в индустриальном городе начинают жить как одна большая дружная деревня… городского типа.

Слайд 14
Характер ГИС в низовых сообществах.

Локальность присутствия низовых сообществ оставляет открытым вопрос о характере и степени интегрированности локальных инфокомм-посредников по масштабу.

Слайд 15
Посредническая организация внутри малых сообществ должна быть местной. Для обеспечения автономно воспроизводимого UGB на локальном уровне посредничество как общественно значимый фактор организации общества должно формироваться внутри и ради существования этого общества, а не извне!

Структура «общества малых групп» выразима на диаграммах Воронова-Дирихле, ибо в их центре почти всегда можно вычленить лидеров, и связывать группы триангуляциями (в виде нейросетевой модели структура сообществ малых групп выразима на картах Кохонена). При этом посредник обеспечивает не мистическую связь общества, а отсутствие связей между группами не носит катастрофического для их хозяйствования характера.

Отсюда – определение и расширение потенциальных зон влияния и ответственности диаспор на своих коренных территориях.

По мере выстраивания коммуникации в локальной среде повышается значимость межтерриториальных сервисов.

Таким образом, основной пафос документа (для многих сегодня наверняка кажущийся наивным) ориентирован на предположение о том, что локализованное присутствие человека на локальном уровне его повседневности может быть связано с гарантированным набором элементарных благ цивилизованной жизни в селитебном пространстве рубежей XX и XXI веков.

О перспективах наук и технологий

Среди трезвых взглядов на технологические тренды: комментарии к прогнозу NIC до 2030 года

Доклад National Intelligence Council (NIC) под заголовком “Global Trends 2030: Alternative Worlds”, посвященный будущему облику мира, вызвал широкое обсуждение в узких экспертных кругах где-то с января 2012 года, однако, по причине его не переведенности на русский язык с английского, вне поля зрения остались некоторые важные обстоятельства, касающиеся перспектив развития, прежде всего, научно-технологических направлений. В свете того, о чем сегодня ведут речь сторонники концепции конца научно-технического прогресса, а также процессов, разворачивающихся вокруг российской системы науки и образования, следует обратить внимание на те вещи, что изложены экспертами американского разведсообщества по поводу доминантных технологических трендов в свете ожидаемых перспектив.

По факту перевода доклада от National Intelligence Council (NIC) возникли некоторые соображения. Доклад не теряет актуальности по сей день. Излагаемые[21] проспекции спецов из Западного Полушария, отраженные в этом документе, приводятся в дополнение к соображениям про роль Российской Академии Наук в происходящем вокруг бардаке, к предложениям подъема экономики с различных точек роста, выдвигаемым сегодня российскими светилами, и того, что считать примером стратегической оценки доминантных факторов глобального развития (коими являются технологии), способных определять глобальных игроков. С другой стороны, акценты NIC интересны в связи со взглядами, излагаемыми российскими авторами концепции технологических зон.

Закономерен вопрос про то, почему свежий доклад главного аналитического подразделения National Intelligence Council (NIC) при Директоре разведсообщества США был опубликован в открытой печати. Объяснения политикой открытости американского разведсообщества, его директора, а также то, что такое подразделение занимается подтверждением "секретов Полишинеля", каковое подтверждение тут же можно открыть широкой общественности, не принимаются. Равно как не принимается и то, что

[21] https://ru.scribd.com/doc/115962650/Global-Trends-2030-Alternative-Worlds (активно на 2016 г.).

доклад сделан на основе открытых источников, а потому может быть опубликован как "нестрашный", ибо "источники доступны каждому". Не совсем так. Сами источники доступны каждому (и то в известной степени), а вот методы и средства их обработки – нет. Полученная из этих источников информация, если она не тавтология, обычно есть результат большой работы, и нередко достаточно ценной, чтобы быть встраиваемой в более комплексные исследования, исключительность результатов которых, в свою очередь, совсем не предполагает мгновенного афиширования. Тогда зачем, спрашивается, те же секреты Полишинеля про растущую мощь Китая и скатывание России в экономико-демографическую яму обнародуются от имени NIC, а не какого-нибудь TNS, Gallup, GFK или иного международного измерителя? Это что, такой способ официально заявить неофициальную позицию США по международным вопросам в канун очередного послания президента России Федеральному Собранию РФ, в рамках которого он, кстати, действительно по странной причине не затронул международных вопросов? Дескать, ты – "городу", а мы – "миру", но деньги миру – вперед. Более достоверных объяснений тому я не наблюдаю. Не говорить же, в самом деле, про то, что доклад NIC выпущен с целью манипуляции общественным мнением! Во-первых, "общественное мнение" про эти мировые перспективы и так знает (либо эти перспективы ему безразличны), а во-вторых, доминантный способ такого манипулирования в мировом масштабе сегодня – не заявления "капитана Очевидность", а пересказы снабженных цифрами ужастиков по мотивам знаменитых докладов Римскому Клубу, но под вывеской малоизвестных "независимых" исследовательских компаний.

Вряд ли тот факт, что доклад разведсообщества США появился в открытом доступе, свидетельствует о том, что содержащаяся в нем аналитическая информация касательно технологических направлений является дезинформацией каких-то групп – она вполне подтверждается другими источниками и наблюдениями. Скорее, его следует рассматривать как ряд намеков, ориентированных на ряд вполне определенных познавательных контекстов. В свою очередь, не должно смущать и то обстоятельство, что глобальное исчерпание рынков сбыта с последующей фиксацией разделения труда и сворачивания научно-технического прогресса в его известной форме

принципиально прекратит любую научно-технологическую деятельность и лишит последнюю инвестиционного обеспечения – судя по направлениям. Как раз наоборот: скорее, изменятся цели инвестиций, а также форма их возврата, но эти инвестиции будут иметь, так сказать, иной характер связанности с массовым рынком, если вообще они будут с ним связаны.

Кроме того, обозначенные NIC направления развития технологий вполне согласуются и с грядущей регионализацией мира, и с неономадическими представлениями о глобальной сети инфраструктурных оазисов за высокими стенами, окруженных «землями варваров». Конечно, в докладе NIC, адресованном администраторам США, не шла речь о неономадизме, глобальном апартеиде и управляемой невоенной депопуляции, однако излагаемое в нем вполне себе вписывается в эти вещи. Безотносительно к тому, в какой степени фашизоидности и геноцидности будет происходить процесс трансформации мира, селитебных территорий и организации инфраструктуры в них, ясно (во всяком случае, для меня) одно: общий тренд технологического развития – управляемое воспроизводство и создание биологических и подобных им процессов на разных уровнях и в разных формах. А это значит, что эпистемические установки будущего и соответствующий дискурс научного мейнстрима будет неизменно панвиталистическим.

Еще одним моментом, характеризующим науку будущего, скорее всего, станет то обстоятельство, что ее облик будет формироваться преимущественно выходцами из спецслужб – разного рода intelligence, подобно тому, как некогда облик науки формировался сначала духовной элитой – монахами, выспрашивающими у Бога про природу, а затем – интеллектуальной элитой, учеными, ратующими за «научную истину», не признающими границ и текущими туда, где им есть место для самореализации, как капитал. Похоже, сегодня ситуация меняется, и облик науки будут определять те, кому не чужда фраза «с чего начинается родина?», и это обстоятельство, скорее всего, также будет иметь глобальный характер, а значит, тем или иным образом должно затронуть и российское академическое сообщество.

Какие же направления технологического развития прогнозирует человечеству National Intelligence Council до 2030 года?

По мнению авторов доклада, глобальные экономические, социальные, и военные события 2030 сформируют четыре технологические арены:

- информационные технологии;
- автоматизация и производственные технологии;
- ресурсные технологии;
- медицинские технологии.

С одной стороны, эта «четверка» пунктов отчасти соответствует «четверке» NBIC, с другой – представляет собой нечто самостоящее.

Информтехнологии сосредоточатся на:

- решениях для хранения и обработки больших объемов данных;
- технологиях социальных сетей;
- решениях «умных городов», охватывающие целый ряд городских технологий.

То есть NIC прямо и недвусмысленно указывает на то, что отрасль ИТ будет играть ключевую роль в формировании урбанистики нового типа. Говоря в общем, это концепция «умного дома», расширенного до концепции «умного города». По правде говоря, это было заметно уже во время массового распространения мобильной связи и VAS, однако в данном случае речь уже идет о неком, комплексном, направлении, осознанно различаемом на достаточно высоком экспертном уровне и сопряженным с направлением управляемого социума и «традиционным» направлением обработки данных. К последнему, в частности, относятся разного рода swarm-анализаторы и решения на новых архитектурных принципах вроде CUDA.

В технологиях автоматизации производства акцент будет сделан на:

- робототехнике;
- удаленном и автономном транспорте;
- аддитивном производстве.

Все направления будут сосредоточены как на военных, так и на гражданских, задачах, при этом, если первые два поинта здесь более-менее массово понятны (равно как хранение данных и соцсети для ИТ-направления), то аддитивное производство в этом смысле выбивается из ряда, равно как

технологии управления урбосредой. Но, поскольку «умный дом» достаточно широко известен, а потому и не трудны его возможные экстраполяции, остановлюсь на аддитивном производстве отдельно.

В отличие от классического индустриального «дивизивного» (но такое слово в докладе не используется), под аддитивным производством авторы доклада понимают различные 3D принтеры и средства получения изделий путем «соединения нужного», а не «удаления лишнего», в основе которого лежат преимущественно процессы режущей и абразивной обработки материала.

Аддитивные производства включают в себя технологии многослойного напыления, наноассемблеры, а также более широко известную 3D-печать, использующуюся для производства пластмассовых моделей в таких секторах, как потребительские товары, автомобильная и аэрокосмическая промышленность (хотя к 3D печати вполне относима и дивизивная CNC-металлообработка). По мнению экспертов NIC, в 2030 г. аддитивное производство может заменить некоторые виды обычного массового производства, особенно в случае малых предприятий, особенно там, где масса изделия имеет критическое значение. В аддитивных машинах используются системы автоматизированного проектирования (CAD) и компьютерные системы наведения лазера, экструдера или головки принтера, строящего объект послойно по принципу один слой за один проход инструмента. 3D принтеры могут генерировать геометрически сложные объекты, с внутренними полостями или движущимися частями внутри объекта, на что традиционные производственные машины не способны. Существуют также архитектурные 3D принтеры, печатающие дома по этому же принципу из специального строительного материала. С аддитивными технологиями производители могут избежать высоких первоначальных затрат на установку специнструментов. CAD файл может быть результатом лазерного сканирования поверхности другого объекта или лица, или может содержать медицинские данные – такие, как результат компьютерной томографии (КТ) или магнитно-резонансной томографии (МРТ), что позволяет строить объекты с формой и функциональностью кости или внутренних органов. Сочетание низкой стоимости машин и интернет-магазинов 3D файлов может демократизировать производство и расширить

возможности людей, оказав эффект, сравнимый с ранними ПК и Интернетом, когда небольшие компании смогли оказать большое влияние на рынки. Аддитивные производства могут привести к большому числу микро заводов сродни доиндустриальной революции ремесленных гильдий, но с современной производственной базой. Такие местные микро заводы могут производить значительное число продуктов, особенно тех, для поставки которых транспортные расходы традиционно высоки или сроки доставки неоправданно длинны, а также выгодны для сокращения и упрощения цепочек поставок.

Тем не менее, в докладе не было обозначено то обстоятельство, что, собственно, нанотехнологии из конвергенции направлений NBIC как раз и претендуют на статус технологической основы развития аддитивного производства, в противоположность дивизивному производству классической индустриальной эпохи. Однако в данном случае, в отличие от координатных «станковых систем», имеют место swarm-технологии, но уже на уровне производства, а не анализа.

К ресурсным технологиям американские авторы доклада отнесли:

- генно-модифицированные культуры;
- точное земледелие;
- технологии водопользования, включая, прежде всего, управляемые системы микроорошения (то есть, опять же, ИТ);
- биоэнергию из непродовольственной биомассы;
- солнечную энергию и фотогальванику.

В принципе, технологии точного земледелия уже сразу сливаются в конвергентном экстазе с микроорошением, и напрямую восходят к таким проектам, как Биосфера-2 и аналогичным экспериментам по управлению экосистемами в советском Красноярске (единственный, завершившийся успешно – сейчас красноярский проект взяло под свое крыло Европейское Космическое Агентство). Разумеется, доклад NIC обо всем этом не упоминает, но приведенные различия в рамках «ресурсного» направления недвусмысленно указывают на то, что прикладная кибернетика поворачивается лицом к своим истокам 1970-х годов, аккурат в то время, когда «кибернетика финансов» стала трещать по швам. Равно как в случае с аддитивным производством, управляемая «естественная» аддитивность

воспроизводящихся в биореакторах живых систем будет доступна малым и сверхмалым предприятиям. Иной вопрос – как все это будет решаться с точки зрения доступности технологий «мелюзге», а также в аспекте предстоящих глобальных климатических изменений, на которых авторы доклада все же останавливают свое внимание.

Разумеется, по поводу ГМ-продукции и биотоплива эксперты, дабы сохранить реноме, сделали соответствующие оговорки, которые широко известны и вряд ли стоят здесь внимания.

В плане технологий здравоохранения довольно любопытно звучат сами названия, обозначенные авторами доклада, это:

- “Disease Management” (буквально – «управление болезнью») и
- “Human Augmentation” (буквально «дополнение человека»).

Автоматическими переводчиками “Human Augmentation” переводится как «усовершенствование человека», но этот перевод не совсем верен. Здесь важно то, что «усовершенствование человека» как технология продолжает традицию «евгеники», направления которой развивались под аутентичным названием до и во время Второй Мировой Войны вполне себе известными персонажами в странах с весьма различающимися политическими режимами: в Третьем Рейхе и в СССР. А то, что относится к “Human Augmentation” («подъем», «приращение», «прирост», «увеличение» человека), представляет собой функционально-физиологичесое расширение возможностей человека, начиная экзоскелетами, протезами (печатаемыми на тех же 3D принтерах[22]) или органами, воссоздаваемыми сразу внутри организма с помощью наноассемблеров, и заканчивая разного рода «коктейлями силы», с коими военные медики экспериментировали на протяжении, пожалуй, всего XX века.

Примечательно, что “Augmentation” введен в массовый оборот со стороны не медицины (о чем в докладе также не говорится), а мобильного ИКТ. Это “Augmented Reality” (AR), или «дополненная реальность» – технология снабжения пользователя мобильного гаджета информацией обо всем, что

[22] Правда, то, что рекламируется сегодня в качестве протезной 3D-инноватики в Сколково, иначе, чем дешевой кустарщиной, язык не поворачивается: простая печать из пластика деталей протезов, часто без мехатроники. Если ж мехатроника и есть, то импортная. Отечественной базы производства шаговых двигателей (что линейных, что ротационных) в России второй декады XXI века, увы, нет.

попадет в глазок его камеры, а также наложение виртуальных образов и символики на объекты зафиксированного мира. В данном случае порядок приписывания значений и значимостей объекту соответствует такому приписыванию самим пользователем в системе культурно-семантического кода, только теперь такой код становится объектом управления и, разумеется, распространяется за пределы мобильных во все ИКТ-среды и решения. А в аспекте «добавленного человека» расширение его функционала расширяет физиологическую реальность самого человека – потому, наверное, это добавление началось с добавления виртуализируемой реальности мобильного гаджета, который для многих сегодня является почти что органом.

Как правило, когда в человеке что-то неконтролируемо само собой «приращается», обычно это бывает опухоль; в некотором смысле не совсем корректно разновидностью последней считают тератому (когда волосы, зубы или что иное, в своем месте уместное, вырастает в несвойственных для него местах), но суть та же. И потому особенно интересно другое направление, отмеченное авторами доклада NIC – “Disease Management”. Вообще в англоязычных названиях такого рода, когда перед “management” стоит некоторое слово, например, “risk management”, то непонятно, что имеется в виду: то ли избавление от риска и болезни, то ли создание того или другого и умелое управление им (ведь легче всего управлять тем, природу чего понимаешь, а лучше всего понимаешь природу того, что сам создал). В свете всего этого как-то вспомнилась история болезни Уго Чавеса и (полу)конспирологические подозрения венесуэльцев по поводу нее.

Что касается экспертов-разведчиков – авторов доклада-прогноза, то ими, в первую очередь, здесь велась речь о том, что повысится точность молекулярной диагностики вместе со снижением ее себестоимости. Одновременно повысится уровень сопряженности диагностики с реконструктивной медициной, которая будет все активнее использовать достижения синтетической биологии, отсюда – повысится уровень персонализации лечения. Что, разумеется, благоприятно.

Однако все это, помноженное на увеличение доли ИКТ и средств автоматизации процессов в медицине, одновременно приведет к риску того,

что процесс лечения станет в большей степени подвержен манипуляциям и приобретет большее экономическое измерение с вытекающими отсюда благоприятными последствиями для стороны страховых компаний и «благоприятными» последствиями для общества в целом, о чем в докладе также не говорится, но о чем Голливуд уже снял немало антиутопий.

Вот, собственно, и все, что касается темы технологий от NIC на сегодняшний день. Отдельно по климату, геополитике и другим вещам нужно читать весь доклад.

Насчет вышедшего позже прогноза McKinsey[23] нельзя однозначно сказать, следование ли это ноздря в ноздрю за NIC или повторюшничество. Как говорят юристы, в плане технологических направлений он "до степени смешения" напоминает таковой, сделанный ранее американскими разведчиками. Только, в отличие от NIC, смотревшего до 2030 года, MGI "повысил" точность прогноза аж до 2025 года (какая точность!). Здесь и 3D печать, и автоматизация "не только физического, но и умственного, труда" (я это называю машинизацией систем управления как postfactum систем индустриальной машинизации и рассматриваю в неомарксовом смысле), и упоминание геномного сельхоза, и умирание "экономики заводов и фабрик", а также "среднего класса", и рост числа необразованных и не занятых людей. Вообще, еще раз стоит напомнить: критерием ценности такого рода прогнозов является оригинальность представленной информации "по нюансам", помноженная на ее обоснованность – с одной стороны, и нескрываемость знаний их авторов о докладах "Римскому клубу" (как классическом прототипе такого рода работ) – с другой. Однако первое, что напрашивается как следствие из прогноза McKinsey – рост индустрии манипулятивных технологий (high-hume) и средств киборгизации личности ("превращение не в мыло, а в робота"). А дальше – работа по убеждению всех и везде, что такое развитие событий неизбежно в виду непреложной логической необходимости.

[23] http://expertonline.kz/a11077/, 05.06.2013 (активно на 2016 г.).

Нобелевская саморефлексия науки: на холостом ходу или шенкеля?

Завязкой к этому разделу послужило интервью с нобелевским лауреатом Андреем Геймом[24]. Ученый утверждает, что Академия Наук (в любой стране) суть клуб высших экспертов, и должна таковой оставаться, не беря на себя функции министерства. Оно, конечно, верно, но при этом все равно остается вопрос об ответственности этих экспертов перед обществом за свою экспертизу, и о статусе задач, стоящих перед ними, а также – о циркуляции внутри этого клуба. Ибо такая ответственная структура (по крайней мере, для постсоветской России в большей степени, чем для науки "стран капитала") как раз и будет экономически оправданной именно в смысле центра выработки решений, параллельных правительственным.

Во всяком случае получается, что любая форма хозяйственной автономии РАН – с ответственностью или без – если и не удваивает (хотя и не дублирует) собой управленческие задачи правительства (что сразу переводит ее общественный статус в политическую плоскость, но сохраняет в плоскости бюджетной), то осуществляет разделение властей по основанию "подготовка решения" – "принятие решения". Разумеется, о таком аспекте разделения на уровне государственных институтов вряд ли мог думать Монтескье, ибо степень управленческой сложности общества его эпохи все же была несоизмеримо ниже нынешней. А Минобрнауки, как ни крути – все же бюрократическая, а не экспертная, структура, и вряд ли ее силами возможно производить прогнозно-стратегическую информацию достаточной степени проработанности, к тому же – для всех федеральных министерств и прочих правительственных учреждений. Просто задачи другие. А вот смотреть со стороны на экспертный механизм, выбирая с его "мониторов" нужное и принимая сообразованные с ним решения – другое дело, это задача контрольного и решающего органа. Эти-то пихания РАН по поводу ее полезности со стороны государства самой РАН и не нравятся (ибо это означает ее ответственность) и, похоже, именно в эту сторону направлено мнение Гейма по поводу госинициатив (конкретно – министра Ливанова, но ко времени, когда этот материал попал в книгу, Ливанова уже сняли, а суть проблемы осталась, и на 2016 год государство задает Академии уже более конкретный вопрос: "а чем вы, собственно, занимаетесь", который, при

[24] https://www.gazeta.ru/science/2013/05/29_a_5360905.shtml (активно на 2016 г.).

наличии исправного госуправления вообще, должно было задать давным-давно).

Иное дело, что высказанные лауреатом-физиком мнения хорошо ложатся на концепцию загнивания науки в рамках парадигмы НТП. Но это просто разные аспекты науки – государственно-управленческий и макроэкономический. Возможно, изменение институционального статуса РАН, динамическая актуальность ее экспертизы и вывод из феодальной двусмысленности в поле социальной ответственности поспособствуют системной адаптации российской науки в постпрогрессистских общественно-экономических условиях.

Что же до проедания запаса технологических разработок, внедряемых сегодня в мире, то здесь Гейм не нов. Действительно, эти технологии, если и внедряются в мире, то все меньше и по остаточному принципу, на фоне пресловутого загнивания монополий. И лауреат совершенно прав, говоря про энергетическую проблему («*Homo sapiens — не слишком рациональные животные, чтобы понять, что без источника энергии человечество обречено на быстрый закат. Эта угроза почему-то никого не пугает, но эта угроза вполне реальная и должна случиться быстрее, чем через 50 лет. Пока надеемся на нефть*»). Однако в этом случае реальные проспекции постнефтяных реалий делают отнюдь не "классические ученые", а сотрудники спецслужб (и, скорее всего, следующие за ними сотрудники коммерческих организаций – "цвет корпоративной университетскости"), о чем свидетельствует пример упомянутого прогноза. В отличие от того же Гейма, который, по его собственным словам, "аккуратно может предсказывать только прошлое", и в этом смысле мало чем отличается от прочих представителей научного сообщества "классического типа", отказавшегося от прогнозов, представители сообщества intelligence (американского, во всяком случае) озабочены, в первую очередь, безопасностью общества и предотвращением угроз будущего, в частности, связанных с наукоемкими технологиями. А потому имеет место ответственность перед обществом некоторой группы внутри него, которая, равно как научная группа, специализирована на особых исследовательских, познавательных, задачах, системно формулируемых и решаемых. И эта, новая, группа обладает куда большей пассионарностью, чем научная. И не

исключено, что займет место последней по мере упорядочения общественных процессов в посткризисном мире. Вот только кто им деньги будет давать, какие, и что вообще будет деньгами? Уж не государство ли по-прежнему за страшилки про иностранных супостатов?

В Академии Наук заседает… О подлинном источнике экспертного обеспечения управления обществом

Сей тематический кластер образован такими событиями, как резкое заявление минобра Ливанова (некогда занимавшего этот пост) о ненужности РАН, демарш обиженных академиков по этому поводу с немедленным последующим извинением министра, предложения оных академиков по реиндустриализации с благоволения государя всея Руси. Чуть поодаль – нередкие замечания различных наблюдателей о том, что-де экспертно-аналитическая поддержка деятельности российского правительства отсутствует как класс. Ну и, конечно, конспирологически-злобная и во всех смыслах драматическая тень почившего в Бозе академика РАН – специалиста, кстати, по принятию решений – хоть и подзабытого в качестве академика, но зато слишком хорошо известного в других качествах своей фамилией, чтобы ее называть – человека весьма исполнительного, неуемного и неугомонного.

Можно, конечно, клясть неолиберальное правительство, сравнивать Ливанова с Зурабовым, Сердюковым и Скрынник, вести речь о целенаправленном развале всего и вся, в том числе о приватизации социальной сферы, и о том, что «вот теперь за науку принялись», вспоминать недавнюю историю с ВУЗами и дальше гнать эту справедливую (без всякой иронии) волну. Но вот что если умозрительно абстрагироваться от привходящего обстоятельства внутреннего врага-вредителя, существование и природа которого вряд ли требуют каких-то дополнительных доказательств, и задаться вопросом об общественной полезности нынешнего института науки: какой общественный заказ она выполняет, кроме, разумеется, борьбы с «лженаукой», воспринимаемой очень большой частью того же академического сообщества в качестве «охоты на ведьм» – во всяком случае, в нынешнем виде этой борьбы? Здесь есть три обстоятельства.

Первое – то, в котором РАН не виновата – это конец научно-технического прогресса (идущего в научном плане где-то с «длинного XVI века», в техническом – где-то с начала XVIII века), обслуживавшего «цивилизацию роста» с расширяющимися рынками сбытами и углублением разделения труда. Поскольку питательная среда рынков в замкнутой чашке планеты Земля закончилась, росший в ней микроб капитализма стал травиться собственными метаболитами. Остался маленький неосвоенный кусочек Африки, но и он в течение ближайших приблизительно 30 лет закончится, тем более, что Африку зоной собственных стратегических интересов объявил Китай – первая промышленно развитая страна мира на сегодняшний день (после США, возвращающих заводы на родину). Отсюда получается, что наука новоевропейского типа, несколько сот лет определявшая вектор цивилизационного развития и жившая по принципу, очень точно сформулированному Мичуриным значительно позже начала этого процесса – «мы не можем ждать милости от природы; взять их у нее – наша задача» – осталась у разбитого корыта исчерпаемости ресурсов, глобального кризиса снижения отдачи с капитала и, на минуточку, нерешенности проблемы качества жизни, ради которого она, вроде бы, создавалась и существует. Впрочем, это тема не моя, ею занимаются несколько человек в России и называется она «концепция технологических зон». Про «пределы роста» и Римский клуб стоит упомянуть лишь вскользь, слишком уж избитая тема. О том, что современная наука как общественный институт все больше напоминает католическую церковь времен XVI века, у меня написано в Invectivo vs dissertatio в предыдущей книге.

Второе обстоятельство, связанное с РАН, тянется с Н.С.Хрущева, с тех времен, когда она была еще АН СССР. В те годы было решено разделить науку на ВУЗовскую, смотрящую в сторону образования, и академическую, смотрящую в сторону этого самого научно-технического прогресса. Такой вот двуглавый орел в годы советской власти. Сие обстояние дел тянется до сих пор, и в то время, как одна голова существует по остаточному принципу в условиях уже где-то с десяток лет напрочь отсутствующих отраслей и системы управления, подобно королю на астероиде из «Маленького принца» – без подданных, но умеющему изрекать умные сентенции, другая голова из кожи вон лезет, дабы сохранить места стареющего профессорско-

преподавательского состава и адаптироваться к требованиям времени, готовя специалистов в областях PR, финансов, менеджмента, юриспруденции и прочих, заточенных под экономикс, вещей, ударными темпами пополняя «образованными кадрами» так называемое «бизнес-сообщество». Разумеется, вопрос о координации «голов» здесь не стоит. А вопрос о том, существует ли какая-нибудь база фундаментальных прогнозных исследований (в том числе гуманитарных и гуманитарно-технологических), проводимых на современном уровне, не может быть даже поставлен, поскольку такая база предполагает автаркию стратегии общественного развития и особый статус института науки, выраженный в Академии как его высшем организационном представительстве, которая должна иметь непреложное, законодательно регламентированное, значение главного экспертно-аналитического учреждения в системе принятия государственных решений, с соответствующей степенью ответственности и порядками межведомственного взаимодействия. А не быть сборищем «мудрых аксакалов», сидящих на юру в белоснежном замке с медно-золотой крышей, которым нерадивые чиновники должны в ноги кланяться – даже несмотря на личные достижения и жизненную мудрость отдельных насельников этого замка. Конечно, можно жаловаться на «советское финансирование по остаточному принципу» и «лихие 90-е», но много ли усилий было предпринято «золотыми мозгами» для того, чтобы преодолеть обозначенный «раскол»? В этом-то и дело. Кто-нибудь вообще за последние 10-20 лет поднимал вопрос о юридическом праве РАН на законодательную инициативу? А поскольку это юридическое право есть вопрос управленческого регламента, уместно перейти к третьему обстоятельству.

И это обстоятельство имеет непосредственное отношение к общественной «пользе», которую АН СССР / РАН принесла сначала советскому, а потом и российскому, обществу. Это господа младореформаторы, повылазившие как раз из Академии Наук, и это известная, но мало обсуждаемая, тема. И академик Березовский со своими «методами принятия решений» – из той же серии. Эти люди реально сочли себя элитой, образующей пуп земли, имеющей право дергать Бога за бороду, ибо кто еще бог, кроме них?! Технократы с обширным кругозором в узких областях, наскоро сформированном по заграничным лекалам, взявшие себе право решать

судьбу народа, создавшего и Академию, и их судьбы, не удосужившиеся по существу понять и критически осмыслить то, чем же они занимаются. А кто ковал эту «элиту» в подразделениях вроде современного «Института Системного Анализа»? Видывал я не так давно некоторые их продукты – уровень концептуальной проработки оставляет желать лучшего – во всяком случае, для уровня советской эпохи. Это как раз то, что касается вопросов внутреннего управления и выстраивания приоритетов, а также перехвата контроля над экспертами высшего уровня со стороны, хитроумно осуществленного в советские годы. Нынешние обитатели «золотых мозгов» прекрасно осведомлены о подробностях всех этих вещей, равно как о том, что кому-то в свое время просто не хватило то ли сил, то ли смелости поднять зад от теплых академических госхарчей и запустить волну дискуссии по научно-партийной линии на тему посткапиталистического мира, а сегодня все четче видно, что это мир индустрии управления, надстраиваемой над индустрией реального сектора, и от того, кто и как будет определять это управление, будет зависеть лицо мира: финансовое, как последние 30 лет, или человеческое. Но это ж стрем какой! Ведь для этого нужно было бы партийным бонзам прямо сказать, что Маркс понимал далеко не все, да и не мог ничего смыслить в вопросах «лженауки» кибернетики, и что Альенде напрасно предали, и что кризис управления будет по мере увеличения сложности общественных и производственных процессов, и что нужно создавать институты, изучающие самое сложность. Только вот никому не хотелось «портить отношения», особенно памятуя историю с Ботвинником, и к мичуринскому лозунгу добавился горьковский: «мне здесь приятно – тепло и сыро!». Это уже – к вопросу о том, насколько «мозги» действительно «золотые», а не «бронзовые». А ведь помнится, еще в самом начале катастройки, особенно после Чернобыля, было много выступлений советских ученых, говоривших о проблемах управляемости и ожидании техногенных катастроф в ближайшие десятилетия.

Но что значит Академия Наук в системе регламентного управления общественными процессами? А это и есть как раз та самая ответственность перед обществом, которая идет гораздо дальше классического интереса ученых – «изучения природы за государственный счет», сиречь за счет налогоплательщиков. Но, во-первых, налогоплательщики – это предприятия

(ясное дело, в советской системе это преимущественно оборонные, хотя сегодня им на смену вполне могут прийти здравоохранительные), а во-вторых, это граждане, но поскольку «рядовые граждане» не связаны с «высоколобой наукой», то на интересы «этого тупого быдла» вообще не стоит обращать внимания со стороны молодых, энергичных и готовых к реформам, что находятся «на передовых рубежах современной научной мысли», которые, кстати, также могут не обращать внимания на «стареющих коммуняк от сохи», образующих «кадры, решающие все». Сделаем новые кадры, свежие! Такой дефицит вокруг, и рынка нет – «ненаучно»! Так что, помимо внешнего, неолиберального, условия социальной безответственности нынешних элит, внутренний фактор этой безответственности тихой сапой сформировался в советской академической среде и, разумеется, распространился на прочие страты «советской интеллигенции».

Разумеется, высокие аксакалы из белого замка на юру были до глубины души возмущены бестактностью обращенного к ним вопроса «какая от вас польза?», обращенного не от собрата по цеху даже, а от какого-то назначенного на должность министра чиновника. И не важно, в самом деле, чем этот чиновник руководствовался: злобным желанием «раздербанить оставшееся» или «организовать результативный процесс» в своей отрасли. Вопрос актуален, и его должно ставить все общество, в котором до сих пор существует привычка ценить образованность и просвещенность: у кого-то – по старой советской схеме выбиваться в люди, у кого-то – по культурным семейным традициям.

И что же предлагают нам светлые головы из «золотых мозгов», немного пошевелившись? Один предлагает поднять отрасль самолетостроения, которая потянет дальше все остальное, другой – развивать «инфраструктуру», непонятно какую. Вот, в России есть инфраструктура железных дорог, но она не загружена. Это не вопрос существования или качества инфраструктуры, это вопрос управления – адаптивного и целостного. Но это все равно не стратегические вопросы. Такие вопросы должны основываться на комплексных исследованиях долгосрочных трендов развития мира, перспективных средств и способов существования, и места России в системе этих трендов, на верхнем уровне проводимых

исключительно российскими силами, причем на регулярной основе. Это значит, что система государственного управления должна базироваться не на куче паллиативных «ситуационных центров-«кинотеатров», разбросанных по ведомствам и имеющих чудовищную несовместимость и неинтегрированность по интерфейсам и протоколам, а быть создаваемой на единых основаниях в рамках единой стратегии и курируемой непосредственно РАН, с соответствующей системой ответственности. Именно РАН должна быть конечным центром экспертной подготовки решений, задающей стандарты такой работы, включая вопросы научно-технологических стратегий и прогнозирования перспектив самых разных уровней. А вот качество прогнозов как раз и должно быть критерием эффективности экспертной и научной работы. Не «индексы цитируемости» отдельных ученых даже, а именно прогнозы как фактор полезности науки (многие интересные темы и научные направления, в том числе хорошо финансируемые, ведутся латентно и не обеспечиваются цитированием, и часто по вполне себе внутринаучной причине – из-за страха подвергнуться остракизму со стороны коллег по цеху). А вот для этого нужен заказ на прогнозы и заказ на средства повышения их эффективности, включая экспертно-аналитическую автоматизацию, методы межпредметной интеграции моделей объектов и систем управления, а также средства оперативного мониторинга этих объектов и систем на основе высокодифференцированного комплекса точек контроля. И делать это нужно по всем уровням и направлениям в государственном масштабе.

Российская Академия Наук нуждается в реальной реформе, и эта реформа, пожалуй, будет единственно продуктивной и верной за многие годы разрушительных «реформ», сотворенных выходцами из недр ее научных подразделений. Поскольку рыба гниет с головы, с головы и надо начинать. А если РАН не считать, как сейчас, первостепенной головой, формирующей экспертизу и контроль управления, а первостепенной считать «Кремль», то эта голова вообще перестанет быть «степенной», и любая степень в ней превратится в ничто (что, в общем-то, сейчас и наблюдается, вторя глобальным процессам), а ее место продолжат занимать такие эрзацы науки, как «Центр Стратегических Разработок» или «Высшая Школа Экономики», и бессистемно будет работать куча разного рода консалтерских фирмочек,

комиссий и департаментов при министерствах и ведомствах, и прочих «think tank», предлагающих маниловщину мало связанных между собой «дорожных карт», и каждый будет дудуеть в свою «финансовую» дуду – в меру мощности каждой, разумеется.

p.s. Советский анекдот.

Бабушка спрашивает у Леонида Ильича Брежнева:
– Милой, а вот кто нам такую хорошую жизнь устроил: политики или ученые?
– Политики, бабушка.
– Я так и думала.
– Почему «так и думала»?
– А ученые сначала на мышах бы попробовали.

О кейс-нарративах для управления фирмой в свете проблем построения неоекономической теории

Проблема последствий попытки отказа неоекономики от метанарратива (если брать за основу суждения о нарративах тех, кто, зная о бунте и кризисе метанарраций, сомневается в их действенности – Ж.Лиотар, А.Мегилл) чревата тем, что тогда неоекономика оказывается в поле игры чистых объектных нарративов, что суть постмодернизм (который, кстати сказать, при всем своем амплуа вполне явственно претендует на статус метанаучного основания критикуемого неоекономикой же авангарда экономической ортодоксии). При этом сама неоекономика, будучи теорией, суть метанарратив, оказывающийся принципиальным отрицанием метанарратива в части своего содержания (сюда же можно отнести блок фундаментальных неоекономических утверждений о своеобычности историй отдельных национальных экономик, их несводимости к общим закономерностям развития и неприменимости к ним единых лекал и средств оздоровления; сюда же следует добавить утверждение неоекономики о случайном характере появления капитализма в определенных социальных и геоклиматических условиях, и его конечности, несмотря на существенную продолжительность в сравнительно большом интервале исторического времени). Закономерный вопрос: отказывается ли, в таком случае, неоекономика от самой себя? Сие – ничто иное, как давно известная теоретико-множественная каверза насчет самоприменимости. Будучи теорией и системой обобщающих понятий (а если эти понятия не таковы, то в

самой этой концепции нет смысла), неоекономика неизбежно есть дедуктивно ориентированная система.

С другой стороны, способ бизнес-обучения методом рассмотрения случаев – “case study”, включая обобщенные кейсы, строится на преимущественно индуктивистской методологии (ведущей исторические корни к английскому эмпиризму), и те, кто рассуждает о преимуществах данного способа, в большинстве своем не горят желанием прояснить вопрос о том, в какой степени этот процесс происходит или должен происходить путем формирования либо путем обретения знаний. Как бы то ни было, если говорить о сочетании «метода рассмотрения случаев» с неоекономикой, то это могло бы быть осуществлено двояким образом: 1) собственно попытка применения неоекономических интерпретаций к бизнес-кейсам, взятым как общие или типические, и предлагаемые в качестве таковых обучающемуся, сознание которого берется относительно этих случаев как tabula rasa (а как иначе – ведь, прежде чем приступать к столь непростому и рискованному делу, как бизнес-администрирование, человек сначала должен обучиться ему; разве не во всяком деле так?); 2) case study, идущий от упомянутых выше ключевых постулатов неоекономики о том, что каждый случай экономической системы уникален, и что каждая экономика должна быть рассмотрена, исходя из собственной истории становления, представленной в ее собственном изложении, нарративе. Это значит, что теоретической интерпретации должен быть подвергнут кейс самого обучающегося, поскольку, по большому счету, только его собственный опыт деловой жизни может быть интересен ему самому, а не какие-то извне привнесенные «разборы полетов» на примерах, вменяемые ему как типовые безотносительно к какой-либо экономической теории. Но это накладывает на получающего бизнес-образование обязательство иметь такой опыт, дабы, используя понятийную машинерию неоекономики (выстроенной по результатам тотальной ревизии ошибок всей истории экономической мысли), понять собственный уникальный случай как типичный и встроить его в более широкие и общие познавательные контексты, дабы обозначить ошибки, риски и возможности этого, конкретного, опыта. Иначе говоря, неоекономический case study должен предполагать кейсами обучения исключительно собственные случаи обучающегося (что нередко на практике

и есть повод получать бизнес-образование), поскольку для нарративного подхода исключительно важны конкретные контексты этих случаев.

В этом смысле, говоря про управление фирмой, матрица ее кейсов, представляющая собой результат последовательного сочетания систем компетенций (в моей терминологии – познавательных контекстов) присутствующих на совещаниях в период аврально-опытной деятельности (АОД) специалистов, выстраиваемая по отношению «случай-действие», никак не может быть сводима к случаям, разобранным этими специалистами в процессе case-study в рамках получения ими степени MBA или чего-то еще в этом духе. Ибо здесь требуются собственные «матрицы кейсов» специалистов, образуемых всем опытом оных, на основе чего только и может быть сформирована матрица компетенций фирмы, действующей в конкретных условия собственного рынка (отрасли присутствия) и конкурентной среды на нем. Эта квазирутина построения матрицы компетенций в период АОД (как то гласит неоекономическая гипотеза об управлении фирмой), должна быть, при достижении некоторого критического объема наполнения, сопоставлена с результатами анализа отрасли присутствия фирмы, прежде всего – трендов спроса, а также конкурентной среды. Именно исходя из этих вещей определяются рабочие позиции внутри фирмы с инструкциями и штатным расписанием – в общем, осуществляется переход к рутинной деятельности.

Новый технологический уклад: о мере прав на разговор о нем

Единственный технологический уклад, идущий на смену некоему предыдущему, который можно было бы признать на рубеже XX и XXI веков – это, ИМХО, индустриализация, или машинизация, систем управления. В этом смысле он совершенно отличается от целой череды укладов в смысле С.Ю.Глазьева, строящего их, ИМХО (и, разумеется, не только ИМХО), избыточно фантазийно согласно неким американским концепциям, возникшим на волне персональной компьютеризации[25]. Прежде всего, тем, что, в отличие от прочих своих укладов-собратьев, этот гораздо дольше растянут по времени вследствие своей естественной социально-экономической инерции.

[25] Скорее всего, восходящим, в конечном счете, к концепциям рыночных укладов Жака Аттали.

Вместе с тем, моя позиция (кстати, неоднократно заявляемая и вовсе не скрываемая, но не связываемая буквально со словом «уклад») отлична и от позиции О.В.Григорьева, совершенно отрицающего переход к новому укладу в силу тех теоретических построений неоекономики, которые у него получаются по поводу техники: ибо что делать со спросом на инновации и технику (а также науку), которого нет? Для того, чтобы, по Григорьеву, был реализован экономический потенциал новых технологических возможностей, нужны новые инфраструктурные условия, которые еще требуется создать в рамках комплексного урбопроекта формирования новых рынков на новых селитебных территориях, с формированием там локального финсектора.

Это – содержательная связность в системе экономических толкований, но в рамках неоекономического же нарратива Григорьева вполне вписывается и мой подход насчет индустриализации систем управления. Согласно неоекономике, драйвером роста технологий является инвестирующий в них под спрос финсектор, причем целый ряд технологий (крупные транспортно-логистические системы вроде кораблей, дорог и портов) создается исключительно под задачи торговли (являющейся историческим источником финансов), тогда как тренд распространения торгово-финансовых сделок начинается от немногочисленных и наиболее эффективных с наибольшим процентом в сторону многочисленных и менее эффективных, процент по которым снижается по мере охвата финсектором ойкумены.

В этом смысле история систем управления, ведущаяся не то с Бэббиджа, не то вообще с античных астролябий, а по актуальности вопроса – история кибернетики, вполне себе согласно григорьевской неоекономике, демонстрирует полноценное включение финансовым сектором в свой оборот информационных технологий (ИТ) как средств решения задач информационной логистики. Именно потому, что появились задачи повышения эффективности обслуживания финансовых операций на пике процесса глобализации рынков. «Полноводность» этот процесс получил как раз где-то с второй половины 1970-х годов, в период глобального экономического кризиса тех лет, после того, как был фактически насильственно свернут наиболее (хотя, наверное, единственно) успешный из всех, существовавших тогда в весьма увлекавшемся этой темой всем мире,

проект автоматизированного управления экономикой отдельно взятой страны – чилийский проект Cybersyn (исторические подробности я опущу, вопрос о том, что это за проект, изложен у меня в предыдущей книге). Стоит лишь вскользь напомнить бировский лозунг «дорогу управлению», а также то, что отмечаемые Глазьевым нано- и био- решения есть лишь развитие появившейся в тех же 1960-1970-х гг. бировской же биокибернетики (кстати, а почему про технологии cogito обычно при этом не вспоминают? Это же NBIC! Или технологии cogito сегодня – это «недостойные» технологии пропаганды?). Разумеется, развиваясь в рамках финсектора, ИТ породил несколько рынков – прежде всего, продвинул так называемые «культурные индустрии», обслуживающие, по большому счету, все тот же финсектор, и в некоторой, довольно существенной, степени облегчил массовые коммуникации. Про то, что современные media – не совсем средства пропаганды (во всяком случае, в их тривиально-геббельсовском смысле), речь пойдет в следующей книге.

Однако в силу того, что этот, 30-40 летний процесс развития информтехнологий как средств управления преимущественно финансовыми процессами и «машинами желания», в условиях доминирования схемы, сочетающей дешевые кредиты-перекредиты с системой рекламы и запрограммированной смертью товара, пришелся как раз на период физического исчерпания всевозможных пределов роста (включая территориальный), сам по себе процесс перехода информтехнологий и автоматизированных систем управления в реальную (бесприбыльную, в неоекономической трактовке) экономику затормозился (говоря жестко, вообще не начался). Тем более, что модели такого развития этих технологий в реальном секторе были, как отмечено, изначально пресечены в исторически недавнем прошлом самими странами-лидерами внедрения этих технологий (последнее обстоятельство, похоже, придется еще обстоятельно доказывать в кругу неоекономистов, но лично для меня это давно очевидно).

Отсюда – вопрос «что делать» с «управленческим» технологическим укладом для России; ведь получается, что этот уклад вполне уже привносится в жизнь не одно десятилетие, идя на смену (вернее, дополняя) существующую уже не одно столетие машинизацию систем производства. Прежде всего, как

определить границы реального сектора в условиях, когда экономика страны уже прочно включена в глобальную систему разделения труда? То есть куда портировать и как использовать эти средства управления для потребительского сектора, если экономика уже глобальна, а глобальное уже гниет? Кроме того, неясно, как эти системы будут работать в условиях, когда всяко конечная в своем объеме для замкнутого (реальносекторного) рынка ликвидность и без того сокращается в объеме, на фоне растущей безработицы? Здесь, конечно, возможна старая айтишная идея, выраженная в лозунге: «дадим локальному потребителю глобальный масштаб!». Ну хорошо, а управлять-то чем реальным он будет? Интернет – это место для дискуссий, а не управления, о чем писано мной в упомянутом выше документе. Между тем, в данном вопросе я оптимист, а потому считаю, что через пень-колода, но решение будет найдено. Однако для этого еще много чего должно измениться, и пройти достаточное время. Это не значит, что комплексная смена технологий не произойдет вовсе; но это, конечно, и не значит, что череда технологических укладов – процесс, стремящийся к асимптоте. Тем более, что, если системно рассуждать в рамках той же неоекономики, уложиться технологии могут совершенно по-разному в зависимости от различных социально-экономических задач, тогда как само слово «уклад» является весьма обязывающим – к тому, чтобы признать за ним некую, довольно общую, закономерность хозяйственного развития общественной системы. Но если так, то этот процесс уже идет на протяжении порядка двух поколений, и современная задача – понять его дальнейший ход с учетом фундаментальных проблем, стоящих на его пути.

Схематический нарратив о натурфилософских понятиях современных авторов явно пифагорейского толка

“Tesla was robbed!”– надпись на доске в аудитории
(Сериал «Доктор Хаус», 4 сезон)

Здесь моей гипотезой является то, что сегодня мы понимаем учение об идеях вне отрыва от платонизма, тогда как сам платонизм во многом наследует пифагорейской традиции, что есть в истории философии общее место. Попытка рассматривать возможности существования внеплатонического пифагореизма открывает новое эпистемическое усмотрение, своеобразно примиряющее единичное с общим помимо того,

как это было сделано в схоластике (но без отрицания этого сделанного), и отдает должное потенциалу тех авторов, чьи достижения были втайне признаны многими, но не нашли широкого воплощения и распространения в силу господствующих мейнстримов "научной религии" эпохи позднего капитализма. В некотором смысле можно даже предполагать, что развитие идей и знаний пифагорейской традиции мышления было путем ее существенной фильтрации – специально не говорю "извращения", поскольку это было именно своего рода развитие в определенном направлении – возможно, деградации (но здесь нужно было бы более четко знать, что именно подлежало деградации, а сведения об исходных корнях этой полулегендарной-полумистериальной секты довольно-таки скудны) в рамках платонизма, перепатетизма и их схоластических и нововременных продолжениях. Апелляция к древним в рамках цитирования предполагает вопрос об изначальной адресации некоторой мысли или оригинального учения, но не о том, как бы учение о том же самом могло выглядеть иначе, если бы его разрабатывала другая школа; например, как бы выглядело учение об идеях, разрабатывайся оно исконными пифагорейцами в своей герметичной среде, а не Платоном. Такой вопрос о сослагательном наклонении в истории мысли, похоже, даже не ставится. Между тем, этот вопрос оправдан, если его задавать в контексте вещей, которыми занимались рассматриваемые ниже авторы, поскольку привносить к их натурфилософским представлениям о разномасштабном проявлении неких единых вселенских форм собственно платонистическое понимание было бы очевидной ошибкой: эти проявления они рассматривали не как "деградацию идеального воплощения", но как принципы оптимальной структурной воспроизводимости и взаимосогласованности в природе.

Хотя такие, создающие устойчивое впечатление представителей внеплатонического пифагореизма, персоны, как Фуллер[26], Тесла и Шаубергер и жили в XX веке, и даже были современниками, время продуктивного развертывания их идей еще, похоже, не настало. И, кстати говоря, наверное, не только их, но и тех, кто был с ними, и тех, кто работал в смежных

[26] Стоит, к примеру, сравнить его идею уменьшения радиуса как процесса сжатия или увеличения его как процесса расширения с концентрическим мироустройством Филолая, или сопоставить идею первичного натяжения в tesegrity и требование роли первой скрипки для вант в архитектуре с пифагорейским монохордом.

направлениях, но был куда менее заметен хотя бы в силу отсутствия ореола мистификаций и загадочностей, сложившихся как вокруг самих, рассматриваемых здесь, персоналий, так и созданных ими изобретений, создавших им широкую популярность. С одной стороны, мистификации отчасти мешают любому, взявшемуся изучать их жизнь и творчество – прежде всего, распространенностью мнения (в том числе среди образованной публики) о том, что изучение это является либо чем-то несерьезным в силу несерьезности персон, либо "изобретением велосипеда"; однако для знатоков вопроса и тех, кто достаточно критично привык относиться к тому, что многими считается незыблемым, здесь нет проблем с предметом дискуссии. С другой стороны, «ореол мистификаций» помогает в исследовании, указывая, в каких направлениях стоит или не стоит двигаться, причем иной раз стоит двигаться именно в сторону мистификаций, дабы узнать, что реально за ними стоит. Но первое направление движения здесь – разумеется, к первоисточникам.

Рассматривая содержательную связанность идей этих трех натуралистов-изобретателей как незаслуженно отодвинутый на задний план аспект новейшей истории науки, приходится сталкиваться с большой проблематичностью изложения этих связей, ибо таковые возникали у меня как отдельные прозрения, представление которых неизбежно должно быть и рваным, и фрагментарным.

Объяснять и вводить положения, выстраиваемые в качестве компонентов актуального «нарратива открытия», современного самому открытию, в котором неизбежно приходится применять «синтактику зачеркиваний» и «речь заиканий» в виде «литерограммного» текста, развертываемого слева направо и во времени, представляется менее корректным для того, что сосуществует одновременно, в виде семантической сети, а потому нарратив этот представлен в «пиктографической» схеме ниже, которая выглядит более адекватной для данного случая. К тому же, поскольку прояснение связи этих, на первый взгляд, казалось бы, не связанных между собой, авторов, представляет собой открытый и весьма незавершенный процесс, такая схема, являющаяся одновременно наброском и готовым началом усмотрения некой, весьма специфичной, познавательной системности, наилучшим образом обозначает информационные лакуны внутри себя, а

значит – моменты формулирования вопросов и проблем, а значит – направления тематического развития.

Вместе с этим, этот пиктографический нарратив содержит в себе гипотезу о нескольких основаниях разбиения предметности каждого из авторов. Важно, что гипотетичность этих оснований (в прямоугольных рамках на схеме) ничуть не исключает эмпирически усмотренной связанности. Условно обобщая эти основания, можно сказать, что они последовательно относятся к предметным аспектам: «данности» действующего, направлению «природного» действия, к ритмике (или регулярности, или частоте) действия и к соразмерности (гармонике) действия. Как бы внетерминологически все это ни звучало, то, что здесь оказывается возможным обнаружить, сталкивая, как бильярдные шары, картезианские идеи Теслы, эллинистический триумф метафизики Фуллера и кельтский друидизм Шаубергера, очень похоже на начало возвращения музыки на свое законное место квадривиального свободного искусства – музыки «имени Архита» взамен «музыки имени Аристоксена», на место ключевого поля объяснений натурфилософских, сиречь физических, феноменов. Сиречь на древнее, но изрядно подзабытое в своем качестве, место парадигмального основания физики. Хотя, конечно, для более фундаментального прояснения этой темы требуется привлекать и соображения Галилея-отца, и соображения Бильрота, и соображения современных нейрофизиологов, пишущих на близкие темы в эпоху кризиса НТП.

Представленная схема ведет не только к музыке, но и к науке первоформ – к тому, что составляло суть квадривиальной геометрии, причем геометрии, неотделимой от механики – как в античном смысле, так и в смысле прикладной механики Ренессанса, из задач которой возникла новоевропейская физика. Механо-геометрические идеи а-ля Pythagor-Kepler как раз возрождаются в смысле перевода посткартезианской «науки формул» обратно в «науку форм», одновременно открывая дорогу картезианской физике, изрядно заблокированной авторитетами мейнстрима XIX века (например, Максвеллом), одиноким и до сих пор не понятым приверженцем которой был Тесла – ключевая фигура «Второй Промышленной Революции» – революции электричества. Но это же означает изменения в архитектурной механике, и здесь в свои права вступает Фуллер,

причем за его революцией в дизайне и механике несущих систем следует грандиозный проект возвращения метафизики в систему научного знания, что, беря за основу историко-научную интерпретацию Свасьяна, означает идейный, позитивно-эллинистический, взрыв изнутри института науки как догматико-иерархической системы, параллельной церкви и государству. Фуллер являет собой естественно-научный протест, идущий в сторону панвиталистической органики мира, соединяющий простые формы со все более сложными в единое целое, а потому провозглашающий не синергизм, но синергетику.

Фуллер представляется как некий «антиджобс», именно поэтому его не стоит обвинять в краже идей тенсегрити у Снельсона. Он не утверждал, что эти, и многие другие, идеи, принадлежат лично ему. Он их подсматривал и соединял в единое целое. И этим, похоже, был занят всю свою жизнь. И, похоже, будучи нонконформистом, вышедшим из среды белых американских элит мэйфлауэровского уровня, использовал тактику этих элит “gathering information”, но в рамках правила “make sence vs. make money” ради “problem solving” (и во всем этом смысле он двигался вполне себе в протестантском духе, с той лишь поправкой, что это был дух рецепции достигнутого, дух "ничего не исключения и по возможности учитывания" – великий личностный, автономный, вполне себе новоанглийский, проект протеста трезвости в области науки). В этом смысле он, скорее, собирал коллекцию продуктивных идей, и был озабочен их воплощением в жизнь, нежели чистым сколачиванием капитала, подобно тому, как это сделали Джобс или Гейтс, следовавшие принципу перехвата контроля над научно-технологическим производством минуя затраты на НИОКР и, в общем случае, принципу капиталистической экономии на издержках с извлечением прибыли за счет эффекта массовости, по ходу решая государственные задачи тотального контроля и разведки[27].

Скорее всего, именно непроясненность авторских отношений между Фуллером и Снельсоном не позволила многим, достаточно видным,

[27] Об этом – в следующей книге.

деятелям, вдохновленным идеями Фуллера (вроде Стаффорда Бира), произносить его фамилию вслух[28].

В качестве конкретизирующего примера к представленной схеме можно рассмотреть фуллерову тенсегрити и тесловскую энергию мирового эфира. Механистическая экспликация электромагнитных явлений – описательный метод, широко и сознательно применявшийся Теслой, а потому вполне правомерным будет экспликация его физических идей в понятиях фуллеровой механики – тем более, что понятийных пересечений у этих авторов много. Гипотеза, получаемая из такого рассмотрения, выстраивается из парадигмальных предпосылок, а значит, представляет собой чисто теоретическое сопряжение концепций, оказывающейся, тем не менее, интересной в логике своего развертывания.

Интересна теслова идея получения энергии мирового эфира. Она должна быть основана на резонансном (струновом, гармоническом) снятии преимущественно продольных вибраций натяженных нитей эфирной энергии. Иными словами, поймать разлитую энергию мирового эфира – значит поймать резонанс его натяжения в продольных волнах.

Степень натяжения д.б. связана со скоростью передачи импульса. Это как раз то, что увидел Р.Лаэннек в бревне, еще не ставшем стетоскопом, и что используется в нитяном телефоне Р.Гука (хотя считается, что в таком телефоне звуковая волна передается поперечными волнами). Это то, что имел в виду Тесла под плотностью эфира: абсолютная плотность ведет к неограниченной скорости импульса – прежде всего, речь идет о плотности, обеспечивающей максимальную аксиальность прецессионала («прецессиональной» концентрической структуры), которая также соответствует максимизации дугового радиуса механически натянутого элемента, о чем говорил Фуллер.

А если натяжение максимально, то максимально и сопротивление поперечным колебаниям: пример музыкальных инструментов показывает, что чем сильнее натянута струна, тем больше усилия нужно для извлечения

[28] В частности, Фуллер предостерегал Снельсона от излишнего увлечения художественными аспектами синергетики и тенсегрити, но понимал ли он медийность и особую природу органики последней, когда пытался уравновесить идеей отдельной личности корпорации и режим "make money" в пользу "make sence"?

из нее звука, и тем выше частота ее звучания. Если, следуя классической физике, допустить абсолютно натягиваемую неразрываемую струну, то, во-первых, ее поперечные колебания будут минимальными, а продольные – максимальными, а во-вторых, она будет соответствовать понятию абсолютно плотного тела – того самого, которое имел в виду Тесла, когда говорил о скорости распространения импульса. Только плотность эта будет коннотироваться не сжатием, а растяжением. В таком случае вопрос о резонансном снятии импульса продольных волн будет обусловлен тем соображением, что, поскольку вдоль такой струны снять его нельзя, ибо распространение поперечных волн стремится к нулю (но никогда не является нулевым для реальных объектов, по Фуллеру), то такое снятие наверняка должно быть «торцевым». И наверняка с возможным дальнейшим преобразованием этих волн в поперечные. Боковое снятие этих волн возможно, только если они как-то способны отображаться на приемник сбоку. Если такого отображения нет, то речь должна идти о каком-то торцевом резонансе, существо которого еще следует прояснить, в котором имеет место совпадение продольных резонансных частот их передатчика (в данном случае, мирового эфира) и приемника. То есть речь должна идти либо о механике устройства, резонансно принимающего продольные колебания мирового эфира, либо об электрике устройства, прохождение через которое продольных эфирных волн как энергии «белого» электричества непосредственно обеспечено их преобразованием в поперечные волны энергии «обычного», электромагнитного, электричества. Согласно описанию, данному проф. K.Meyl в его книге “Scalarwaves”, передача и прием продольных волн осуществляется посредством плоских (дискообразных) катушек Тесла, более широко известных по фотографиям плоских бифилярных катушек. Примечательно, что волновое отношение между принимающей и передающей антеннами устройств передачи продольных волн, представленными шаровыми электродами на схеме Meyl, имеет веретенообразную структуру, которая должна вытягиваться по мере удаления этих электродов друг от друга, подобно тому, как это представлено на рис. 12 в статье Фуллера «Тенсегрити»[29].

[29] http://www.dalekseev.ru/sites/default/files/attachments/articles/fuller_tensegriti_perevod_0.pdf (активно на 2016 г.).

Тесла говорил много чего о природе электрической энергии, но едва ли что-то говорил о первичной, или сущностной, форме энергии как таковой. Об этом сказал Фуллер – прежде всего, в том своем утверждении, что энергия имеет форму, и в том, что тетраэдр представляет собой форменный квант энергии.

Если отвлекаться от чисто электротехнических объяснений и оставаться в пределах сравнительного рассмотрения натуралистических идей различных авторов, то, если речь идет о взаимной количественной разнице радиусов, то продольные колебания должны улавливаться приемником с чуть меньшим относительным радиусом обхвата (а не с предельно минимальным, или «радиусом сжатия», по Фуллеру), или натянутой струной. Оптимальное натяжение струне со свободно и максимально прямолинейно продолжающимися концами обеспечивает такая конструкция, как бабки токарного станка, находящиеся на одной оси, либо аналогично действующее устройство наподобие лука.

В свою очередь, максимальный дуговой радиус натянутого несущего элемента соответствует минимальному температурному градиенту, а потому может быть обеспечен вакуумной механикой всасывания в смысле Шаубергера, связанной, как показано в моем комментарии к «Тенсегрити», с фуллеровой механикой растяжения[30].

Польза подобного рода гипотетических спекуляций – в том, что они позволяют вариться в системе понятий, выходящих за рамки как школьных установок о природе вещей, формирующих массовое сознание, так и за рамки не менее массовых установок профессионального научного сообщества, живущего, как всякое такое сообщество, в заданной системе разделения научного труда с заданной системой субсидиарно-инвестиционных денег. А также – в том, что построение подобного рода гипотез создает мотивацию к их последующей проверке, а значит, способствует перезапуску первого этапа развития науки в друкеровском смысле, но уже в рамках новых социально-экономических задач и гуманистических установок, сдобренных изрядной порцией критической рефлексии насчет прогрессистских ориентаций научного знания.

[30] См. раздел "Фуллер и другие" в книге "Возможность управления...".

В науке "предоставь критерии" и "обеспечь новизну" являются конкурирующими и часто взаимоисключающими требованиями, существующими в одном дискурсе и создающими динамику научного развития. И то, и другое всегда находятся в поле степеней общности, восходящих к базовой и метафизической, и метанаучной, проблеме универсалий. Нужно обозначить старую разницу благоприятного и пагубного использования обобщений, уж коли речь зашла о внеплатоническом пифагореизме. Следует отделить некое обобщение, или теорию, к которой за уши притягивают реальность, то есть фактически платонизированный в статусе все более строго реализма концепт, от очень похожего на него эмпирического обобщения идеальных внутримирных форм, обнаруживаемого в сравнении вихревой формы воды слива в ванной и в галактической спирали; или в сравнении тетраэдрического человеческого позвонка с изоморфной ему галькой, найденной на морском берегу. Здесь важна разница не только эмпирико-индуктивного и абстрактно-дедуктивного обобщений, но потенциальный переход одного его вида в другое, когда речь идет о геометрических формах: идея спирали или тетраэдра, становясь понятием ума, творчески сочетаясь с иными подобными понятиями воображением, образует следствия, которые наблюдатель начинает искать в опыте уже дедуктивным способом. Типичная ситуация, однако между ней и той, когда эмпирическая информация мира начинает фильтроваться исключительно через поиск подтверждения плодов ума и, в конечном счете, сам мир начинают упрощенно интерпретировать исключительно относительно этого поиска, находится очень тонкая грань; более того, эти ситуации связаны односторонне. Понять их разницу – значит понять природу ошибки платонизации пифагореизма, оставив при этом место если и не "идеальным", то аттрактивным, или природоподобным, формам и, в конечном счете, предложить специфическое направление решения спора об универсалиях, время от времени актуализируемого в истории философии под тем или иным соусом. Мы всегда будем пытаться усмотреть естественную спираль как след проявления вихревого процесса (так занимавшего француза Декарта и нашего Ломоносова) и воплощение его как общеприродного принципа, и всегда будем набрасывать на мир представление о вселенской форме (ибо обобщение, как его ни порицай, есть естественная эргономическая функция нашего cogito), но при этом

обойдем абсолютизацию этих форм в том смысле, что это абсолютное всегда будет для нас имманентным в значении не деградирующего (отпавшего от идеи), но проявленного (и общего принципа, и чего-то внеидеалистически конкретного, оставившего след). А это – совершенно иной взгляд на универсалии, нежели платонистический или перипатетический (категория следа не рассматривается Аристотелем в его понятиях о причинности – во всяком случае прямым образом), и совершенно иная метафизика, которую, похоже, и возвращал Фуллер в науку, все более становящуюся вавилонским столпотворением отраслей и дисциплин[31].

И, похоже, именно такое понимание трансформаций процедур обобщения от опыта к уму и обратно есть то, что усматривалось в пред- и раннехристианский период гностиками, различавшими близких к знанию, но не постигших его, а потому находящихся в пределах веры и довольствующихся ею, "психиков", и постигших близость вселенских форм во множественности их проявлений, собственно "гностиков" (не говоря про полных страстей "соматиков", близких уже упоминавшемуся естественному человеку Вебера).

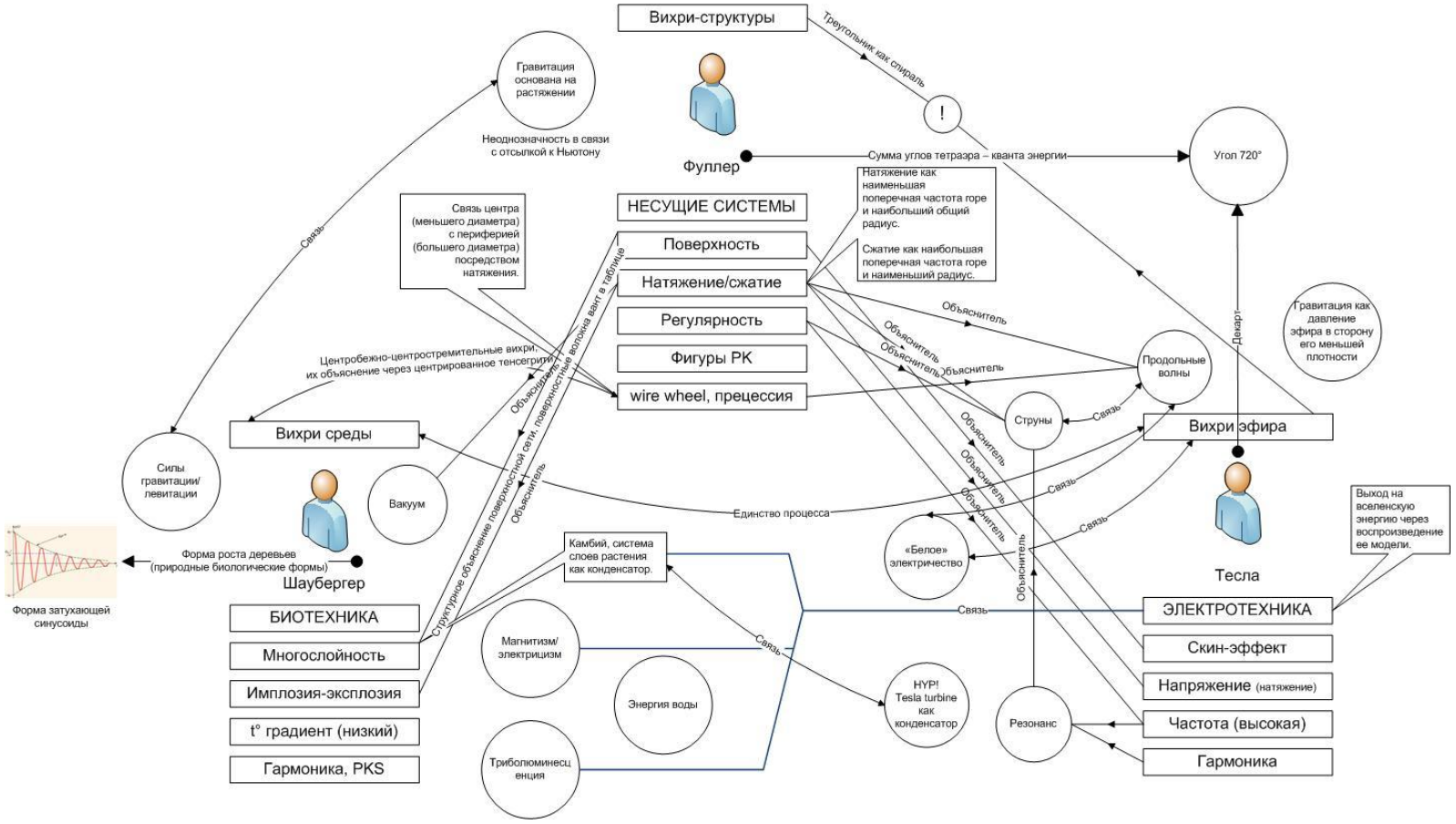
Таким образом, соединение индуктивного и дедуктивного обобщений содержит в себе потенциал разрешения проблемы, связанной с весьма важной и воспроизводимой в веках ошибкой. Однако, в отличие от абдукции Пирса, здесь индуктивное и дедуктивное соединяются не категорией неизвестного, которое требуется аналитически восстановить (в рамках простого языка не являющегося черным лебедем, но в случае достаточно больших объективаций каузальных сетей могущего им быть), но самим феноменом общего, понятым деятельностно и вне платонической модели "ниспадающей иерархии", по видимости, берущей архетипическое начало все в той же пифагорейской полугеометрии-полумеханике концентрических окружностей или сфер, особым образом интерпретированной. Действительно, со временем человек перестает слышать звуки "сфер" более высоких частот, но это не значит, что и частоты, и создаваемые ими звуки более идеальны, нежели более низкие звуки; скорее даже наоборот: более

[31] Более того, подлинный смысл библейского предания о вавилонском столпотворении, пожалуй, и состоит в бесконечном углублении разделения труда, когда образуется масса взаимоизолированных и взаимонепонятных языков различных отраслей знаний и деятельностей, и невозможно уже постичь отдельному уму, для чего нужна вся эта панчеловеческая игра в бисер.

низкая вибрация есть более чистая проявленность (квант) частоты как таковой (в этом же смысле тетраэдр для Фуллера есть квант энергии в трехмерном пространстве).

***

Итак, собственно, схема связи ряда категорий трех авторов, в идеях которых я усматриваю продолжение пифагорейской традиции:



Типология технологий: предметно-технологическое множество как компонент и средство антропогенного формирования среды

Далее имеет смысл сказать несколько слов о фуллеровых категориях livingry и weaponry в свете рассматривавшихся ранее вопросов исторического подхода С.Нефедова. Важной новостью является рассмотрение этих категорий не столько в качестве сущностей (таковыми оказываются конкретные артефакты и технологии), сколько в качестве режимов и способов использования и организации одних и тех же сил природы, зависящих от способа реагирования на макросоциальные задачи – в частности, ту из них, что касается решения проблемы выхода общественных процессов из-под контроля и нарушение управляемости ими вследствие глобальной интеграции и потери согласованности, что уже стало общим местом. Эти два режима "обеспечения войны" и "обеспечения жизни", будучи противоположными по своей направленности, имеют, однако, моменты сходства в своей производственной части. С учетом того, что говорил Нефедов, можно при этом сказать, что weaponry есть "технологии голодных", тогда как в собственно фуллеровом смысле livingry – "технологии гомеостаза", в обобщенном описании которых квантификация "для каждого" преобладает над квантификацией "для всех".

Одновременно livingry и weaponry представляют собой семантический дифференциал, в котором выстраивается цепочка смыслов организации сил природы; эти смыслы, в свою очередь, образуют содержательный контекст вопрошания о том, что рассматривать в качестве организованной силы, владения ею, и о том, в какой мере рассматриваемое или обладаемое рассматривать как искусственное или естественное. Этот вопрос относится к основам производственной деятельности и лишь вскользь затрагивался в неоекономике.

В свою очередь, поскольку речь идет о смыслах и значимостях, эти две фуллеровы категории режимов или акцентов деятельности в макросоциальном масштабе также могут быть рассмотрены как метабренды, определяющие прочие стили и смыслы жизни и, одновременно, задающие по крайней мере двухуровневую типологическую иерархию брендирования: образы жизни хипаря-пофигиста, яппи-буддиста или хипстера-вегана также могут быть отнесены к стилистической идеологии livingry, поскольку

акцентируют актуальность жизненного баланса, или гомеостаза, в той или иной форме, а значит – тот или иной вид конформности в среде и соответствующий ему принцип обеспечения этой конформности. С другой стороны, принципы дисбаланса обнаруживают возможности стилистической идеологии weaponry, включающей широкий спектр связанных с дисбалансом, нонконформностью и нарушением гомеостаза аллюзий и ассоциаций – от принципа коммерческой конкуренции до атрибутов и товаров рынка military style и собственно рынка вооружений. И в рамках этого же семантического дифференциала можно рассматривать технологии двойного назначения как «технологии выбора», как инструменты разрешения противоречия между обеими категориями, а также – рассматривать акцентирование одной из них как условие снижения интереса к другой.

Что касается собственно связанных с этими категориями технологий, то в экономическом смысле тема неизбежно упирается в понятие системы разделения труда, предпосылкой и фоновым контекстом которого является производительная деятельность людей, осуществляющих в этом разделении созидательную кооперацию. Именно она является очевидной, но не часто рефлексируемой, особенностью разделения труда, даже если при этом идет речь о создании самых мощных средств разрушения, и особенно если речь идет о создании таких средств, для известных видов которых разделение труда должно быть весьма глубоким; в этом смысле весьма интересным является американский учебный фильм о разделении труда в производстве атомной бомбы B-61[32]. Между тем, это, по сути созидательное, производящее, или производственное, разделение, будучи адаптивной способностью человека как члена группы себе подобных, есть особенность социального мира, акцентированного на жизнеобеспечительных технологиях livingry во всех трех смыслах первичности Дунса Скота (для человека, по времени и по сути), то есть социального (а некоторые отголоски далекой древности позволяют предполагать, что также и социоприродного) "мира" как "не-войны". Однако поскольку обратной стороной мира является именно война как "продолжение концентрированного выражения экономики

[32]http://video.athenaeum.ru/watch/2s4oQnPWrDg/atomnaya-bomba-b-61-russkiy-perevod.html (активно на 2016 г.). Примечательно, что в СССР массовое представление о разделении общественного труда в первых классах общеобразовательных школ формировалось на примере истории производства буханки хлеба.

другими средствами", образующая запрос на технологии weaponry, постольку эти технологии реализуют иной сложностный акцент на принципе оружейного производства, озвученный как-то изобретателем автомата М.Т.Калашниковым в выражении "все нужное – просто, все сложное – не нужно", с которым согласны многие иные эксперты в сфере вооружений, но который, как правило, мало рассматривается сравнительно с преимущественно мирным, или гражданским, или, еще раз, созидательно коннотируемым, понятием макроэкономического разделения труда. А значит, в системе военных техники и технологий действует, по крайней мере, странное сочетание эффективности простых решений, производимых меньшими силами и средствами (а значит и сравнительно менее глубокой системой разделения труда), с эффективностью решений высокой степени комплексности (производимых иной раз не просто глубокой, а глубочайшей системой разделений труда, по сей день выступающей драйвером производственных и рыночных мультипликаций) согласно законам политэкономической классики.

Иначе говоря, обобщая эти и другие примеры, можно сказать, что в целом ряде случаев выучка с меньшей технологической оснащенностью способна перекрыть большую технологическую оснащенность с делегированной или рассеянной выучкой, которая суть знания и компетенции, в условиях социально-экономических систем эпохи модерна отчуждаемых от личностного носителя ради удешевления цены его труда в пользу "корпоративного знания", требующих развитых информационных систем – причем именно машинных, уж коли речь идет о массовом отчуждении знаний и экономии на зарплате. И вот именно здесь оказывается актуальным вопрос о факторе "скорости прохода" в производстве "простых систем и решений" в противовес "эффекту масштаба" удешевляющего производства углубления разделения труда, а также ключевой тезис-вопрос проекта собственной жизни Р.Б.Фуллера: "что может отдельная личность сделать такого, чего не могут сделать крупные корпорации?". И здесь у "простых решений" обнаруживается поле возможностей, причем весьма обширное: простота этих решений граничит с гениальностью, и неважно, что это поле теневое – оно оказывается заведомо "лучше воровства". Эти теневые возможности, вопреки мнению иных скептиков, могут получить даже

институциональный статус, чему примером служит история тайных обществ Европы, сопровождающая эпоху формирования капиталистических элит где-то со второй половины XVII века – финансово-технологических по своей сути, берущих частичное начало в протестантизме и серьезно повлиявших на социальные и рыночные процессы.

Аналогом такого сочетания простых и сложных технологий "по странному совпадению" выступает сегодняшнее сердце технологий livingry – медтехника и созидающий ее медико-промышленный комплекс (МПК), где сочетание изобретений столетней или даже двухтысячелетней давности соседствует с самыми передовыми изобретениями в области микроэлектроники и биохимии в рамках одной процедуры использования, с общепроизводственной точки зрения носящей исключительно ремонтный характер. Что касается последнего, то интерпретация обоих технологических акцентов с этой точки зрения открывает интересный взгляд на вещи: оказывается возможным говорить о ремонте тела и производстве среды его поддержания против средств тотальной амортизации и тела, и самой этой среды, включая непроизводственную и неторгуемую компоненту последней, содержащую организованные силы (далеко не до конца изученные в степени их сложности), которые, однако, могут быть использованы и задействованы.

Все это также имеет прямое отношение к тому, что говорит Н.Талеб применительно к оптимальному размеру фирм, прочности больших систем и выгоде "малых форм" и объектов хозяйствования на умозрительном примере обеспечения водой мелких домашних животных и слона в случае засухи[33].

Возвращаясь к упомянутой в начале этого раздела исторической концепции Нефедова, следовало бы приложить все сказанное к базовому в ее рамках антропологическому различию номадов и оседлых. Если признавать, что как те, так и другие образуют свой склад (подробнее об этом см. далее в разделе "Некоторые замечания относительно складской гипотезы происхождения денег") как организованный концентратор ресурсов и образцов предметно-технологического множества, то здесь обнаруживается два различных способа растягивающего, деконцентрированного, или логистического,

[33] См. то же его выступление на тему того, что "образование уничтожает наш мир": https://www.youtube.com/watch?v=BDuLKdUT24M (18.12.2011, активно на 2016 г.).

взаимодействия с миром, задающего базовую (или, если угодно, архетипическую) структуру макросоциального пространства: звездчатую, предполагающую органичное взаимодействие одного центра с округой (в случае оседлых) или множественно-сетевую (в случае номадов). Однако эти оба способа ресурсно-пространственной организации и концентрации ресурсов не содержат между собой принципиального противоречия, оба типа режимов деятельностно-технологического существования общества оказываются доступными как для "номадов", так и для "оседлых"; причем этих последних оказывается возможным различать не по отношению к миграции по пространству планеты как таковой либо ее отрицанию, но по отношению к разным способам миграции в пространстве одной ойкумены, идентифицируемой и воспринимаемой в качестве таковой каждым антропологическим типом. В данном случае ойкумена, имеющая единый центр, и ойкумена, не имеющая его, отличаются друг от друга в восприятиях примерно так же, как живая клетка, имеющая ядро, отличается от живой клетки, его не имеющей[34]. И значит, не исключено, что придется пересмотреть некоторые взгляды на условия формирования регулярной и концентрической пространственных сред, а также рассматривать номадический и оседлый образы жизни скорее как соотносимые направления присутствия в мире, нежели как статусы, обусловленные экспансией.

Все эти вещи окажутся важными в дальнейшем для рассмотрения вопросов, связанных с проектной антропологией "нового организованного человека".

Творчество как эпистемическая установка и некоторые спекуляции о логической структуре гипотезы

Одним из факторов и стимуляторов творчества является эксперимент. По Григорьеву подход к бизнесу желателен как к эксперименту (попытке сделать и посмотреть, что получится), для чего нужны рамки экспериментальных условий. Если этого нет, возникают иррациональные страхи.

[34] Здесь, конечно, иные могут возразить, приведя в пример Империю Чингисхана, распространившуюся в свое время вплоть до европейского региона, однако не стоит забывать, что и сама ойкумена Великой Степи столь велика, что своим природным ландшафтом включает его часть, располагаясь на территории современной Венгрии.

Однако когда происходит обращение за инвестицией, то вполне себе справедливое представление о бизнесе как эксперименте, примененное к восприятию собственных занятий отдельным предпринимателем, обнаруживает ту часть определения понятия эксперимента, что связана с неопределенностью, риском и случайностью, и в той мере, в какой риск выше, инвестор является венчурным. Эксперимент есть ничто иное, как деятельностный поиск ответа на некоторый вопрос, поставленный относительно природных порядков, до получения результатов которого ответ, разумеется, не предопределен, а если и предопределен, то заведомо не может быть чем-то большим, чем проверяемая в рамках такого поиска гипотеза. С другой стороны, эксперимент есть не иначе, как организованный опыт, в отличие от неорганизованного опыта, которым оказывается непосредственное наблюдение, феноменологически более-менее чистое. То есть целью эксперимента всегда является либо проверка предположения, либо не исключающее его (но не обязательно предполагающее) выяснение результатов последствий набора конкретных действий в модельно обусловленной ситуации или среде. Однако если эти действия не сопровождаются факторам случайности, неизвестности, неопределенности или даже риска, то их нельзя считать экспериментальными. Это все достаточно известные вещи, но их следует оговорить, поскольку с повседневным употреблением слова "эксперимент" нередко возникает много путаницы.

Рациональным основанием (хотя и не единственным) задаться вопросом о метафизике сверхрационального был в свое время тезис Григорьева о случайности капитализма. Здесь возникает вопрос о степени управляемости той социоприродной среды, в котором оказалось возможным его появление – глобальной среды, а также мысленный (пока только мысленный) эксперимент по поводу вероятности формирования такого мироустройства в популяционно-логистических масштабах какой-нибудь суперземли.

Только ли к понятиям относится оккамовская бритва? Или также и к вещам? Я склоняюсь ко второму, ибо слово “entia” можно трактовать широко. Бритва Оккама есть постулат нестяжательства; он особенно значим в эпоху океана вещей, в котором тонет человек. Он же, человек, тонет в мире гипотез, доказательства которых требуют отдельных трудозатрат. Судя по иным

философским текстам, представленные в них спекуляции и медитации суть сплошные гипотезы.

Иной раз гипотезы обозначаются выражениями, подобными суждению, однако вместо связки “есть” используется связка “как”. То есть вместо “А есть В” пишется “А как В”. Что это? Пожалуй, всякое суждение можно превратить в подобную форму путем такой замены; получившаяся конструкция будет не суждением, а чем-то другим именно в силу изменения типа связи между терминами. Однако каковы возможные интерпретации подобного выражения? Ведь “как” может быть понята как часть кантовского “как возможно”, идущего на смену аристотелевскому “почему”. Мое же “как” меняет статус логического выражения, замещая собою связку бытия “есть”, представленную в других своих ипостасях квантором, предикатом и значением. “Как” указует на временность и подвижность истинного, на статуарный характер отношения между понятиями. Связка “как” радикально меняет отношение между субъектом и предикатом. Она является как бы “связкой примерки” предиката субъектом, или "миметической связкой". “Примерочная” речевая конструкция в рассуждениях носит название гипотезы. При возможном обращении этого странного (с точки зрения формальной логики) выражения уже предикат будет примеривать субъект, меняясь с ним местами; предикат может и “не понравиться” субъекту, и тогда, говоря о причинах этого, можно будет сказать о неподтверждаемости гипотезы. Связка “как” акцентирует аспектативный характер отношения между ними. “За кадром” остается вопрос о том, почему особую выделенность приобрела комбинация именно этих S и P, а не каких-то других? Ведь примеривать можно все, что угодно; некогда Б.Рассел указывал на то, что отношение между субъектом и предикатом восходит к аристотелеву различию субстанции и ее производных. Что же, приходится говорить об условиях гипотезы? Но как тогда быть с “безумными гипотезами” и “anything goes” постпозитивизма? Иными словами: откуда берется этот синтез предположения ”А как В”, каковы условия его появления, не случайность ли определяет возникновение этого синтеза, и как это выяснить в условиях отсутствия сведений об условиях возникновения этого синтеза (то есть в условиях случайности обнаружения этих условий)? Этот вопрос (вернее, комплекс вопросов, запакованных в одном) во многом есть

вопрос детерминизма. Допустим прежде, что “как-структура” есть элементарная структура гипотезы, идентичная структуре суждения.

Гипотеза с “как” есть также указание и на возможный метод, ибо всякий метод (вернее, его описание) отвечает на вопрос “как?”.

Когда мы говорим “А как В”, то подразумеваем между А и В как тождество, так и различие, то есть отношение подобия (в деятельностном аспекте – подражания[35]), не являющееся ни полным тождеством, ни полным различием.

***

“А как В” можно еще также понимать и как логическую структуру метафоры. Метафора (может быть рассмотрена) как первогипотеза (исторически первый тип гипотезы); также можно сказать, что метафора есть один из наиболее распространенных модусов бытия гипотезы в обыденной речи. Взятая в качестве предварительного наброска на реальность и фиксированная, она затем перерастает в миф. Миф – это метафора, относительно которой забыли, что для нее возможны альтернативы.

Методологическая ориентация на метафору есть ориентация на креатив, а значит, на будущее (таким образом, поэзия, активно использующая метафору, уже всякий раз футуристична). Всякое же суждение, будучи базовой структурой судительной речи, есть ориентация на бывшее, или ставшее (см. Аристотеля). Следовательно, всякому “А есть В” оказывается предшествующим выражение “А как В”. В данном случае связка “есть” понимается как истина “ставшего” с ориентацией на бывшее, в оппозицию будущему, тогда как сама истина оказывается эффектом и поверхностью. Связки “есть” и “как” оказываются взаимозаменяемыми.

Кроме того, “А как В” может быть также рассмотрена в качестве некоего способа символопорождения, ибо таким образом задается гипотетический контекст. Суждение как результат умозаключения есть грамматологическая операция (или результат этой операции) условного “среза” понятия и, таким образом, явление поверхностное. Но какова формально-логическая структура этой гипотезы? Ведь в ее высказывательной форме присутствуют и “есть”, и “как”, причем “есть” в качестве главной связки. Это соображение неплохо бы развернуть.

[35] Во многом поэтому я считаю искусство более фундаментальной деятельностью, нежели науку – искусство познания.

Предикативная логика частичности и предикативный аспект квантовой логики

Сразу предупреждаю: здесь затрагиваются весьма скользкие в истории науки темы солипсизма и вечных двигателей, но лишь в качестве примеров и, так сказать, вспомогательных составляющих основных нарративов. И это закономерно, поскольку речь идет о предметно-истинностных функциях и представлении феномена сознания в логических понятиях. И речь идет именно о дополнительности (в том числе – о дополнительности дуального), а не о "единстве противоположностей" – выражении подзамыленном, подизъезженном и весьма оторванном от изначальных вопросов, ответом на которые оно является. Речь о тех непреложностях, что считаются вроде бы доказанными методом сложной алгебры и что представляют собой лишь модус сознания, будучи основаны на конкретных предпосылках о допустимом понимании природы вещей.

Так, элементарное этимологическое прояснение вкупе с умозрительной наглядностью свидетельствует, что дуга – это квант, а кольцо – это корпускула ("атом" в широком натурфилософском смысле), периодически колеблющаяся гибкая дуга – это волна, создающая множественность движущихся дуг и даже дуг в суперпозиции, задающих масштаб[36]. Действительно, квант есть проявленность или "всплеск", идеей чего является дуга; атом есть не иначе, как некая самозамкнутость с неизменным отграничением внутреннего пространства от внешнего и, собственно, образованием такого пространства; волна есть создание последовательности дуг (или сжатий-разряжений, как в случае с продольной волной). Здесь нет никакого дуализма – действительно, усматривать ли нечто как трехмерную дугу вращения, или "пружинку", или такую же гибкую колеблющуюся "пружинку", производящую дуги, кольцом, зависит от позиции наблюдателя. Подобным же образом из этого следует, что нет никакого принципиального противоречия между моделью "атомы и пустота" и моделью "волнующегося континуума", поскольку мир способен проявляться как тем, так и другим образом. Волна, даже если она стоячая (а не стоячая – тем более) есть функция, этимологически – выполнение, то есть действие. А потому с такой же наглядностью оказывается возможным представить значение выражения "коллапс функции": это происходит, когда дуга сворачивается в кольцо, в пределе продолжающее сжиматься с уменьшением собственного радиуса. Собственно это есть наиболее наглядный, буквальный и примитивный пример какого бы то ни было коллапса.

[36] Тогда как, согласно Фуллеру, любая наблюдаемая прямая линия есть избыточно вытянутая дуга, в физической субпозиции – веретенообразная фигура, представляющая аксиально преувеличенную асимметрию.

Корпускула возникает как самозамыкание волны. Именно тогда и появляется внешний мир, ибо создается мир внутренний. Корпускулы как линейные замкнутости могут быть вытянутыми либо уравновешенными (симметричными). В это смысле возможно толковать элементарные случаи аксиальной и экваториальной асимметрий Фуллера. Вариантом сложного самозамыкания мира оказывается организм[37]. Атомизм при таком понимании есть лишь режим существования мира (даже локального его существования), не противоречащий иным форматам его существования.

Мне не нужно громоздких, теряющихся в самих себе, математических конструктов, а также хитроумных экспериментов, нагруженных абстрактными предпосылками о природе вещей, для того, чтобы умозрительно представить категории квантовой физики – как ни крути, но умозрение оказывается существенной компонентой сознания, поскольку апеллирует к прояснению интуиций, без которых никакой, не лишенный концептуального значения, нарратив (то есть нарратив о чем бы то ни было, а не глоссолалия) в принципе не возможен. Это все – дружественная пика в бок основателю биоцентризма (по сути, "сознаниецентризма") Роберту Ланца, создавшему прекрасный образец развития идей "philosophy of mind", чью общую позицию, будучи сам панвиталистом, я разделяю и нахожу чрезвычайно интересной, способной весьма рисковым образом, балансируя на грани солипсизма на протяжении шести глав своей книги, создать предпосылку для нового толкования древнего тезиса о "человеке как мере всех вещей" и понимания естественных процессов без противоречия с принципами свободы и гуманизма.

В конце концов он-таки произносит слово "солипсизм" и приступает к осторожной апологетике соответствующего ему понятия, очевидно обнаруживая рецентрацию на сознании на фоне общемировоззренческого восточного "нет различия между внешним и внутренним". По мнению автора этих строк, такая рецентрация, хоть и осторожная, способна дискредитировать смелый и оптимистичный биоцентризм. Идущие далее здесь соображения насчет предикативной формы квантовой логики позволяют связать внешнее и внутреннее между собой, оставляя каждую из этих областей в своих правах и при этом избегая солипсизма. Впрочем,

[37] Соединение аксиального и экваториального, в свою очередь, образует форму ломоносовского "коловратного движения", тогда как форма соединения между этими двумя асимметриями представляет собой как раз тот самый гиперболический конус, что был предметом изучения гидролога (и, безусловно, биомеханика) Виктора Шаубергера. Именно в этой интерпретации через акцентированные Фуллером асимметрии наблюдаемый в живой природе (от формы деревьев до формы квазаров) гиперболический конус обретает свой механико-математический смысл.

рисковать – обращаться к случайности. Другой известный способ обращения к случайности и неизвестности – молитва. В свою очередь, сама практика феноменологического отслеживания собственного опыта ходит по грани солипсизма и существует как "строгая наука" лишь с предпосылкой его отрицания.

Не говоря про радость от того, что в Америке существует живая философия. Однако в одноименной с названием его концепции книжке "Биоцентризм" имя Фуллера упоминается всего один раз – в шестой главе ("Когда завтра опережает вчера"), где он вскользь упоминает об экспериментах с проявлением квантовых процессов в макромире на примере молекул-фуллеренов (они же "бакиболы"). Между тем, приведенная умозрительная метафора с дугами и кольцами является прямым следствием принятия мировидения фуллерианской традиции, одной из особенностей которой является пересмотр давно известного на уровне наблюдаемого в механике "ньютонового" макромира (как показывает прояснение этого вопроса – александрийского), и осознание того факта, что изменение восприятия и способа мышления элементарных и повседневных вещей, далеких как от уровня галактик и войдов, так и от планковских величин (вопрос об отличии сознания и мышления оставим в стороне) обнаруживает вещи, пронизывающие весь универсум вплоть до этих масштабных пределов. Эта особенность фуллерового умозрения связана с другой с тем, что можно было бы назвать "детскими ответами" по аналогии с "детскими вопросами", которые, как известно, считаются самыми сложными – иначе вряд ли Фуллер заработал бы себе репутацию "человека, открывшего треугольник". Именно он, как никто, пожалуй другой, сделал столь много для актуализации гениальности простого и простоты гениального.

Соединение идей биоцентризма, отрицающего реальность привычных пространственных представлений в смысле кантовской априорной формы чувствования и буддистской майя, что аргументируется квантово-"механическими" экспериментами, с пространственными же, однако, интуициями Фуллера, представляется способным дать уникальные и богатые результаты. Именно поэтому требует прояснения феномен "первичной пространственности" (или же "первичных пространственных форм" – а значит, и "элементарных механизмов"). В конце своей книги Ланца, отрицая внешнюю реальность ньютонова "пространства с твердыми телами", прямым текстом заявляет о модели мироздания, состоящей из категорий субстанции и времени. а поскольку время он толкует как единственно приемлемую им длительность путешествия фотона от зеркала к зеркалу, постольку, заменив

слово "длительность" словом "протяженность", имеем не иначе, как "начала" Бенедикта Спинозы, причем самым буквальным образом. Вот только Спиноза – строгий детерминист, а модель Ланца – про квантовую физику с ее неопределенностями. Имел ли в виду Ланца Спинозу, говоря про "время и субстанцию", но не упоминая его? Во всяком случае, этот понятийный противовес, завершающий изложение всей его необычной онтологии, весьма показателен. Равно как, кстати, и постоянно мелькающие буддистские аллюзии – в смысле позитивных объяснений социологии науки союз американской "philosophy of mind" с индийско-китайским буддизмом весьма понятен. Но именно в этом смысле следует сделать одно существенное различие, касающееся отличия представлений о пространстве Ланца от европейской традиции. Дело в том, что ньютоново понимание пространства как "вместилища вещей" (и, соответственно, времени как "вместилища событий"), найденное и отмеченное основателем биоцентризма даже в идеях Эйнштейна, не является исключительной интуицией континуума для новоевропейской науки. Современное Ньютону понимание Лейбница представляло пространство как образованное вещами, а время – как образованное событиями. Но Лейбниц вряд ли утверждал, что пространство и способы его элементарного создания есть исключительно модус восприятия внешней реальности – он не был солипсистом. Хотя он был большим интересантом восточных идей, чему свидетельство замена логических значений "истина" и "ложь" на вероятностные по сути "единицу" и "ноль", вдохновленные, согласно легенде, китайскими гексаграммами. У Ланца же собственно пространственное представление расстояний есть не иначе, как модус бытия человеческого сознания. Более того, согласно нему, сознание творит самое Вселенную, находящуюся вне взаимодействия с конкретном восприятием в состоянии квантовой неопределенности. Впрочем, здесь нельзя исключить попытку прояснить интуицию того, что никакая единичность-в-себе не дает существования, но только взаимодействие минимум двух начал: сознания и "внешнего мира", разделение с которым, согласно одному из принципов биоцентризма, иллюзорно. Иначе говоря, "unity is two", а это уже Фуллер[38].

Когда говорят о корпускулярно-волновом дуализме, то всегда имеется противопоставление волны корпускуле как ее противоположности, ведя при этом речь о квантовой механике, от есть "механике проявленностей", ибо собственно квант – проявление. Тогда как собственно корпускула есть не

[38] В лучшем случае "единичность-в-себе" (или лучше "единичность-сама-по-себе") есть та же лейбницева монада "без окон, без дверей", о которой мы думаем до опыта, но как показывают примеры от Ланца, даже в этом случае сама мысль о чем-то уже создает взаимодействие и, следовательно, существование.

иначе, как предельный, или метафизический, атом, а геометрически и синергетически – максимально замкнутая, или сжатая, линейность. Между тем, есть основание усомниться в таком противоположении, поскольку для атома, как для предельно замкнутой сущности, тем, что есть не он, выступает метафизическая же пустота или среда его пребывания, но уже как "предельно открытое", тогда как противоположностью волны, которая в экспериментах с щелями, проясняющими удивительные свойства дуализма, неизменно является поперечной волной, является волна продольная. Как-то забывается современной наукой, что основных видов волн два (возможно, это связано с преимущественно геометрическим синусоидальным умозрением волны на графике). А раз так, то в самом основании противоположения этого дуализма кроется ошибка: то, что в одном случае мыслится как поперечная волна, дающая на экране рисунок интерференции, в другом случае должно мыслиться не как корпускула, а как идущая лишь в одну из щелей продольная волна, ничего в действительности не огибающая, и неотличимо совпадающая с корпускулой не только в этом свойстве, но и потому, что собственно продольная волна как череда сгущений слабо берется в расчет и умозрение едва ли не в любом волновом дискурсе любой науки. В лучшем случае она может мыслиться как последовательная транскреация корпускулы. Более того, собственно лейбницева транскреация также может быть представлена некой комплексной продольной волной, идущей в сторону наблюдателя продольно, или по торцу, тогда как в других случаях она может быть им наблюдаема в поперечном ее аспекте, и представлять поведение поперечной волны. Если мыслить мир в презумпции разомкнутой линейности, то противоположностью поперечноволнового проявления квантового мира будет как раз продольноволновое, а не "корпускулярное". Такое понимание снимает надуманное противопоставление волны и не-волны и открывает поле новых возможностей. Мир "корпускул" и пустоты, таким образом, становится частным случаем продольноволнового мира сгущений и разряжений, а один вид волны может трансформироваться в другой. Действительно, если переход продольных колебаний в поперечные зависит от поперечной гибкости дуги, то эта разница легко наблюдаема на примере свойств лучной и арбалетной стрел: последняя, в отличие от первой, не издает в полете вызванного поперечными колебаниями шипения, обладая большей пробивной способностью – при том, что последней свойственны продольные колебания. Подобным образом можно предположить, что разные проявления квантового мира связаны либо с разной длиной колеблющейся субстанции, либо с разными аспектами усмотрения этой длины.

Здесь же стоит упомянуть также время от времени идущий вскользь в его книге отказ от теории струн и связанной с ними концепции множественных вселенных, по поводу чего следует сделать одно существенное разведение понятий. Вопрос о том, почему именно Габриэле Венециано в 1970-е годы взял струнную метафору для названия концепции, объясняющей поведение адронов – не исключаю, что он вдохновлялся "контрапунктом" его выдающегося земляка Винченцо Галилея. Но время возникновения этой теории слишком уж подозрительно совпадает с периодом победного шествия фуллеровой tensegrity в естественнонаучной среде мира. А поскольку график бета-функции Эйлера (с коей сермяжно началась оная теория) при вещественных аргументах напоминает совок, должен заметить, что механистические интерпретации кванта и корпускулы сугубо повсеместно вещественны и элементарно наглядны. Это была шутка насчет совка – возможно, не самая удачная, однако здесь обнаруживается тот факт, что фуллеров акцент на эйлеровых линиях как областях пересечения поверхностей, сделанных в одном из мест второго тома его "Синергетики", недвусмысленно и, опять же, вполне себе умозрительно указывает на то, что линия может мыслиться в своем движении и статике как именно актуализированная данность такого пересечения, а не только как след от движения "материальной точки" (понятие, оставшееся от дикого евклидово-ньютонового "прошлого"), сиречь атома-корпускулы. Кроме того, умозрительная интуиция квантовых "струн" и "петель" вполне совпадает с тем, что было сказано в самом начале этого изложения, только с поправками на невозможные состояния. Будучи мыслимыми как модельные редукции, пересекающиеся поверхности способны реабилитировать (хотя бы несколько) и мультивселенность Хокинга, обуславливая возможность *представить* одновременность далеко разнесенного – а представить это мы можем лишь как линейно связанное или... растянутое. Так что же, человек-наблюдатель, действительно, есть мера всех вещей, "существующих так", что его позиция "здесь", и "существующих иначе", что его позиция "там"? И, кстати, да, абстрактное умозрение механических сущностей – это редукция, и без натурных экспериментов (включая эксперименты с дуализмом, запутанностью и дальнодействием) никуда, но чтобы увидеть, то есть наглядно, или экспериментально же, и притом невооруженно, наблюдать эти абстракции в повседневном мире, нужно ничто иное, как особая практика работы с сознанием и восприятием, которые сам Ланца кладет в основу своей космологии, единственным программно строгим и не мистическим видом которой является феноменологическая редукция Э.Гуссерля. К тому же "квантовая теория", о которой ведет речь в своей книге

Ланца – это, прежде всего, "квантовая механика" – в противном случае она вообще не есть физика. А коли так, то и способность помыслить ее начала без когнитивного диссонанса, компенсацией коего являются попадание в ловушку витиеватых гипотез и громоздких математических конструктов, зависит от умозрения содержания интуиции.

Подобным же образом через "игрушечные" или "детские" аналогии-ответы оказывается возможным объяснить для лучшего понимания "самоопределенности" мира при появлении наблюдателя. Возьмем пример категорий логики предикатов, а для начала вспомним, что Ланца начинает свое изложение биоцентризма именно с вопроса о том, будет ли иметь место треск дерева, если нет субъекта восприятия колебания волн. Еще когда я учился, мне показался странным дуализм одноместных и многоместных предикатов – соответственно, свойств и отношений, представляющих собой так называемую предметно-истинностностную функцию, или функцию, областью определений которой являются общие или единичные предметы универсума, а значением – истина или ложь, иначе говоря – вероятность. Поразмыслив, я пришел к выводу о том, что среди предикатов нет и не может быть ничего, кроме отношений, а то, что именуется свойствами (атрибутами), есть не иначе, как отношения, одним из аргументных термов которого является сам наблюдатель. Из этого обстоятельства я сделал выводы для теории графов, которую считал не иначе, как геометрическим, неалгебраическим, способом представления логики. Другой, более интересный для текущего рассмотрения, вывод, состоит в том, что и сами отношения, будучи предметом что феноменального, что ноуменального наблюдения[39] имеют в составе набора своих аргументных мест по меньшей мере одно, представляющее наблюдателя, тогда как при отсутствии такого аргументного места это уже будет другое отношение. По ходу следует заметить, что именно здесь, похоже, как раз и проходит водораздел между аристотелевой корреспондентской и когерентностной концепциями достоверности. Именно в презумпции последней стоит мыслить биоцентризм Ланца – собственно, все примеры и демонстрации в его книге рассчитаны как раз на такое представление о достоверности, а не на аристотелево. Здесь же кроется суть неопределенного состояния мира вещей без наблюдателя по Ланца: мир никуда не девается, но без наблюдателя или его внимания он инаков в своей соотносительности, не будучи при этом неопределенно-хаотичен по сути, и выстраивается в

[39] А это важно, когда идет речь о сверхрациональных факторах взаимодействия мышления и экзистенциалов с внешним миром.

порядок лишь когда наблюдатель обратит на него свое внимание, как рота нашкодивших скаутов.

То есть имеет место разница между тем, как существует некоторое отношение между чем бы то ни было без наблюдателя, и тем, как оно существует с наблюдателем. В рамках логики это значит, что отношения реального мира не обязательно теряют свой статус без него (тем более какого-то конкретного), но мы можем говорить по крайней мере о целой категории отношений, включая отношения макромира, которые становятся иными, если исчезает наблюдатель. Действительно, в отсутствии наблюдателя звезда не перестанет испускать лучи, а треснувшее дерево - акустические волны, но при его наличии имеет место новые качества света и звука. А потому, если этого не сделал кто-то другой (по крайней мере, автор этих строк про таких не знает), в логику предикатов (как для классической, так и для всех второпорядковых) видится возможным ввести такие различия, как:

- собственно аргумент, или предметный терм, наблюдателя, коими могут быть предметные константы с характерным индексом (свойства или атрибуты, соответственно, есть одноместные безнаблюдательные функции);
- сила влияния одного аргумента наблюдателя в составе отношения на его инвариантность (насколько удаление этого терма повлияет на то, останется ли отношение тем же самым – весьма похоже на определение интенсиональных и экстенсиональных контекстов); а также
- сила влияния числа аргументов наблюдателя в составе отношения на его инвариантность относительно прочих аргументных мест (насколько снижение числа наблюдателей отношения влияет на сохранение его определенности).

Последнее из приведенных различий особенно важно для оперирования категориями реальности мира в контексте "связи сознаний", взятом в смысле Ланца. В моих же собственных нарративах это различие важно для понимания условий и пределов существования медийных феноменов: актуальных для массового сознания сюжетно-тематических линий, мемов и медиа фантомов, особенно в случае управляемой срочности их жизни.

Этот вывод важен тем, что весьма наглядным образом демонстрирует не только ситуацию зависимости реальности от наблюдателя, но и то, о чем по сути говорят теорема Геделя и содержательно связанный с ней принцип управления Эшби. Кроме того, он демонстрирует, что вещи, о которых

говорит Ланца, могут быть прояснены в рамках простого логического нарратива. При этом речь не идет об известной квантовой логике, являющейся разновидностью неклассических и специфицируемой по основанию допустимости в ней некоторых формул языка классической логики высказываний в качестве законов (например, закона дистрибутивности) относительно теоретико-квантового содержания входящих в них нелогических терминов.

Помимо предложенных различий для квантовой логики предикативного типа возможно и обратное, когда наличие аргументного места наблюдателя в составе функции отношения определяет возможность появления в ней новых аргументных мест для предметных переменных и констант, а также собственно отношений, что важно для случая, когда квантовая логика строится в одной из второпорядковых своих форм. Содержательно это означает ничто иное, как возможность логического выражения virtus, а это значит, что логика виртуалистики может быть рассмотрена как часть квантовой логики. Для этого случая также возможны свои различия, идущие далее трех отмеченных:

- сила влияния одного или нескольких аргументов наблюдателя на возникновение новых аргументных мест в составе отношения;
- сила влияния новых аргументных мест в составе отношения на его инвариантность по их числу и силе одного;
- сила влияния одного или нескольких аргументов наблюдателя на увеличение логического порядка.

Такое, предикативное, понимание квантово-механических процессов, обнаруживает также логику эффектов Гейзенберга, действующую как в области квантовой механики, так и в социальных отношениях. Именно поэтому не столь широко, но все же известное, правило "что делаешь – не говори, что говоришь – делай" также является законом природы. Поскольку декларация меняет структуру действия, ибо представляет собой коммуникативное размыкание системы, передачу собственного достояния во всеобщее и снижение исключительности собственного действия как регулятива поведения, не ожидаемого для прочих агентов восприятия и действия.

Данные предикативные постулаты близки по своей направленности гносеологическим положениям о языке Н.Г.Комлева, читавшего в свое время спецкурс автору этих строк:

- нельзя наблюдать объект, не изменяя его;
- нельзя наблюдать объект, не нарушая восприятие его;
- нельзя интерпретировать наблюдения, не искажая правильного представления об объекте;
- нельзя передать интерпретацию наблюдения, не придав ему дополнительного искажения.

***

Вполне возможно, что сверхзадачей новой науки после задачи производства и роста прибыли XX века, вместе с поискам "нового человека" и "погибшей цивилизации" станет задача исследования возможностей автономного существования сознания, и создание более широкой картины мира, в которой эта возможность оказывается актуальной. В более широком смысле это будет задача исследования сверхрационального, частью которого является сверхсознательное. Стоит акцентировать, что сверхзадача не есть парадигма в смысле Куна – эти вещи легко вспомнить поверхностному взгляду. Парадигма представляет собой пропозициональную, или ассерторическую, или ответную часть некоего интеррогатива, вопросная часть которого (как смысловой пары) оказывается его неявной или не рефлексируемой предпосылкой. Более того, эта вопросная часть может вообще не иметься в виду при обращении к основам некой науки, где парадигмальное положение обнаруживается как компонент научного знания, "поставляемого, как есть". Кроме того, парадигма едва ли не всегда относится к некоторой отдельной науке, и хотя ее моральные следствия могут распространяться на другие области знаний (как, например, давно описанный случай Теории Относительности), она никогда не являет собой межпредметный регулятор науки как общественного института. Тогда как сверхзадача именно такова: поиск медичевой Атлантиды или рудольфового гомункула объединяет ученых различных областей знания или, по крайней мере, способствует созданию достаточно разнородного из кластера, и запускает широкие социальные процессы. В свою очередь, парадигмы оказываются как раз результатом выбора тех или иных установок в ответ на текущий познавательный интерес. Именно текущий, поскольку сама сверхзадача может с течением времени изменяться, меняться на другую и даже отменяться в силу появления новых общественных запросов либо ухода поколения тех ее носителей, для которых она была наиболее актуальна. Наконец, в силу удовлетворительного решения сверхзадачи.

Когда говорят о неуничтожимости сознания в смысле вопроса о реинкарнации как феномена существования автономного сознания, то обычно сосредотачиваются на аспекте смерти и "посмертного существования", но едва ли как-то при этом рассматривают противоположную сторону – секс и зарождение новой жизни, когда как именно этот процесс и оказывается линией входа конкретного сознания в "мир, где есть пространство". И, соответствие, создание раздельнополым одной особи определяет ее существование в пространственном мире. С учетом сказанного выше, секс и есть начало бытия сущего как отношения. В меру существования или распада отношения распадается и сущее. Но если само сознание есть сущее, и в рамках презумпции реинкарнации провозглашается его посмертное бытие, то возникает вопрос о том, соотношением чего оно является. Можно предположить, что соотношением "во времени" как длительности либо устойчивым соотношением квантов спинозовой "субстанции", но это мало проясняет суть дела. Поскольку, если брать гипотезу Ланца, то минимум одно аргументное место в этом отношении уже занимает субъект восприятия или сознавания.

***

Способность частичного быть открытым или, с другой стороны, способность замкнутого быть вечным, пожалуй, может быть прояснено при обращении к вопросу о корректности толкования законов термодинамики и к еще одной скользкой (помимо солипсизма) теме вечных двигателей. Автору этих строк они представляются наиболее наглядным примером того, о чем здесь идет речь.

Проблема создания вечного двигателя (как 1-го, так и 2-го, типов) заключается не столько в непонимании или неправильном понимании законов термодинамики изобретателями-физиками (не говоря про случаи намеренного мошенничества, коими пестрит история науки), сколько в ошибочной попытке применить способ человеческих желаний, выдаваемых за "экономическую природу человека", к внесоциальным законам природы (собственно, законам термодинамики), исходя из ложного понимания единства микро- и макрокосмов, когда природа и ее законы толкуются утилитарно через интересы предприимчивой личности конкретного типа, якобы в этом типе представляющей модель Вселенной лишь потому, что этот личностный тип выглядит наиболее успешным на данном этапе общественной эволюции.

Действительно, ажиотаж вокруг вечных двигателей и повышенное внимание к ним начался не с баварского механизма раннего Средневековья, и не с индийского механизма XII века, а именно в эпоху активного накопления научных знаний в XVII-XIX веках, когда патентные бюро и академии оказались забиты схемами таких двигателей до отказа. Действительно, машина, представляющая собой рог изобилия на принципе "что-то из ничего" или работающая локально без передачи тепловой энергии вовне, не возможны, в силу все той же термодинамики. Но правильно ли мы понимаем ее законы? И что вообще есть эти вечные двигатели 1-го и 2-го типов? Это есть некие машины, локальность работы которых в пространстве обусловлена экономической задачей автономного хозяйствования, а также политической (скорее даже психофизиологической или психоконституционной) задачей доминирования, взятых в их совокупности. Но именно эти "хотелки", выдаваемые за антропологические законы, вступают в противоречие с принципами организации природы, поскольку вечный двигатель 3-го типа, мало где упоминаемый в качестве такового, чья вечность ограничена лишь износом деталей, все-таки вполне реалистичен – это знаменитые часы Кокса, работающие на разнице атмосферного давления. Сюда же можно отнести легендарный и полумифический генератор энергии Теслы (с габаритами 15Х30Х60 см для автомобиля Pierce Arrow), бравший, по его же собственным словам, энергию эфира. Не будем касаться реалистичности этого исторического анекдота (в данном случае, как ни покажется странным, это не существенно), а просто поверим изобретателю, давшему столь много ценного человечеству. Обычно часы Кокса и "генератор эфирной энергии" Теслы не сравниваются в их сходстве, состоящем в том, что эти устройства открыты постоянно и повсеместно распространенному в пространстве источнику энергии, внешнему относительно самих этих двигателей. Проблема в том, что некая машина всегда коннотируется ее локальностью и относительной замкнутостью (или самодостаточностью, или целостностью) ее форм. Однако в смысле более поздних штудий термодинамики, доставшихся от Берталанфи и Пригожина, вполне возможно мыслить вечный двигатель в понятиях открытых систем, а равным образом в предложенном мною ранее понятии частичной управляемости. В этом же смысле преодолевается и пессимизм Артура Эддингтона насчет неумолимости второго закона термодинамики. Его рассматривают обычно в презумпции архетипического дуального мифа о вселенской борьбе порядка и хаоса, которая в рамках позитивной, трезвой, нормальной и просвещенной науки Нового Времени драматично заканчивается в пользу хаоса. Но этот закон не существует без остальных

трех, которые его как раз и компенсируют, но которые почему-то всегда уходят в тень, когда речь заходит о "его величестве" втором законе даже устами ученого-физика. Но второй закон не определяет первый и третий и не включает их в качестве части собственного логического содержания, однако не полон без них для целостного понимания термодинамических процессов. Первый закон сохранения или неуничтожимости допустимо толковать так, что у Вселенной всегда есть каким-то образом переданное ей тепло или энергия, которая в ней разлита и может быть взята и использована[40]. Третий закон, отрицающий способность Вселенной быть с температурой, точно равной абсолютному нулю, есть утверждение о постоянном наличии в ней тепла, и что ее принципом является движение, ритм и волна. На фоне такой интерпретации второй закон оказывается утверждением о том, что всякая локальная система, будучи частью Вселенной и осуществляя в ней движение, должна ей что-либо отдавать (прежде всего – энергию), дабы некие иные локальные системы могли бы эту энергию брать, чтобы данная система могла бы эту энергию получить, чтобы... в конечном итоге, пожалуй, реализовать "Scenario Univerce". Но здесь уже в свои права снова вступает Баки Фуллер, чья аутентичная синергетика "малость" отличается от того, о чем говорили Берталанфи и Пригожин, не говоря про первооткрывателей законов термодинамики. Впрочем, сам Фуллер был поборником соответствия собственных взглядов постулатам и открытиям современной ему нормальной естественной науки.

Во всей этой теме вечных двигателей важно понять мораль вопроса о том, когда нам потребны некоторые запасы энергии (или вещества) произвольного объема, и какую конечную цель преследует их задействование. Такая операция вполне допустима как локальная, но она заведомо отличается от задачи извлечения энергии с непрерывной регулярностью для индустриально-эксплозивных машин и система капиталистической эпохи, а потому уже экстернально ориентирована. Иначе говоря, вечный двигатель допустим в смысле компоненты большей системной сложности, которая не рассматривается исключительно как "чистый ресурс", но как источник динамики определенного ритма. Такой двигатель, таким образом, будет рассматриваться как коммуникативный агент физических взаимодействий, а отдача им тепловой энергии во внешнюю среду не должна распространяться, в силу сказанного, как потеря. Иначе говоря, такой двигатель не только допускает, но даже предполагает,

[40] Оставим пока в стороне теслову тему извлечения энергии из вакуума и близкую ей тему мощи отрицательного давления, развивавшуюся Шаубергером. Которые, кстати, не противоречат термодинамике.

сложные петлевые маршруты высвобождаемой им энергии во внешней ему среде, относительная локальность которой задается как раз этой петлевой структурой. Вопрос в том, какими рамками задан предмет мышления, и в какой мере наше осознание предмета выходит за эти рамки.

Криптовалюты как средства "гражданских инвестиций" в контексте прочих факторов управления

Мотивы действий проектантов и деньги: основания для реализации возможности новой реальности

Согласно рассматриваемым здесь и далее нарративам, "экспертное администрирование" и "сверхновые медиа" выступают особыми факторами управления. Собственно, в этом разделе идет продолжение связывания понятий, ориентированных на социальное проектирование, и не только. А ключевой вопрос в рамках этой главы – о том, насколько вообще в рамках этой новой и весьма для многих сомнительной темы "гражданских денег" такого рода способен сыграть фактор доверительной управляемости. Дальнейшее прояснение вопроса – о том, сколь преимущественной денежная форма регулирования может быть в обществе, устроенном республиканским, а не государственным, способом – при том, что именно денежное, а не законодательное (в отличие от наций), регулирование исторически присуще имперскому типу государственного устройства как элементарному; а значит – сколь вправе претендовать сегодняшние денежные суррогаты на статус такой формы. И я прошу не обвинять меня в "использовании лозунгов": лозунг – это всегда тезис, а где вы видели лозунг, представляющий собой гипотезу, выраженную в лаконично и емко заданном вопросе? Ведь раз на сегодня ничего больше не остается, то почему мы должны откатываться к примитивным формам распределения и обмена благ? А это уже вопрос риторический. Даже если в ниже представленных соображениях читатель и не найдет прямых ответов, то, я уверен, обнаружит пищу для размышлений или определится в критической позиции. А это уже немало.

Чтобы получить деньги, нужно расшатать их эмитентов или владельцев юмором, поскольку за последним оказывается всякий раз "ну а если серьезно?", и тут же может быть задействован весь тот креатив, что возник

вследствие комбинаторных игр, возникших в рамках humor. Если следовать тому, что изложено в разделе "Деньги как дизайн коммуникативной среды" в предыдущей книге, то вполне себе получается, что дефляционная депрессия, в которую погружается мир, есть ничто иное, как финансовая реакция на кризис переспециализации.

Что есть деньги, работающие на универсальную личность, ориентированную, тем не менее, на кластерный (то есть макросоциально специализированный) характер взаимодействия его ойкумены с прочими ойкуменами? Меня совершенно при этом не тянет на разного рода новомодные вещи вроде биткоинов и прочие суррогаты, хотя, конечно, волне допускаю, что это будут электронные деньги, а также "электронно-подписные" расписки. Я предполагаю другое – а именно то, что творцу и члену общества (гражданину) будет регулярно предоставляться эмитируемый кредитно-инвестиционный ресурс денег, раздаваемый в качестве обеспечения экономической гарантии его социальной деятельности, с достиженческим основанием потенциала доступности кредита; что есть далеко не новая, нынче – швейцарская, модель, возникшая в 1970-х гг. как предложение неких еврогуманистов. Продуктивная перспектива этой модели состоит в том, что она снимает напряжение мотивационной разницы между финансовым и потребительским секторами, способствуя формированию последнего ни в качестве финансового, ни в качестве зарплатного, но в качестве проектного, для которого успешная реализация проекта оказывается основанием для получения доверия на бОльшую сумму кредита, но лишь как инструментального ресурса, ибо увеличение последнего в качестве операционального средства снижает его соизмеримость с повседневностью самого оператора (что, в общем-то, есть довольно давно замеченное обстоятельство). Мотив же расширения социально-экономического присутствия определяется здесь ничем иным, как универсальностью деятелей (специально не говорю про "универсальных специалистов", ибо такое выражение в текущем контексте очевидно оксюморично), формирование коих в качестве универсальных есть, во-первых, дело системы образования, а во-вторых, есть естественное и здоровое стремление высших форм деятельности любого живого организма, присутствующего в мире прочих форм и организмов.

Важной новостью здесь является то, что именно универсальные деятели-проектанты, специализированные по, так сказать, макроформам деятельности (но не сверхспециализированные), способны быть гарантами избегания сверхспециализации всего общества в рамках глобальной СРТ при кластерном взаимодействии (на макросоциальном уровне), а значит – быть социальной средой формирования внутренних рынков; ибо для этих людей сменить специализацию – значит всего лишь сменить проект, но не разрушить собственную картину мира или сам этот мир. И для этих граждан, конечно, право на деньги будет правом на экономическое присутствие в обществе – пожалуй, столь же стоящее выше закона, как право на владение оружием в США согласно 2-й поправке к Конституции этой страны. Распоряжение же деньгами в сети (культуре) такого общества будет тесно ассоциировано с личным временем и столь же неотъемлемым и стоящим выше закона правом распоряжаться им.

Как бы то ни было, представленная в рамках излагаемого модель, в случае ее реализации, станет столь же уникальной и авангардной инновацией в сфере социального администрирования, каковой в свое время стала система конкурентного администрирования США или кантонально-республиканская система Швейцарии; не говоря о том, что в рамках данного предложения будет реализована модель денежного обращения на новых основаниях массовой доверительности. И, конечно, эту тему можно развить и продолжить.

В предыдущей книге было сказано, что деньги создают и легитимируют новые сферы потенциального потребления, однако в модусе капиталистического расширения производства. В рамках новой модели прежняя роль денег в качестве стимулятора потребления не исключается, однако меняется целевая установка: расширенное воспроизводство в проектном мире больше не может являться самоцелью и доминантой; сами деньги начинают играть роль гормона, вырабатываемого и выбрасываемого автоматически под совокупность целевых социальных задач, автоматически же идентифицируемую и верифицируемую. А для этого, в свою очередь, оказывается необходимой такая вещь, как технология обеспечения автоматизации эмиссии. Отдельного прояснения требует вопрос о том, должна ли она работать с некими денежными суррогатами, однако уже

сейчас ясно, что аналитическая часть такой системы должна работать вкупе с уже заведомо аналитической же по своей сути системой сверхнового поиска, и что в этой системе взаимодействия неизменно должна присутствовать опция регистрации решения, соединяющая результат поиска с запросом на инвестицию или эмиссию. Последние в новом режиме работы будут фактически одной операцией, что особенно важно.

"Знания vs деньги" в нынешней системе неоекономических понятий

Поскольку в конце 2014 года О.В.Григорьевым была предложена идея усматривать экономический смысл денег в том, что они есть заменитель знаний, следует обобщенно представить то, как эта гипотеза оказывается вписанной во все остальное, к которому относятся не только положения неоекономической теории, но также и некоторые мои соображения касательно семиотики денег. Продолжая эту тему, видится необходимым найти некий способ перехода от простой констатации знаковой природы денег к эмпирическому рассмотрению их семиозиса с позиций триады Пирса; кроме того, следует определить, насколько денежные знаковые системы искусственны или естественны. Связано это с тем, что неоекономика постулирует фиктивность денег, однако, поскольку они есть нечто вполне функциональное и прикладное, их позитивная объективация должна иметь неизменно знаковый характер, требующий прояснения, дабы не иметь противоречий, связанных с оперированием пустыми множествами. Ради обеспечения предельной наглядности получающаяся картина представлена в виде следующей схемы.

Отношение «деньги vs знания» в системе неоекономических понятий
(Актуально по результатам второго курса лекций О.В.Григорьева)

В рамках семиотики денег моя "булево-геделева" интерпретация денег и закона может быть проинтерпретирована с типологизацией знаков по идентичности знака денотату. В этой связи деньги минимально идентичны, а потому наиболее символичны. То есть деньги суть знаки-символы, что, с одной стороны, очевидно, а с другой, в свете всего выше сказанного, есть наиболее абстрактный символ, которым оперирует человек. То есть деньги суть одноэлементная символическая система. Между тем, этимологически символизм предполагает комплементарную сочетаемость. Симболон, как черепок для черепков, образующих целое блюдо встретившихся после долгой дороги мореплавателей, в случае денег предполагает, что "черепки" одной валюты одинаковы в своей форме, даже если сочетаются черепки разных валют.

Криптовалюты с позиции известных представлений о деньгах

Биткоины, несмотря на их смелое внегосударственное позиционирование, тем не менее, по-прежнему мыслятся как привычные деньги, то есть как выразители цены рабочего времени. Однако можно пойти дальше и попытаться рассматривать их в аспекте цены пространственного соприсутствия, о чем было сказано ранее[41]. Ведь если социальная и

[41] См. материал "Спекулятивная гипотеза о деньгах в смысле времени и пространства" в книге "Возможность управления...".

производственная ценность предприятия есть следствие востребованного деятельного присутствия во времени, то оно также есть следствие экспозиционного соприсутствия личностей в некотором пространственном локусе. Возможность инсайта для этой группы связана преимущественно с заинтересованным и включенным наблюдением и работой бессознательных факторов, нежели с выполнением регулярных процедур. А потому пространственная среда может быть объектом привязки к деньгам. Соответственно, эмиссионный лимит для отдельной личности будет неким образом привязан к способности влиять на физиологически доступный одному человеку пространственный локус (определенный, к примеру, витрувианской метрикой, или как-то еще).

Могут ли криптовалюты быть внефинансовыми деньгами, если рассматривать их как "деньги человеческого пространства", а не "деньги человеческого времени"? Единая технология blockchain направлена как раз на возможность создания конкретных криптовалют под разные режимы деятельности в сетевом пространстве и локализацию в нем под конкретную деятельность. Впоследствии развитие онлайновой коммуникации сменяется более дорогим по стоимости соприсутствием в оффлайновом пространстве, и оформлением деятельности в нем лишь по тем моментам, что составляют ее "узкие места" в смысле Голдрата, в текущей фазе не поддающиеся эвфемеризации. Именно в этом смысле стоит ставить вопрос о том, как криптовалюты способны организовывать экономическую реальность. Иначе говоря, они оказываются ориентированными на управление транзакционными издержками с учетом возможностей онлайн-коммуникаций и процедур виртуализации, предоставляемых инфраструктурой инфоком-среды как подсистемы урбосреды.

В другом моем ранее опубликованном материале[42] было отмечено, что деньги, теряя транспортно-логистическую функцию, меняют статус регалий относительной власти на статус регалий абсолютной; процент, как плата за монету, в условиях наибольшей плотности транзакций становится спекулятивным, а управление деньгами в таких условиях внетоварно и внересурсно по преимуществу. В этом смысле интересен статус криптовалют: с одной стороны, они производят впечатление медийно присутствующей,

[42] "Отдельная спекуляция об альтернативной семантике денежной технологии", там же.

семантической же, технологии денег, вырвавшихся, на своем уровне виртуальности, из пут государственного эмиссионного родительства, и представляют собой весьма интересный феномен того, что, в соответствии с заявлениями сторонников такой денежной формы, можно было бы назвать управляемой инфляцией (что уже совсем не мало, если это будет подтверждено дальнейшими опытами). С другой стороны, поскольку эта форма электронно-виртуальная, и в ней исключается логистическая компонента, в ней также теряет смысл процент как плата за монету, но вместе с тем, даже в случае локализаций в отраслевом пространстве, эмиссия криптовалюты продолжает работать институционально (или правилосообразно, в силу именно таковой сути данной формы), а потому также исключает абсолютизацию данных регалий в логическом локусе – подпространстве интернета.

Здесь возникает вопрос о рисках для криптовплют со стороны государства, в которых обнаруживает себя приложение спора классической и неклассической виртуалистик[43], давно со своей стороны обрушившего исходное представление о базисе и надстройке: это вопрос о том, насколько контроль физических сетей, протоколов шифрования и допустимого поведения в этих сетях (исходной реальности, в носовских понятиях), способен как-то ограничивать условия экономической жизни (не будем говорить "роста"; полагаю, что понятие такого роста будет со временем заменено понятием экономической жизни конкретных форм и степеней организованности), возникающей естественным образом, без того, чтобы не развалились условия существования самого источника такого контроля. Опыт пока не дает однозначного ответа на вопрос о том, является ли нынешнее государство (прежде всего, имеются в виду США как ключевой мировой эмитент ИТ- и прочих технологий) реальностью исходной или равноправной порождающей. Не исключаю, что этот вопрос может перейти в разряд фундаментальных, создавая широкую и долгую волну весьма интересных исследований. Хотя очевидно, что в условиях конкурентного администрирования вероятность абсолютизации денег снижается.

[43] В свою очередь, виртуалистика есть та область, что связывает диалогово-фрактальную геометрию Вселенной с проектной антропологией и продуктивной человекоразмерной "сверхновой" медиасредой.

В смысле оснований свободы криптовалюты следует высказать одно предположение – о том, что такой финансовой коммуникации должен соответствовать некий транспортно-логистический формат. Трудно сказать однозначно, каким именно он будет, однако сказать можно сразу, что те перспективные технологии общественного, личного, коммерческого и военного видов транспорта, что сегодня рассматриваются в широкой публичности, следует соотносить с новыми видами денежного обращения, среди которых весьма существенную роль будут играть криптовалюты – низовые, виртуальные и саморегулируемые, причем для последнего их свойства особенно важным фактором регуляции станет адекватность и целесообразность привнесения определенного их объема в некоторую отрасль или воспроизводственный контур. То есть вопрос касается того, как должны (само)регулироваться криптовалюты, чтобы исключать пагубные последствия монокультурного и инвестиционного типов взаимодействия экономических ойкумен.

Разумеется, все отмеченные выше предпосылки значимы лишь в случае признания жизнеспособности таких валют, а также того, что они являются не суррогатом, а новым форматом человеческого взаимодействия из категории электронных (уж если допускать, что в свое время промышленность и средний класс также стали невидалью, не вписывающейся в известные представления об обществе).

В рамках понимания электронных денег интересна банковская пластиковая карточка: сегодня она продолжает оставаться ничем иным, как условным знаком абсолютной власти пользоваться относительными в количественном выражении регалиями "власти в ее исходной реальности", предоставляемым, однако, держателю счета во временное, то есть относительное, пользование, как собственность банка. Тем самым этот, уже достаточно давний, формат электронных денег утверждается в своеобразной форме символов и статусов власти абсолютной, восходящей к абсолютному источнику права, массовизируя и локализируя даже абсолютную регалию до права и дела "физического лица", и предполагая при этом (или, во всяком случае, считаясь с реальностью того), что денежные средства конкретного счета, на распоряжение которыми распространяется власть обладателя регалии-карточки, также есть полная собственность не его, но эмитирующего

их государства, способного в любой момент востребовать их обратно в той мере, в какой их пользователь обладает и осуществляет влияние на внутрисоциальные деятельностные процессы, забирая потенциал таковых процессов в качестве человеко-часов, и в той мере, в какой это влияние не противоречит экстренным и стратегическим задачам самого государства. Однако государство в условиях массовых денег и такого развитого средства управления ими, как банковская магнитная карточка, официально исходит при этом из презумпции действия в интересах народа, в котором обретается абсолютный источник власти, де факто находящий свое экономическое выражение в обладании деньгами и в праве на такое обладание. Именно поэтому в странах европейского типа народные волнения, связанные с требованием к властям из-за безработицы, есть требования священного права, образующего самое формат общественного устройства. Банковская карточка в этом смысле является символическим выражением ценностей буржуазной революции, провозглашающей примат ценности монетарно управляемой свободы предпринимательства над ценностью внеденежного нормативно-правового управления как атрибута госадминистрирования, но также не отказывающейся от последнего полностью, как буржуазные общества не отказываются от монархических систем.

Однако, пожалуй, самый главный вопрос, который, может быть, следовало задать в самом начале: что есть криптовалюты в качестве объекта инвестиций, и каковы для них приемлемые модели получения прибыли? Если, конечно, они есть торговый инструмент, то есть нечто большее, чем средство зарплаты и тезаврации. Весьма важным здесь моментом является то, что инвестиционные возможности криптовалюты связаны с ее эмиссионной зависимостью от лимитов на единицу пользователя – с одной стороны, и от числа самих пользователей криптовалюты – с другой. А значит, от степени вовлеченности последних в конкретный инвестиционный процесс в пространстве ее хождения; то есть от значимости инвестпроекта для участников виртуально-экономического сообщества. То есть в "криптослучае" (разумеется, идеальном) инвестирование теснейшим образом оказывается связанным не только с потреблением его результатов, но и с ограниченной всеобщностью такого потребления. Что, кстати, соответствует григорьевскому призыву осознать то, что "производитель и

потребитель – это один и тот же человек", только здесь производитель присутствует в предшествующей производству ипостаси – инвестиционной. Причем, опять же, гарантированной от количественного своего представления в качественное (абсолютное и бартерное). Что же до последнего, то также весьма кстати будет заметить (на фоне серьезных рисков отката человечества в докапиталистический, феодальный, формат своего существования, становящихся все более очевидными на вторую декаду XXI века), что превращение регалий относительной власти в регалии абсолютной, как существенная часть и признак этого процесса, едва ли вообще изучено (едва ли вообще кем-то раньше ставился так вопрос). Однако сразу можно с достаточной уверенностью утверждать, что затяжная дефляция тому немало способствует тем образом, что факт обладания деньгами во время нее способствует обретению их обладателем статусности в наибольшей степени. Криптовалюта подает осторожные надежды на то, что деньги смогут-таки вообще перестать быть регалиями власти: как абсолютной, так и относительной. Во всяком случае, долженствование к обмену в таких деньгах должно исчезнуть, а мимеис их потребления стать обусловленным сознательным принятием их в качестве фишек для игр обмена. Но вот, опять же, что могла бы означать такая вещь, как котировка криптовалют, если это понятие вообще сохранит при них свое существование?

Сегодняшняя возможность (и, одновременно, проблема) таких, гражданских, криптовалют – в умении ускользать от государственнических по сути (и законнически ориентированных) средств анализа big data, ориентированных на истеблишмент финансовой элиты и препятствующих "суррогатам". Однако сегодняшние "криптосуррогаты" на принципе blockchane для распределенных сообществ создавались как раз в сетецентрических парадигмах государства, вкладывавшегося в реализацию перспективных идей производства вооружений, то есть в одно из древнейших направлений госинвестиций. Полагаю, что эта тема еще получит раскрытие в рамках культурных даров США миру – после того, как эта своеобычная империя, подобно Британии, перестанет доминировать в глобальном политическом пространстве.

Эмитируемая гражданами криптовалюта, если признавать жизнеспособность таких денег, есть возможность бесприбыльной инвестиции. Следующий отсюда, вполне ожидаемый, тезис о нежизнеспосбности такой валюты в силу того, что тогда инвестирование оказывается игрой с нулевой суммой, в конечном счете, основано на предпосылке о борьбе за ограниченные ресурсы, каковая может быть пересмотрена, ибо есть веские основания считать ее заблуждением (хотя и очень устойчивым) тех, кто локализован в своих территории, социальной группе, а также в способностях задействовать собственный когнитивный потенциал для изучения возможностей мира и, более того, абсолютизирует эти локализованности. Если же доход и прибыль разводятся, и ставится под сомнение основание конкуренции, то меняется и формат игр обмена в системе "гражданских денег". Эти игры, с учетом предположенного ранее, оказываются биоценозными, и дело оказывается не в постсредневековом сражении за прибыль с помощью денежного оружия, а в целенаправленном и естественном формировании максимально гибкой хозяйственной системы на основе комплементарности и дифференцированности производств ("инвестирований") и потреблений, обеспечиваемых деньгами одного и того же, одноуровневого, субъекта. В отличие от случая, когда инвестор и потребитель, "производящий" товар лишь постольку, поскольку он вписан в некую деятельностную рутину внешним для него агентом – разные люди.

О "новых деньгах" и новом способе администрирования

Ранее я неоднократно отмечал (как правило, со ссылкой на работы О.Григорьева), что должен измениться "финансовый" способ циркулирования денег "в свободном плавании", если он вообще будет финансовым. В этом смысле криптовалюты вряд ли будут существовать сами по себе, будучи не привязаны к некоторой, выходящей за них самих, сфере управления. Также было отмечено, что таких управленческих инстанций, по крайней мере, две: это системы экспертно-электронного макросоциального (не хочется говорить "государственного") администрирования в смысле С.Бира, адаптированные под актуальные урбосоциальные и предметно-технологические реалии – с одной стороны, а также медийная сфера, развитая в своем "сверхновом" формате – с другой. Такова моя прогнозно-проектная гипотеза, и самое интересное в рамках ее развития и проверки

касается того, насколько эти сферы управления способны работать гармонично и слаженно между собой, нет ли между ними каких-либо противоречий, и способна ли каждая из них выдержать опытную проверку.

Экспертное администрирование получает существенную мотивацию в условиях денежной обеспеченности (равно как любая деятельность, где присутствует разделение труда управляемой же глубины). Но для внедрения такого администрирования необходим естественный и мощный слом бюрократий, включая применение соответствующих средств ИКТ и медиа, что в сегодняшних условиях возможно путем частично управляемых (в данном случае – "деистически направляемых") социальных операций, проводимых в условиях радикальной смены урболандшафтов и урбосред (причем, пожалуй, в глобальном масштабе, соизмеримом с масштабом глобальных коммуникаций); стимулом чего способны стать (а для кого-то должны стать) цивилизационные шоки соответствующей мощности. Во всяком случае, такое администрирование должно получить легитимность достаточно больших групп (например, тех же пресловутых "трехмиллионников", которые "предстоит создать в чистом поле").

Такое администрирование, скорее всего, способно стать форматом, идущим на смену юридически-правовому способу регулирования общества как давней доминанте управления в безденежных условиях; но уже сразу ясно, что это будет чем-то большим, нежели веберовская "власть экспертов", и даже идущим вразрез с такой концепцией, аналитически подразумевающей в себе скатывание к состоянию "академического клира". О необходимости нового формата внеденежного управления очень сложными и емкими обществами также говорилось ранее. С одной стороны, оперативность принимаемых решений здесь ориентируется на оперативно же сознаваемую историю конкретного общества, с другой – на постоянно актуализируемый конфликт интересов по вопросам регулирования и его сглаживание в системе регламентных игр; с третьей стороны, актуализация направлений регулирования, равно как вся экспертная работа, оказываются сдобренными мощными костылями машинной аналитики и (что, пожалуй, здесь оказывается наибольшей новостью) законодательным регулированием формирования инфраструктуры точек контроля. Этот момент здесь может быть наиболее интересен в том смысле, что все остальные вещи,

касающиеся обработки поступающих по точкам контроля информации, уже достаточно хорошо проработаны, тогда как вопрос о том, где и как создать или изменить сбор данных по их типу, разнообразию, емкости и скорости обработки, представляет собой особую задачу проектно-прогнозного регламентирования. И здесь же сразу стоит сказать, что эту сферу регулирования следовало бы уберечь от того, чтобы она становилась концентратором лоббистских интересов, поскольку именно с ней связан фактор жизненной новизны, а значит – инноватики (и, конечно, доходов с нее), а потому именно в ней заключены риски возврата к предыдущим формам правового (регламентно-регуляторного), внеденежного, управления.

Также тема точек контроля, не говоря про тривиальную в своей постановке (но едва ли в разрешении, и уже давно ставшую главным мотивом антиутопий) тему прав и свобод, представляет собой содержательный коннектор в область двух других, отмеченных здесь, вещей: интерпретируемых в качестве своего рода "гражданских денег" криптовалют и "сверхновых медиа". Инфраструктура точек контроля и ее некое экспертно-законодательное регулирование, создаваемая "сверху", "снизу", "изнутри" или как-то еще, образует ничто иное, как сенсорную сеть самого общества, на которой работают, с одной стороны, система брендирования (включая его первейшие, гражданские, формы; маргинальные форматы вроде адаптированных к новым реалиям идеологий, в том числе религиозных; и, разумеется, собственно медийную инфраструктуру, надстраиваемую над сетями точек контроля, включая локальные). С другой стороны – собственно эмитенты, они же потребители, они же инвесторы, они же пользователи, криптовалют, в идеале принимающие информированное решение о вложениях на основе данных, поступающих к ним же (в регуляторном идеале – в достоверном виде) по результатам агрегации и обработки данных, поступающих от тех же точек контроля, включая данные об эффективности инвестиций (от вложений в акционерный капитал до инвестиций в собственное здоровье). Разумеется, в рамках так понимаемого предмета правового регулирования еще одной задачей станет пересмотр законодательства о сборе и раскрытии информации, а также о порядке

приватизации и обобществлении регулярной исследовательской деятельности.

Экспертное администрирование также видится способным заменить отживающий свое парламентаризм, но здесь есть особый исторический момент: дело в том, что бировский "cyberfolk" в свое время был как раз едва ли не первичной формой прямого электорального влияния на парламент Чили. В современных условиях (а наипаче при рассматриваемом в следующей книге диссоциативном поведении), вопрос компетентной экспертизы неизменно связан с презумпциями доверия и недоверия институтам сертифицирования и сертификатам в обеспечение прав и свобод познания и деятельности. Эти презумпции и человеко-машинная инфраструктура сбора данных представляют собой, на мой взгляд, два ключевых направления в перспективе новых форм внеденежного нормативного регулирования, соответствующего новым сложностным условиям человеческого мира. И в этом смысле такое регулирование, как более общее понятие, еще следует отличить от более узкого понятия нормы права как внеденежной управленческой доминанты.

Собственно нормативное управление в идеале и есть регламентное (в неоекономическом лексиконе – рутинное). Если мыслить вещи так, то возникает вопрос о допустимости и видах внепарламентского согласования интересов проектантов-законотворцев, и следующая отсюда тема фактора воображения в системе основного законотворчества, столь дефицитная в условиях, когда способность воображения почти повсеместно является признаком профессиональной непригодности юриста.

Что касается сверхновых медиа, то процесс их формирования сегодня видится способным вызревать в условиях все еще существующей конфигурации мировой торговли. Однако уже сейчас заметно, что сфера "гражданского брендирования" склонна взаимодействовать с последней в режиме вакуоли, отпочковываясь от нее и занимая пока еще медвежьи углы потребительского пространства. Как только монополии достигают этих сфер, оно растворяется в них, уступая место столь известному "насилию брендов", чинимому в отношении избалованного предложением денег среднего класса, который как раз сегодня и оказывается ненужным. Защитой здесь

могут выступать как раз криптоденьги и экспертное администрирование – разумеется, в уточненных и адаптированных вариантах, ведь до сих пор эти вещи не рассматривались в аспекте их взаимной защиты, ибо не рассматривались источники угроз. Впрочем, что касается криптовалют и ротационного управления а-ля Бир, то эти источники известны, пожалуй, в наибольшей степени; а вот что касается медиа и сферы брендов, то приход монополиста или крупняка в незанятые (или занятые не крупняком и не монополистом) пространства вообще не воспринимается многими (прежде всего, деятелями сфер брендирования и медиа) как угроза – за исключением, пожалуй, тех, кто мыслит социальные процессы в понятиях политэкономии постмарксового толка (неоекономика, например); но много ли таких среди занятых в сфере медиа, брендирования и, кстати, дизайна?

Также медийный (и, в широком смысле – инфокоммуникативный) аспект существования криптовалют должен быть рассмотрен помимо уже отмеченного транспортного аспекта, связанного с природой торговой деятельности и денежного обращения в ее рамках – начиная известными формами и концепциями бытия электронных денег в системе микроплатежей, и заканчивая прямым начислением криптобонусов в формате лайков за контент, товар или услугу. Здесь первично важным оказывается то, что, выступая контентом, деньги обмениваются на контент же, санкционирующий переход экономического взаимодействия из поля информационных событий в поле реальных, то есть, виртуалистически, из одного уровня реальности в другой. И роль криптовалюты здесь, скорее всего, будет заключаться в том, чтобы снизить в этих процессах и системах, так сказать, вязкость денежного обращения.

В этом смысле возникает вопрос об особых местах торговли: это не совсем то, что сегодня понимается под интернет-магазином, все еще сомнительным по качеству товара и ответственности феноменом сетевой жизни. Скорее, здесь должно быть переопределено понятие бутика как внесетевого магазина с глубоким пониманием его владельцев или сотрудников потребительских компетенций в сфере своей специализации (столь глубоким, что продавец и потребитель способны говорить на одном языке в силу того, что первый сам является активным и компетентным потребителем продаваемого товара), работающего, однако, на сетевые сообщества. Дело в

том, что, если рассматривать бренды и бутики, то первые способны рождаться вместе со вторыми и в них, и порождать их, будучи рассчитанными на премиальные аудитории. Но также и губить их, поскольку теснейшим образом связаны со спецификацией образа жизни, стоящего далеко от брендов поп-класса. Бутик всегда есть нишевая торговля, это своего рода торговое проектное бюро или R&D; он способен отвоевать свое место под солнцем, но лишь отвязавшись от презумпции иерархической статусности, поскольку достижение более высокой результативности в высококомпетентной и нишевой сфере потребления часто не только не связано с более высокой стоимостью продукта, но нередко демонстрирует обратное. Так, уже Голдрат говорит о том, что потребление более дорогого автоматического станка не гарантирует исправность работы всего производства; или, например, потребитель хирургического инструментария способен быть виртуозом в своем деле, не прибегая к изделиям премиального класса (например, к тем, что имеют золотое покрытие), а занимающийся егерской или охранной деятельностью – равно мастерски владеть как более дешевым ружьем, так и дорогим. Статусность исключается, когда есть профессиональное потребление, требующее скорее сохранение в предложении высокого качества дженерика и специализации аксессуаров, которые, в отдельных случаях, действительно, могут представлять собой атрибуты статусности (например, дорогое прицельное устройство, цену которого способны распознать лишь знатоки), но они всегда носят вторичный характер и всегда уступают место оценке уровня мастерства их использования владельцем. Конечно, исторически статус предмета роскоши многие вещи получали за счет инкрустации (прежде всего, орнамента), что является отдельной, и весьма интересной, темой исследований связей, выстраивавшихся между искусством и регулярным производством. Но, во-первых, эстетическое дополнение не всегда оправдано эргономикой пользования (при том, что цена и стоимость не инкрустированного товара могут превышать таковые для инкрустированного), а во-вторых, эстетический фактор (безотносительно к тому, достигается он инкрустацией или как-то еще), всегда есть органическая компонента дизайна. К тому же различие всех этих вещей как раз и представляет особенность бутикового торговца. Важно, что фигура этого торговца наводит на мысль о допустимости существования таких категорий

человеческой деятельности, в которых углубление разделения труда может оказаться бессмысленным. А также – о том, что бутиковый магазин есть ничто иное, как особый вид склада, ориентированный на интересы "гражданских брендов", в которых смыслополагание осуществляется через превращение хобби в компетенции, но не на интересы государя-бандита, чья основная цель – максимальная экспансия, ограниченная лишь сферой влияния другого бандита. Если первое и возможно интерпретировать в терминах второго, то весьма условно. А вот склад средств собственного профессионального или хоббийного интереса, открытого другим таким же заинтересованным лицам, разбирающимся в этих средствах как в особых категориях предметно-технологического множества, сильно напоминает давшую начало новоевропейской академической науке кунсткамеру, но такую, предметы которой торгуются или обмениваются. Здесь стоит вспомнить "музыкантов-электронщиков", обменивающихся звуковоспроизводящей и звукосинтезирующей аппаратурой и торгующей ею, как один из примеров того, что я некогда назвал "хардовыми сообществами". Ведь, так или иначе, именно на эту категорию ориентируются профессионально-хоббийные бутики, имеющие, как выясняется, потенциал работы с гражданскими брендами и "гражданским дизайном" а-ля Папанек. Что это за сообщества?

Некогда, весьма плотно изучая рынок мобильных коммуникаций и электронных сообществ, я пришел к выводу о том, что основанием их формирования являются не только тематическая общность взглядов или образ жизни, но и закручивающие вокруг себя и формирующие эти взгляды и образы жизни категории реальных, "офлайновых", вещей, которые можно потрогать и что-то с ними сделать, но которые обсуждаются в онлайне, формируя безусловно потребительскую аудиторию (однако это вовсе не значит, что для меня сознание всецело определяется бытием). Но это именно аудитория высококомпетентного потребления, ориентированного на повышение профессионального уровня в той или иной степени, чей спрос, будучи конечным (FMCG), является совершенно не спонтанным. Поскольку едва ли не первым гражданским электронным комьюнити, обсуждавшим прикладные навыки работы с чем-то реальным, были IBM-совместимые модульные компьютеры, я назвал такие сообщества «хардовыми»,

поскольку их предметом обсуждения были именно существующие, возможные или желательные свойства hardware. Особенностью этих сообществ является то, что, несмотря на безотносительность данных прикладных навыков к доходам членов этих сообществ, смыслополагание в рамках соответствующих тем и вещей связано с увлеченностью их предметом, с особым демиургическим, хоббийным, драйвом от того, чтобы оформлять материю и материализовывать форму, но, во всяком случае, с повышением профессионального уровня членов в рамках профильной темы сообщества (а значит, в перспективе, и с доходом). Разумеется, с понятием «хардового сообщества» тесно связано другое, которое я позволил себе ввести – “user generated branding” (UGB), когда, вместо того, чтобы создавать собственно контент (сиречь информацию) с той или иной степенью интеллектуализма, пользователи сетевых сред создают компоненты образа жизни, которые потенциально могут быть использованы в качестве «продаваемого образа жизни» или «продаваемой статусности», или бренда, хотя это, конечно, необязательно, и даже, в условиях кризиса того «образа жизни», когда продается все и вся, сама возможность такого перехвата низовых настроений претерпевает существенные изменения (все же не рискну сказать «трещит по швам», ибо совершенно не сбрасываю со счетов рынок «хай хьюма»). Эти, создаваемые пользователями, образы жизни, скорее, являются специфическими дискурсивными формациями, в рамках которых возможна органичная реализация потенциала возможностей человека, снабженного полнотой сведений, полученных в результате обмена мнениями и контентом. Разумеется, интенсивность такого обмена зависит от актуальности либо реальной, либо статусной, связанной с разного рода эффектами «голландских болезней».

Комплектующие ПК, разумеется, не единственный вид хардовых сообществ, они разнообразны: первое, что за ними вспоминается – это сообщества любителей фотографии и фототехники (причем любители аналогового фото уже превратились в достаточно большую нишевую группу со спросом на довольно редкую и не дешевую аппаратуру), любители охоты и рыбалки, а также разного технологичного спорта – прежде всего, здесь вспоминаются велосипед и горные лыжи, альпинизм и разного рода экстремальный туризм. Всех их вместе можно включить в более широкое метасообщество

выживальщиков и тезавраторов-препперов, куда включаются еще много кто. Есть люди, которым есть о чем поговорить по поводу столярно-слесарного инструмента и станочного оборудования, а среди них – группа любителей антикварных настольных мини-станков (оказывается, есть и такая общность интересов, и связанное с ним смыслополагание, обращенное, в конечном итоге, на метафизику машиностроительных первопричин развития хозяйственной деятельности). С другой стороны, уже зуботехническое сообщество, где также фигурирует мини-станочная тема, едва ли можно назвать «хардовым», ибо эта деятельность сертифицируема и не профессионализируется прямым «творчеством народных масс» иначе, как через институционализированную систему образования[44]. Однако и в том, и в другом, случаях имеет место глубокая специализация деятельности безотносительно к ее коммерциализации и сертификации, и уж точно безотносительно к иерархической статусности потребления: если последняя там есть, то, опять же, не в качестве главной; основание иерархии в среде профессионалов – способность к действию определенного уровня мастерства. Соответственно, дальнейший вопрос касается того денежного инструмента, с помощью которого профессионалы готовы вкладываться в появление новых, потребных им, элементов предметно-технологического множества на бутиковом складе. Предполагаю, что таковым инструментом способны оказаться электронные средства ограниченной массовой эмиссии – криптовалюты.

В предыдущей книге было отмечено, что эмиссия денег, взятых как язык, является их специфической прагматической особенностью, связанной с ограниченностью числа тех, кто "произносит" (то есть производит) деньги, контролируя их объем в стране и защищая от подделки. Однако стремление создавать деньги время от времени воплощается в "суррогатных" формах, некоторые из которых получают легитимацию в статусе "закономерного экономического явления", вроде денежных мультипликаторов и деривативов, давно входящих в инструментальный арсенал финансового сектора. Однако факт этой частной, виртуализированной, эмиссии не имеет

[44] Здесь стоит провести различие понятий специализации (абстрактной, исходной и естественно формируемой) и образования (специализации, формируемой проектным образом под целевые задачи) как приложение понятия достижимости в смысле логики возможных миров к понятию территориально-средовой организации.

юридического закрепления (таковое может иметь конкретика ее последствий и возникающих в связи с ней отношений), поскольку признается как "объективная данность", получающая легитимацию от "честной и беспристрастной" науки экономики. Однако уже такое расширение числа эмитентов свидетельствует о приближении денежного знака к естественноязыковому употреблению специфического разговора, хотя именно для мультипликаций и деривативов неизменно работает привязка если не к золоту, то, во всяком случае, к основной, "настоящей" или "подлинной" способности государства к такой эмиссии, перекрывающей все аналогичные прочие способности и делающие их ничтожными, поскольку это есть эмиссия "национальной валюты", осуществляемая для "единой национальной экономики". И потому, чем бы ни были финансовые производные и как бы ни строилась капитализация, они будут так или иначе зависеть от привязки к соотносительной общественной цене человеческого времени, здоровья и жизни. Именно поэтому возможен определенный интерес в отношении "криптовалют": их эмиссия персональна, непосредственна и ограниченна, и все, связанные с ними, несомненные проблемы несостыковки с представлением о "нормальных" деньгах, могут быть отложены в сторону, когда такая валюта оказывается еще ближе к естественноязыковому использованию денег, чем отмеченные выше формы; и что самое интересное – она идет вслед за ними, а поскольку при этом оказывается возможностью конечного потребителя, постольку начинает интересовать государство, стремящееся взять ее под контроль, причем не в запретительном юридическом модусе, а в той же презумпции научно легитимированной естественности. Иной вопрос – кто и как продемонстрирует работающую модель производства денег с приростом общественных благ на основе исходной низовой эмиссии средств расчета.

Прояснив в общих чертах то, что касается радикальных форм социального воздействия (разумеется, не претендуя при этом на полное описание), имеет смысл более детально остановиться на устройстве того, что сегодня представляет собой организм медийного управления общественными процессами, дабы иметь основание понять, в какую сторону и как

формировать сверхновые медиа[45]; впрочем, уже сразу ключевым моментом их существования следует отметить те форматы реальной электронной демократии (но вовсе не их многочисленные имитации в современной России, проституирующие само это понятие), рассмотрение которых в сегодняшних условиях становится весьма актуальным в духе чилийского проекта 1970-х годов.

Варианты "новых денег": усомниться для поиска решений

Сомнение в криптовалютах и прочих, подобных им, вещах, есть здоровая критическая позиция, дабы усмотреть в новом рациональное зерно хорошо забытого старого. Ведь, если новые города будут независимы от государства, то почему бы не предположить для них новые форматы финансовых коммуникаций? Конечно, они будут регулируемы – вопрос, как. Во всяком случае, до экспериментальной апробации должно быть задано пространство гипотез.

То, что криптовалюты предполагают открытость цепочки транзакций, в общем смысле, при оценке их жизнеспособности как финансового инструмента, должно быть рассмотрено не как конкретная электронная технология bitcoin, но как общая концепция, допускающая жизнеспособность персонально эмитируемых денег. В любых иных случаях такие деньги можно рассматривать как денежный суррогат, являющийся плодом воображения слабо знакомых с предметом экономики специалистов ИТ-отрасли, получающих массовое общественное внимание к своим измышлениям лишь на волне мировой популярности их новаторской профессии. Дело в том, что новая модель денежной системы способна стать еще одним, третьим, основанием, отличающим город-товар от его средневековых подобий, при этом на излагаемые ниже соображения "ура-патриоты" криптовалют обращают мало внимания, предпочитая говорить о том, как новая компьютерная реальность сама по себе изменит жизнь к лучшему, отбросив все старое и отжившее, за счет одного только виртуально-онлайнового фактора собственного существования в качестве среды, в которой рождаются смелые идеи, не задаваясь, однако, вопросом об условиях долгосрочной жизнеспособности их воплощений и не учитывая того, что реальные люди

[45] Более подробно это понятие будет рассмотрено в следующей книге, посвященной "проектному человеку".

все-таки рождаются в оффлайне, и умирают, кстати, там же (технологическую сингулярность очередной раз оставим в стороне).

Системный финансовый барьер, проблематизирующий переход к городу-товару, во многом обусловлен тем, что современные инвестиционно-финансовые деньги по-прежнему функционируют как инструмент эпохи монархий – абсолютных и конституционных. Действительно, в семиозисе любых форм денег так или иначе значением оказывается цена усредненной рабочей силы, затрачиваемой за единицу времени. Соответственно, первоочередным правом на эти силу и время – то есть правом их покупки, а также первоочередным правом делегирования и переуступки этих прав, обладает государство, персонифицированное в монархе или президенте. При этом важно, что в таком нарративе о деньгах, являющемся не иначе, как нарративом трудовой теории стоимости, как правило, никоим образом не учитывается фактор срочности отдельной человеческой жизни, или экзистенциальный фактор денег в качестве экономического, выступающего фоном эмпирической данности трудозатрат-во-времени (во всяком случае, я об этом нигде не читал и ни от кого не слышал). Между тем, любой личностный пользователь каких бы то ни было денег (будь то конечный потребитель товаров и услуг или даже инвестор) всегда действует в презумпции конечности собственного бытия; чего нельзя сказать, например, о надличностном акторе вроде эмитирующего деньги государства или инвестирующей корпорации (во главе которых, конечно, стоят те самые личностные акторы), самовоспроизводящиеся в своей бюрократии, однако безразличные к собственной экзистенциальной конечности в меру значимости для них диссоциативных факторов социальной организации. Такие, известные нам, классические деньги, всегда распределятся сверху вниз, обслуживая истеблишмент: собственной страны – в случае наличия экономического суверенитета, или доминирования местных элит (как правило, промышленных), и внешнего эмитента – в случае наличия компрадорских элит. Тривиальная причина, по которой экзистенциальный фактор не учитывался и не учитывается при оценке известной модели денег, состоит в том, что макроэкономическому взгляду, каковым является общий взгляд на государственную эмиссию, как правило, плевать на интересы и

предпочтения отдельных личностей, ибо такой взгляд рассматривает "всеобщие законы общественного развития".

Между тем, этот фактор играет существенную роль, если речь идет о сверхорганизованном человеке[46], свободно и целенаправленно распоряжающемся временем собственной жизни, не будучи зависимым ни от "натуральных" аффектов, ни от стереотипов заорганизованности. Границы персональной эмиссии могут расширяться или сужаться, эмитенты могут образовывать консорциумы и коалиции, и здесь могут быть самые разные варианты в зависимости от покупательной способности, однако все эти спекулятивные вещи получат смысл только в том случае, когда такие деньги будут вменяемо объяснены либо в качестве средства извлечения прибыли, либо, в более общем случае, как некое средство приращения благ вследствие повышения степени организованности и сложности социальной системы. Как бы то ни было, вопрос о модели или даже парадигме денег для новой парадигмы жизненной среды еще предстоит поднять – даже если это будет нечто иное, нежели средства ограниченной персональной эмиссии: всякий раз здесь вопрос неизбежно коснется того, как в равноправных условиях выраженная деньгами единица рабочего времени одного человека может быть обмениваема на единицу другого. Скорее, здесь придется говорить о чем-то вроде процесса демассификации рабочего времени в смысле Элвина Тоффлера. А потому не исключено также, что здесь придется говорить не о "персональных деньгах", но о "персональных акциях", которые человек вполне логично способен выпускать, если он воспринимает себя в качестве проектанта собственной жизни[47], и которые он вправе выставлять на аукцион общественного спроса. Кстати, метафорическое выражение "акции личности" является вполне устоявшимся. Что касается собственно денег, то гипотеза на их счет может быть сведена к вопросу о том, что есть деньги консорциума покупателей города-как-товара: использование им криптовалют вызывает сомнения, столь очевидные в основаниях, что нет нужды их здесь упоминать.

[46] Человеке, идущем вслед за "организованным" в веберовском смысле.

[47] Примечательно, что любое внешнее проектирование человеческой жизни, включая субституирующие жизненный смысл шаблоны рационализаций жизненных этапов массового организованного человека (в марксистской терминологии – "буржуя") исключает возможность такой эмиссии, поскольку такой, "внешне организованный", человек, не является свободным в своем выборе, а значит, не в полной мере соответствует идеалу "свободы выбора собственного дела" изначального протестанта.

Логичным этапом и пределом рационалистического сознания организованного человека (а также "русского интеллигента" как варианта этого понятия, включающего в себя также, в отличие от организованного протестанта, бытие ответственным поведенческим образцом для прочих членов общества) является забота о здоровье и качестве жизни своего организма, о его физиологической и ментальной составляющих, что есть отправная точка труда и стоимости, а также ключевой фактор управления собственными жизнью и судьбой (сюда же относится ипохондрия как патологическое сверхакцентирование идеи собственного здоровья). Соответственно, целью и задачей такого человека оказывается обеспечение условий, способствующих здоровому образу жизни, а также добровольному исключению физических и душевных страданий. Под эту задачу в обществе сегодня возникает и возрастает спрос на превентивную и паллиативную медицину, однако сталкивается с препятствием глобальной бедности. С другой стороны, с признанием сверхорганизованности и открытости другим, с более высоким уровнем организации приходит осознание коллегиального творчества в качестве физиологической нормы, а следовательно, возникает спрос на институциональные решения в ее обеспечение – как инфраструктурные, так и нормативные. В свою очередь, относительно этой же нормы начинают мыслиться и формы организованной трудовой деятельности, и запускаться процессы естественного и искусственного разделения труда.

Поскольку изначальное состояние макроэкономической деятельности и процесса углубления разделения труда признается классикой политэкономии как аграрное, а принцип использования природных ресурсов – "от лучших к худшим", постольку исходные природно-климатические условия среды обитания человека оказываются естественно здоровыми, сам он оказывается здоров естественно, а возникающие проблемы здоровья решаются демографическими циклами, но не научно-технологическими средствами по преимуществу. Из этого следует, что изначальный, естественно здоровый, крестьянин, сгоняемый в город поначалу в качестве ремесленника, а в дальнейшем – в качестве мануфактурного рабочего, как трудовая единица не рассматривается с точки зрения здоровья (если последнее, конечно, не являет собой предмет дополнительной

благотворительности, или "социалки"). Последнее же не рассматривается как условие бытия таковой единицей, особенно для городского существования – по причине его незащищенной и семейно не спланированной репродуктивной способности, рассматриваемой со времен древнего Рима как главная его экономическая ценность, обуславливающая ценность его существования в качестве единицы труда. Такая, социально-низовая, трудовая единица с достаточной способностью репродукции себе подобных (тем большей, чем более благоприятными оказываются условия города как концентратора ресурсов), носит название "пролетарий" (от лат. "prole" – "отпрыск"). Условия же присутствия в городе пролетариев и их трудоспособность определяется не здоровьем и качеством жизни, образующим широкий контекст категории здоровья, но элементарным бегством от нужды и достаточной фертильностью, реализуемой в рамках простых форм социальной организации, включая всю сумму надстроек и суеверий.

В свою очередь, человек, осознающий собственную психосому (в рамках каких бы то ни было культурных традиций таковая ни мыслилась) с точки зрения собственного здоровья, при этом даже располагающий достаточно развитой способностью памяти и прогнозного мышления, будет иметь совершенно иные основания трудовой мотивации. Англоязычным эквивалентом того, что сегодня известно как "трудовой стаж" и "выбор профессии", а в нынешнем медицинском авангарде именуется как уже упоминавшийся здесь "disease management", будет что-то вроде "personal health management" – то есть управление затратами возобновимых и невозобновимых затрат собственных сил на те или иные проекты; главным же критерием того, что по этим проектам стоит работать, будет жизнеобепечительная функция последних. Разумеется, эти вещи противоречат практике всего того, что известно в трудовой теории стоимости, где массовая низкая зарплата при высоко разделенном и организованном труде оказывается гарантией наиболее качественного, дешевого и массового же товара, производимого по возможности минимально компетентными (а потому и неспособными к требованиям) пролетариями – даже если эти пролетарии собирают компьютеры; они все равно "чомпи".

Дабы стать равноправной валютой на мировых рынках, "новые деньги" должны быть максимально подобны государственным (средство монополизированной эмиссии, распространяемое на время человеческой жизни), но сущностно от них отличаться (средство персональной эмиссии, распространяемое на право свободного творческого действия в части объема пространства присутствия иных, заинтересованных в нем, лиц). Здесь возникает вопрос о риске имущественного неравенства (дисбаланса) в условиях "новых денег" и способах его преодоления. Отсутствие условий для сотворческого действия освобождает пространство и обесценивает денежный символ.

Некоторые замечания относительно складской гипотезы происхождения денег

Здесь возникает вопрос о том, кто является источником денег – во всяком случае, для управителей своей судьбы и инвесторов собственных сил в какое-либо предприятие. Будет ли такое управление собственным, если единственным источником денег является не подконтрольное им государство, или не более подконтрольный крупный бизнес – как правило, делящий монополию с другими крупными бизнесами? Именно поэтому речь зашла о форматах персональной эмиссии основных средств, требуемых для игр обмена, связанных с презумпцией обладания ими как неотъемлемым правом члена сообщества. Во всяком случае, денежные суррогаты еще должны быть рассмотрены как адаптивные механизмы и внегосударственные формы самоорганизации общества. В рамках такой задачи я совсем не исключаю следующую гипотезу, уточняющую жетонно-распределительную, или складскую, гипотезу происхождения денег О.Григорьева. Можно предположить естественную природу денежного языка – то есть то, что разнообразие вариантов "денежного суррогата" суть набор естественных, изначальных флуктуаций живого социального существа, необходимый для разных форм идентификации "свой-чужой" в сильно разнесенном пространстве, соответствующий тем самым григорьевскому принципу возникновения денег в номадическо-имперском обществе, а также греческой талласократической этимологии слова "символ" (или symbolon – тот самый черепок блюда, составляемый с другими такими же в единое целое), ибо деньги – типичный знак-символ в смысле Морриса.

Деньги, действительно, изначально обслуживают склад, и служат средством распределения и учета ресурсов, только этот склад общинный. Социально-технологический феномен склада существует вне зависимости от природы государства, равно как феномены кладбища и человеческой памяти; более того, он носит едва ли не физиологическую природу, ибо наблюдаем у многих развитых видов в животном мире в различных формах, равно как наблюдаемы забота о потомстве и альтруистическое поведение. Не существует большой надобности в эмиссии для учета запасов общинного склада и распределения их между общинниками, поскольку для относительно замкнутой хозяйственной ойкумены нет нужды покрытия больших территорий. Возможность подделки также исключается известным фактором прозрачности общинной жизни. Такое предположение, кстати, упрощает рассмотрение одного из узких мест неоекономики – концепции замкнутого рынка, позволяя не использовать в ней гипотезу о деньгах, которые были привнесены в контур некими загадочными торговцами-финансистами, впоследствии невесть куда девшимися, и неплохо объясняет конкретику неизменного объема денег, циркулирующих в замкнутом рынке. Далее, с возникновением государства как исторической (но, предположительно, не обязательной) фазы общества изначально служащие простой коммуникативной задаче конвенциональные деньги-символы монополизируются в праве их эмиссии, порождая тем самым инфляционные эффекты, служащие именно что имперско-государственническим целям территориальной экспансии, и начинают воспроизводиться и умножаться торгово-финансовыми элитами, источник которых неоекономика видит в госзакупщиках, конкурирующих между собой посредством этих денег за власть через сублимативные игры в прибыль и мультипликативные инструментальные ухищрения, способствуя развитию торговли и создавая деньги уже в качестве регалий относительной власти – в том самом качестве, в каком деньги фигурируют если и не в классике политэкономии, то уж, во всяком случае, в неоекономическом нарративе, исключающем концепцию "денежного материала".

Такое уточнение складской гипотезы О.Григорьева объясняет не только проблемы малого бизнеса, но и почти что животный страх перед инфляцией и связанной с ней эмиссией некоторых членов правительства нынешнего

имперского государства Россия, упершегося в пределы собственной территориальной и экономической экспансии, но все еще сохраняющего свое существование; однако, если система закупок и распределения больше не работает, обесцениваются и деньги как средство обеспечения этой деятельности. Здесь же объясняется природа денежных налогов в качестве способа снижения сублимативных игр за власть, и вспоминается, что дань и оброк собирались в натуральном виде как раз с тех, кто не имел денег. Чем еще, как не возвратом к догосударственным (или, может, просто внегосударственным) формам социальной системности можно объяснить возникновение денежных суррогатов там, где финансовые институты ослабевают, а численность населения и хозяйственные связи достаточны для обеспечения экономической деятельности?

Уж если деньги, как показывает рассмотрение предыдущей книги, считать частью предметно-технологического множества (ПТМ), располагаемого обществом, то догосударственные (или внегосударственные) денежные суррогаты, а также привычные, государственногенные, деньги, можно рассматривать как естественный (для случая первых), и искусственный (для случая вторых) способы формирования технологии распределительной коммуникации. Однако при этом ничто не мешает предположить, что деньги как технология могут быть сформированы искусственно на внегосударственных основаниях. Денежные суррогаты возникают там, где экономическое регулирование государства ослабевает, но само это возникновение происходит в силу естественного общественного спроса на них, а не только лишь по приходи отдельных изобретателей, в голове которых, кстати, подобные идеи также возникают в ответ на какую-то задачу или проблему. Важно, что именно "естественные деньги", "доденьги" или "квазиденьги" могут быть образцами для их всеобщей институционализации. А вот дальше возникает вопрос: в каких, собственно, социальных тканях (помимо товарно-денежной и той, что представлена мультиплицированными "симболонами"), существуют такие доденьги? Здесь выскажу гипотезу о том, что, поскольку деньги, как языковой феномен, есть результат и средство деятельностной специализации, логично предположить, что потенциально они содержатся в качестве специфического подмножества натурального языка как более мощной в геделевом смысле

системы управления значимостями, впоследствии выделяясь из него в отдельную, описываемую им, систему. В свою очередь, если это так, то функция такой натуральной доденежной компоненты есть не иначе, как регуляция допустимого (в смысле потребления и затрат), а значит, эта компонента представлена этосом как подмножеством семантической сети хозяйствующего сообщества, то есть относится к сфере социального управления ценностями.

Оставив в стороне гипотезу о праве криптовалют на существование в рамках текущего наброска среды обитания и проектирования, следует остановиться на факторе мобильности денег в рамках жетонно-распределительной концепции. А потому, в рамках того же уточнения, видится необходимым прояснение модели таверны для солдат в далекой провинции, когда речь идет о переходе от распределительной функции денег к обменно-торговой. Это место представляется мне узким и важным в смысле обозначенной подвижности среды города-товара с быстровозводимой инфраструктурой, а также в связи с признанием верности того утверждения, что место концентрации работающих денег становится источником экономического роста. В неоекономике часто ставятся "детские" вопросы, заданные заново – например "откуда взялась обменная функция денег и как возникла торговля" в государстве базового типа – империи. При этом приводится модельный пример таверны в далекой провинции, с хозяином которой оказалось возможно расплачиваться деньгами за местные хлеб и вино, дабы тот мог пополнить запасы последних, обменяв на них вырученные деньги на складе в метрополии; по мере роста охваченной государством ойкумены расширяется и пространство хождения денег. Между тем, здесь возможен еще один "детский" вопрос, не проясненный ранее в рамках данной концепции: откуда взялась сама таверна и ее хозяин? Иначе говоря, какой смысл местному провинциальному крестьянину или держателю амбара с запасами потчевать расквартированных солдат и соглашаться на какие-то "деньги" от них, когда эти самые запасы, в неоекономической же модели государства как стационарного бандита, можно пополнить, уплатив оброк в виде натуральной (прежде всего, продовольственной) подати как разновидности экспроприации, устроив еще один склад с деньгами-жетонами, но не в метрополии, а в провинции, работая либо с

минимизацией издержек на транспортировку продовольствия, либо согласно некоторому бюджетному правилу распределения средств и ресурсов? Изначальным поводом задаться этим вопросом стала неясность того, как, при наличии метропольного государственного склада, где-то в провинции возникает еще один, связанный с государственной задачей окормления государственных людей на государственные деньги, но не имеющий государственную природу (ибо таверна, в первую очередь, также есть склад продовольствия).

Дело проясняется при обращении к этимологии слова "таверна", которая свидетельствует о ней как о "палатке" (tuberna); не исключено, что (и даже скорее всего) таверна – это, изначально, столовая военного лагеря, представляющая собой специализированную для этих целей лагерную палатку, то есть пункт выдачи местного складского продовольствия за деньги для совместной трапезы, культурологически носящий функцию формата солидаризации товарищей по оружию – "контуберналиев". Иначе говоря, своего рода магазин со всеми военными и невоенными коннотациями. Поскольку пополнение этого склада есть задача специально выделенного для этих целей полкового повара, в круг его обязанностей входило снабжение лагеря наиболее съедобным продовольствием, особенно сокропортящимся и в силу этого не могущим быть централизованно распределяемым. Для чего этот самый повар должен был наладить высоко доверительные связи с местными поставщиками-крестьянами, расплачиваясь с ними монетой как формой организации учета поставок и реализации возможности компенсировать на складе, в случае нужды, натуральные издержки, поступающие в общий котел наравне с солдатами, получающими деньги за службу. Поскольку специально поставленный на решение продовольственного снабжения расквартированного в провинции армейского подразделения офицер или солдат имеет прочные контакты с невоенным населением, в процессе развития этих отношений он выходит из системы военной службы и сосредотачивается на денежном взаимодействии с "гражданским сектором"[48]. Такое уточнение не только соответствует неоекономической гипотезе происхождения купцов-торговцев из

[48] Отдельную тему представляют здесь вещи, касающиеся сравнения Сократом софистики с поварским искусством, аристотелева отличия хрематистики от экономики и консервации как главного способа складской по сути операции тезаврирования, используемой армейским поваром.

представителей государственных элит, которым выделяются деньги на госзакупки со стороны государства же, но и, смягчая категоричность неоэкономической трактовки государства как стационарного бандита, дополняет складскую гипотезу происхождения денег предположением о природе происхождения гражданской государственной службы.

Далее, развивая тему знаковой природы денег, следует отметить интересные моменты их использования в финансовом и потребительском режимах, если рассматривать последние как прагматические аспекты денежной семиотики. Если деньги есть средство складского учета, то это значит, что также допустимо их рассматривать как символическое средство обеспечения связи между системой хранения, или тезаврации, изначально натуральных ресурсов, каковой выступает склад, и системой транспортных коммуникаций, по которым эти ресурсы приходят на него и с него распределяются. Отсюда, с одной стороны, следует, что деривативы можно рассматривать как "метаденьги", или средство учета тех денег, что выступают объектами тезаврации; что, в общем-то, достаточно очевидно и без уточненной гипотезы происхождения. С другой стороны, проясняется некоторое важное обстоятельство того, что в неоэкономической теории называется деньгами потребительского сектора: физическая и профессиональная пространственно-временная локализация конечного потребителя (в идеале одновременно являющегося конечным производителем) ведет к спецификации структуры денежного обращения: обменивая свой труд на деньги в одном месте и покупая в другом (или даже в том же) месте товары, сделанные другими, он не участвует в процессе торговли как торговец, ибо, в массе своей, не является торговцем собственного труда и собственного здоровья, а повышая в редких случаях собственную квалификацию до состояния такой торговли, имеет определенные (и, к счастью для него, далеко не во всех случаях абсолютные) риски потери спроса на себя как на квалифицированного специалиста, обусловленные углублением разделения труда и удешевлением цены рабочей силы в соответствующей сфере специализации. Транспортно-логистический фактор коммуникации, или фактор деловой коммуникации, для пользователя денег в потребительском режиме денежной прагматики стремится к нулю, даже если потребитель пользуется достаточно развитыми транспортными средствами (будь то

автомобиль бизнес-класса, самолет или мощный компьютер): в большинстве случаев (хотя, справедливости ради стоит заметить, что не во всех) здесь нет сколь-нибудь значимых перемещений объектов тезаврации (реальных продуктов или виртуальных данных), следствием чего становится изменение в рамках охваченной коммуникационными сетями ойкумены соотношения естественных сил природы и степень их организованности в сторону повышения последней; таковым объектом перемещения оказывается сам человек (что также вполне логично, ибо он есть трудовой ресурс), причем эти перемещения его и предметов потребления направлены на него самого вне каких бы то ни было игр обмена, по-своему использующих фактор транспортной коммуникации[49]. Верность этих абстрактных утверждений подтверждается наблюдениями повседневной жизни.

Криптовалюты, суррогаты и деривативы могут быть рассмотрены как транссубстратные эквиваленты либо классических государственных денег, либо как соотносительные эквиваленты стоимости человекочаса. Вроде бы это одно и то же, но не исключено, что от этой разницы зависит способ их хождения в случае, если разные их виды будут глобальными и не привязанными к юрисдикциям конкретных государств – так сказать, смитовскими деньгами "Великой Торговой Республики", легализованными межгосударственными соглашениями и практикой международной торговли.

Что имеется в виду под транссубстратностью? Любое означающее, частным случаем которого является денежный знак, есть некая морфема, или устойчиво распознаваемая и воспроизводимая структурная форма, способная быть реализованной в различных видах на различных материальных носителях; последние могут быть как материальными (ткань, бумага, металл, камень, пластик и тому подобное), так и виртуальными представлениями напряженных электрических потенциалов ячеек в микросхемах. И чем бы они ни были, как бы ни были представлены, способность их распознавать и принимать в естественный языковой оборот будет критерием принятия в оборот финансовый. Однако здесь может оказаться важной дифференциация эмиссионного лимита по типу субстрата,

[49] Не в этом ли был гуманистический посыл идеи М.Охитовича, желавшего каждому рабочему личный автомобиль для свободного перемещения по стране?

и фактически она оказывается таковой. Именно поэтому суррогаты финсектора называются деривативами, и государство признает необходимость "своих денег" у финсектора, держа их на поводке производности. Криповалюты все еще воспринимаются многими как микроплатежный инструмент низов, предложенный в качестве очередной многопользовательской компьютерной игрушки, не освоенный финсектором в качестве инструмента, а поэтому и не получивший статуса чего-то серьезного; но главное – они не идентифицированы в своей относительной популярности как средство приращения капитала, сравнительно с прочими средствами. Распоряжающиеся деньгами торговцы – особая, исторически сложившаяся, категория элит, а вот как быть и что делать с "деньгами", происходящими "от народа" – вопрос открытый. Здесь имеется та же проблема понимания и лингвистической относительности, какая есть при согласовании выражений lingua scientifica и lingua vulgata. Конечно, можно объяснить философскую концепцию или научную теорию на языке запростецкого стеба, представив их а-ля "Луркморье", однако как это сделать для случая денег и что это будет такое? Подозреваю, что здесь вообще придется вести речь о внегосударственных формах высокоразвитой организации общества. Именно такую форму, согласно напрашивающейся для меня здесь гипотезе, я подозреваю в качестве подлинного значения слова "республика". А это, в свою очередь, означает макросоциальное определение той антропологии, в рамках которой оказывается возможным говорить о массовом предприимчивом человеке-проектанте. Именно в этом контексте получает смысл разговор о каких-либо "народных деньгах". Этот контекст будет задан в следующей книге, посвященной антропологии такого человека.

О Гезеле и некоторых вопросах естественного права

Мне как-то кинули ссылку ссылку[50] на материал "Who Accepts Bitcoins As Payment? List of Companies, Stores, Shops" – о том, кто использует биткоин в качестве расчетной единицы. Биткоин – наиболее широко известная из криптовалют, а значит, имеет наибольший подражательно-доверительный потенциал использования. Судя по представленным по ссылке данным, там для земного шара не густо и, я смотрю, в основном это ИТ, онлайн-торговля,

[50] https://99bitcoins.com/who-accepts-bitcoins-payment-companies-stores-take-bitcoins/ (19.06.2016, активно на к. 2016 г.).

туризьм-гостиницы и всякого рода инноваторы а-ля Virgin и Tesla. Исключение – mspinc.com (медицинские дыхательные аппараты), но все равно это магазин. Если я ничего не упустил, то нет ни одной инжиниринговой или девелоперской компании, стартапа или иного агента, использующего криптовалюты для B2B расчетов. А если этого нет, то значит, таковая валюта используется для получения денег от конечного потребителя, но не способна запускать автономные от классической государственнической схемы инвестиционно-инновационно-технологические процессы, а значит – быть чем-то большим, нежели средством (весьма жалким, кстати) поддержания на плаву падающего спроса.

Доверие к деньгам есть, прежде всего, доверие к их способности приносить благо в неподконтрольной использующему их среде. А это есть доверие к обществу, к началу его разумности, сколь бы сомнительным оно ни было. Возможно ли распространение денег в обход известных форм и способов?

Криптовалюты как средства ограниченной эмиссии могут стать средством обретения в товарном обмене лишь в том случае, когда они будут, во-первых, средством именно что подлинной персональной эмиссии, то есть потенциально не ограниченной (а не эмиссии по запросу к системе), и во-вторых, когда ограничение такой эмиссии будет определяться инвестиционными задачами, обусловленными общностью (ойкуменой) использования данной криптовалюты. А значит – сознанием рисков для экономической группы и рисков собственным интересам в связи с этими рисками. А это уже вопрос этики (который, кстати, никогда из экономики не исчезал, несмотря на все капиталистические россказни насчет эгоцентричности торгово-финансового поведения – таковое имеет место, но никогда (в здоровом, или антихрупком, смысле) не абсолютно.

Криптовалюты – безусловно, деньги гезелевского типа. Нужно понять, во-первых, что есть доход с торговли в предполагаемой социальной конфигурации, и во-вторых, перестать называть гезелевские деньги суррогатом (или, по крайней мере, лишить понятие денежного суррогата негативной коннотации). К ограниченности (для многих сомнительной) и персональности (для многих соблазнительной же) добавляется, пожалуй, более важное фундаментальное наблюдение, сделанное Гезелем: деньги исчезают, когда растет спрос на них, и прибывают, когда их и без того в избытке – при том, что они, как игровые фишки, есть наиболее удобное средство тезаврации сравнительно с прочими средствами.

Между тем, человеческая природа осваивает отношение к исходным деньгам не только через криптовалюты. Популярное нынче возрождение любви к настольным играм – не только оффлайновая "обратка" насытившейся виртуальной реальностью хипстерской публики: в немалой степени это же – и сублимированный спрос на потребность к коллективной организации ресурсного мира (пусть даже условного) с помощью системы символических обозначений, все более востребованной в условиях роста неравенства уровней доходов и недоступности "взрослой" денежной игры. Социальным и бессознательным итогом этой недоступности способны стать альтернативные взрослые системы денег, работающие в игровых модусах на реальных ресурсах – по крайней мере, до тех пор, пока мир не остановит свой выбор на какой-то одной, предпочтительной для него, системе в текущих условиях глобальной жизни. Хотя не исключено также и то, что мир может предпочесть и "расцвет тысячи цветов" среди "игровых фишек", работающих по гезелевскому или квазигезелевскому принципу. Здесь, однако, возникает вопрос конвертации – ведь разница курсов привязана к цене труда за единицу времени, однако в таком понятии конвертации вообще отсутствует категория процента как платы за использование монеты – ведь монета как раз и эмитируется тем, кто предъявляет на нее спрос: этакие DIY-деньги (кстати, неплохое альтернативное название для привязанных к авторству "гезелевок" или к интернету "криптовалют"). Ибо в данном случае конвертации речь идет не о "банкирских" деньгах (в случае империи как не-нации они всегда принадлежат государству), а о деньгах государства (сиречь национальной валюте), для которого не существует процента, ибо государство, в своем конституциональном отказе (прямого и надзаконного действия) от бытия стационарным бандитом провозглашающее смысл своего существования ради учреждающего его народа как источника власти (кто бы что ни говорил на этот счет касательно "реальных общественных отношений"), вместо процента имеет в качестве его аналога налог, официально провозглашаемый как некий способ организации и управления жизнью того самого народа, именем которого оно и существует – способ давний и устойчивый, а потому и сохраняемый. Стоит еще раз отметить, что все это касается конституционно-монархических государственно-националистических демократий – наследниц эпох абсолютизма и капитализма, тогда как, согласно введенной ранее гипотезе,

республиканство де-факто представляет собой отдельный от государства формат общественного управления (в отличие от тех же ограниченно-монархических демократий, де-юре признаваемых республиками).

Налог банкиру на пользование монетой предпринимателем-проектантом, производящим блага, есть, фактически, частная форма налогообложения, которую предприниматель-проектант – устроитель жизни, организатор производства и людей, для себя не выбирал, и юридически – как свободная личность и собственно налоговый резидент государства присутствия (то есть, опять же, как равноправный пользователь денег и налогоплательщик) – на эту, частную, не выбранную им и не избираемую институционально форму налогообложения, не соглашался. Прежде всего – потому, что именно как таковой резидент он имеет дело с обществом, представленным ему в виде выраженных в спросе потребностях его членов и групп, а значит, с некой институцией, инстанцией или системой управления общественными процессами, соотносимой с этим обществом "de re" – также, как "de re" с ним соотносится нацвалюта и он сам как предприниматель в своих конкретных проектах; таковой инстанцией выступает государство, но может быть и республика. То есть, работая с полем общественных потребностей "de re", сегодня предприниматель в своем праве (естественном – причем как для него, так и для самого общества) обретает инструментальные средства управления доступными этому обществу (изнутри или извне) ресурсами, или денежные фишки, из частной инстанции "de dicto", которая, будучи "de dicto", получает, в свою очередь, структурную возможность быть посредником между творцом-предпринимателем и обществом, диктующим первому, какие направления деловой деятельности развивать, а какие – нет, и определяя, с другой стороны, собственно спрос и макросоциальные направления смыслов посредством медиа-среды, посредством, в свою очередь, предоставления инвестиций творческим агентами на соответствующих рынках, и оформляет эту возможность в институциональное право. Такое частное распространение финансовых средств и есть ничто иное, как олигархат, в марксистской традиции обозначаемый как союз государства с финансовым "капиталом"; только вот капитал этот здесь – не смитово бухгалтерское понятие "годового остатка", но нечто более действенное, представляющее деньги не как даже торговый

инструмент (или, в неоэкономических понятиях, "торгово-финансовый"), а как до-торговый "вентиль деловых возможностей", связанный не с "честными закупками для госрезервов" восточно-имперских сановных предкупцов (из числа наиболее близких к центральной власти, и далее – по нисходящей, элит), но с патерналистической и уж явно в своем диктате антиконституционной социальной инженерией (каковую григорьевские восточные предкупцы просто не могли знать), определяющей политический процесс и рассматривающей его как особый (едва ли не первичный для себя) рынок. И, кстати, эта категория инвесторов – не совсем предприниматели. Да, здесь также имеет место начало торгового бизнеса, но частное распределение инвестиционных средств в данном случае "архетипической архаики" (к которой постоянно апеллирует О.В.Григорьев как к некоему "стандарту человеческой природы") никак не связано с понятием целостности социального организма, и уж тем более – биоразнообразия этих организмов (кстати, а разве оно также имело место у правителей империй Древнего Востока?), и тем обстоятельством, что внутренний прирост благ и богатства связан с глубиной разделения труда (дифференциацией деятельности), для которой критическим оказывается число людей относительно некоторой плотности их присутствия, пребывающих в здоровых условиях существования[51].

Здесь кроется важный момент, касающийся связи марксового идеала творческой личности с макроэкономическим принципом (или, увы, законом) роста производительности при уменьшении цены труда – для чего, собственно, государство и предпринимает девальвацию национальной валюты. Однако тем самым создаются условия для воспроизводства не более, чем монокультурного или инвестиционного способов взаимодействия с окружающим миром, поскольку такого рода удешевление занятости ориентируется на извне привнесенную рутину как ценность, а не на адаптивный поиск приемлемых продуктов и процедур, с дальнейшим выявлением в последних голдратовских "узких мест"[52]. Гезелевски

[51] Ссылка на исторический прецедент английских рабочих, ютившихся многими семьями в угольных подвалах и тем создававших великую промышленность, здесь просто некорректна по причине того, что историческая конкретика социальной динамики никак не связана с продуктивностью способностей человека в приемлемых условиях существования.

[52] Кстати, относится ли их выявление к ситуационной, инвенционно-проектной или регулярной, деятельности – отдельный вопрос; скорее всего, оно представляет собой сочетание всех этих видов.

понимаемые инфляция и дефляция – "узкие места" в системе функционирования всего общества ("de re"), однако в республиканских условиях не предполагается налогообложения (во всяком случае – каким-либо образом экспоненциальное, соответствующее бюрократическому каскаду, обслуживающему исконно ради себя существующего "стационарного бандита"): как бы это наивно ни звучало, но деньги здесь существуют не для того, чтобы создавать собственную управленческую иерархию борьбы за экономическую власть, сублимирующую власть политическую. Res publica сама в себе содержит и воспроизводит набор локально тезаврируемых благ, и ей нет нужды создавать централизованный склад распределения, куда будут идти налоговые поступления. Собственно, система распределенной тезаврации в сообществе того или иного масштаба, ориентированной на взаимный спрос, а не на отъем, как всякое централизованное распределение, более жизнеспособна, чем укрупненная, и коррелирует с жизнеспособностью общества как целого. Соответственно, более гибкой и естественной, и менее ростовой (а под ростом экономики, прежде всего, понимается рост прибыли немногих управителей, использующих государство как инструмент паритета собственных интересов, несмотря на все благопожелания и вздохи на сей счет) оказывается и социальная инженерия такого общества.

Подобно тому, как древние фарисеи говорили, что не человек существует или должен существовать для закона, но закон – для человека, а Иисус Назарейский требовал следовать добровольно выбранному закону, будучи выше его благодатью, теперь имеется возможность провозгласить (увы, бездоказательно в нововременном, но вполне обоснованно в современном, инсайтном, смысле), что не жилье человеческое организуется или должно организовываться под некоторую экономику, но сама эта экономика – под жилье и задачи его организации. Ибо задачи экономики в социально-управленческой модели конституционной монархии – задачи кесаря, тогда как задача достойного и развитого жилья – задача сообщества граждан res publica; первых – много, из них любую можно назвать главной, тогда как вторая – одна и самая главная. Именно в этом состоит пафос моих собственных занятий вопросами mobile-tiny-manufactured housing, и в этом, похоже, был пафос многих из тех, кто встал на сторону дезурбанизма в споре

о социалистическом расселении до 1929 года. И признавая, что лишь институциональное право на оружие граждан может быть ключевым условием для создания в стране системы конкурентного администрирования, ибо только тогда административная конкуренция будет осуществляться в режиме спортивной (олимпийской) соревновательности и не носить характера интриги, ведущей к гражданской войне, а конституция получит примат над уголовным кодексом в качестве основного закона, нужно одновременно признать и более фундаментальную функцию такого права – физическую гарантию еще одного, естественного, права жилого присутствия на территории страны как основы любой хозяйственной активности и любого творческого предприятия.

Спор о распределенном и концентрическом устройствах чего бы то ни было едва ли не извечен; однако если черная дыра поглотит все обращающиеся вокруг нее звезды, то будет лишь она одна, но не будет галактики.

Возможны ли "криптогаражники"?

Тема "гаражников" ("самозанятых", "низовых производителей", вольных художников" или, если угодно – ремесленников, хотя и не совсем именно их) знаменует переход к тому, что я обозначаю под именем проектной антропологии.

В период глобальной неопределенности встречаются небольшие милые заметки с беглым обзором разных авторов насчет общих перспектив[53]. Некоторые из тех, кто оценивает перспективы глобального будущего, считают, что собственность станет роскошью, тогда как аренда – нормой, но при этом забывают про психологию предметного мира и собственность на средства производства – даже самые элементарные. Глава Банка Англии М.Карни говорит про "ремесленную глобализацию" малых, способных обойти крупные корпорации – вполне в духе Талеба и Фуллера. Футуролог З.Иштван говорит о счастье без трудоустройства в новой посткапиталистической системе (денег там тоже, видимо, не будет), тогда как экономист А.Тернер прогнозирует дальнейшее углубление глобального неравенства и разделение на корпорации и массу бедноты, что вполне соответствует пессимизму классической политэкономии в духе Р.Люксембург и О.Григорьева; но поскольку всякий пессимизм временен, и все процессы и тренды следовало бы рассматривать в динамике, ведущей к некоторому

[53] Вроде вот этого: https://hightech.fm/2016/12/08/mark_carney (08.12.2016).

пределу, постольку "сквозь грозы сияло нам солнце свободы", и вселенское право крупного посыпаться также не отменялось – правда, здесь надо сделать то замечание, что это право действует в том случае, когда крупная система существует в сильно неравновесном состоянии по числу и качеству включенных в нее конечных (именно конечных!) благоприобретателей.

Вот бы дыню Ивана Ивановича да к бекеше Ивана Никифоровича!... То есть я про то, чтобы разговоры про глобальных гаражников от главы Банка Англии да к пессимизму экономистов: сначала – пессимизм, а потом – то, про что глава Банка Англии. А что? Англия в начале XXI века по-японски сильно рискует с глобализацией фунта, будучи древней европейской демократией с монархическими корнями, самоприлаживающейся со времен короля Артура, Великой Хартии Вольностей, тамплиеров, Кромвеля, огораживаний, Гайд-парка и прочих обстоятельств. И понятно, что прежними способами нынешняя страна отрезвленного гуманизма нефранцузского толка и тотальной толерастии не может действовать в глобальном масштабе даже так, как культурно отпочковавшиеся от нее некогда США, трампизирующие нынче возврат индустрий на родину. А потому возникают закономерные идеи осуществить, по аналогии с военными концепциями стратегического гегемона "эпохи двух систем", проект сетецентрической торгово-финансово-промышленной жизни в глобальном масштабе, который (уж для Англии – точно) будет носить характер асимметричного действия – тем более, что под его реализацию так легко ангажировать скопившуюся в Лондоне и окрестностях деньгастую шелупонь самого разного калибра – под гарантии безопасности для этой шелупони "нажитого непосильным трудом", разумеется (в том числе часть российского олигархата). Тем более, что шелупонь заведомо глобальна и также, как все прочее население планеты, теряется по большому счету в догадках, что делать дальше. Таки вот, имеется хороший повод оставить след в истории под водительством "самой прогрессивной страны мира".

Однако чего не осветил глава Банка Англии, так это тему глобальных некоммерческих организаций, де-факто представляющих собой малый бизнес в перверсивной (неприбыльной как допустимой) форме своего существования. Впрочем, эта тема более актуальна для России, нежели для Англии, но для глобальных масштабов она все равно рано или поздно возникнет – если, конечно, подобный проект продолжит свое развитие.

Понятие гаражной экономики может (и, наверное, должно) быть признано в своем денотативном значении как естественное либо исходное состояние

общественного хозяйствования, творящее "квантовую пену" предложений под конкретный, структурно- и территориально- низовой спрос силами личного риска-подвижничества, и способное к развитию своих форм по степени кооперации и сложности продукта, не обязательно с переходом в формат бизнеса как ростовой модели (но и не обязательно без такового), то есть иметь статус здорового общественного института, не подвластного мнению "ученых мужей" от экономики и академии. В этом своем статусе народная экономика, относительно которой уже предполагается возможность более развитых форм, и должна быть соединена с идеей так называемых "суррогатных денег", которые по сути также являются "гражданскими деньгами" и способны перестать быть собственно квазигосударственным суррогатом в том лишь случае, когда начинают работать на естественные формы самоорганизации общества (в случае России – на промысел как низовой социальный гомеостаз в смысле эмпирики Ховринской группы), но не на рост, по инерции чаемый иными макроэкономистами, сетующими, тем не менее, на управленческий каскад бюрократической иерархии, но признающими каскады финансовой прибыли. Однако эти деньги (будь то криптоденьги или что иное) – ничто, если они не есть средства торговли в смысле обретения их за товары и услуги, а не покупки на них товаров и услуг – иначе ракушки да фантики вполне можно считать средствами "криптоторговли", и недоумевать, почему такие "не продвинутые" торговцы не хотят принимать их в расчет.

Бюрократический каскад и есть некая, естественным, но болезненно-паразитарным образом, возникающая, система управления обществом внутри декларативно законосообразного государства, помимо собственно законов и денег как ключевых инструментов общественного регулирования. Отсюда, похоже, и проистекает идея "иерархического инстинкта" Григорьева, ибо универсум модусов управления исчерпывается у него этими двумя, потому иерархия уходит на уровень фундаментально-архетипической антропологии, но не мыслится как вселенская структурная универсалия каскада: Григорьев недолюбливает математиков с их "абстракциями". Эта григорьевская дихотомия, однако, требует уточнения, поскольку и "закон", и "деньги" – средства управления семантической природы, а за собственно законом стоит насильственная гарантия его исполнения посредством оружия, выступающего подлинной сутью государственного закона и становящегося уже как таковое также объектом семантической природы – символом страдания и смерти. В свою очередь, как миметическое использование денег, так и согласие с гарантированным инструментами

насилия законом, требует легитимации, равно как легитимации требует деятельность бюрократии, отчего здесь возникает еще один фактор управления, причем не просто семантической, но акцентированно и официально семантической, природы – система пропаганды, в том числе идеология или религия, очерчивающая доминанты культуры как семантической сети, которые уже есть доминанты внимания, а значит – человеческого времени, а значит – легально допустимые социальные ассоциации (социальные сети) вокруг кластеров этих доминант, что делают более подконтрольной в смысле Эшби систему межличностных знаемостей и взаимных тональностей (оценок мировоззренческих позиций и жизненных стилей) для управляющих инстанций (элиты), выступающих источником пропаганды. Именно поэтому пропаганда, идеология или религия всегда ориентированы на то, что называется упрощение картины мира. Таким образом, григорьевское представление о способах управления можно считать редукцией, но не лишенным смысла, поскольку оно соотносится с прецедентами исторических периодов. Тернарное представление (деньги, оружие, пропаганда), которое в данном случае представляется более точным (оно восходит к идеям Ж.Аттали и было сформулировано им задолго до возникновения неокономики О.В.Григорьева), позволяет, однако, объяснять эти управленческие доминанты и понимать природу насилия в смысле того, что сегодня известно как "психология мира", едва ли не главным открытием которой оказывается девиантность и социальная болезнетворность любой власти над людьми. Так, если в нескольких организмах завелся паразит, переходящий из поколения в поколения, и в поколениях доставляющий жизненные неудобства, то это еще не значит, что жизнь с ним – симбиоз и норма (кстати, симбиоз – это взаимная выгода, но не когда один пасет другого как скот или как рождественскую индюшку)[54]. Именно здесь обнаруживается критическая важность пропаганды для участников каскада управленческих позиций, и здесь же – важный момент оснований собственности на оружие как атрибут свободного либо подневольного человека: первому оружие оказывается нужно в его исходной либо эстетической функции, но в меньшей степени – политической, как нарочито-декларативный статус чего-то настоящего, висящего сбоку на поясе, либо символически изображенного на шевроне. Даже если у свободного человека и есть какой-то "иерархический инстинкт", то всяко нет нужды его проявлять.

[54] Еще раз: мы вправе по-аристотелевски говорить о социальной органике хотя бы из-за отмеченного выше парадокса "человеческой самости", существующего на уровне соматического управления личности.

Мыслимый в рамках капиталистического устройства "бизнес" как деятельность большая, чем просто торговля, овеянная благородным ореолом проектности, в пределе процесса собственного роста, однако, обзаводится каскадом управленческих позиций, стагнируя и сращиваясь с иерархическим каскадом государства, "имперски" предоставляющего ему деньги. Тогда как в собственно промысловом формате иерархическое структурирование не довлеет над ячеистым, и усиливается в ответ на усиление паразитарных каскадов, но и не развивается в силу давящей инерции последних. При этом, будучи по сути низовым – как в общей имущественной иерархической стратифицированности общества (которая есть все же нечто иное, чем иерархия управленческих позиций), так и в системе территориальных уровней (то есть муниципальный), промысел как элементарный "межтерриториальный бизнес", артель – как элементарная кооперация и сельхозка с ремеслом-хэндмейдом[55] чужды "структуре позиций" по той причине, что присутствие в ней связано с наименьшими выгодами от пребывания в ее рамках (и даже, пожалуй, с издержками от смены профессии и деятельности), а потому и представляет собой собственно "сектор народного хозяйствования" в аутентичном, свободном от идеологических напластований, смысле – в отличие от прочих секторов, представляющих собой, так или иначе, элитные или государственные, формы хозяйствования. И это, народное, хозяйствование, закономерным образом возникающее в естественно (а не государством или картелем) образованных свободных зонах и "медвежьих углах", и обуславливает как отчетную выгоду, так и сугубо экономическое поле возможностей "начала с нуля" и выхода на рынок по единственному критерию спроса, и единственно лишь заинтересовано в невмешательстве от имени какого бы то ни было "общественного блага", поскольку как раз и представляет это самое благо в его сути. Однако, будучи не связанным с ростовой прибыльностью капиталистического типа, эта форма вызывает недоумение и даже возмущение, и помещение в разряд экономической архаики – то есть навешивание на древний и устойчиво воспроизводимый формат хозяйствования ярлыка с позиции относительно недавно, конъюнктурно, возникшей, и по-любому неоманически ориентированной (ибо завязанной

[55] Здесь есть один нюанс: ремесленное производство, конечно, исторически идет после сельхозки как деятельность обедневших крестьян, ушедших в город, однако это ремесло берется не как деятельность вообще, а в своем социальном развитии, связанном с концентрацией, плотностью, дифференциацией спроса и деятельности, творящими одновременное развитие предметно-технологического множества и связанного с ним набора благ в рамках своего формата, не переходя в другой. И это все то же самое ремесло, требующее для перехода на бизнесовый уровень особого перехода количественных показателей спроса (за которым, разумеется, стоит все та же демографическая плотность) в новое качество человеко-машинной деятельности.

на цель благоденствующего спросопроизводства-в-нишах), экономической науки. Именно по этим причинам муниципальному самоуправлению (и, кстати, связанному с ним "государственному самоуправлению" того же уровня – или управлению на низших позициях) чужд "подлинный бизнес", ибо последний, как правило, содержит либо санкционный, либо запретительный, импульс центральной власти, работающий во имя лобби и привносящий разлад локальной социальной системы во имя устройства большего масштаба, не выбранного заинтересованными резидентами этого места; этот бизнес всегда представляется как некий, заведомо известный, Хлестаков-в-законе, заведомо действующий "по именному повелению" покровительствующего ему столичного чиновника, кладущего лапу на это самое местное устройство и, по крайней мере – поначалу, творящий куда больше новых проблем, чем решающий существующие, главная среди которых – массовизирующая унификация, дающая побочным эффектом расчеловечивание (или, если угодно, "разорганичивание" творческой способности человека), а блага жизни в стиле FMCG предоставляющая не так уж и надолго – до первого кризиса перепроизводства, за которым следуют другие, причем довольно быстро (в поколенческих масштабах) – пока не кончится территориально-сырьевой ресурс планеты. Давно изъезженная на все лады и даже банальная тема.

Не следует путать понятие естественной формы производственно-торгового хозяйствования с так называемой – впрочем, филологически синонимично называемой) натуральной формой хозяйствования; здесь снова имеют место коннотативные различия: промысел очевидным образом не обязательно может быть аграрным (но вполне естественен), тогда как аграрная деятельность не обязательно есть промысловая. Хоть эти вещи элементарны, в условиях иных недобросовестных или попросту неграмотных экономических споров они смешиваются. По причине этой разницы, кстати, оказывается возможным строить проектные конструкции развития промыслового института, формируя массовое представление об их отличии от ростовых моделей, работающих на эффект масштаба через уменьшение себестоимости продукции в трудозатратах, квалификации и качестве. Нужно с достаточной четкостью осознать факт конфликтности естественной экономики России с ятрогенным регулированием того, что мыслят об экономических процессах мало представляющие реалии страны управители (либо наоборот, представляющие неплохо, но не имеющие иных решений, кроме топорных), сидящие на почти полностью обглоданных костях индустриального мастодонта, и странным образом надеющиеся его оживить.

На стороне "промысловиков", "гаражников" и прочих низовых деятелей – их многочсисленность, малозаметность и разукрупненность, но что более важно – их готовность к самоорганизации на основе сознания собственного дела – то, что большевики называли собственническим инстинктом и с чем боролись, хотя и с более осторожным подходом, нежели более поздние хрущевцы и младореформаторы: потребкооперативы да артели – нынче широко обсуждаемая притча во языцех среди рефлексирующих советский период. Еще на их стороне та самая естественность происхождения (но вовсе не веберовская антропологическая естественность – эти ребята в массе своей как раз весьма организованные и кооперативные личности), способные не только обрушить косную российскую государственность, но и заменить ее на республиканство, причем с благоприятными последствиями – в отличие от того, что было сделано "сторублевыми инженерами", кои, не будучи самостоятельными экономическими агентами, в свое время обрушили советскую государственность, будучи ее органической частью и не желая быть ею; за что и поплатились.

Нассим Талеб как актуальный предтеча проблематики: о черных птицах и ящиках

Случайность или неподконтрольная соуправляемость?

Нассим Талеб[56] в своих работах и публичных интервью говорит об иллюзии управляемости и подконтрольности, я же веду речь о возможности новых порядков управления, соупрвления, а также о творчестве и сотворчестве как специфических режимах управления, составляющих особый феномен его.

Существует особое состояние соединенности с миром и включенности в него, которое, однако, Талеб идентифицирует как "случайную удачу Джакомо Казановы". Следует, однако, отделить иллюзорность успеха, носящую, кстати, по его мнению, массовый характер, от состояния такой вписанности в мир (и противоположное ему состояние выключенности из мира и отчужденности от его процессов), то есть фарт как аффективно воспринимаемый и воодушевляющий критерий надежды и фарт как вписанность в "нелинейные" (с поправкой на то, что здесь было сказано про "нелинейность") "бессмысленные машины" типа Голдберга-Робинсона, реализованные, однако, совсем не обязательно сознательным образом, но составляющие некий особый порядок внутримирных процессов и задействованных в них вещей, в которые человек может время от времени, как правило – по комплементарному совпадению (не буду произносить уже набившую оскомину слово "случайному") вписываться, и быть относительно этой системы целесообразно эффективным[57]. Сами эти внутримирные машины могут оказываться не такими уж бессмысленными, однако результатом их обнаружения оказывается тот факт, что пребывание в режиме "встроенности" в них, когда вроде бы "все идет, как по маслу, и складывается удачно", носит очевидно срочный характер и связано с какой-то малопонимаемой и малоконтролируемой настройкой человека на определенные внутримирные ритмы, возникающей при этом с решением определенных задач или достижением определенных целей. Самое интересное, что эти "внутримирные машины" могут иметь социальную

[56] Философ, нонконформист и трейдер, автор широко известных книг "Черный лебедь", "Антихрупкость", "Одураченные случайностью" и других произведений, посвященных проблемам и возможностям, связанным с категорией случайности и прогностической способностью человека.

[57] Гротескный вид этого – то, что проделывал Чаплин на съемочной площадке с простыми вещами, вовлекая в маскарадный бедлам находившихся поблизости людей; кстати, "кормящая машина" в его фильме "Новые времена" очевидно взята с одной из картинок Робинсона.

природу и представлять собой некоторые части деловых или производственных процессов; при этом также можно заметить, что степень и продолжительность включенности в процесс, идентифицируемый как "фарт", определяется не просто характером целей и задач, а некоторым более фундаментальным набором интенций и акцентов, лишь частично артикулируемых как цели и задачи "наблюдателя", "деятеля" или, если угодно, "познающего субъекта". В этом режиме включенности как раз и обнаруживают себя кондициональные сети обуславливания и взаимосвязи линий, но не как нечто абсолютно довлеющее, а как среда проблеморешения. Такое понимание целесообразности и возможности действия, впрочем, соответствует талебову же призыву к осмотрительности в решениях и тому, что он обозначил в смысле "разумного риска".

Похоже, Талеб не различает эти вещи, хотя в одном из своих выступлений реабилитирует древнее религиозное постижение мира, в рамках которого (прежде всего, православного, к миру коего он и сам причастен) такого рода соединенность с миром была предметом практики повседневных упражнений, и как содержание сознания представляла собой нечто достоверное (или, во всяком случае, удостоверяемое).

Несмотря на всю критику платонической "науки общностей", он очевидным образом остается в пределах общностно-логической теории вероятностей – одного из наиболее крупных камней в короне математического стандарта научности. Это весьма важное обстоятельство, поскольку именно в вероятностных коннотациях по преимуществу Талеб использует понятие случайности. Я же использую это понятие преимущественно в логических коннотациях модальностей, понимая при этом, что "чуть выше" собственно логики идет теория вероятностей (основанная все равно на вероятностной логике). А потому более важным для меня оказывается качественная характеристика случайности, весьма похожая в своем общем виде на противоречие, но не являющееся им: $\Diamond A \ \& \ \Diamond \neg A$; и не случайно значком случайности в логике является перевернутый основанием треугольник (∇A), символизирующий самое неустойчивость, а также игру "диаболо", с которой столь часто начинается обучающее введение в теорию вероятностей. Однако эта теория, имея дело с численным соотношением физических случаев, ничего не говорит о роли целесообразности и целостности, оставляя этот

вопрос уделом антиномии Канта о наличии или отсутствии свободы выбора для случая человека или природы. Однако свобода недетерминированного выбора как феномен демиургического решения, творящего порядок из хаоса и создающего веберовского профессионала, есть нечто иное, нежели то, о чем говорит Талеб касательно черных лебедей из Крайнестана[58]. На мой же взгляд черные лебеди из Крайнестана лучшим образом интерпретируются в холистических абстракциях диалоговой модели, "следовой" онтологии причинности и модальностей, выходящих на уровень семантики возможных миров. Дело в том, что сказывание случайности вне математического атомизма теории вероятности реально определяется готовностью к воздействию-восприятию-взаимодействию тел, структур, материй и т.п. проявлений сущего – как пассивным, так и активным, образом, и зависит, как случайность-для-нас, от того, насколько широки наши познания о возможностях взаимо-действия, а также – от того, каким образом разрешается еще одна известная антиномия, выражаемая вопросом о том, способно ли всесокрушающее ядро сокрушить ничем не сокрушимый столб. В связи с тем, что эта антиномия известна как одна из натуральных формулировок теоретико-множественного парадокса Рассела, конкретизации в ответе подлежит то, что входит в области действия обеих кванторов ("все.." и "ничем"), и пересекаются ли эти области. В свою очередь, оставленная неразрешенной для конкретного мира с конкретным набором сущностей (которые для нашего земного случая если и не бесконечны, то всяко бессчетны), эта антиномия представляет собой, пожалуй, самого парадоксального черного лебедя, являющегося источником прочих парадоксов (выступающих, согласно порядком подзабытой "диалектической логике", условием всякого системного движения). Однако самый настоящий логический черный лебедь – не этот. Уж если Талеб упоминает расхожего Поппера, позволю себе здесь упомянуть не менее расхожего Геделя, его метатеорему. Суть ее для случая языка такова, что в некоторой замкнутой системе описания найдется выражение, неописуемое средствами этой системы, для чего оказывается нужным метаязык все более сложный и выстраиваемый один над другим в иерархических

[58] О профессии он говорит, когда советует выбирать немасштабируемый ее вариант, что легко интерпретируется в григорьевских понятиях размывания сложных профессий с целью удешевления и повышения производительности труда в соответствующей сфере деятельности.

суперпозициях. Аналогом этой метатеоремы в кибернетике является принцип Эшби. Несмотря на специфику первичных интуиций касательно таких иерархий, отношение "язык-метаязык" не обязательно должно быть иерархическим, но обязательно – инаковым, и два языка, реализуя принцип лингвистической относительности в своей слабой версии, способны к взаимному описательному воздействию. Если же мыслить их в общем случае как две системы оперирования, то их можно интерпретировать как две экономические ойкумены со взаимным спросом, спецификой которых неизменно является различие языковых семантических сетей, составляющих их часть[59]. В таком, геделевом, смысле, оказывается, что черный лебедь возникает там и тогда, где и когда наша коммуникативная целостность с миром оказывается либо нарушенной, либо не установленной еще, в планах осознания, познания и взаимодействия, которые, с учетом отмеченной бессчетной сети взаимодействующих факторов, едва ли могут быть полными.

Кстати, черный лебедь, взятый в качестве примерной метафоры тлебова понятия случайности, есть феномен, предпосылкой которого оказывается приход откуда-то снаружи. Однако когда что-то происходит изнутри "познающего субъекта действия", то в случае, если оттуда идет какой-то ужас, мы обычно говорим о проявлении "животных инстинктов", тогда как в случае проявления чего-то позитивного – например, "внезапного" продуктивного решения, называем это инсайтом и воспринимаем как нечто благое, подчеркивая при этом его неизменно случайный же характер. Но это только в обыденном представлении, тогда как для психологов идущий изнутри инсайт либо то, что относится к теме случайных флуктуаций мозговой активности, заведомо не воспринимается в эмпирике случайного, поскольку психологу заведомо интересны и важны условия и предпосылки, формирующие данный феномен, случайность которого всегда существует "как бы". Во всяком случае, инсайт, особенно в сфере научной деятельности, для психолога или нейрофизиолога точно не является случайностью в смысле недетерминированного выбора, но всегда следствием столкновения и переплетения чего-то, что раньше для данной ситуации поиска решения существующей проблемы не было задействовано или сформировано в

[59] Из этой идеи неиерархического соотношения объектного и метауровней в студенческие годы у меня возникла гипотеза о диалоговой ("поливерсальной") модельной структуре, наряду с идеей двойственности антецедента и некоторыми другими вещами.

качестве типичного. Системообразующий же характер столкновений и переплетений (в частности, образования нейронных связей) оказывается возможен только в прагматическом по своей семиотической сути процессе коммуникации.

Представление о случайности черного лебедя (который, как уже отмечалось, есть "лебедь-для-нас", иначе в нем нет смысла) проистекает из недопустимости представления о том, что процессы в мире могут как-то реагировать на наши действия, причем опосредованным (не прямолинейным) образом. Отложенные последствия и скрытые свидетельства выражают как раз реакции этого внешнего мира (доказательство существования которого пытался привести Кант). Такое допущение, однако, в современной науке признается как путь в сторону тотального анимизма, а потому неприемлемого и ложного мировосприятия, хотя более умеренные панвиталистические концепции здесь могут допускаться. Случайность всегда происходит оттуда, где "невозможно знать" и где нестабильна познаваемая или познающая система (или, конечно, обе они вместе).

Для меня же нет такой вещи, как случайность, помимо ее логического определения, но есть обстоятельство неподконтрольности, тогда как собственно случай (как этимологический корень "случайности") всегда есть объект анализа в его структуре и корнях. В общем виде то, что пытается донести до читателя Талеб, есть тезис о необходимости случайности – выражение вида □∇A, и если A – черный лебедь, то выражение будет звучать буквально "необходима случайность черного лебедя", поскольку введенное им понятие последнего аналитически включает в себя как неожиданность его появления, так и то, что такое появление случается с некоторой необходимостью. Однако именно черный лебедь существует изначально как некая отрицательная величина, то есть как потенциальная, но невероятная, возможность, вдруг оказавшаяся вероятной, и все дело оказывается заключающемся в этом самом "вдруг". Однако если мы "вдруг" замечаем, что нет двух одинаковых облаков, двух одинаковых гор, двух одинаковых коров и двух одинаковых речек, а потом также "вдруг" обнаруживаем, что

нет трех одинаковых облаков и т.д.[60], то почему бы не предположить зеленых, красных, синих или пестрых лебедей? Насколько они вероятны, случайны, а главное – неожиданны? Ведь они неразличимы, лишь пока лебедь того или иного цвета существует на соответствующем доминирующем фоне, а пестрый – не фоне пестроты. Можно, конечно, поставить вопрос, является ли нестабильная звезда Бетельгейзе большим "красным лебедем", однако ответ на вопрос о том, откуда она – из Среднестана или из Крайнестана, зависит от факта присутствия понятия о ней в той или иной картине мира. Проведя мысленный эксперимент, можно гиперболизировать ситуацию и сказать, что подлинным "крайнестановым" черным лебедем является реальность (то есть некоторая вещественная сопротивляемость), развернувшаяся в большой объем из пренебрежительно малого (а здесь уже вводится категория масштаба, о которой шла речь) пространственного локуса со скоростью (или темпом), являющимся внезапным для наблюдателя этого процесса – подобно тому, как если бы зерно маиса размером с кунжутное зерно развернулось бы в попкорн размером с дыню. Тогда объяснение внезапности в общем случае было бы вполне адекватным в соответствии со старым добрым гегелевским законом перехода количественных изменений накопленной в зерне тепловой энергии в качественное изменение формы зерна. Здесь неважно, имеет ли этот локус пренебрежительно малый масштаб, или его точечные размеры обусловлены сильной первоначальной удаленностью от места и времени наблюдения – самым важным является потенциал влияния неожиданно возникшего события или предмета на наблюдателя. Между тем, синие розы и тюльпаны также уже давно известны, но это те черные лебеди, что созданы целесообразной селекцией; в этом случае можно сказать, что творчество по сути своей есть способность к созданию черных лебедей, корреспондирующая с их способностью к созданию того, что мы называем "внешним миром". И в этом смысле, действительно, прав Талеб, отмечающий, как мы ограничиваем множество наших возможностей, делая мир более информативным, распространяя представление о допустимости и недопустимости в нем чего-либо на такого рода творчество и создавая детерминистические конструкции умозрения. Но я не понимаю, почему мы должны отказываться от обобщений для обеспечения информативности,

[60] Эта математическая хохма приведена в популяризиторской книжке М.Гарднера.

поскольку не всякое обобщение бывает ложным, будучи рабочим инструментом констатации наблюдаемого; почему бы не акцентировать тот факт, что ложные обобщения преимущественно встречаются именно там, где констатируется не наблюдаемое? Не это ли именно явление в плане множащейся натурфилософской метафизики, вкупе с доказательствами-слов-ради-мнений, стали в свое время предметом критики со стороны сократической школы, обратившейся к человеку с темой ценностей? Мы констатируем и обобщаем, чтобы творить. Если обобщение не ведет к творчеству, то оно либо бесполезно, либо является предметом манипуляций и построения идеологем, либо оказывается своеобразной гипотетической пробкой, затыкающей вечно сквозящую дыру неопределенности.

Случайность для меня, таким образом, есть логическая ситуация; я не могу признать над собой ее власть, поскольку существует разные виды логики, и даже если это "логика вещей" делового мира, то и здесь у разных вещей может быть разная логика; и то адаптивное, что мы можем ей противопоставить – это творчески добавить в нее некоторую, неописуемую и не управляемую текущими средствами, небывальщину, изменив сам порядок этой логики. Иначе говоря – создав коммуникативную ситуацию: с самими собой, с другими людьми и с миром.

Можно провести иной мысленный эксперимент (обратный первоначальному с зерном маиса или даже, пожалуй, гиперболизирующий его), и представить, что мир вокруг стал пресыщен возможностями: плотность точек развертывания и частота развертывания "новшеств" в наблюдаемом пространстве стали асимптотически возрастать, образуя своей вещественностью и событийностью пространство в лейбницевом смысле. Едва ли предельное состояние этого процесса возникновения "черных лебедей" можно было бы назвать информативным – это была бы визуализация ряби ненастроенного телевизора, геометрически представляющего "белый шум". Однако если мы ожидаем "черного лебедя" непонятно откуда, то потенциально любая точка пространства становится местом его появления. Не будучи сторонником именно что платонического "числового атомизма", не могу согласиться с талебовым тезисом о том, что "история – это всего лишь ряд чисел во времени", означающих уровень обеспеченности, приспособленности, веса и т.п. Эти числа – лишь

арифметическая, или теоретико-вероятностная, надстройка над "логикой вещей", в которой еще не начал играть роль творческий фактор. Однако если этот фактор бесконечно мультиплицируется, то он изживает сам себя, и мир вещей превращается в хаос. Конкретной иллюстрацией этих мысленных экспериментов оказывается мир технических изобретений, конвертируемых в инновации посредством маркетингового фактора новизны (в частности, брендингового фактора "молодежности", инвертирующего этот фактор на субъектность самого потребителя), пресыщающих восприятие и либо теряющих контакт с реальным миром повседневности, либо опошляющих его. Если история – набор чисел, то нет и проблем социального неравенства, ибо все – случайность. Удобная позиция, лишающая человека права на справедливость.

Антихрупкость и алгедонические значения

Не исключено, что придется осуществить децентрацию от антихрупкости до неуязвимости и даже, наверное, попытаться непаразитически осознать ценность хрупкого и значение его в мироздании в аспекте ценности двух остальных режимов существования сущностей.

То есть получение преимуществ от собственной антихрупкости может быть наибольшим лишь при получении преимуществ же от собственной хрупкости и неуязвимости, когда последние выходят на некий новый уровень действия (но не за счет эксплуатации этих качеств у других лиц – согласно моральному кодексу Талеба). "Хрупкость – неуязвимость – антихрупкость" представляют у Талеба тернарную систему логических значений, однако это, скорее всего, есть не набор алгедонических логических значений "плохо – безразлично – хорошо", но соответствующий ей (и, кстати, сущностно объясняющих ее) набор режимных состояний адаптируемой системы. Между тем, если это разные и не сводимые один к другому наборы, то и хрупкость не должна однозначно попадать в "плохое". Эти режимы могут быть выбираемы достаточно развитой системой (прежде всего, человеком). Но если этот набор однозначно ассоциируется с алгедоническим, то здесь неизбежно возникает центрация на антихрупкости, а следом за ней – представление об онтологической "ненормальности" мира, в котором либо допускается несовершенство хрупкого (с последующим его отрицанием в практике повседневной жизни), либо провозглашение такой "ненормальности"

хрупкого нормой, в рамках которой смысл хрупкого определяется в бытии битым и разрушаемым. Здесь очень уместными оказываются разного рода вещи по поводу неустойчивых "надстроек", которые очень удобно отбросить ради якобы простого и понятного "иерархического инстинкта" и прочих вариантов антропологического эссенциализма со знаком "минус". Разумеется, ничуть не хочу при этом принизить антихрупкость и осуществить обратную центрацию (таковая была бы глупостью); но не является ли антихрупкость сама объектом центрации у Талеба? Согласно ему, хрупкость нужна на масштабе меньшего уровня, дабы обеспечить стабильность в масштабе большего уровня. То есть ценность хрупкости в системе режимов "хрупкое – неуязвимое – антихрупкое" обнаруживается в свете понятия рекурсии (включая то, как она определена у меня). И в этом смысле, конечно, этот межмасштабный набор режимов также не является прямой проекцией набора алгедонических значений; и в этом же смысле всякое хрупкое, вовлеченное в функционал полезности, представляет собой часть живой системы, и явным или неявным образом отсылает к панвиталистическим концепциям. Отсюда из рассуждения о соотносительности хрупкого и антихрупкого следует талебов тезис о необходимости переменчивости в политических системах и деловой среде. А также (что еще более важно в свете иных концепций менеджмента) – о том, что системе (прежде всего и по преимуществу жизнеспособной) можно повредить, управляя ею посредством "стабилизации сверх всякой меры".

Из нетождественности талебовой триады антихрупкости и триады алгедонических значений следует еще один вывод: тот, что антихрупкость – не обязательно всегда хорошо. В талебовом же нарративе это очевидно, хотя и всегда ассоциировано с межмасштабностью. Но это же не совсем очевидно из его текстов по причине все той же центрации в позитивной тональности на антихрупкости. Ибо антихрупким может быть и паразит: такова номенклатурно-бюрократическая система, которая скорее антихрупка, чем неуязвима. Или, вернее, антихрупка к реформам изнутри, но неуязвима к внешним относительно нее социальным требованиям по причине невосприимчивости государства национального типа (а значит, и самой бюрократии) к инфляционным издержкам.

Классическая ошибка психоанализа заметна у Григорьева; он (или Талеб, прямо пишущий в "Лебеде" об этом "согласии на словах", или тот же Поппер) говорит: вот, имеет место пагуба платонизации, так что давайте это осознаем, артикулируем и от этого избавимся в своих мировосприятии и практике жизни. Все вроде бы просто, но когда на практике возникают известные проблемы (достаточно описанные постфрейдистами вроде Фромма, чтобы особо на них здесь останавливаться), то далее, в силу определенных затруднений внедиалектического понимания противоречивости человеческого существа, возникает основание досадовать на человека несовершенного и склонного к собственным ошибкам. При этом как-то не учитывается, что тот же платонизм существует на уровне глубинных архетипических представлений, и дать деятельностную альтернативу ему – вовсе не значит полностью вытеснить его из сознания (и тем более бессознательного) по причине органической присущности, но значит портирование со-бытия чего-то иного, действующего на том же, архетипическом, уровне. А вот по мере органической демонстрации большей эффективности нового как раз и происходит автоматическое вытеснение предшествующей формы.

***

Сколь много работ философов попало в свое время в индекс запрещенных книг церкви! Однако если следовать концепции антихрупкости Талеба, то закрадывается подозрение: уж не давала ли таким образом католическая церковь "путевку в жизнь" этим книгам, зная о том, что "запретный плод сладок", по принципу внедрения картошки на Руси Петром Великим, охранявшим картофельные поля мнимыми сторожами? Это весьма вероятно с учетом того, сколь образовано да искушено в рассужденьях было руководство этой церкви во времена таких запретов. И если это так, то возникает вопрос, зачем это делалось: чтобы распространить или, наоборот, чтобы скрыть? Если первое, то ценой своего авторитета, а если второе, то... что, собственно, можно скрывать за философией как любовью к свободе, мудрости и пониманию? А может, не философией, а философиями: относительно одной религии их много, они заведомо еретичны, а значит, религия как "единственно верное" откачивает наружу множественную мировоззренческую энтропию, осуществляя реанимацию собственного

статуса через модельную рецепцию своего исторического становления, происходившего в виде освоения античной ойкумены ригористическим постулированием собственной исключительности (уже существовавшей в политеистической множественности). Однако это был уже другой процесс, потому "эпоха скепсиса" съела религиозную догматику. И вот здесь проявляется соотношение хрупкого и антихрупкого, вернее – хрупкого и неуязвимого как режимов существования антихрупкого, в аспекте категорий внешнего и внутреннего – а именно, в аспекте различных контекстно-ситуативных условий существования адаптирующейся системы. В механике (прежде всего, но не только) категория хрупкого тесно связана с категорией жесткого. Так вот, первоначальная исключительность жесткого в условиях уже существующего политеистического контекста играла положительную роль, но когда та же схема жесткой исключительности была применена относительно чего-то нового, перспективного или потенциального, тогда жесткий режим существования церкви сменил алгедонический денотат (хотя очевидным образом и не концепт) с позитивного на негативный. И в данном случае не особо важно то обстоятельство, что платонизму церковному оказался противопоставлен платонизм скептико-научный. Примечательно, что христианство со своей идеей жесткой исключительности возникло в Риме эпохи imperia, а не res publica.

На сей счет Талеб приводит еще один свой полуудачный пример Айн Рэнд с ее "Атлантом..." как образец очерненного автора, получившего тем самым признательность. Гы! Как я уже говорил, лично для меня "Атлант расправил плечи" есть вторая после "Государя", известная мне, комплексная литературная попытка поставить нечто серьезное и куда более интересное с ног на голову посредством избирательной интерпретации исторического контекста с игнорированием непосредственных предпосылок речевого этоса. В смысле Талеба это две, взаимоисключающих, стратегии антихрупкости: государь в пределе "закаляет" общество войной (с каковой "закалкой" сам Талеб категорически и прямым образом не согласен), тогда как наиболее успешный банкир (в данном контексте – "деятель торгово-финансового сектора") становится "лучшим примером", задавая статус кейса (то есть "позитивного случая") в качестве ошибочного подражательного стандарта и мотивируя наиболее сметливых и наименее падких на "кейсы" к

собственным попыткам действовать в экономическом поле. Однако последнее – не позиция действия в масштабе или интересах всего общества, поэтому вдохновленный легендой атлантического устройства Лоренцо Великолепный выбрал путь государя, и его банк просел в Европе. Ну и как эту драматическую дилемму объяснить в качестве руководства к действию такому "государю", который становится все более абсолютен и заведомо исключает в логике своего существования какое-либо макросоциально-управленческое разделение труда? Собственно, потомки Лоренцо, проникнув в монаршьи семейства, продолжили давнюю практику накачки общества военными стрессами. Никого, разумеется, они при этом не учили (разве что воевать) и не развивали; училось и развивалось все как-то само под военные и "кунст" задачи, и в меру этих задач получало "высочайшее финансирование". Первый среди равных в конце концов хочет быть государем над схваткой, но при этом выбывает из игры, делающей его первым среди равных.

Так что все ли то, что скрывается от нас кем-то или утаивается, действительно способствует нашему развитию и учит? Не лучше ли сразу искать развивающее и учащее, а не гоняться, преисполнившись кошачьего любопытства, за "секретами" и "летающими тарелками"? Конспирология – обратная сторона того, средства чего стимулируют познавательную гиперкомпенсацию. Но ведь и мед, выжатый из пчел сахарным сиропом, не настоящий и не самый полезный. По разным оценкам где-то до 90% того, что сообщается об НЛО в военно-воздушные ведомства, суть недоразумения или надувательства; важны, однако, те самые 10% (вполне по Талебу). Но это – вопрос о критериях стрессоров.

***

Может показаться, что талебова критика платонического корабля-государства, которому нужны "капитаны", идет вразрез с фуллеровой концепцией "космического корабля Земля", особенно с тем местом в его одноименном произведении, где речь идет о невозможности договориться о направлении движения судна и бесконечных конфликтах между желающими занять место "капитанов планеты" в рубке представителей различных судовых служб: машинного отделения, топливного склада, кухни, радиорубки и т.п. Межу тем, эта идея Фуллера как раз и соответствует

талебову посылу: находясь в достаточно сложной, единой и кондициональной (по Талебу – "каузально непрозрачной"), системе, нет смысла заниматься выстраиванием иерархий, тем более апеллируя к разного рода мутным понятиям вроде "иерархического инстинкта", порожденным ущербной позицией компенсаторного полуницшеанства. Целостность и "среднее арифметическое" мирового действия образует тот самый всегда загадочный и вполне конкретный (но не абсолютный) дух, творящий интерес к жизни, в котором достаточно внимательный наблюдатель наконец-то оказывается способным увидеть неслучайность внезапных стрессоров без того, чтобы начать их вписывать в однозначную, косную, прямолинейную монокаузальность (которая, как ни странно это выглядит, часто не имеет ничего общего с простым объяснением). Мир – живой, и мир нам что-то "говорит". И то, что это говорение еще нужно понять, ибо "пока не понято" – естественная вещь. Однако этот же отказ от иерархии не означает, что внутримирное содержание будет взаимодействовать в себе совершенно бесструктурным образом.

Carmina burana может выглядеть не столь мрачно

"...dissolvit ut glaciem."

"O Fortuna"

Здесь речь идет о ряде специфических философских сцепок и разъединений, оказывающихся заметными при сопоставительном изучении работ выдающихся авторов, уделивших много внимания вопросам управления. Прежде всего – о том, что касается выключения телеологического принципа в связи с концепцией жизни как опционально-экспериментальной адаптивной деятельности.

Ранее я, введя понятие поливерсальной, или диалоговой, модельной структуры (имеющей множество универсумов и множество функций интерпретации), примененной к исследовательской программе "неокономика" О.В.Григорьева, адресовал доказательство ее синтаксической и семантической полноты тому, неведомому мне, крючкотворно-буквоедственному, логику, который, вняв этому воззванию, мог бы этим заняться. Теперь я вижу, что такое требование в принципе неверно, ибо

бессмысленно, ибо универсумы и функции интерпретации бесконечно взаимодействуют друг с другом в области того, что представляет денотат этого алгебраико-структурного схематизма, и вступают в конфликты, логическим выражением коих является противоречие. Которое, в своем примитивно-пасконно, гегелевском, или же "диалектико-логическом", смысле, становится основой движения, развития и сочетается с принципом вопрошания. В этой ситуации заниматься доказательством непротиворечивости конфликтующего и полноты ценного в качестве неполного попросту бессмысленно. Но в таком случае поливерсальная модельная структура попросту оказывается более аутентичной моделью реальности, где самое объектная монологика прыгает относительно металогики смысла. А вот что здесь нужно делать, так это работать с моментами ожидания противоречий и конфликтов и нехваткой (пустотностью, информационной лакунностью) вопрошаний сообразно с талебовой системностью межмасштабного соотношения хрупкого и антихрупкого, и с учетом "онтологической Швейцарии" всего того общеструктурного, что относится к сфере синергетического и, судя по всему, соответствует талебову понятию неуязвимого. Ибо, действительно, системам синергетической геометромеханики безразличны внешние структуризации, поскольку именно эти структуры представляют собой метафизически универсальные формы Вселенной[61].

Если планировать, по Талебу, нельзя, то проектировать – можно. Здесь всего лишь разница в подходе к знанию будущего. Поскольку здесь – способность человека создавать "черных лебедей" и управлять, выбирая (то есть действуя в условиях свободы), в какой мере быть в состоянии подверженности мини-стрессорам, а в какой – в состоянии хрупкой стабильности до одного большого стрессора, не противопоставляя одно другому, но, опять же, сознательно выбирая. Потому, что свобода именно в том и состоит, чтобы

[61] Собственно, негативный "черный лебедь" может быть понят, по-талебову формульно, как сумма (или, может, произведение?) противоречия, конфликта и следующего из него недостатка, оформляемого в вопрошание. Однако минимизация масштабов ошибок с увеличением их числа есть тот самый гормезис, который, низводя риски на нижние системные уровни, минимизирует и риск негативного "черного лебедя" для системы de re. В свою очередь, Талеб дает прекрасную дефиницию опциона как асимметрии плюс рациональности; при этом последняя толкуется им алгедонически – как ставка на благоприятное с ожиданием большого выигрыша вкупе с ожиданием мелких ошибок, не допускающих большого "crashdown".

иметь хрупкое как выбор с позиции чего-то, что им не является; а для этого это что-то ("антихрупкое") должно быть осознаваемо и операционализируемо (пока же простим Талебу его неизбежную центрацию на "антихрупком", ибо им же введено оно в оборот и для многих "ученых лбов", действительно, отсутствует как феномен). Но именно здесь обнаруживает себя весьма интересная связь с гегелевским переходом количественных изменений в качественные: адаптивность как распределяемая количественность стрессоров и единый стресс как накопление неизменной жесткости хрупкого (что совсем не есть прочность).

Однако часть множественного меньшего масштаба не обязательно работает на большее посредством собственной гибели – это не единственный ее способ бытия-в-системе, поскольку там существует, с образованием качественно нового, и кооперативное взаимодействие, каковое не обязательно конфликтует с принципом конфликтного взаимодействия (эмпирически легко наблюдаемо, заметим, во множестве случаев, когда конкуренция и кооперация дополняют друг друга). Эта кооперация, и метакооперация в отсутствии метаконфликтности, и есть синергийность, взятая как целое и сущая на простых примерах механических сил. И человек – не только таковая сущность, перед которой стоит "необходимость" свободного выбора антихрупкости себя (или хрупкости себя ради чего-то большего и высшего, чем он сам), но и таковая, что способна сама быть локальным создателем принципиально нового по образцу принципиальной новизны, творимой в тех порядках мироздания, что заведомо выше его по масштабу или степени сложности. Но процесс творения делает человека хрупким. Именно поэтому экспонирование от постановки задачи до работающего образца – с одной стороны, и от рабочего образца до широкого внедрения – с другой, насыщено столь большими рисками. И потому оказывается возможным говорить о хрупкости и антихрупкости не как об абсолютных понятиях (нелюбимого Талебом платонистического толка), но как о полюсах дифференциала, между которыми обнаруживает себя категория степени хрупкости, и заново встает вопрос о том, что же такое неуязвимость, снова обнаруживая, в свою очередь, при более пристальном рассмотрении, свою геометро-синергетическую подоплеку, еще раз демонстрируя, что триада "хрупкость-неуязвимость-антихрупкость" не есть

калька с тернарного же алгедонического набора значений "негативное-нейтральное-позитивное".

Но если хрупкое и антихрупкое более-менее прояснены в своем взаимодействии (межмасштабном и категориально-дифференциальном), то где, все же, здесь место неуязвимости? Тетраэдр, икосаэдр и кубоктаэдр неуязвимы в своих прямолинейных или округлых линейностях по причине бытия оптимальными структурами распределения природных сил, вне зависимости от того, что конкретные стрежневые (и не только стрежневые, ибо все эти фигуры могут иметь шарообразную форму) элементы, их образующие, имеют "бесконечно приближаемые" (или, в ином случае, зуммируемые) шероховатости или даже самоподобия (и это же будет верно для них в удаленной от нас на безумное расстояние спиральной радиогалактике – именно потому, что галактика спиральна). Могут ли они быть в принципе вписаны в дифференциал степеней антихрупкости? Талеб, опять же, возможно, скажет, что такового нет, но, опять же, весьма уважаемые им наблюдательный монтенев опыт, скепсис и экспериментальность постоянно твердят о его существовании, равно как о том, что человеческое лоховство также весьма относительная категория (не говоря про особо яркие, клинические, случаи оного), и жизнь в мирном и безопасном обществе как раз и означает право на определенную снисходительность, благородство и неиспользование со стороны другого преимущества перед чужой слабостью в случаях собственной оплошности, ибо "все мы немного лошади"; и, одновременно – аналогичную нравственную обязанность по отношению к другим. За исключением, опять же, критических случаев, лишь выдаваемых за оплошность, и тем самым нарушающих этический принцип. Если этого нет, то имеет место скучная и банальная гоббсовщина "войны всех против всех" с жестким санитаром-государством, жестким материализмом и... ну конечно, платонизациями. Но там, увы, нет никаких фракталов, никакой синергетики и никакого сверхрационального с его "тонкими материями"; не дешево и сердито, но жестко и хрупко.

Человек может освоить и сочетать со своей и внешней природой синергийность, равно как со своей и внешней природой он может удивительным образом сочетать антихрупкость, выходя на уровень

сверхрационального и, синхронизируя собственно-внутренние гармоники, процессы и порядки с внешне-мировыми, получать, в зависимости от динамики действия и внимательности, то, что сегодня именуется (уж не знаю, насколько верно) синергийным эффектом, под которым обычно подразумевается то новое, что неподконтрольно самому себе продуцирует сложность и что витиевато доказывается в метатеореме Геделя. Неуязвимость, даже если смотреть по текстам Талеба, оказывается как бы в стороне от хрупкости и антихрупкости, но можно предположить, что она есть causa finalis того, на что направлена (интендирована) антихрупкость. Это не значит еще, что всякая антихрупкость всякий раз бытует-к-смерти, поскольку на своем уровне всякая отдельная особь в конечном итоге хрупка – такая, взятая очевидным образом из прошлого, модель, была бы неприемлема, хотя также очевидно, что правильные формы и фигуры и их сочетания есть следы-прошлого-в-настоящем, и устойчиво воспроизводимы в будущем.

Когда мне возражают с "фрактальной позиции" и приводят в пример какой-нибудь объект достаточно сложной геометрии, составляющий часть очень сложной системы, мне есть что ответить. Например, если рассмотреть уж, казалось бы, совсем не имеющие "платонову фигуративность" человеческие позвонки (большинство из них), ризоматические в своей внутренней структуре и топологически тороидальные. В действительности они также изоморфны платоновым фигурам: если взять две пары жестких стержней одинаковой длины, каждая из которых образует угол в 60 градусов, и сопоставить эти уголки-недотреугольники перпендикулярно друг другу концами на общей плоскости, то получим изоморфную октаэдру структуру (для убедительности остальные грани можно представить вантами-веревочками, соединив ими оба уголка; получившаяся структура, кстати, будет устойчивой). Если, далее, двигать перпендикулярно расположенные уголки друг другу навстречу так, чтобы на одной плоскости (всего получается пара таких плоскостей) оказались концы одного уголка и вершина другого, то получим структуру, изоморфную тетраэдру (опять же, проверяем, соединяя жесткие части веревочками). А если продолжить соединять уголки дальше таким образом, чтобы соединились вершины, то получим структуру, как раз изоморфную позвонку с отростками, противонаправленными примерно так же, как стороны-лучи нашей модели. Ей же изоморфна модель молекулы

метана, и как раз именно такую структуру используют при создании тенсегрити-моделей позвоночного столба. Это доказательство простое, и его можно осуществить буквально на пальцах.

Но этого мало. Элементарные формы участвуют в игре как природной, так и человеческой, разработки более сложных форм, и эффектом этой игры – с одной стороны, а инструментальным способом или методом – с другой, является то, что мы именуем случайностью, неожиданностью или стрессором. Между тем, именно в этих последних, как в процессах и в режимах, можно наблюдать проявление особой вселенской устойчивости.

И если план или проект (как можно заключить, читая Талеба) не значимы, то почему бы "природе" не отказаться от перерастающего в животное или в дерево семени? Ибо в чем-то "лучшем" по степени эволюционности есть некая неоднозначность и недосказанность как в понятии. Ведь эволюционирует и онтогенетически развивается именно что проектно-плановое в случайно-стрессовых условиях. Эти вещи хорошо понимал Стаффорд Бир, но вот насколько хорошо он это делал как перипатетик – вопрос, требующий особого рассмотрения с учетом того, что уже сказал Талеб. У Бира точки контроля в искусственных системах едва ли интерпретировались однозначно в смысле рецепторов крайнестановых стрессоров. Между тем, такие стрессоры формируют запрос на собственно новые способы восприятия. Отсюда и вопрос об ограничениях отлаженной системы прогностики в смысле Бира, и тех талеборазмерных уточнениях, что неплохо бы приложить к прогностике "пределов роста", вытекающих из "бироразмерного" модельного языка World и нотаций киберсиновского экрана Future. Первый, напрашивающийся здесь, вопрос – о том, не является ли подобного рода прогностика осуществляемой во все той же аристотелевой корреспондентской концепции истинности, задающей надмирную, "божественную" позицию говорящего; а значит, в итоге, ведущей к позиции прогностической оценки безотносительно к возрасту, что в свою очередь, и является сутью эпистемической презумпции "рационального человека", лежащей в основе столь возмутительно-забавных экономических курьезов.

Талеб дает оригинальную критику рационального человека, апеллируя к "Сумме теологии" Фомы Аквинского, обозначая телеологический принцип обусловленности всякой деятельности целесообразностью, разводя ту и другую как причинности и провозглашая значимость действия без цели[62]. Давая при этом осторожную критику Аристотеля, говоря, что Стагирит, похоже, не понял нечто важное в знаменитой истории с прибылью от маслодавилен Фалеса Милетского, понявшего, в свою очередь, антихрупкость и возвысившегося философией над богатством. Вечно прогнозирующему свое будущее (едва ли не с момента рождения) рационалисту, заинтересованному в этом прогнозе как раз по причине собственной хрупкости, противостоит "рациональный фланер" – тот самый, "грамотно живущий настоящим"[63], выбирающий ad hoc пути дальнейших действий в перманентном процессе экспериментирования (а значит, экспериментального принятия решений), составляющем доминирующее содержание его жизни. А иначе и не получается в рамках логики Талеба, что и недурно и, кстати, не совсем уникально, ибо этот же принцип "жизни как эксперимента" – первый из 11 жизненных принципов Бакминстера Фуллера, обозначенный в его работе "Critical Path"; примечательно, что остальные принципы, составляющие формат того, что ранее мною было обозначено как "ценностный базис" в качестве особого логико-деонтического феномена[64], также весьма близки талебовым и, кстати, вкратце излагают многое из того, о чем говорит сам Талеб в своих книгах. Поэтому приведу их полностью:

> *1. Рассматривать свою жизнь как эксперимент, призванный показать, может ли один человек сделать для всего человечества нечто такое, чего не могут сделать великие государства или крупные компании.*
>
> *2. Стремиться принести пользу всему человечеству, а не только себе, семье, стране и т.д. Помогать людям не за счет других людей.*

[62] "Антихрупкость", глава 12.

[63] Кстати, кто-нибудь из тех пикейных жилетов, имя которым легион и которые постоянно призывают к "жизни в настоящем", когда-либо мог толково объяснить, что это на самом деле значит – так, как это сделал Талеб? Большинство из них (во всяком случае – тех, что встречались мне самому по жизни) под значением этого выражения имеют в виду веселое эпикурейское безразличие вкупе с отказом от решения проблем, причудливым образом смешанные с принципом "бери от жизни все", под которым, в свою очередь, понимается самый что ни на есть кондовый консьюмеризм. В процессе прояснения всего этого они горячо и убежденно заявляют, что это и есть способ решения проблем. Считая себя при этом учеными, образованными и рациональными людьми, не склонными предполагать что-то, выходящее за рамки рациональности, в иных задушевных беседах они соглашаются с тем, что "что-то такое, действительно, есть"; фокус, однако, заключается в этом самом "действительно".

[64] http://www.dalekseev.ru/article/%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B (активно на 2016 г.).

3. *Делать только то, что можешь сделать своими силами.*
4. *Руководствоваться только собственным мышлением и ограничивать себя только экспериментально полученной информацией, чтобы выразить свою собственную мечту, вместо того чтобы пытаться соответствовать мнениям всех остальных.*
5. *Действовать, основываясь в первую очередь на своей интуиции.*
6. *Извлекать максимум из своих ошибок.*
7. *Активно заниматься самообразованием.*
8. *Никогда не заниматься саморекламой и никому не платить за рекламу.*
9. *Работать в широких временных рамках.*
10. *Решать проблемы посредством технологий – это эффективнее, чем социальные реформы.*
11. *Стремиться понять принципы, действующие во вселенной, и роль человека в ней.*

На сегодняшний день, однако, для меня остается открытым вопрос о том, насколько ценностный базис является антихрупким и требуется ли его уточнение. Этот вопрос уводит в сторону давнего вопроса о кантовских категорическом и гипотетическом императивах и о том, насколько максимы христианской культуры (к каковой принадлежит сам Талеб, по его же словам) могут сочетаться с социал-дарвинистической прагматичностью[65]. Впрочем, именно талебово решение в данном случае описано применительно к анализу фигуры Сенеки в смысле эмоциональной адаптации "обремененности богатством", а по существу восходящее к ключевой стоической проблематике тех лет, уже в моих терминах включенной в понятие "позитивное христианство" и связанной с ключевым моментом полемики Иисуса Назарейского с фарисеями – продвинутой религиозно-политической партией Иудеи той эпохи; полемики, широко известной по формуле "вам сказано, а я вам говорю..."[66]. Тем не менее, здесь можно предположить, что ценностный базис скорее неуязвим, нежели антихрупок, и всегда стремится скорее к первому, нежели ко второму, тогда как ко второму стремится та органическая система, что его применяет в жизни. Да и вообще, насколько ценностный базис делает человека "рациональным"? Ведь базис вменяется как ценностный и поведенческий инвариант для всего периода жизни. А если его квантификация ограничена, то какими ситуативными или временными условиями? А если базиса нет (он же

[65] Так Ахмед ан-Наим, вслед за Мухаммедом Таха, предлагал избирательно толковать суры Корана, адаптируя запечатленный Пророком текст применительно к актуальным реалиям жизни современной ему уммы, отличной от тех, что имели место в VI веке новой эры. Стоит отметить, что Таха был казнен, а (весьма интересная, между прочим) книга ан-Наима "На пути к исламской реформации" была написана им в США и попала ко мне в варианте издания под эгидой Фонда Дж.Сороса.

[66] На этот счет см. материал "К натуральному представлению о человеке-логосе" в книге "Возможность управления...".

существует на разных поведенческих и когнитивных уровнях), то "дело дрянь": приходится признать, что в "пересменок" человек "природно" определен быть животным до тех пор, пока "суровая рука товарищей не напишет другую клятву". Однако это плохо сочетается с трансисторичностью как сермяжной задачей философии[67]. Как бы то ни было, не думаю, что здесь есть существенная проблема: ценностные базисы можно рассматривать поливерсально, как кооперирующиеся и конкурирующие системы, способные согласовываться друг с другом. Старые добрые коммуникация и диалог, а не платонизирующая абсолютизация и исключающая весь остальной мир исключительность, решают проблему как абсолютный же, но живой, принцип: итог сухого остатка всегда остается мертвым, если он не служит чему-то живому; последнее же существует в условиях надсложностном, надличностном и, собственно, открытом; достали уже эти слова "случайность" и "неопределенность", везде несущие с собой этот коннотационный душок беспомощности!

Талеб, однако, говорит не о собственно трансисторическом, но о более общем – "том, что не портится" (в отличие от портящихся людей и вещей), не проводя при этом демаркацию от того, что устойчиво воспроизводится на разных субстратах – предпочитая, похоже, игру на антитезах редким, но эффективным, примерам синтеза антитез, рождающих гениальное именно как новое-на-основе-старого. Не портящимся он называет предмет, обладающий информационной природой. Но имеет ли он в виду ту самую механогеометрическую (или геометромеханическую) природу, о которой говорил Фуллер, введший интересный термин "эвфемеризация"?[68] Талеб мыслит в том же направлении, отличая автомобиль как артефакт от автомобиля как технологии, но собственно эвфемеризации (как функциональной редукции до информационного уровня) у него не обнаруживается. Однако что у него есть, так это фактическое указание на трансисторичность предметов информационной природы ("Антихрупкость": "Стареть наоборот: эффект Линди"). Здесь он говорит о том, что

[67] На этот счет – в материале "Некоторые спекуляции о возможности трансисторической преемственности..." там же.

[68] Фуллерова эвфемеризация оказывается возможной в тех случаях, когда механическое переходит на уровень чисто геометрического, то есть когда механическая функция переходит от оптимального либо не оптимального) распределения векторов сил к их следам и распределению соотношений в мире этих следов.

"*неуязвимость явления пропорциональна длительности его жизни*". В смысле обозначаемого здесь "сверхнового пифагореизма" звучит и талебов пассаж о том, что "колесо не может устареть"; как показывает Фуллер в своей статье "Тенсегрити"[69] от 1961 года, очень даже может: "американский Леонардо" особо подчеркивает, что весьма существенный переворот в технологическом мышлении произошел тогда, когда после "артиллерийского колеса" (artillery wheel), стержни-соединители которого со ступицей работают на сжатие, человек стал сознавать и мыслить "проволочное колесо" (wire wheel), стержни-соединители которого работают на растяжение и фактически являются вантами, или канатами (rope), образуя de re конструкцию, устойчивую к нагрузкам не только растяжения, но и сжатия. Конечно, здесь нет устаревания информационного принципа колеса как соотнесенности радиусов, но есть новое в самом характере такой соотнесенности.

Древний тезис о том, что "новое – это хорошо забытое старое" у Талеба, безусловно, присутствует в качестве морального императива. Он не рассматривает случаи, когда молодежь создает новое, следуя этому, благородно-антикварному, принципу, и понятно, почему: его задача – критика неомании по принципу via negativa, а нечто позитивное само будет воспринято заинтересованными в жизни агентами, и нет нужды давать информацию о возможностях тем, кто не способен их усматривать. Но именно эти случаи открывают нарратив ренессансного пафоса, который может быть особо интересен и продуктивен в "современных" условиях архаизации мира начала XXI века.

Между тем, такой гимн адекватному поиску, реализуемому "рациональным фланером", полагающимся на экспериментаторские труды и поле случайностей или "милость божью", выкинутую по итогам развертывания нововременной научности за рамки эпистемического рассмотрения[70], ведет к утверждению того, что процесс антихрупкого деятельного бытия-в-мире есть не иначе, как свободная, или бесцельная, игра, определение цели в которой есть ее эффект, причем побочный, а достижение уже определенной

[69] Я предлагаю называть этот материал "малой синергетикой", а саму механику тенсегрити (от tensional integrity) – "прикладной синегетикой".

[70]Похоже, что современные эпистемические акценты смещаются в сторону "противоречивости" конфликта, "пустотности" вопрошания, "разветвленности" фрактала, "освободительности" доверительной случайности и неожиданности (отдающей должное, о ужас, теологии), координации триангулированных ячеек и "возвращенности" к науке основных природных форм от науки формул и "уравнений".

цели есть частная игровая ситуация, которая способна к тому же (хотя не всегда и не обязательно это делает) существенно повысить степень хрупкости системы. Причем адаптироваться в такой системе – не значит и выиграть (или, к примеру, получить условные ресурсы денег как игровых фишек), поскольку такая игра есть спонтанный, но, тем не менее, своего рода рациональный, творческий акт.

Нужно сделать оговорку насчет того, что сам Талеб в "Антихрупкости" не говорит об таком бесцельном действии как об игре напрямую, однако в преамбуле к первой части "Черного лебедя" анонсировано, что в главе 9 ("Игровая ошибка, или неопределенность "ботаника") "*развенчивается опаснейшая иллюзия, будто можно учиться играя"*. Потому, что такое обучение все равно в вероятностном смысле "среднестановое", и потому, что "*в реальной жизни шансы вам неведомы; до них приходится докапываться, при том что источники неопределенности не очерчены*". Здесь речь идет об игре в казино, которое, как заведение в целом, всегда оказывается в выигрыше в общей сумме. В таком случае, однако, у Талеба оказывается два понятия об игре, одно из которых соответствует представлению о подлинной антихрупкости, тогда как другое связано с ложным или иллюзорным представлением о случайном. Действительно, если говорить о попытках игры в казино, то вполне допустимо истолкование этой деятельности как субститута или суррогата эксперимента, ненастоящей жизни и ненастоящего риска (прошу прощения у читателя за банальность). Кстати, в английском языке есть четкое различие между "gaming" и "gambling"; последнее из этих слов означает азартные игры, и представляет собой совершенно особую сферу межличностного или человеко-машинного взаимодействия (во всяком случае, в смысле массового VAS в системе беспроводной связи, чем я одно время занимался).

Непосредственная бесцельная деятельность у Талеба носит творческий характер (ибо есть продуктивный эксперимент), и соответствует неоэкономическому понятию аврально-опытной деятельности (АОД). Однако согласно Григорьеву АОД – это деятельность, предшествующая собственно творческой, или проектосозидающей, представляющей, согласно определению, ничто иное, как перевод аврального режима существования человека или фирмы в регулярно-регламентный. На конец 2016 года

Григорьев много говорит о том, что создание бизнеса и бизнес-проект есть то, к перспективам и инвестиционному основанию чего следовало бы относиться как к эксперименту и, тем самым, рационализировать отношение к предпринимательской деятельности, лишив лиц, занимающихся ею непосредственно (а также офисных клерков, непосредственно вовлеченных в авральную кутерьму) иррационального по сути страха перед возможным провалом, имея в виду такой провал в качестве исходной и заведомо ожидаемой презумпции, из чего, собственно, и может быть выстроена стратегия по принципу "узнаем, как не надо, а как надо, само сложится", разделяемому и провозглашаемому самим Талебом. Между тем, избавление от такого страха относится именно к сфере АОД (в рамках регулярных процедур их исполнитель также может быть иррационально устрашен, только это не имеет значения в рамках самого процедурного порядка исполнительности); более того, этот деятельностный режим оказывается первым, в котором непосредственно обретает себя творчество. Между тем, первоначальная неоекономическая трихотомия "АОД – проектосозидание – регулярность" как раз пребывала в рамках парадигмальной, аристотелево-томистской, презумпции "телеологического аргумента" деятельности, обозначенного Нассимом Талебом в книге "Антихрупкость". Что ж, похоже (и это заметно по семинарам весны 2016 года) в интерпретациях Григорьевым видов деятельности возникли некоторые изменения, и похоже, что именно в данном направлении признания творческим свободного и не(за)регламентированного экспериментального поиска. Этот поиск, безусловно, опытный, авральным же он становится именно в рамках управленческой попытки установить срочность действий (наверное, по аналогии со срочностью самой жизни). Но вне корпоративного "поджимая сроков" именно опытность эксперимента содержит начала творчества, и как раз талебова же "опциональность" создает предпосылки перехода к регулярной деятельности. Что, однако, не исключает и отмеченной мной ранее роли прогноза в таком переходе и в проектировании. Ибо под прогностической способностью можно понимать разные вещи – например, ожидание фазы системы, а не знания будущих событий. И это ожидание оказывается соединенным со способностью воображения быть божественной способностью человека создавать случайное и непредсказуемое. Ибо можно ли назвать воображенным

предсказанное? Это – вопрос сотворчества с некими внешними "гармоническими порядками", и выводит нарратив о философии Талеба в область вещей, напоминающих русский космизм.

О разнице талебового и григорьевского деятельностных приоритетов

Изучая идеи экономиста, цитирующего трейдера, и трейдера, троллящего экономистов, оказалось возможным обозначить авторские центрации на важных аспектах видов деятельности и обновить взгляд на их связь.

В этом различии кроется более фундаментальное различие "векторов рассмотрения" обоими авторами бифуркационной сети, через которую может быть интерпретирована деятельность: от стабильности – через точку "черного лебедя" – к продуктивному хаосу или новой фазе – с одной стороны, и от хаоса аврала – через точку принятия проектантом решения – к упорядоченной и уточняемой в "узких местах" стабильности – с другой стороны. Соединение этих двух противонаправленных позиций открывает заманчивые управленческие перспективы, открывающие новый уровень операционализации процедур и процессов – с одной стороны, и оперативности их смены – с другой.

Сермяжная правда талебова подхода к управлению состоит в его полной противоположности григорьевской позиции: то, от чего фирма должна отойти – аврально-опытная деятельность (АОД), у Талеба возводится на первое место как опционализация и прилаживание, тогда как телеологическое (в талебовом смысле) проектирование порицается (но здесь, опять же, с оговорками насчет того, идет ли речь о Среднестане или Крайнестане, каковые у самого Талеба встречаются не всегда), тогда как Григорьевым ставится на первое место как цель любой, здраво организованной, деятельности фирмы (или даже отдельного человека), в которой ключевой проблемой управления, тем самым, становится поиск и голдратовское расшивание "узких мест" в уже выстроенной управленческо-производственной "колбасе"; которое, в свою очередь, вполне себе ложится на бировский светофор уровней критичности, носящих здесь эндогенный характер, но могущих быть истолкованными как имеющие экзогенную причину. Григорьевский акцент на регулярной деятельности оправдывается в рамках пифагорейской "музыкальной" парадигмы физического мира, то есть

в рамках рассмотрения регулярной производящей деятельности как своего рода симфонической партитуры с репризами, где допустимы вариации исполнения с импровизациями.

Если для Григорьева регулярная деятельность есть цель деятельности проектной, то Талеб в принципе отрицает телеологический принцип: он, собственно, противопоставляет опциональность телеологическому, или планосообразному, рассмотрению. Однако значит ли это отрицание проектности как таковой? Ведь проектность – это управленческая колбаса, она создается для достижения цели выпуска социального (коммуникативного) превращения полученного на выходе такой "колбасы" продукта как предмета внешнего спроса в деньги как игровое условие возможности собственного спроса. Управленческая колбаса, таким образом, планосообразна в смысле своей целедостигаемости, а значит, телеологична. Однако едва ли она также чужда опциональности, которая ей предшествует как АОД, или деятельность систематического экспериментального прилаживания. А уже успешно эволюционировавший в результате такого экспериментирования вариант производственной или методической процедуры стандартизируется как планомерная или регулярная деятельность postfactum. Здесь, однако, нужно отличить такую зафиксированную удачную планомерность, имеющую естественный, биологический, характер, от плана "прикидывания на будущее" до всяких экспериментов. Именно этот последний – то, что, скорее всего, имеет в виду Талеб в качестве объекта собственной критики.

Исходя из логики талебовых понятий, получается, что телеология, сиречь планирование, оправдано в Среднестане, тогда как в Крайнестане предсказуемость последствий реализации запланированного весьма сомнительна. Отсюда логично доминирование АОД. Однако последняя, уже в григорьевской терминологии, есть дело внутренней организации системы (конкретно – фирмы), тогда как Крайнестан – заведомо внешняя по отношению к миру среда.

Вряд ли здесь стоит говорить о том, что планирование или проектирование в Крайнестане полностью невозможно. Скорее, следует вести речь о непоследовательном, не(прямо)линейном, или фракционированном,

характере последнего. Которое, к тому же, будет претерпевать воздействие по линии своих неявных (контекстных) предпосылок, или смысла. Однако с другой стороны, такое рваное крайнестановое проектирование может быть рассмотрено и как прерванный процесс – то есть такой, который, будучи забыт (а забыть – еще не значит стереть следы), может быть воспомянут и заново (или с момента прерывания) запущен в новых условиях.

Здесь Талеб вспоминает пример с изготовлением иглы-булавки 25 работниками "без видимой цели", приведенный аль-Газали и ошибочно приписываемый Адаму Смиту. Деятельность этих работников определяется бесцельной и направляемой некой "невидимой рукой". А бесцельна эта деятельность потому, что каждый работник (в отдельности) не знает, как изготовить иглу-булавку самостоятельно. Примечательно, что многие филиппинские кустари из Данао не только знают, как, но и умеют произвести в весьма недурственном качестве в срок примерно от двух недель револьвер Magnum 357, используя при этом самые примитивные инструменты. Иной вопрос – обязателен ли такой hand made во всех случаях, ориентированный на скорость прохода (денег через фирму) и "некоторые особенности" (как правило, связанные с инкрустацией, существенно повышающей стоимость изделия помимо собственно ручного характера его производства). Аналогичным образом и упоминаемая Талебом вслед за аль-Газали внутримирная логика вещей (на которой я останавливаюсь в материале о полууправляемости): эту логику в принципе проследить можно (даже существенные паттерны, особенно если затратиться на соответствующие вычислительные мощности и точки контроля), но делать это в принципе бессмысленно, поскольку такого рода отслеживание и неполно и, тем самым, антикоммуникативно, и погружает якобы внешнюю систему отслеживания в саму наблюдаемую системность и, кстати, еще не гарантирует способности влиять на сам объект или паттерн (подсистему, подмножество) наблюдаемого единства. Более того, "*зачем искусственно фабриковать Спиноз, если любая баба может родить его когда угодно*"? То есть мир и так нам предоставляет возможность взаимодействия с ним, и наши инструментальные средства расширения наблюдения и управления внутримирными процессами не обязательно должны носить характер средства и среды бесконечного роста и экспансии. Некогда от

вычислительной мощи отдельной рабочей станции люди перешли к глобальным компьютерным коммуникациям, но де-факто это были не коммуникации, а система точек контроля социально-экономической среды, воволеченной в глобальные электронные сети, и обработки собираемых о ней больших данных; а если уж и говорить здесь о "коммуникациях", то это именно системы коммуникаций с преимущественно прямой связью, находящиеся в пагубном модусе тотального контроля, наследующие именно в этом типе связи традиционным масс-медиа и тесно прорастающие с ними. Обратная связь в таких системах, несмотря на все восторженные комментарии тех лет, что выступают спутниками "интернет-свободы", реализована в свое буквальном смысле мало, будучи подчинена поисково-рекомендательным доминаторам, ориентированным на маркетинг, и в ней слабо реализован принцип диссоциативности (эта тема будет более подробна рассмотрена в следующей книге). Собственно интернет-коммуникация как дешевый способ обеспечения продуктивности на основе талебова принципа "прилаживания"[71] еще только должна возникнуть на базе развитых за последние годы сетей и сервисов; поскольку собственно коммуникация и лежащий в ее основе диалог (как подлинная основа логики "прилаживания") исключает экспансию контроля как хрупкоделие, поскольку как раз представляет собой логику антихрупкости. Талеб говорит о признаках и природе антихрупкости, но не говорит о ее логике – по крайней мере, в "Черном лебеде" и до половины книги "Антихрупкость". Эта логика, разумеется, не доказательная (ибо не(прямо)линейная), но описательно фазовая, направленная на саму функцию соотношения порядка-логоса с его хаотическим инобытием и взглядом в продуктивные возможности последнего.

Между тем, талебово противопоставление "логиков" и "практиков" как, с одной стороны, "пишущих книги" и, с другой стороны, "обсуждающих успехи в пивной", выглядит порой каким-то высосанным из пальца. Особенно когда он рассуждает об истории медицины (см. про Менедота и все, что с ним связано).

[71] "Среды общения" на "социальном софте" в вейценбаумовском смысле едва ли можно назвать продуктивными.

При этом он говорит весьма странную вещь о том, что "до сих пор эмпирическая медицина не считается чем-то "разумным". При том, что современная медицина как раз-таки эмпирична (т.е. экспериментальна), мало теоретична, но, действительно, во многом рассудкосообразна и опирается на рассуждения.

Говоря про сократический рационализм, прививший европейцу апполонийство в ущерб дионисийству, Талеб вещает об исторической центрации на порядке (логоцентризме) и создании той самой логики ответов без вопросов, о которой говорил Дж.Р.Коллингвуд. Дионисийская игра и те вещи, что касаются бахтинской карнавализации, составляют начальную фазу диалоговых утрясок. Они же иной гранью представляют собой так называемые "коммуникативные неудачи" первичного взаимодействия ранее незнакомых акторов, и являются естественной, однако в патологических случаях – поддерживающей страх общения, будучи причиной трудности лечения аутических состояний[72]; ведь самое сложное здесь – перейти от сложности культивируемых в личностной замкнутости-в-себе освоенных и укорененных абстракций к принципиально иному, эмпирическому, порядку сложности, непонятности и неосвоенности, где источником опыта оказываются другие лица.

***

Опциональность у Талеба, однако, есть антитеза разума, который он ставит в один ряд со "смекалкой" или "сноровкой", и понимает как инструмент хрупкой системы, необязательный для системы живой, и как нечто такое, что, будучи подвержено попаданию в зависимость от контекста, имеет над собой превосходящую (сиречь сверхразумную) инстанцию, под которой он понимает антихрупкость. В других же местах от говорит о собственно "разумности" антихрупкости (по-видимому, "подлинной"), и отдает должное этому порядку хрупкости. Аполлоническую разумность он противополагает дионисийской антихрупкости; в этом смысле разум у него оказывается синонимом рациональности.

Для него "печаль", "тревога" и прочие вещи, представляющие собой хайдеггеровские экзистенциалы, как раз и являются одним из первейших

[72] В этом же смысле предельно милитаризованная нация может быть гипотетически рассмотрена как макросоциальное аутическое состояние, предполагающее возможность более легких форм милитаризации.

источников разума. Но если так, то разум начинается в особых режимах и фазах человеческой сознательности.

Собственно, в главе IV книги "Антихрупкость" он как раз и говорит о том, что в основе опционального поведения лежит "*своего рода асимметрия, а не «разумность» рода человеческого*", представляющая собой "*загадочное свойство мира*". При этом, ассоциируя неопределенность с вещами телеологического порядка, он подчеркивает его жизненную продуктивность, в отличие от собственно веры (вопросы которой, казалось бы, составляют суть богословия), связанной с парой "истина/ложь" и в наибольшей степени ассоциированной с "эпистеморазмерной" наукой.

***

Иерархия есть каскад, он же есть разновидность фракталоида (в бесконечном пределе – фрактала). Утверждать, как то делает Григорьев, о наличии "иерархического инстинкта" – значит утверждать о наличии инстинкта вписывания себя в математическую древовидную структуру, а это – нелепость[73]. Животное, боясь сильных, заискивает перед ними и подавляет слабых, если те занимают приглянувшееся ему место[74], и то далеко не всегда, ибо высшим животным свойственны сочувствие, покровительство и даже альтруизм; если уж говорить об известных инстинктах, то здесь имеет место инстинкт самосохранения, но уже именно здесь он способен вступить в конфликт с охотничьим инстинктом. Почему об этом не говорят социальные ученые – это же вопрос замещений и прочих, вполне естественных для развитых психических форм, комбинаций высших психосоматических режимов и акцентуаций управления? Для человека же свойственно "выходить за рамки" в поисках выбора, и такой выход, в обычной коннотации толкуемый нами как дионисийское действие либертинствующего ребенка, может представлять и аполлонийское начало, причем заранее не планосоразмерное – таков "выход", предоставляющий возможность взгляда на себя со стороны самоорганизующемуся веберовскому человеку. Этим, а не риторической уловкой "на самом деле я о том же", объясняется известная магометанская максима, согласно которой

[73] Не говоря про то, что многие, слышавшие это выражение, путают иерархию как ранжирование в структуре с собственно ранжированием.

[74] Не это ли имел в виду А.Смит, когда говорил об отличии животного от человека, относящегося к Другому с позиции заинтересованности?

лучший джихад – правдивое слово, сказанное в лицо жестокому правителю. "Иерархический инстинкт", если уж он и существует, есть не более, чем атавистический порок личностного развития – своего рода порок воспитания, берущий начало, безусловно, в животном начале человека. Это не говоря о собственно биологическом понятии инстинкта, возникшем в результате изгнания из позитивной биологии целевой причинности в эпоху НТП-науки, да и вообще всякой телеологии, граничащей с обарываемой "мракобесной теологией"; выкинуть совсем, однако, эту вредную и непонятную целесообразность существования и поведения органических систем оказалось невозможно, потому и возникло такое понятие – не рефлекс и не цель, нечто среднее между ними и как бы сбоку, но признаваемое научной братией как безусловно существующее. В настоящее время наиболее плодотворным общенаучным направлением, работающим с целевой причинностью, является виртуалистика. Хотя, конечно, когда представления о малопонятном с древности феномене и уровнях его комплексного развития в естественных системах не имеют достаточной проясненности, весьма комфортным шагом оказывается изобретение интуитивно вроде бы понятного словосочетания из таким же образом вроде бы понятных слов. "Инстинкт" – слово того же порядка, что "теплород" и "флогистон", (или, например, "интеллигенция", применяемое к живым людям) восходящее к картезианской нелепице усмотрения живых существ как автоматов и некой смутной интуиции чего-то вроде денотата синтетического суждения a priori. И вот оно уточняется прилагательной категорией каскадной структуры в конкретно-теоретических целях!

Если нет инстинкта, то что же есть? Есть обстоятельства, целесообразность, развертываемость, органические уровни, когнитивные функции, собственно рефлексы и гормональное регулирование. Это кажется сложнее, чем одно понятие, но с этим проще работать, поскольку проще различать, и это позволяет избегать социобиологических редукций.

***

С разницей опциональной деятельности и "той, которая ею не является", тесно связано талебово представление о реальной, истинной или подлинной науке и той, отчасти признаваемой им, которую он именует "теоретической". (Почему бы ее, кстати, не назвать "нормально распределенной"?)

Я бы все-таки не противопоставлял так сильно и радикально научно-теоретическое знание и технологическое прилаживание, как это делает Талеб, ибо первое также, если разобраться, есть своего рода прилаживание общего к общему же ради формирования картины мира. Именно относительностью, гипотетической комплексностью и познавательной инструментальностью ценны те самые "теории", что переводятся с греческого на русский как "богогласие". И люди, их создававшие, также могли быть успешны в технологическом опциональном прилаживании, как в создании оных. И более того, они, как те самые, талебовы, "легшие костьми на неудачах", и незаслуженно не помянутые с честью, не в меньшей степени занимались важным занятием, часть которого оказалась неблагодарно забыта. Зачем, к примеру, обижать Теслу, не просто владевшего опциональным способом действия, но делавшего это в недосягаемой по сей день высокой степени его умозрительного холистического применения и, вместе с тем, творившего весьма оригинальный умозрительный конструкт, развивая идеи картезианской физики, помогавший ему как раз в опциональности? Его изобретения сегодня составляют суть того, что именуется "второй промышленной революцией", но теоретико-космологическая система понятий, в рамках которых эти изобретения обретают смысл, оказалась оттесненной на задний план относительно "прикладных" достижений – видимо, потому, что прикладное торгуемо, а все остальное – "гнилая философия". Зато стал весьма популярен "квантовый человек" Эйнштейн, крайне мало известный какими-либо изобретениями за исключением одной сомнительной формулы и, опять же, несуразной теории; однако ж Талеб именует себя не иначе, как "квант-инженером". Я не хочу здесь цепляться к мелким противоположностям у Талеба, поскольку "не боги горшки обжигают", но имею сказать, что принимаю талебову дихотомию деятельности в менее ригористичной, слабой, версии (также, как в слабой версии могу принять гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа), и утверждаю, что умеренный инструмент теории как прилаживания абстрактных идей может быть ценным в качестве искусства познания в том случае, когда на нем не осуществлена центрация, и он не является модусом эскапизма. Я также понимаю, насколько иному "практику" это трудно принять, но реальность такова, что "прилаживание" существует в различных областях нашей когнитивной целостности; иной вопрос – как эти части

согласуются друг с другом, и не делает ли нас хрупкими специфическое отношение к содержанию одной из них. Ведь абстрактная конструкция бывает нам столь дорога именно в силу существенности умственных затрат, ради которых мы устраняемся от живого диалога с внешним миром на ином уровне нашего существа.

***

Целевой пафос "прилаживания" не может быть чем-то обособленным от самого прилаживания: будучи связан с вопросом "ради чего стараемся?", он единственно способен вырвать деятельность из художественно-постмодернистского "а просто так", ибо некоторые опционализации очевидным образом осуществляются "не просто так", то есть не игрой спонтанностей. Примером того, насколько неоднозначна может быть связь "прилаживаемого" с "телеологическим", или "проектным", или "плановым", или "общим", весьма кстати оказывается Хрустальный Дворец. Упоминание Талебом этого сооружения соответствует моим собственным представлениям о ресурсно эффективном, экологичном, гигиеничном и быстровозводимом жилье, а также фуллерову понятию о таком жилье, и его же понятию "климатрона". Представления Дж.Пакстона о технологическом и дешевом "рае на земле" (а как еще можно истолковать оранжерею, реализованную в формате дворца?), возможно, были тем, малозаметным сегодня, источником гуманистического вдохновения для инженеров и инноваторов 2Н XIX века – 1-й трети XX века, каким, начиная с 1-й трети XX века, столь же незаметным сегодня, источником вдохновения были идеи и представления самого Р.Б.Фуллера (говоря "идеи и представления", я имею в виду риторический пафос, или же философскую интенцию). О том, насколько Пакстон повлиял на Фуллера, я могу пока лишь догадываться, но с куда большей уверенностью могу предполагать это влияние через В.Шухова видом ажурных мачт американских эсминцев. На Шухова же Пакстон повлиял наверняка: какой еще функциональный прототип мог быть перед глазами строителя ангаров-дебаркадеров – конструкций, по сегодняшним меркам одновременно имеющих безусловный статус художественных произведений?

Сказанное сейчас может быть не совсем понятно не знакомому с историей техники, ибо весьма контекстозависимо, но легко прослеживается в своей

логике чуть более погруженным в тему сознанием. Во всяком случае, в этой логике есть энтимемы и недосказанности, и темные, "буратинно-холстовые", пятна истории, но чего в ней нет, так это той самой "малопредсказуемости" из-за сложности технологий, "*в которых полно ошибок и путаных взаимосвязей, отчего поведение этих технологий оказывается все труднее оценивать, не говоря о том, чтобы предсказывать. Главный виновник тут – информационная экономика*"[75].

И вот здесь-то, похоже, кроется ключевая проблема: наша "информационная экономика" развивается несколько в ином ключе, нежели о том говорил Фуллер, и дело здесь не только в том, что "реальность превосходит футурологию": в нынешнем мире, действительно, слишком много ведущей к антропологической и социальной архаизации сложности, но мало эвфемеризации – во всяком случае, та эвфемеризация, что может быть наблюдаема сегодня, если и облегчает массово жизнь людей, то лишь в сфере коммуникаций, удешевляя их, но на реальное качество жизни влияя мало. Определенные надежды в этом смысле возлагаются на M2M вкупе с "интернетом вещей" (IoT), однако и эта сфера пока лишь представляет собой завязанную на маркетинг и total control систему взаимодействия машин, но не собственно передачу физических функций и взаимодействий на информационный уровень.

Гомеостаз и осцилляция – родственники антихрупкости

Некоторые считают Нассима Талеба постмодернистом. Вопреки этим мнениям, вряд ли следует относить его к их числу – они скорее, философы поверхности, тогда как Талеб больше философ глубины (хотя, конечно, по заявлению одного постмодерниста, глубочайшее – это кожа). Его глубина – ницшеанская бездна неопределенности, в которую заглядывает христианин, по-фаустовски готовый Бога ради заложить душу чорту, дающая причудливые поверхностные эффекты пробелов и отрицательностей (но едва ли даже отрицательных величин), поскольку у него есть место для "неопределенности неопределенностей". Вера есть особая способность отношения к неконкретному.

То, что у Талеба носит название антихрупкого поведения, я сам как-то назвал "осциллирующим", причем ввел его задолго до знакомства с работами Талеба (где-то в 2003 году) для собственного понимания способа поведения,

[75] "Антихрупкость". "Проекты и предсказания". "Почему самолеты не прилетают раньше времени".

представляющегося адекватным, но сообразным с некой нечеткой логикой "хватания за все подряд", притом такого, которое в своем роде оправдано внешними условиями адаптации. В его рамках я заметил, что прежние цели и задачи человека оказываются забываемы или отводимы на задний план, к ним происходит возврат после наступления некоторого периода стабильности, и они могут быть пересмотрены. Психологи не любят антитезы с отрицанием[76]; конечно, антихрупкое – не то же самое, что не хрупкое (вводя термины для своей "триады", Талеб довольно обстоятельно их обосновывает), но всегда ли можно сказать, что адаптивность есть именно *бегство от* "хрупкого состояния", а не *стремление к* некоторому состоянию, представляющему особый, позитивно реализуемый способ бытия-в-мире? Который, если начать разбираться в позитивных же его номинациях, есть режим своего рода игры с миром (в этом смысле используемое здесь понятие игры шире, чем талебово гэмблинговое, фигурирующее у него собственно в смысле "лабораторной случайности"). Да и почему нужно везде и ко всему лепить категорию хрупкости и ее отрицания в виде неуязвимости или "антихрупкости", когда есть упомянутое понятие гомеостаза (ну и, опять же, игровой осцилляции)? И, кстати, сомнительно, что собственно уязвимость есть синоним хрупкости; понятие гомеостаза – то самое, которое указывает на их различие: нечто уязвимое антихрупко как раз в смысле его способности (до известных пределов, разумеется) к самовосстановлению (до состояния, простите, "динамического", но все же баланса). В смысле вероятностей Талеб называет подобное "эффектом штанги", но в случае самовосстановления (то есть восполнения недостающего) имеет место не совсем этот эффект, предполагающий, согласно введшему это понятие автору, набор (или последовательность) небольших потерь ради (преимущественно одного) крупного и радикального приобретения. Гомеостаз – это когда потерянное восстанавливается, поскольку система запрашивает недостающее для ее внутренней связанности согласно данности последней[77]. Это то, что (опять же, вероятностно) Талеб рассматривает, когда критикует неоманию и говорит о том, что дольше

[76] В частности, неспособность дать позитивную антитезу является одним из симптомов аутизма у детей: например, горячему они противопоставляют не холодное, а не-горячее.

[77] Кстати, категория гомеостаза важна для понимания восполнения деструкций в регулярных процессах, в том числе тех, что имеют место в бюрократических иерархиях (для понимания живучести последних и склонности к выкидыванию чужаков из своих рядов). Здесь нужно некоторое общее пояснение, касающееся отличия моего подхода к управлению от григорьевского: я занимаю панвиталистическую позицию, согласно которой природа устроена как вариативно, так и универсально в своих формах и возможностях, а высшие проявления ее – биологические со всей суммой того, что мы можем атрибутировать живому (включая, безусловно, и гомеостаз), распространяемой на прочие проявления живых систем, включая общественные, семиотические или технологические процессы.

существующее имеет шансы существовать и дальше, тогда как разного рода новинки чаще всего не проходят обкатку временем[78]. Действительно, возможно, в какой-то момент мы преодолеваем состояние, характеризующееся словом "засиделся" и делающее нас хрупкими, но в дальнейшем, когда мы погружаемся в процесс активности, то становимся в нем на что-то нацелены, а не что-то преодолеваем или от чего-то избавляемся. Но это же и не значит, что мы обязательно должны терять что-то нужное, ставшее прямым или эпифеноменальным нашим органическим приобретением (это же касается и компонентов жизненной среды, каковыми оказываются компоненты повседневности); действительно, органика избавляется от неиспользуемых и, тем самым, более ненужных функций и их носителей, но это не значит, что лишение ряда неких "мелких или незначительных" опций или подсистем всегда способно привести к обретению – нередко такого рода лишение оказывается ничем иным, как снижением функционального разнообразия[79]. Увы, я не нашел у Талеба отличие "эффекта штанги" от такой вот редукции (хотя, возможно, я плохо искал).

Все это может показаться игрой слов, но слова важны, поскольку картина мира пишется мазками их коннотаций. Осцилляция и работа с большим числом посылок позволила мне строить качественные прогнозы в отрасли ИТ не на основе хрупкости и кризисности систем в духе via negativa, но на основе выявления оптимальной возможности (своего рода "синтетической возможности"), благоприятной для большинства некрупных продуктивных участников рынка – конечных благоприобретателей, в духе via positiva (а не антихрупкости какого-то отдельного игрока – тем более антихрупкости за счет других участников). Однако совершенно иным способом, нежели про via positiva говорит Талеб, и даже в рамках соответствующей его духу (или, если угодно, пафосу) стратегии выявления информационных лакун в шумовом потоке. Меня это ничуть не смущает, поскольку апофатика и катафатика – скорее дополнительные, нежели противоположные, стратегии, а если затевать спор по поводу радикальных преимуществ какой-либо из них перед другой, то такой спор заведомо представляет собой дурную бесконечность и, насколько мне известно, давно был элиминирован в рамках патристики.

[78] Особенно в случае такого, пожалуй, дидактического примера неоманической хрупкости, как замена алюминиевого жесткого диска стеклянным, вследствие чего возрастал риск из-за маленькой трещины и высокой скорости вращения его разлета на множество осколков, уничтожающих и само устройство памяти, и прочее содержимое системного блока.

[79] Классический ленинский пример (хотя, возможно, и не самый удачный именно в этом случае) – освобождение крестьян от крепостной зависимости, сопровождавшееся освобождением их от дающей пропитание земли.

Бывает так, что некий человек рассказывает или разъясняет какую-то тему в духе определенного понимания, и ему случается стать интересным и востребованным, но это не значит, что тему нельзя изложить каким-то иным, не менее оправданным и применимым, образом, подойдя к ней другим путем. При том, что другие пути не исключают и данного, те, кто многочисленно воспринял данный как свежий взгляд, отвергают все остальные как неверные, лишая себя тем самым живительной вариативности и не учитывая того, что обстоятельства предметных интересов у различных людей, живущих в одну эпоху, могут идти в параллельных направлениях, но не обязательно в одном и том же, единственно верном[80]. Самый, пожалуй, яркий пример тому – учение Спинозы, которого на протяжении почти столетия считали картезианцем. Похоже, здесь проблема – в степени: верно как то, что большинство якобы проблеморешающих учений – глупость, так и то, что нет одного, единственно верного, учения. Нельзя взять какой-то один взгляд – Талеба, Григорьева, Фуллера, Папанека или кого еще и, абсолютизировав, рассматривать с его позиции как остальные взгляды, так и саму реальность, описываемую остальными (хотя без такой абсолютизации это весьма интересное и плодотворное занятие); подобное, собственно, и есть редукционизм – иными словами, такой подход представляет не синергию, а банальную животную конкуренцию на уровне идей. Сегодняшний мир движется в сторону принципа "связь не малых, но равномерно распределенных, не в ущерб меньшим", который лично мне представляется, в первую очередь, здоровым.

Самая, пожалуй, важная часть концепции Талеба, касающаяся праксиологии, относится к последней сотне страниц его "Антихрупкости", где он ведет разговор об этике. Его этика, собственно, направлена на разукрупнение, на избавление от той иллюзии, что-де крупные компании (особенно торговые) являются лучшими обеспечителями инфраструктуры как глубже прочих разделившие труд, в отличие от мелких собственников, якобы неспособных договориться по общим вопросам (это, собственно, макроэкономический тезис Григорьева):

> "*...Глава компании заявила, что обеспечивает работой 600 тысяч человек. Найалл тут же развенчал агитку контраргументом, который на деле придумали Маркс и Энгельс: большие бюрократические корпорации контролируют государство просто потому, что являются «крупными работодателями» и имеют возможность получать прибыль за счет малого бизнеса. Поэтому компании, в которой работают 600 тысяч человек, разрешено безнаказанно портить здоровье гражданам – и быть уверенной в том, что в случае чего государство ее спасет (в этом же уверены американские производители автомобилей). В то же время у частников вроде*

[80] Этот нарратив, кстати, обнаруживается в талебовой апелляции к Попперу и в неприемлемости для него "хрупкодельных" тоталитарных режимов.

парикмахеров и сапожников такой защиты нет. ...если не считать наркодельцов, малые фирмы и частники обычно продают нам здоровые продукты, те, которые мы купили бы добровольно, потому что нужда в них естественна; крупные корпорации – включая фармацевтических гигантов – как правило, продают оптом ятрогению, хватают наши деньги и затем, нанося нам новое оскорбление, берут в заложники государство (в чем им помогает армия лоббистов). Все то, что не может обойтись без маркетинга, явно чревато побочными эффектами. Разумеется, вам нужна реклама, чтобы убедить людей, что кока кола приносит им «счастье», – и это работает"[81].

Собственно, этот пассаж представляет собой оптимизм в отношении гаражников[82] и содержит интерпретацию условия возникновения ложных ценностей. Де факто суть коммерческого "эффекта масштаба", на который сегодня ориентируется крупный бизнес в целях массового производства – та, о которой говорит Талеб: максимизация эффекта упаковки при минимизации издержек на содержание и производство суррогата. Здесь же обозначается и его отношение к капитализму:

"*По сути, проблема капитализма – опять же, пожалуйста, не тревожьте дух Адама Смита, – сводится к проблеме групп, которые отличны от индивида. У корпорации нет естественной этики; корпорация подчиняется бухгалтерскому балансу. Беда в том, что у нее есть единственная миссия – удовлетворить требования финансовых аналитиков, которые сами (очень) склонны к шарлатанству. Корпорация, акции которой торгуются на бирже, не знает, что такое стыд. Нас, людей, ограничивают некоторые физические, естественные запреты. Корпорация не знает, что такое жалость. У корпорации нет чувства юмора – и в то же время, увы, в маркетинговых документах упоминается «гордость»... Все эти дефекты – результат отсутствия собственной шкуры на кону (в культурном или биологическом аспекте), из-за чего возникает асимметрия: корпорация выигрывает за чужой счет. Подобные системы имеют свойство самоуничтожаться. И они это делают. Как говорится, нельзя обманывать всех все время. Увы, с самоуничтожением та беда, что менеджеры на него чихать хотели – из-за агентской проблемы они лояльны только к собственным наличным. Менеджеры становятся причиной катастрофы, однако сама катастрофа им не вредит – они сохранят премии, потому что сегодня не существует понятия «негативного менеджерского вознаграждения»*"[83].

В случае талебового "отсутствия собственной шкуры на кону" мы имеем более известное нам понятие "юридического лица", введенного в юридический, или внефинансовый, оборот, как раз для того, чтобы размывать ответственность там, где финансы "начинают петь романсы", либо где нечто крупное торгово-финансовое начинает претендовать на аристократичность и преимущество перед менее крупным собственником, апеллируя к более высокой общности (а следовательно, и социальной

[81] "Антихрупкость", "Антихрупкость и этика (больших) корпораций".

[82] Есть повод говорить о гаражной экономике в позитивном и негативном ключе: второй из них связан с характеристикой О.Григорьевым гаражной экономики как системы архаических "распределенных мануфактур", существующих на базе некогда развитых, но деградировавших, инфраструктуре и хозяйственных связях, тогда как первый связан с естественностью места самозарождания таких связей в пространстве общества, "естественным правом малых" и признанием того факта, что "гараж" стал колыбелью возникновения таких инновационных производств, как Apple, Google, Amazon, Harley, Ford, Disney, Mattel, не говоря о менее известных и крупных – в том числе тех рядовых автомобилистах, кому вполне комфортно в своем "гОрОже" как на "городской даче".

[83] Там же.

значимости) интересов частного дела. Тогда как в случае "негативного менеджерского вознаграждения" имеет место то же самое, что в случае якобы демократического политического процесса выборов являет собой возможность проголосовать "за" любого из невесть каким образом возникшего списка политических кандидатов, но никогда – "против" кого-нибудь из них, дав другим шанс (в духе via negativa) – хотя, возможно, физиономии и слухи о прошлом оставшихся дают все основания избирателю смотреть на них косо[84]. Этот принцип "посмотрим, как ты справишься, а если не справишься – проголосуем против" способствует формированию конкурентного администрирования в большей степени, нежели смехотворно-дискредитированный принцип "избираем лучших", и весьма важен для России начала XXI века (хотя и здесь, конечно, вполне себе ожидаемо мошенничество). Принцип, когда избиратель не обязан любить политика или полностью доверять ему, доверяя ему, тем не менее, некие управленческие функции (кстати, здесь возникает презумпция конкретизированности и необходимости этих функций), есть этическая предпосылка, свойственная республиканству, а не ограниченно-монархической демократии.

С учетом всего этого напрашивается вывод о том, что разделение труда, основанное на эффекте масштаба, не есть подлинная форма общественного развития, но перверсивная, поскольку помимо дурной бесконечности экспоненциального роста в действительности не ведет к приращению реального общественного блага, и представляет собой паразитарную форму общественного устройства, слабо адаптивную в глобальном масштабе (эффект колонии бактерий, дохнущей в собственных метаболитах в рамках "отдельно взятой" чашки Петри с ограниченным трофическим ресурсом).

О чем, собственно, речь?

Здесь автор считает нужным дать своему читателю набор конструктивных антитез, чтобы, когда идеи Талеба станут не только общим местом, но и мейнстримом, с ними не случилось того же самого, что в свое время случалось со многими мыслителями, не сразу осознанными, но поднятыми на щит: упрощения и некритичной оценки.

Я бы проявил неуважение к Нассиму Талебу, если бы, ознакомившись с его работой, не написал комментарий. Читатель, конечно, может сомневаться,

[84] Это же касается и присутствия в онлайновом "социальном софте", где отсутствует возможность "отрицательного лайка", то есть алгедонического выбора контента по отрицательному принципу.

но материал про этого него создавался, когда большая часть книги была уже написана. Тем интереснее сопоставлять близкое, когда есть некий собственный взгляд: это значит, что ты не одинок в своей попытке сберечь здравость в иррационализирующемся мире. Финансист и философ Нассим Талеб на сегодняшний день, пожалуй, является вторым после Олега Григорьева (и еще раньше – Р.Бакминстера Фуллера) по времени ученым, чьи концепции мне как науковеду особенно интересно рассматривать по той причине, что некоторые идеи этого человека, равно как некоторые идеи двоих прочих, удивительным образом комплементарно подходят к тем вещам, что мне удавалось артикулировать из анализа собственных интуиций задолго до знакомства с ними[85]. Обычно я не склонен забивать себе голову базой данных фамилий экспертов (это задача машины и этим одно время я также достаточно плотно занимался) – имена и фамилии у меня откладываются лишь в том случае, если представляют предмет удивления – совпадения либо системные расхождения с моими собственными взглядами, неожиданную аргументированную конструкцию или адекватный компонент встраивания в некоторое целостное представление о мире. Однако многократно упоминаемого Талебом математика Бенуа Мандельброта я помню со времен "очаковских" – не с тех даже пор, когда нам в университете давали курс новой космологии, и даже не из популяризаторской книжки М.Гарднера "От загадок Пенроуза к надежным шифрам", купленной мной на первом курсе, а еще раньше, когда в приобретенном на "Горбушке" диске "Супер DOS коллекция" я обнаружил программу Fractint, представляющую собой единый каталог-коллекцию построителей самых разных фракталов с возможностью менять условия формул. Помнится, еще там были аутентичные Tetris от А.Пажитнова и Life от Дж.Конуэя; будучи элементарной

[85] Философские основания неоекономики Олега Григорьева на к. 2016 года – судя по всему, если не считать марксовых идей, во многом связаны с идущим от московского методологического кружка деятельностным подходом к управлению, и той частью кибернетики жизнеспособных систем, что идет от рефлексии случайности, каскадности и не(прямо)линейности Н.Талеба. Если Щедровицкий-сын открыто критикуем Григорьевым как гегельянец, то Талеб, видимо, для него прекрасен, но лишь отчасти: по мнению Григорьева, пытаясь вырваться из лап теории, Талеб сам попал в ловушку теоретизирования, осуществляя "постмодернистскую игру". Для меня, кстати, Талеб также требует пристального внимания по целому ряду вопросов, однако я считаю, что вещи, имеющие отношение к живой природе как таковой, о коих вещает Талеб, имеют более фундаментальное значение, чем социально-экономические процессы, о которых вещает Григорьев и, кстати, могут спасать последние.

логической моделью самоорганизации, Life представляет собой интересное поле для изучения примитивных условий возникновения случайностей. Еще помнится, в те времена (а был это 1994 год) в ходу были трехдюймовые дискеты, одна из которых у меня была посвящена актуальной текучке, и ее том был озаглавлен "Миндальный хлеб" – в честь талебова (тогда я еще не знал, что его) учителя.

Весьма тонко и в соответствии с тем, что здесь также открыто заявляется, суждение Талеба о том, что скорее люди ищут книги, подкрепляющие придуманные идеи и теории, нежели наоборот, производят идеи из книг. Однако неверно отрицать и то, что для объяснения сходных тематических условий, поставляемых жизненным опытом, разные авторы находили у других блестящие идеи, соответствующие их собственным интуициям. Последнее, безусловно, трюизм, однако в нем едва ли стоит извиняться.

Нельзя сказать, что моя попытка поженить диалоговую неоекономику Григорьева с талебово-мандельбротовой самоподобной случайностью, категориями кибернетики жизнеспособных систем и синергетической геометрией Фуллера есть комбинация заимствованных идей; вряд ли понравившееся есть просто "заимствования" в случае, если некоторые вещи меня занимали с детства и едва ли не снились. Здесь имеет место то, что я в свое время назвал "смысловым аттарктором", создающим "смысловой кластер", Р.Шенк – контекстуальными зависимостями, некто древний обозначил это в максиме "подобное тянется к подобному", а сам Талеб предостерег от того, чтобы считать себя учеником Мандельброта, ибо, действительно, дружба возникает скорее вследствие взаимности интересов, нежели оказанности влияния. То же самое я могу сказать и о философии Талеба: мне он по нраву, поскольку я сам когда-то был причащен фрактальным делам и многим прочим вещам до того, как узнал об этом авторе и понял, что многое у меня идет в унисон с его идеями, что эти идеи проблеморешательны и что они достойны того, чтобы быть разбираемыми в тонкостях.

Мои мысли и тезисы очень сходны с талебовыми – так зачем же писать еще одну книгу? Ведь Талеб вроде все доходчиво и ясно изложил. Задавать такой вопрос – значит повторять ту же самую ошибку догматизма (как раз и

страшащегося внешнего мира), выраженную в словах одного древнеисламского фундаменталиста, так объяснявшего собственную практику сожжения всех, попадавшихся ему, книг, за исключением одной: "если они противоречат Корану – значит, вредны, а если соответствуют – значит, излишни". Железная логика, не придерешься! Непонятно только, зачем изучать язык, а также говорить и писать на нем – ведь, получается, вся жизнь во всем своем многообразии изложена в одной книге. Здесь – ошибка смешения сути и существенного. В случае же с Кораном имеем древнюю книгу о порядке бытия человека торгующего в мире, где верховодит Неведомое. Талеб хорош и весьма интересен в существенных нюансах собственных взглядов и, будучи противником ятрогении как сиволапого вмешательства в сложное, сам был бы противником того, что можно было бы назвать "автоятрогенией" – то есть явлением самоизоляции некоего учения или знания о чем-то от прочих, параллельных ему, живых представлений и форм, идущих в том же направлении; но не только таких, а идущих даже в направлении, преодолеваемом им или альтернативном – как в том случае, когда, объясняя причину казни Сократа словами Жирного Тони, он отдает должное методу греческого философа. "Черный лебедь" и "Антихрупкость" – важные подарки человечеству, и мы бы сослужили дарителю дурную службу, если бы восприняли их как нечто абсолютное, сферически-бытующее-в-вакууме. Здесь возникает много продуктивных выводов, ассоциаций, стыковок и нестыковок. В моем собственном нарративе нет отождествления божественного начала с феноменом самоорганизации, но есть понятие сверхрационального, ведущее к чему-то важному и конструктивно постигаемому, между Сциллой вульгарного рационализма и Харибдой иррационального мистицизма. Еще один мой тезис связан с тем, что человек способен проектировать и планировать в условиях такого, открытого, и даже неопределенного, мира, договариваясь (в определенном смысле) с его тонкими структурами, не впадая при этом в синергизм.

Возможен ли в принципе прогноз и как он возможен?

В рамках той же уточняющей позиции у меня несколько иной, нежели у Талеба, взгляд на прогноз и науку[86]. Он говорит о пагубности доверия к

[86] См. "Invectiva vs dissertatio..." в книге "Возможность управления".

бездумным прогнозам, и о том, что действия в соответствии с озвученным прогнозом могут быть опасны в последствиях (в данном случае вряд ли в этом опасении есть что-то большее, чем дюркгеймовские вещи, связанные с известным проявлением эффекта Гейзенберга в социальной среде помимо физической). Мне, как автору работоспособной герменевтической методики качественных прогнозов на основе потока отраслевых новостей, позволившей, в частности, с удивительной для меня самого точностью описания предсказать условия появления на рынке сотовой связи модульного телефона (самого настоящего "черного лебедя" в смысле Талеба для многих игроков этого рынка), ровно через год воплощенного израильской компанией Modu, впоследствии оказавшегося мертворожденным и также понятого мной в причинах этой мертворожденности, а также как исследователю общих социальных аспектов научной деятельности, считающему прогноз естественной, здоровой и развиваемой когнитивной способностью не только человека, но и животных, больше пристало вести речь о пагубности выхолащивания прогнозов (вследствие боязни их последствий) из системы научного производства – прежде всего, из системы производства знаний критериальной наукой, свидетельствующей о процессе собственной деградации и фактическом лишении себя подлинного и ответственного критерия оценки собственной эффективности. Что же касается бездумных прогнозов, равно как прочих ошибок рассудка и мышления, то, конечно, нельзя не согласиться с трюизмом об их пагубности. В этом смысле ошибочными являются также иные заявления О.В.Григорьева (который нередко упоминает "черных лебедей", когда говорит о случайных факторах возникновения капитализма[87]) о необходимости переключения научного мышления на индуктивизм и отказ от обобщений, ибо здесь игнорируется не только все то продуктивное, что была сказано Поппером (последователем которого считает себя Талеб) в рамках критики индуктивизма, но и то, что квантификация, обобщение и ограничение понятий, равно как дедукция и индукция (или, если угодно, "правдоподобная рассудочность") также являются естественными когнитивными способностями человека – иное

[87] Верен тезис Талеба и о том, что в жизни мы не знаем правил; но ведь они там есть и действуют, а "незнание закона не освобождает от ответственности" (а если это закон жизни, то и ответственность экзистенциальная). Потому, наверное, экономист Григорьев любит повторять, что капитализм честен, но не справедлив.

дело, что их неуместное или неправильное употребление не должно быть поводом принципиального отказа от их использования, равно как гильотина все-таки не лучшее средство от головной боли. В одном выступлении Талеб критикует излишнюю веру в науку, неспособную работать с комплексностью, и прочие немощи вроде неопределенности разума и сознания (в действительности – способную, но не в текущей версии своего парадигмального существования), и говорит о преимуществах религиозного постижения, тогда как в рамках презентации своей книги «Прокрустово ложе» предостерегает от прогнозов, апеллируя к этимологическому единству понятий прогноза и пророчества (лично для меня давно известному, но не умаляющему ценность прогностической или, если угодно, пророческой, деятельности; понятие "научное пророчество" – давно известная идиома, хотя и несколько позабытая в силу демассовизации ценности самой научной деятельности) – видимо, акцентируя неприятие "мистико-религиозной" категории пророчества среди "позитивно-научной" части своих слушателей. В целом, здесь его позиция понятна и приемлема, однако заметно требует уточнений и оговорок в тех местах, где, как это обычно бывает, впоследствии обнаруживается отсутствие противоречий. И уж точно не имею никаких с ним расхождений по поводу того, что не стоит плыть в общем потоке за любой массовизированной или эмоционализированной конструкцией какого бы то ни было авторитета, будь то теория, прогноз, гипотеза или что еще; равно как не имею никаких возражений по поводу отмечаемых Талебом нарративных, игровых и ретроспективных ошибок.

В рамках того, о чем говорит Талеб, а также того, что мне самому известно из практики прогностической деятельности (которая, как показывает мое раннее рассмотрение, оказывается дополнительной или составной частью проектной деятельности и необходимой для перехода от аврального режима существования фирмы к регулярному), в ней оказывается весьма значимой роль интуиции, взятой как "быстрая логика", использующая большой объем удерживаемых одним сознанием регулярно обновляемых в новостном потоке посылок "немусорного" характера, идентифицируемых как маркеры определенных процессов и явлений и встраиваемых в познавательный контекст некой целостной картины, формируемой со временем по ходу

исследований. "Маркерный" подход к посылкам соответствует так называемой "когерентностной концепции достоверности", основанной на взаимном подтверждении сообщений (например, новостных текстовых медиатрансляций) и восходящей к конвенционализму Пуанкаре, но примененному к "потоковым содержаниям". При этом обнаруживает себя та вещь, которую я не увидел у Талеба – а именно, виртуалистический момент прогнозной деятельности, связанный с принципом развертывания из точки некоторого локального мира, уже присутствующего, как сама эта точка, в определенном месте мира большей масштабности, в некоторых случаях и на определенном этапе своего развития оказывающегося способным влиять на процессы не только данной, но даже еще большей, масштабности. Именно виртуалистический аспект случайности, с одной стороны, соединяет прогноз с проектированием, а с другой – оказывается способен разрулить те нестыковки и путаницу, что заметны в различных выступлениях Талеба (особенно же целый класс приводимых им примеров, которые я бы охарактеризовал не иначе, как "полуудачные"[88]). Дело в том, что всякая отраслевая или предметная новость, с одной стороны, может быть рассмотрена с точки зрения межпредметного взаимодействия, с другой стороны – как событийная точечная флуктуация, к которой, однако, может быть приложена не онтологическая предпосылка ожидания некоего "черного лебедя", но связанный с уточняемым познавательным контекстом вопрос о том, какие вещи могут (если могут в принципе) произойти из данной точки, с учетом того, как она вписана в динамический контекст текущих предметно-событийных доминант, оцениваемый как целостное трендовое пространство, и какие условия или компоненты этого контекста в принципе могут стать триггером к реализации возможностей, предполагаемых, заложенных или "свернутых" в рамках данной точечной актуализации. Когда мы рассуждаем в таких понятиях (предметно восходящих к экстремальной психологии супругов Носовых), то по крайней

[88] Талеб разделяет всякие расхожие в СМИ заблуждения – вроде того, что сейсмостойкие башни ВТЦ 11.09.2001 в Нью-Йорке уничтожили самолетами террористы с Арабского Востока, а не "кто-то" в результате промышленного подрыва, свидетельств чему полно на открытых видеозаписях и во множестве экспертных комментариев. Эти заблуждения отчасти простительны в связи с тем, к чему они прилагаются в качестве примеров – но, опять же, отчасти, поскольку иной взгляд на природу упоминаемых им происшествий значительно осветляет такого рода "черных лебедей". Есть и другие примеры такого рода неоднозначностей (вроде идущего далее случая с ураганом в Новом Орлеане и спецификой деятельности FEMA в этой ситуации), однако у меня нет желания рассматривать их подробно.

мере некоторые черные лебеди становятся светлее. Именно поэтому я уделяю внимание теме массовых коммуникаций и тому продуктивному, что можно получить из этой, сформировавшейся в эпоху модерна, отрасли в условиях формирования нового мира. Вопреки тому, что говорит Талеб по поводу очевидной пагубы ее массовизирующего эффекта, именно она представляет собой наиболее плотное сочетание сферы расхожего со сферой неупоминаемого, где оказывается возможным наиболее отчетливое обнаружение зон возникновения "черных лебедей".

Распространяя кестлеровское понятие творчества на внешний мир, и предполагая у этого мира наличие некой творческой способности в таком смысле, можно сказать, что формирование и оценка ожиданий столкновения разнородного во внешнем мире (за рамками самого наблюдателя – условно творческой личности) должны составлять качественную суть прогноза черных лебедей. Потому возникает задача и, одновременно, проблема формирования познавательного контекста таких широты и общности, которые позволили бы охватить интерпретацией математического ожидания весьма разнесенные по взаимным весам и малые по общеконтекстному весу компоненты семантической сети. В связи с чем, в свою очередь, возникает задача и, одновременно, проблема формирования дескриптивного формирования такой сети на принципах достаточности описания предметной динамики. Об этих вещах, только иными словами, также ведет речь Талеб в своем "Лебеде".

С другой стороны, в рамках его разговора оказывается значимой категория инсайта, возникающего в рамках работы по "интуитивно-маркерно-контекстной" методологии, представляющей собой своего рода антихрупкость познавательного процесса, осуществляемого в режиме самообучения[89]. Это именно так, поскольку в рамках такой регулярной

[89] Маркерный подход к исследованиям трендов на пару с когерентностной предпосылкой достоверности и определением "информационных лакун", или зон недосказанности, соответствует тому, о чем говорит Талеб применительно к "проблеме скрытых свидетельств": "*однажды переварив идею скрытых свидетельств, начинаешь видеть множество вещей, до сих пор остававшихся в тени*". Также можно сказать, что это понятие есть широкий аспект того, что в сфере "data mining" также известно под именем "интент-анализ", или исследования неявных сущностей. Когда я говорил о способности работать с этими вещами некоторым из своих потенциальных работодателей, они поначалу были страшно заинтересованы, а когда я пытался объяснить им "метод" такой работы, о котором они меня спрашивали, они, узнав его, приходили в замешательство и отказывали мне в должности, хотя их вопрос был задан из "Среднестана", тогда как мой ответ был, скорее, не из "Крайнестана", но из пограничной области (ибо это, как всякий вопрос и связанная с ним проектная деятельность, есть сфера портальной, или пограничной, онтологии).

работы мне приходилось еженедельно писать некие содержательные тексты, основное требование к которым состояло в том, чтобы не избегать трюизмов, банальностей и повторов новостного текста, но представлять некую выводную информацию, дополнительную не только к тому, что содержалась в текущей недельной массе новостного потока, но также и к той, что уже была получена мною выводным образом ранее, в предшествующих обзорах. Постепенно критическая масса полученных самостоятельных сведений накапливалась, формируя довольно целостную не модель даже, но картину предметной области, в рамках которой оказывалось возможным с одного взгляда идентифицировать принадлежность новости к тому или иному отраслевому процессу или конъюнктурной ситуации. Конечно, можно сказать, что, к примеру, сделанный мной качественный прогноз модульной сотовой трубки стал неожиданным "черным лебедем", однако здесь, на мой взгляд, более важно то, как систематическое накопление критической массы наработок способно привести к инсайту, который, конечно, является чем-то большим, нежели выводом, полученным по правилам "линейной логики" ("черным лебедем" в некотором смысле стала для меня сама работоспособность качественного прогноза по открытым источникам, но я бы не назвал ее полностью неожиданной). Собственно, "черные лебеди" и есть ничто иное, как онтические инсайты, создаваемые в системе природных и социоприродных доминирующих факторов – подобно тому, как инсайты человеческого сознания создаются в системе семантических доминант, или в семсети, или в актуальной конфигурации культурных акцентов. Именно это значит, что есть возможность ожидать, хотя отнюдь не всегда знать с абсолютной точностью, места их расположения. Соответственно, подобные друг другу инсайты (схожие "черные лебеди") возникают в единой семсети, примером чему служит все тот же металлорежущий токарный станок, история которого обращается в течение одного столетия в определенном европейском локусе между Вулиджем, токарней Петра Великого, Тульскими заводами и снова Вулиджем; вопрос о случайности возникновения этой машины упирается в масштаб событийного рассмотрения ряда подробностей, касающихся общества, внечеловеческой среды, социопсихофизиологической судьбы

Увы, у меня тогда не было этих, все более уверенно становящихся общим местом среди просвещенной части делового мира, талебовых понятий, на которые я мог бы сослаться.

отдельных людей (например, Нартова и Модсли), а также системности этих сред, открытость которых позволяет говорить об их сетевой конфигурации, а значит, частично, но достоверно, применять автоматизированные исследовательские машины, и частично, но достоверно, осуществлять прогнозную деятельность. Вместе с тем, говоря о ценности идей Талеба, можно поставить кантовский вопрос с оксюморичной предпосылкой: "как возможно спрогнозировать флуктуацию"? Здесь, собственно, и возникает переход к его идеям "антиустойчивости", а также, с учетом сказанного, к тем, обозначенным им, системным признакам, которые обнаруживают ее в этих "сетевых системах".

***

Имеет смысл далее рассмотреть некоторые из тех идей, о которых Талеб ведет речь в "Черном лебеде", в том числе на моих собственных примерах. Акцент на том, "чего вы не знаете", соответствует моему понятию "информационных лакун", введенному в качестве рабочего в рамках выполняемой ручным способом прикладной OSINT работы, для выхода за рамки того новостного потока, что актуализирует конкретикой содержания восприятие реципиента и забивает его внимание. Однако выход на такие лакуны осуществляется не сразу, но только спустя какое-то время, по мере формирования познавательного контекста на основе организованных итераций вопрошания. Когда контекст сформирован, рассуждение ведется по схеме до боли знакомых модусов условно-категорических силлогизмов в секвенциальном виде, а главный вопрос, в котором они применяются и который актуализируется относительно данного пакета новостных посылок, имеет форму "О чем здесь не сказано?". Несмотря на простоту всего этого, регулярная работа таким образом связана с постоянным преодолением неопределенности (а значит, недоинформированности) как таковой, выступающей полем "множества неизвестного" этого вопроса в его явной предпосылке (тогда как неявная классически представлена онтологической гипотезой, связанной с наработанным познавательным контекстом) и, будучи предметом регулярных упражнений в предметных событиях, создает у исследователя оных познавательную антихрупкость в смысле Талеба (более подробно о предметно-онтологических и методических аспектах

такой работы, связанной с исследованием медиа-трансляций, идет речь в моих материалах, касающихся проектной антропологии).

Что касается упоминаемого далее Талебом предсказания аномалий, то таковой как раз и являлся модульный телефон израильского стартапа. Однако эта аномалия была трансцендирующим выходом за рамки текущих установлений ("истеблишмента разделения труда", если угодно), однако, при погруженности в тему, ожидаемо получаемая как закономерная возможность в условиях и задачах немонопольного распределения прибыли контент- и сервис-провайдеров и экономии затрат конечного потребителя услуг связи. На некотором этапе развития рынка такое решение стало логичным; кроме того, хотя оно и выходило за рамки сегмента мобильных компьютеров, в плане дизайна фактически являлось кестлеровской экстраполяцией модульного принципа устройства стационарных ПК в сферу мобильных решений. При этом, конечно, проект Modu был экспериментом – удачным как идея интегрированного дизайна, но неудачным с точки зрения интересов крупных транснациональных игроков, готовивших выход i-Phone и Android под аккомпанемент патентной "борьбы нанайских бульдогов под ковром".

О предсказании технологий и технике предсказаний

Корректное прогнозирование никогда не есть "знание будущего", если оно желает оставаться в логико-аргументном поле; таковое есть оценка перспектив трендов как направленных, или интендированных, процессов, в которых собственно интенция есть, гуссерлиански, не исходное понятие, но исходная проблема, с исследованием из завершающих этапов (результатов) и факторов, способных повлиять на их прерывание. В "крайнестановом" состоянии процессы прерываются очень часто, и трудно определить отношение влияния-восприятия, а значит – отношение на-следования. Но даже Крайнестан не исключает полностью возможность прогноза по трендам, поскольку именно интенция преодолевает хаотические флуктуации неопределенности, не растрачиваясь на реагирование по сторонам, и поскольку сам хаос имеет различные, и даже типологизируемые, состояния – а значит, всегда уместен вопрос о динамике этих состояний и степени их типичности. Собственно, разница между Среднестаном и Крайнестаном, начиная со второй половины "Лебедя", объясняется разницей между

гауссовым и мандельбротовым представлениями о случайности, когда Талеб рассуждает о границах применимости первой и эвристической ценности второй[90].

Вообще тема соотношения черных лебедей как черных событийных ящиков в историческом процессе, и собственно категории процесса как системы – особая[91]. Ведь первичный для делового веберовского человека процесс – производственный (массовизированный дизайнерский), исключающий обращение внимания на привходящие внешние факторы и... одновременно требующий их учета, но в условиях талебовой рекомендации ограничения входящего новостного потока. Такой процесс – точно система, и при ее создании дерзающий ее создать игнорирует массу сомнений насчет возможных факторов риска. Да, согласно Талебу, мы привыкли "туннелировать", но по нему же мы без этого туннелирования не можем идти к целям и достигать их, воспринимая внешнюю неподконтрольную нам системность как хаос (антропологический эквивалент этого я бы назвал бытием "человеком-ракетой").

Черный лебедь как событие-ящик для значимого кому-то процесса (например, еще раз, производственного) может быть интерпретирован в понятиях Э.Голдрата как ожидание "узкого места" этого процесса. Оправдано ли в таком случае производственное разруливание "узких мест" в тех случаях, когда предприятие или фирма попадает в Крайнестан, или стоит все пустить на волю случая? Дело не только в том, что где тонко, там и рвется (или образуется системоразмерная трещина в делезовском смысле) по внутренним причинам, но и в том, что это место, как правило, оказывается слабым одновременно для эндогенных и экзогенных факторов.

Когда мир растягивается, внутримирные материи оказываются способными быть тонкими. И это та системность, с которой, однако, вполне возможно взаимодействовать, ибо в человеческом существе механизм "малых перцепций" оказался обнаруживаем уже на уровне элементарных догадок – закрытый от нас, опять же, приличной "засветкой" психоаналитической

[90] Помнится, в 1990-х Мандельброт и фракталы были весьма обсуждаемой темой на кафедре методологии моего факультета, и весьма вдохновляли деяния в сфере разработки и применения компьютерных программ визуализации ландшафтов; ну и соответствующего вычисления случайностей тоже. Лейбниц в этом контексте тогда упоминался нередко.

[91] Процесс как систему в научном обиходе всерьез стали мыслить где-то с 1960-х годов.

фрейдоисточниковой лингвистики. И этот вопрос существует помимо критикуемого Талебом интеллигентского вопроса о (по его мнению – мнимой) демаркируемости детерминированного и абсолютного видов хаоса. Между тем , взаимодействие с миром преимущественно растянутого и тонкого означает просто встроенность в бо̀льшую сло жность, не требующую ни вечности, ни экспансивности такой встроенности; и такое объяснение мира прекрасно объясняет дистантность взаимодействия, столь непонятную критикам теории тяготения Ньютона. И в смысле этого же мира "черные лебеди" (по крайней мере, значительная их доля) вполне могут оказаться не иначе, как проявлением тонких связей. И, конечно, все это не только не опровергает ценность неопределенности, но напротив, дополняет ее особым позитивным содержанием.

Крайнестан повышает вероятность бытия узким местом для все большего числа этапов процесса (в пределе – для всех), однако степень не подверженности какого-либо подмножества этих этапов такому бытию определяет степень хаотичности и соответствующих матожиданий для конкретного процесса, который, в свою очередь, может быть истолкован как последовательность оставления следов (запечатлений) – с одной стороны, и как организованный virtus – с другой (субституируемый иной раз тимбилдингами и прочей ахинеей вполне по Л.Питеру в случаях, когда в авральных иерархиях оказывается невозможным создать аутентичный производственно-управленческий процесс). Между тем, прерванный процесс может быть истолкован как недореализованный virtus[92]; однако при этом оставленные в ходе такой реализации следы оказываются ступеньками лесенки, ведущей в сторону такой реализации, и означают потенциальную возможность возобновления или завершения процесса в прямом или превращенном видах.

По поводу некоторых технологий, о которых Талеб говорит как о непредсказуемо возникших, можно поспорить. Таковыми он называет компьютер, интернет и лазер. При всей своей эрудиции Талеб – не трендхантер и не историк техники. Наверняка можно было бы согласиться

[92] Онтологическое рассмотрение прерванных процессов было темой научной работы моего доброго друга и ученого секретаря Российского Философского Общества Андрея Королева, тогда как философские и философско-психологические вопросы виртуалистики занимают заметное общее место среди предметов интереса сотрудников Института Философии РАН.

насчет лазера (если, конечно, не слишком увлекаться истолкованием древнеиндийских трактатов), а вот что касается компьютера и коммуникационной сети согласиться не могу: взрывообразному росту некоторой технологии в качестве востребованной инновации, который мы имеем в случае отрасли ИКТ, предшествовала многовековая работа глобального социума, воплотившаяся в то компьютерное, что мы имеем сегодня. Идея сети глобальной связи была высказана Николой Тесла, а начало ее воплощения, весьма совпадая с графиками периодов технологического развития Фуллера, приходится на 1970-1980 гг. Астролябии и армиллярные сферы использовались как вычислительные машины арабами, воспринявшими Александрию, воспринявшей технологические диковинки Востока, корни которых теряются в глубине тысячелетий. Далее – машина Луллия, далее – идеи Паскаля и Лейбница, далее – Бэббиджа и еще один пример фуллеровой экспозиции идеи в обществе до того, как она получила полноценное технологическое воплощение (задолго до того, как Фуллер появился на свет). Далее – альтернатива развития кибернетики 1970-х годов с идеей круглых ситуационно-экспертных комнат и выбор акцента на торгово-финансовой задаче использования компьютеров как ключевой, на пару с персонализацией вычислительных машин – подобно тому, как ранее была осуществлена персонализация машин наземного передвижения – автомобилей; причем произошло это в рамках вполне понятной логики приверженности "невидимой руке рынка" в рамках получивших в то время бурное развитие общенаучных околосинергетических идей самоорганизации с учетом ценности постпротестантского среднеклассового индивидуалистического потребления. Конечно, здесь Талеб может вполне логичным образом обвинить меня в той самой ошибке ретроспективной рационализации Истории, о которой он пишет как об ошибке. Однако для чего еще понимать Историю (даже если она мыслится не более, чем как археология), как не для избавления от черноты лебедей?[93] Талеб сам прибегает к историческим экскурсам, и не беда, если мой экскурс оказывается длиной в несколько тысячелетий. Для того, кто копает какую-либо тему с достаточным вниманием и усердием, черных лебедей в ней становится все меньше. Компьютер – не часть "генерального плана", а следствие специфической логики вещей, в которой, безусловно, играет роль

[93] Тривиальности ницшеанских пользы и вреда истории для жизни опустим.

фактор случайности и непредсказуемости. Но это уже вопрос знаний о том, где эта логика и в чем она состоит, а также – о том, где именно здесь непредсказуемость[94]. Для меня в свое время "черным лебедем" стала не сама возможность модульного телефона, а то, что весьма кабинетно и приватно предсказанная мной возможность его появления с высокой точностью реализовалась ровно через год где-то в мире; то есть для меня "черным лебедем" стала оправданность собственного прогноза некоторой возможности, но не было никаких сомнений в аргументированности и логичности возникновения этой возможности; самое интересное, что это был прогноз в самом сердце процесса "все возрастающего усложнения мира". Попперов же "эдипов эффект" вроде того, что-де читавший (если читавший) мою аналитическую записку с прогнозом руководитель компании, где я работал, воспринял такую технологическую идею и поделился ею с коллегами-вендорами из маленького стартапа а далеком Израиле, я отрицаю как маловероятный (хотя возможно, что я не прав). Значимым же черным лебедем для рынка того времени (прогноз был сделан в 2006 году) стало появление сенсорного моб-коппьютера i-Phone от Apple, но и здесь мы можем вести речь о мейнстриме технологических гигантов, основывающихся на "пленочных технологиях" разработки где-то еще 1960-х годов, и также, как прочие технологии, прошедших этап социально-экономического экспонирования. Для меня на тот момент также не стал неожиданностью акцент гигантов на полностью сенсорном интерфейсе, обратной стороной которого я считал (и до сих пор считаю) тактильные мультимедиа, не ставшие, однако, пока что широкой инноватикой. Некоторой, позже осознанной, новостью, для меня стало то, что широкие продажи сенсорного мобильника закроют возможности модульного телефона – более демократичного для низовых участников рынка и технологически более прозрачного, а также выгодного для пользователя по цене. Но это было именно потому, что в то время, когда оказалось возможным делать такие качественные прогнозы, у меня было слабое представление о связи технологических альтернатив с системами разделения труда.

В данном случае пример с компьютерами, возможно, оказался просто неудачным, однако с другой стороны именно он является показательным в

[94] Самый главный такой фактор, наверное – сам капитализм, как григорьевско-талебовская аномалия.

смысле, касающемся несколько иного аспекта природы черных лебедей: от нашего взора может скрываться потенциал тех форм мировосприятия, что как таковые известны, но не являются мейнстримом или доминантой прикладных решений – порою невероятно удивительных и, как всегда в случаях чего-то известного, чему долгое время не уделялось должного внимания – неожиданных. Талеб критикует Платона, но ничего не говорит про пифагореизм, которому тот во многом наследует: может, просто Платон и классики специфическим образом восприняли учение этой странной школы, взяв из нее одно и проигнорировав другое, слишком увлекшись абстракциями, на сегодняшний дефицит которых так сетует Талеб? Этот вопрос – не риторический, и для всестороннего отрезвления отношения к платонизму, пожалуй, предстоит провести не меньшую работу, чем ту, что в свое время провел Поппер. При всех тех вещах, которые отражают холистичное мировосприятие и то, что можно было бы назвать технологическим гуманизмом, и прежние, и более близкие к современности, пифагорейцы оказываются какими-то гонимыми и недопонятыми – во всяком случае, современные проявления того, что можно было бы назвать пифагореизмом, странным образом сочетающим натурализм (не будем использовать такие слова, как "физика" или "натурфилософия") с неким набором моральных установок, современное "постновоевропейское" естествознание воспринимает как нечто одиозное, граничащее с шарлатанством, хотя втайне признает, и даже, вдохновляясь, тайком кое-что заимствует. И то, что только что сказано, совершенно не исключает сделанное в связи с "компьютерным примером" резюме Талеба: да, мир намного сложнее, чем нам представляется, и наши пророчества выглядят чудовищно жалкими. Но только поначалу, когда они, согласно ему же, поверхностны. Поверхность – вообще отдельная и весьма интересная тема в современной постмодернистской логике смысла – это притяжательная мембрана сущего, его референция: так, в условиях земной атмосферы мы никогда не соприкасаемся с алюминием, но всегда с его оксидом, и всегда предполагаем, что при этом прикасаемся к чему-то внутри себя алюминиевому. Когда поверхность не выражает ничего, кроме себя самой, мы называем это симуляцией, хотя также знаем, что именно она есть одна из лучших форм мимикрии, или сокрытия сущего. Поверхностное пророчество есть ничто иное, как сокрытие неспособности контролировать ситуацию,

осуществляемое, как правило, в тех случаях, когда пытаются сохранить ценный общественный статус-кво, обеспечиваемый до того как раз верой окружающих в большие пророческие способности предсказателя.

Моя прогностическая методология работы со "смысловыми аттракторами", широкими и общими контекстами[95] на начальном периоде работы совершенно не предполагает прогноз как таковой – способность к нему возникает в процессе системной работы – для случая рынка ИКТ возможность осторожных предположений о будущем возникла где-то через два месяца после ее начала. При этом, по мере накопления новостной и аналитической информации, и получения на ее основе первичных выводов, я не даю оценку достоверности своих "знаний" относительно вероятности происходящего события (как то упоминается Талебом в примере с экспериментом Майкла Альберта и Говарда Райффа): само описываемое событие дано мне в рамках когерентностной презумпции достоверности на-гора, и дальше все, что касается какой-либо "веро-ятности" или "у-веренности", относится к сумме (вернее, к целостности) моих собственных когнитивных способностей выявлять возможности в связи с имеющимися данными, входящими в текущий фокус на той или иной области уже сформированного познавательного контекста[96]: ничего иного мне здесь не было дано, и я сразу исходил из предпосылки о потенциальной ошибочности своих построений и возможной необходимости их поменять (и порой это приходилось делать по мере того, как картина отрасли дополнялась новыми обстоятельствами, некоторые из которых стали известны или понятны спустя значительное время после того, как я прекратил такого рода прогностические исследования); здесь просто не было вопроса об "уверенности" или "допуске ошибки", поскольку не было ситуации угадывания, о чем по сути ведет речь Талеб, описывая ситуацию с

[95] Я различаю широту и общность контекстов: в первом случае речь идет о мощности множества объектов, присутствующих в некоторой событийной структуре, во втором – возможность усмотрения событийной структуры одного набора объектов в наборе других объектов. Это позволяет сразу обозначить места ожидания информационных лакун в новой ситуации и ставить вопрос насчет обоснованности таких ожиданий. Примером общности событийного контекста служит отмеченный процесс экспонирования технологической идеи в социуме и связанный с ним вопрос о подобии случаев такого процесса в Истории.

[96] Ничуть не буду возражать, если кто-либо здесь усмотрит элементы схоластического концептуализма, восходящего к умеренной позиции Абеляра, который я назвал бы самым ранним вариантом "диалогизма" именно в развиваемом мною самим смысле; слово "диалектика" здесь смотрится не совсем уместно, несмотря на то, что Абеляр, безусловно, считается схоластическим диалектиком: речь идет о "частичном открывании" другому как своего рода умеренной коммуникативной позиции, поскольку в здоровой коммуникации (прежде всего, деловой) допускается к открытию не все возможное, но лишь нужное.

экспериментом отмеченных ученых, однако было немало воображения и кестлеровского "столкновения разнородного". И да – это, что бы он ни говорил насчет "игрового обучения", разновидность игрового процесса разгадывания загадок (или, вернее, обнаружения "интенсиональных новинок") – тем эта кабинетная деятельность, требующая большой усидчивости и внимания, и представляет интерес, а наибольший интерес представляла именно ситуация "я не знаю ответа", и эта ситуация, опять же, была именно игровой. Только это разгадывание загадок происходит скорее не в направлении получения остатков, чем занимался ~~полковник~~ доктор Хаус на своих дифдиагнозах[97], а в направлении отслеживания сопутствующих изменений, поскольку задача оценить ситуацию (поставить диагноз) здесь была промежуточной, а главной была оценка направления протекания процесса: понятно, что "все" двигалось в сторону пресловутой конвергенции коммуникаций, но вот ее конкретика и очередность с учетом ожидания так называемых "killer applications" (разумеется, эти ожидания не могли быть "математическими") как раз и представляли интерес. И те объекты и аспекты познавательного контекста, что сохранялись в тени, не попадая в поле освещаемых изменений, становились очередными информационными лакунами в уже наработанной (и постоянной обновляемой) системе тематических доминант.

Когда в 2007 году я написал очередную справку с предположением о таком девайсе[98], сам я считал гипотезу слишком смелой, и мое собственное впечатление от изложенного было двойственным – с одной стороны, я сам себе скептически говорил: "ничего себе выпендреж "трансцендентальной способности воображения!"; с другой стороны, тут же возникал аргумент, что это был результат своеобразной игры факторов, ассоциаций, предшествующих гипотез и целого хаоса таких же справок, систематизирующих связь отраслевых нарративов, и вроде бы все закономерно. При этом нужно сказать, что с определенного момента погруженности в тему еженедельную оценку ситуации в отрасли я вел, уже не читая брифы, не говоря про полнотексты дайджеста, а только

[97] Когда я занимался этими вещами, одноименный сериал широко обсуждался на лентах профиля ИКТ и new media.

[98] http://dalekseev.ru/sites/default/files/attachments/portfolio/ezhenedelnik_2007.03.05-16.pdf (активно на 2016 г.).

просматривая список заголовков, отмечая и более подробно просматривая те из них, что так или иначе соответствовали какой-то сюжетной новизне или комплементарно подходили к рассматривавшимся ранее темам. То есть я не тратился на ознакомление с той самой избыточной, а потому шумовой, информацией новостного потока, пагубность которой отмечает Талеб, однако все полнотексты и дайджесты неизменно имелись в коллекции со ссылками в качестве библиографических аргументов. Последнее особенно важно в смысле проблемы "нечитанной части библиотеки Умберто Эко", которую он многократно обрисовывает в "Черном лебеде". А потому, резюмируя этот момент, могу сказать, что данная проблема имеет разрешение в особой культуре и порядке работы с информацией (не говоря про то, что в своем лингвистическом аспекте это есть старая добрая ницшеанская проблема пользы и вреда истории для жизни). И я вообще не использовал какую-либо апелляцию к цифрам в смысле "точности прогноза", но вовсю использовал обороты "возможно" и "не исключено", поскольку именно актуализация возможного в сфере воображаемого и обсуждаемого (на открытых профильных площадках) как раз и оказывалась условием инсайтов, шедших далее в разработку, и предвосхищалась относительно имеющейся конъюнктурной картины по местам тематических ослаблений или провалов. Хотя, безусловно, "подлинные черные лебеди" находились за отраслевой сферой, ожидания от этой "области трансцендентального" (а более удачного названия среды обитания этих птиц я не знаю), наиболее продуктивные и свежие гипотезы у меня (и, как явствует из наблюдений в ходе этой работы – не только у меня) возникали как раз в местах тематических выходов за отраслевые рамки. Ценность прогноза, как бы кому это ни показалось странным – не в его точности (в смысле точности наступления какого-либо события, рассматриваемого в рамках числовой по сути теории вероятности), а в реалистичности предпринимаемого на его основе (или, лучше сказать, с его помощью) проекта или вообще осознанного действия, которое может оказаться для очень многих людей случайным, неожиданным и непредсказуемым. Именно поэтому для меня более важен и ценен качественный прогноз, и важной новостью здесь будет то, что, собственно, событие "черного лебедя" носит качественный характер по самой своей сути: Среднестан – мир экстенсивных денотатов (и, соответственно, описывающих их языковых контекстов), Крайнестан – мир

интенсивных. Между тем, Талеб зачем-то постоянно обращается к психологистическим примерам-издевкам, требующим от испытуемых дать численную характеристику вероятности наступления какого-то события. И здесь важным наблюдением оказывается даже не только то, что прогностические способности "экспертов-корифеев" оказываются мало отличны или даже хуже, чем у студентов или "водителей авто", но то, что сами корифеи ведутся на провокацию такой задачи, содержащей подвох в своей неявной предпосылке; это, собственно, близко тому, о чем ведет речь Талеб в параграфе "Жирный Тони", когда говорит о моделях оценки ситуации "эмпириком-делягой" и "платонистическим нердом-отличником". Реальное прогнозирование – это о другом, но это также не значит, что оно может быть сведено к эмпирике повседневного "жизненного опыта" – подобно тому, как наука логика не сводится к натуральному выводу.

Кстати, первым моим удачным прогнозом, который, равно как прочие, касавшиеся не того, "что произойдет на рынке", а того, "о чем будут говорить" (поскольку ничего, кроме потока новостных сообщений, мне не было дано), стало выявление темы проникновения технологий прямого доступа к Интернету в систему мобильной телефонии (в августе и сентябре 2004 года она еще не была мейнстримом). Когда же эту тематическую дамбу прорвало где-то в течение полгода и об этом стали говорить все чаще и на профильных лентах, и в офисе, доказать прогностическую ценность своей работы по этому конкретному случаю кому-либо из коллег было трудно: ведь речь шла о чем-то уже столь очевидном, что вроде бы и раньше тоже было очевидным. Эта глобальная тема, однако, несмотря на первоначальный технологический оптимизм многочисленных комментаторов, быстро сошла на нет, упершись в проблему доходов от прямого VoIP (тогда еще демократичного, некоммерциализированного и исправно работающего) транспортников сигнала – операторов сотовой связи, забиравших в то время себе от 30% до 50% выручки контент- и сервис-провайдеров.

***

Особо интересен отмеченный Талебом феномен серендипити (serendipity) от писателя Хораса Уолпола: обнаружение или открытие чего-либо такого полезного, что целенаправленно не искали. Но дело в том, что такие параллельные (или, вернее сказать, внезапные) открытия совершаются

тогда, когда ищется что-то иное, и ставится некий вопрос – первоначальный либо достаточно общий в своей предпосылке, для примерного определения целостности предмета поисков, который впоследствии либо ограничивается по принципу глубинного интервью, либо меняется в своей предпосылке в зависимости от получаемого ответа и порядка релевантизации его вопросу. Талебово-уолполовы серендипити оказываются именно такими неожиданными ответами, меняющими явную (а иногда и неявную) предпосылку вопроса. Однако такое серендипити, чаще встречающееся при поиске чего-то основного, и составляет суть того, что более обычно именуется как "синергийный эффект", когда критическая масса деятельности открывает новые деятельностные же направления и возможности.

С некоторыми примерами Талеба на сей счет трудно согласиться – например, в случае с Дарвиным (действительно, до него уже существовали эволюционистские концепции), но в большинстве примеров он прав. Бесспорен талебов тезис о том, что, помимо мастерства, успех чего-либо как "лучшего" могут обеспечить и случайные результаты, и неожиданные ситуации. Однако я бы не сказал, что, утверждая, будто продукт Microsoft, как менее удачная программа, завоевал мир благодаря "счастливой случайности", против более удачных продуктов Apple, Талеб был достаточно погружен в тему ИКТ, не будучи при этом ангажирован собственной идеей "неопределенности": ведь помимо чисто биржевого процесса, обусловленные, как показывают свежайшие интуиции, иррациональными движениями массовых ожиданий и фобий, существует собственно уровень внутриотраслевых транзакций доверия, завязанных на представление о дозволенном для образов изобретателя и предпринимателя в месте их пересечения.

Важен и тезис его о том, что инженеры создают технические новинки из любви к процессу изобретательства, а не ради познания тайн природы, и что просвещению часто способствует то в технике, что изначально создавалось как игрушка или курьез, но не как целенаправленный инструмент; важна и следующая его фраза: "*часто одно только знание об изобретении порождает целый ряд схожих изобретений, хотя никакие детали исследования не разглашались*". Знание, что решение существует – уже огромный шаг к решению. По Талебу, наличие информации о

принципиальной решаемости задачи означает принципиальную возможность следующих из нее технологических реализаций. Фактически это означает ничто иное, как обратную сторону (точнее, конкретизацию) феномена, который может быть назван "тезис Джеймса" (по аналогии с "тезисом Пирса"), сводящегося к утверждению о том, что декларация возможности чего-то означает ненулевую вероятность этого чего-то.

Сущностная проблема прогноза, еще раз – это проблема неизвестности того, какой субстрат (или материя) способен воспринять некоторое воздействие и зафиксировать его тем или иным способом, а какой будет сопротивляться и быстро его сотрет или изгладит. И это тем более трудно делать в смысле мультипликативной сложности мира, многообразия материй, форм и следов, уже бытующих в нем.

Если Пуанкаре придумал свой собственный анализ in situ для решения математических задач, то у меня была задача построения эффективной герменевтики медиатрансляций, вдохновленной пафосом соединения доказательного и аргументативного а-ля Петр Рамус. И в этом смысле подтверждаемость моего натурально-языкового метода опровергает идущий здесь тезис Талеба о том, что "*предсказание и прогнозирование – дело куда более сложное, чем обычно считают, но чтобы понять это, нужно знать математику*". Так вот, для этого оказывается нужно знать не собственно "математику", но, скорее, ее "основания" и принципы искусства понимания, применяемые по ходу динамического погружения в тему, по факту которого как раз и оказывается возможным выявлять предметные инварианты, служащие (безусловно, предельными) основаниями для выводов в рамках конкретной "логики вещей" (или же "логики конкретных вещей"). Герменевтика СМИ, саморефлексирующая медиа-индустрию (в частности, new media), апеллирует как раз к целостному представлению тех социальных процессов, что в случае отдельных компаний и подотраслей выглядят как действия отдельных вендоров, операторов, производителей инфоком-оборудования, тяжелого контента или провайдеров, обусловленные их собственными коммерческими или проектными интересами (а это уже – к тому, что Талеб говорит еще дальше насчет идей фон Хайека).

Однако пикой в ребро математоцентричным технарям звучит призыв Талеба не гнаться за точностью и конкретикой. Отчасти это и пика в ребро Григорьеву, в талебовом же стиле указывающему на "эпистемический эскапизм" математической иллюзии: "расчистка места для счастливой случайности" – весьма верное здесь выражение[99]. Когда же он говорит (в примечании №63) о том, что "в зоне влияния черных лебедей практически все, чего до сих пор не случалось в прошлом, должно принести благо", то он фактически ведет речь ни о чем ином, как о содержании гениальности, но весь фокус в том, что это гениальность самого мира, к которой по-пастеровски обращается тот, кто желает совершить открытие[100].

Да, рациональность, предсказуемость и математическая разрешимость очевидным для разбирающегося в этом вопросе человека образом неразрывно связаны, однако верно и то, что рациональность, разумность, логичность и сознательность, будучи также неразрывно взаимосвязанными друг с другом вещами, тем не менее, являются не тождественными друг другу, а потому способны работать там, где не работают другие.

При этом, однако, не могу согласиться с утверждением Талеба о том, что без "общей теории" нельзя предсказывать (параграф "Предсказание и свобода выбора"): медицина, по его же собственным словам, есть сугубо эмпирическая сфера деятельности, но именно в ней, как, пожалуй, ни в какой другой, прогностика является наиболее удостоверяемым и подтверждаемым занятием – разумеется, если ею занимается достаточно квалифицированный врач. Так что жить можно не только без общей теории, но при этом и с хорошими прогнозами.

Вообще Талеб склонен использовать не совсем удачные сравнения в медицинской тематике и терминологии (я наблюдал это в нескольких местах "Черного лебедя" и "Антихрупкости", однако не считаю нужным останавливаться подробно на конкретных примерах). Говоря про случай

[99] Эта самая "расчистка места" весьма напоминает скептицизм Юма, также нужный ему не как нововременная "научная религия", тотально распространяемая на все и вся, но как инструмент для расчистки интеллектуального пространства, уже в своих очертаниях напоминающий куда более позднюю феноменологическую редукцию Гуссерля. А вот поглаживание Талебом неоклассической экономической "антропологии рационального человека" против шерсти как раз тождественно такому поглаживанию Григорьевым, и добавить или опровергнуть здесь нечего.

[100] Весьма, однако, благоприятен для меня и пассаж Талеба насчет пагубности теньюра, вполне сочетающегося с вещами, обозначенными в моей "Invectiva vs dissertatio".

разговора с врачом по поводу охлаждения сломанного носа (в конце)[101], Талеб совершает банальную и дичайшую ошибку проверки компетентности врача Интернетом: действительно, статистики уменьшения отека от прикладываемого льда нет, но и быть ее не может, поскольку лед действует не на естественный процесс воспаления, представляющий собой гидрокаркасную по сути своей механики фиксацию мягкими тканями поврежденной кости, а на температурные и болевые рецепторы – естественные точки контроля, повышающие вероятность шокового состояния у достаточно взрослого человека, выводить из которого – куда более критическая задача, чем просто снять боль, тогда как обкалывать нос анестетиками не оправдано с точки зрения той самой ятрогении, которую так критикует Талеб и о которой врач, безусловно, знает – тем более, что последнему неизвестно о реакциях организма срочно поступившего пациента на различные анестетики. Однако с какой стати врач, вместо того, чтобы выполнять свою работу, должен заниматься препирательством с вредным пациентом насчет всей этой кухни? Отказаться от врачебной манипуляции – право пациента. Рационализм медицины (не как ошибочно понимаемой ее в качестве науки, а как макросферы человеческой деятельности) куда сложнее, чем нам говорят о рациональности или рациональной деятельности Талеб или, например, экономист-управленец Григорьев: авральное в медицине тесно переплетено с регулярным, дедуктивное сочетано с правдоподобным, интуитивное – с достоверным (именно поэтому мы в равной мере говорим как о врачебной науке, так и о врачебном искусстве) и, более того, экспериментальное – с юридически предписанным.

Однако он прав в том, что, по крайней мере, значительное число медицинских ошибок связано с игнорированием антихрупкой самовосстанавливающей (иначе говоря – гомеостатической[102]) способности человеческого организма, а также с избыточным вмешательством в естественные процессы. И он не совсем прав, когда говорит, что для принятия решения нужно лишь одно основание, а остальные ("1+") являются оправданиями (судя по всему, всегда для него "жалкими"): когда дополнительных или благоприятных возможностей оказывается критическая масса, система с наибольшей вероятностью способна осуществить фазовый

[101] "Антихрупкость", Глава 21. Медицина, выпуклость и непрозрачность. Как спорить в травмпункте.

[102] Кстати, почему Талеб не использует этот биологический, хотя коннотативно и несколько иной, терминологический аналог антихрупкости? Впрочем, понятно, почему: гомеостатичность коннотирует именно статичность, тогда как антихрупкость – более точное понятие относительно его "триады", связанное с динамикой.

переход. Набор сопутствующих благ или "ожиданий позитивных черных лебедей" не является исключительно психологическим фактором (или фактором оправдания) – по крайней мере, тогда, когда речь идет об оценке прикидываемых (или просчитываемых) перспектив выбираемого варианта стратегии, а не объясняются события postfactum; в последнем случае, конечно, имеет место оправдание, связанное с ретроспекцией. Так, переезд в новый город в связи с наличием в нем возможностей профильной занятости не является самооправданием в том случае, когда дополнительными к заработку факторами оказываются свежий воздух и наличие досуга.

Логико-кибернетический Талеб

В период после Бира, когда макроэкономическое управление пошло в своем развитии по пути тотального снабжения глобального финсектора электроникой, Талеб, пожалуй, сегодня является единственным автором в области кибернетики жизнеспособных систем, способный концептуально понимать порядок разруливания глобальной мировой ситуации исходя из конкретной данности этой электронно-финансовой реальности управления, сформировавшейся в 1980-1990 годы.

"Черный лебедь" или "чорт из табакерки"? Говоря о первом как об обстоятельстве "научного эмпиризма", Талеб часто подразумевает второго на уровне ожиданий, фрустраций и вытеснения. Я же предлагаю вести речь преимущественно о "черном ящике" как о давно известной кибернетической модели (равно как о давно, но столь же не особо широко, известном понятии логической структуры вопроса). Здесь стоит вспомнить, как этот ящик представляется в искусстве и мифопоэтическом символизме, включая киноискусство и телепродукцию. Как правило, этот ящик кубический, и не обязательно черный; можно вспомнить синюю шкатулку из "Малхоланд драйв" Линча; шкатулку де Маршана из "Восставших из ада"; мегаэкспериментальную тюрьму-душегубку из фильма "Куб"; не совсем кубический, но ровный прямоугольный обелиск из "Космической Одиссеи" Кубрика; черный ящик из телеигры "Что? Где? Когда?", а также приснопамятные Каабу в Мекке или Ковчег Завета. Куб, черный изнутри или снаружи – объект и символ вечной загадки, актуально данной тайны, но активной и влияющей на нашу жизнь столь существенным образом, что ее нельзя обойти. Этот объект – источник непредсказуемых возможностей, но

еще не сами эти возможности. Последние и есть лебеди разной степени затемненности, причем локализованные по месту своего возникновения, и если они появляются из такого объекта в своей злой ипостаси, то это значит, что мы выяснили не все свойства этого объекта по результатам взаимодействия с ним, что, тем не менее, не может считаться пороком или огрехом познания в силу загадочной сути самого объекта; ошибка возникает из установки на принципиальную его познаваемость. Иное дело, если такая установка сознательно выбрана, то есть если есть сознательный выбор непредсказуемости в качестве синонима ошибочности. Однако непредсказуемость в модели "черного ящика" нормальна и естественна, ибо невозможно охватить все его свойства единой индуктивной "энумерацией", но можно выстроить с ним коммуникацию, которая будет ценна как для объекта, так и для познающего его, и представлять собой не логические связи, выявляемые "в объекте", но те, что устанавливаются "с объектом". А значит, здесь оказывается работающей совершенно особая логика. К началу такой логики я в свое время подошел, когда задался вопросом о природе одноместных предикатов, придя к убеждению о мнимости разделения свойств и отношений: первые как предмет нелогической символизации выпадали из всего познавательного пространства. Между тем, если учитывать вещи вроде "красного мира" Рассела, то получается, что элементарным предикатом оказывается как раз бинарное отношение (а не маловразумительное "свойство"), только в случае свойств один из предметных термов этого отношения представлен самим наблюдателем; потому восприятие всякого свойства и даже разговор о нем уже сугубо прагматичен и эстетичен (а пророй и глубоко интимен), а всякая классификация (как упорядочивающая операция над одноместными предикатами) соотносима с порядком восприятия – что прекрасно дополняет квазиправильный характер четырех, известных в логике, принципов классификации. Так вот, в случае с моделью "черного ящика" оказывается возможным предполагать более, чем двухместные коммуникативные отношения, термами которых могут быть различные "предметно-реактивные" (назовем их так) характеристики самого ящика, а значениями этих термов – соответственно, области неизвестного; либо, с другой стороны, более, чем двухместные отношения наблюдающего субъекта взаимодействия с "черным ящиком", либо даже несколько субъектов

наблюдения одной и той же области неизвестного, либо, возможно, даже несколько таких областей. Мультиплицировать предметные места коммуникационных предикатов можно по-разному – важно то, что в системе их исчисления одно из этих мест занимает субъект логического оперирования ими.

И здесь также не стоит прибегать к наивному солипсизму: во-первых, мы уже сразу погружены во многом сложный и непонятный для нас мир, а во-вторых, предпосылкой начала всякой реальной коммуникации всегда оказывается та или иная форма доверия к неизвестному; ведь с тем, что мы полностью знаем, нет интереса и смысла коммуницировать – достаточно нечто ожидать и действовать в соответствии с ожиданиями. Между тем, мы пытаемся познать устройство даже "принципиально черных ящиков", находящихся за пределами возможности познания (которые, к оптимистической стати, всегда есть текущие возможности), именно для того, чтобы обнаружить там или исключить черных лебедей; однако не предполагаем при этом, что именно коммуникация, а не внешнее корреспондентское "познание устройства" создает чтойность сущего – как, например, личность, формируемая в ее общественном бытии, безотносительно к тому, осуществляет ли она познавательное препарирование других личностей и общественные институты, или нет.

***

Говоря о степенях и фракталах, Талеб нигде не упоминает Лейбница (увы, но при обширном списке литературы даже в "Антихрупкости", где немецкий философ у него фигурирует один раз в совершенно косвенном контексте) с его идеями живой и мертвой сил, особенности которых связаны с расчетом движения тел различной массы через степенное выражение скорости. В "Лебеде" он сетует на то, что Мандельброт недопрояснил особенность понятия самоподобия, отчего оказалась возможность путаницы с понятием взаимной тождественности разномасштабных структур в пределах одного фрактала. Значимость именно подобия, но не тождественности, в свете выше излагаемого, состоит в структурном описании того, что касается межсубстратной трансляции форм, и несводимости оставленных следов (как своеобычных онтико-каузальных целостностей) к тому, чем или на чем они оставлены. Когда же трансляция некоторой формы или структуры

происходит межмасштабно, то, чем бы этот феномен ни был, он представляет собой еще одну идею – предтечу "фрактального сознания" – кребсову "coinsidentia oppositorum" "минимума" и "максимума" (в определенном смысле соответствующих фуллеровым inward и outward), ведущую к аутентичному пифагореизму. И здесь же обнаруживается ключ к пониманию виртуалистической имплицитности – к ответу на вопрос о том, как "в меньшем заложено большее".

Можно ли в таком случае считать, что арифметико-алгебраическая категория степени есть особая категория причинности? И с чем она больше связана в смысле своего физического эквивалента – с доступностью ресурсного распространения (массой), энергией (силой), реализованной в динамике своего развертывания, или с лаконичностью формы, в которую энергия структурирована? Собственно, действие в масштабе и есть "нелинейность" – вернее, линейность межмасштабного действия. Хотя, опять же, именно Мандельброт ставил вопрос о привычке распознавать именно что межмасштабную отчетливость как условие нашей неспособности видеть то, что находится между самими "отчетливостями" – на примере непрерывного приближения к наблюдателю клубка зеленых ниток: сначала это зеленая "точка"[103], затем – все увеличивающийся кружок, затем – полоски ниток, затем – сами нитки, затем – их витая и тоже линейная структура; примерно так. А вот что "между" этими состояниями?

Не будет преувеличением также назвать Талеба своего рода "Мартином Гарднером" экономической науки. И, пожалуй, более, чем кто-либо, Талеб сегодня имеет отношение именно к социальному аспекту кибернетики жизнеспособных систем. Его важная заслуга состоит в том, что он пытается избежать иррационализации мировосприятия (уж столь очевидной сегодня), избегая при этом категоричности и ригористичности – порукой чему, по его собственным словам, является вполне себе классическое, хотя и редко встречаемое на рубеже XX и XXI веков в своем аутентичном виде, сочетание эмпиризма со скептицизмом. Мои взгляды на науку по многим аспектам близки высказываемым тезисам, я с большим уважением отношусь к тому, о чем говорит этот продолжатель традиции нововременных мыслителей – в том числе в смысле рассмотрения вопроса о том, лежит ли в основе религии

[103] Хотя от Фуллера мы знаем, что "точек" нет в природе – это лишь человеческая абстракция.

вера или доверие, и как переводить слово "credo" – этимологическую основу слова "кредит", а также о том, что фактически является религиозной формой научной догматики, о чем тезисно идет речь в моей "Инвективе против диссертации". Его критичное системологическое отношение к углублению специализации, делающей субъекта действия уязвимым, и некоторые другие высказывания, демонстрируют близость его взглядов многократно мной упоминаемому и цитируемому Фуллеру. И, конечно, то, о чем говорит Талеб, представляет собой прекрасную методологическую базу для превращения изобретений из сферы "дизайна для реального мира" в смысле В.Папанека в инноватику – но уже в смысле его антихрупкости, интерпретация в котором задач и феномена дизайна еще должна быть осуществлена.

Так, "эффект беговой дорожки", как гедонистический эффект новизны, упоминаемый Талебом со ссылкой на Д.Канемана, может быть дополнен более тривиальной психоаналитической интерпретацией этого эффекта ("антинеоманической", кстати) – как сублимативный перенос синдрома Дон Жуана с новизны сексуального партнера на новизну торгуемой вещи, поверхность которой имеет "товарный вид". В этом смысле вспоминается критикуемая В.Папанеком в рамках его концепции интегрированного дизайна "сексуализированная поверхность" приятных на ощупь торгуемых вещей – вроде брутализированных шабренных алюминиевых панелей на торпеде спортивной модели Фольксвагена – при том, что шабренная фактурность относится к естественной функциональной эстетике станкостроения, и в ее рамках представляет собой атрибут не более мягкого алюминия (который попросту шлифуется), но куда более прочных и хрупких чугуна или стали; в этом смысле шабренная алюминиевая планка на торпеде спорт-авто есть не более, чем дизайнерский симулякр.

Здесь лишь стоит дополнить Талеба тем, что мы свободны от "эффекта беговой дорожки" не только когда имеем дело с античным искусством, но и с этой самой эстетикой естественной функциональности, то есть с тем, что предполагает ценительство и бытие знатоком – но таковое, однако, может быть применено к изяществу столетнего токарного станка (как часового, так и более габаритного, класса) в той же мере, в какой к блочному луку, будь тот десяти- или двухлетней давности, или к ливанскому вину, которое так любит Талеб. Здесь важно то, что "беговая дорожка" преодолевается художественно интерпретируемой прикладной функцией (которая не есть та же самая функция, а не производная – как в случае с симулякром), существующей безотносительно к новизне: последняя может быть

относительной, поскольку ее массовая маркетинговая значимость оказывается низкой. Причем эта художественная интерпретация вполне себе в гадамеровском смысле оказывается связанной с историческим восприятием вещи, отличным от восприятия ее в непосредственном и срочном потреблении, диктуемом маркетингом масштаба и потребительской массы.

То, что касается его ключевого вопроса о случайных событиях, соответствует моему давнему интересу к логике вопросов, которой была посвящена моя первая, и весьма корявая, курсовая работа на философском факультете МГУ[104]. В то время я выбрал предметом рассмотрения именно эту, достаточно экзотическую для науки логики, тему, поскольку не столько много знал, сколько чувствовал, что именно в ней логика переходит в свое собственное инобытие. Согласно тому, что широко известно сегодня насчет этой логики, во всяком вопросе существует явная и неявная предпосылки, первая из которых выражает заложенное в вопрос суждение, выражающее знание либо заблуждение вопрошающего (в зависимости от истинности или ложности оного), тогда как вторая касается контексториентированного смысла задавания вопроса, относится к сфере логической прагматики и связана с метавопросом о том, зачем задан вопрос объектного уровня; в частности, от этого смысла зависит риторический статус вопроса. Еще одной составляющей вопроса, относящейся к его явной предпосылке, является так называемая "область неизвестного вопроса" или, иначе, и весьма оксюморично, говоря, "множество неизвестного вопроса" – поля, которое нужно было ограничить в ответе, который должен быть релевантен структуре неявной предпосылки вопроса. Согласно распространенной на тот момент точки зрения, восходящей к идеям финского логика Я.Хинтикки, основу структуры вопроса составляет суждение аристотелева вида SεP, где ε – обобщенная связка бытия "есть", соответствующая четырем силлогистическим термам (a,e,i,o); в случае с примерным вопросом "какого цвета дух" такой явной предпосылкой оказывалось суждение "дух есть некоторого цвета". Такого же мнения тогда придерживалась и ведущий

[104]В качестве первой курсовой был оформлен мой доклад «Вопросы и императивы: корреляты референциальности» на конференции Ломоносов-98 (УДК 17.02). Он был до безобразия коротким, но казался мне тогда интересным предметным сочетанием, затрагивающим несоответствие значений вопросных и предполагаемых в качестве релевантных к ответу выражений с выходом на герменевтическую проблематику.

специалист в области логики вопросов и критического мышления Г.В.Сорина (не знаю, изменилась ли ее позиция впоследствии), с которой у меня был в то время академический спор. Я, в свою очередь, предположил, что наличие в рамках вопроса высказывательной метаструктурной матрицы вида T_1cT_2, где с – некоторая связка, $\{T_1,T_2\}$ – нелогические термины, еще не означает ее тождественность структуре суждения – в частности, потому, что, собственно, пресловутое "множество неизвестного" не вписывается в категории констативно и позитивно данных непустых множеств, соответствующих субъекту и предикату и выражаемых на диаграммах Вена в таблицах истинности, интерпретирующих силлогистические отношения. Это "множество", поле или, если угодно, область неизвестного, однако же удивительным образом очерченного в натурально-грамматической и формально-логической (в меру допустимой формализуемости) структурах вопроса, было явно чем-то из ряда вон выходящим во всем корпусе логики, а сам вопрос, как оформленная основа философского удивления – чем-то выходящим вон из ряда прочих перформативов. Это была область пустоты или хаоса, находящегося в пределах рассмотрения логики как "науки о порядке", и это обстоятельство выглядело для меня весьма занятным: немножественное или, вернее, антимножественное (но едва ли пустотно-множественное в обычном теоретико-множественном смысле) неизвестное вопроса выглядело как дыра в основе основ строгости и точности научного знания, и я долгое время пребывал в непосредственном восприятии философского удивления этим обстоятельством, пока не пришел к выводу о том, что здесь имеется какой-то совершенно специфический тип системности познания, а также структурного упорядочивания мира посредством геометрически выраженных отрицательных величин[105]. Тогда же, изучая посвященные логическим аспектам вопроса материалы, я пришел к гипотезе о наличии связи последовательного ограничения "области неизвестного вопроса" с порядком приписывания неклассических значений, а также к гипотезе о подобии последовательного ограничения "области неизвестного" вопроса иерархической глубине импликации (depth of implication) в логической формуле импликативного типа, связанной с информативностью таких формул, что на тот момент представлялось мне перспективным для

[105] Вслед за Фуллером, я склонен, в смысле отмеченной А.Пуанкаре дихотомии, преимущественно геометрически, нежели алгебраически, постигать и выражать мир.

разработки выводных или квазивыводных исчислений на основе вопросных выражений (запрещенных еще Аристотелем), необходимых, в свою очередь, для создания строгой методологии глубинных интервью и схожих с ними задач. Тогда же я обратил внимание на то, что вопросы типа Wh (who, what, when, how, etc.), задающие множество неизвестного вопроса по принципу указания его признака либо конструктивной процедуры (в отличие от "дизъюнктивных" вопросов и, в частности, ли-вопросов, задающих множество через перечисление его элементов), в явной предпосылке образуют весьма интересную конструкцию, фактически представляющую собой суждение о принадлежности (или соизмеримости) некоторого конкретного множества предметов некоторой, выражаемой формализуемым Wh-наречием, универсалии, являющейся максимальным ограничителем области неизвестного ("Какого цвета диван?" – о соизмеримости множества предметов мебели универсалии качества; "Сколько ягод в стакане?" – о соизмеримости множества продовольственных продуктов универсалии количества; "Зачем зажигают звезды?" – о соизмеримости множества астрономических объектов универсалии цели). И тогда же порядок последовательного отвечания на вопрос с одновременным уточнением его предпосылок (вполне в постструктуралистском духе а-ля Рикер), сопровождаемого последовательной интерпретацией привходящих посылок эмпирической фактуры (в практике моих опытов – новостной) я обозначил как деятельность по формированию своего рода "смыслового аттрактора", представляющего собой систему содержательных мест, в связи с которыми формировались перспективы "уверенно ожидаемого" тренда. Тогда я не был знаком с Талебом, однако сейчас можно сказать, что этот содержательный аттрактор, формируемый как отраслевая логика – с одной стороны, и как образующая поле массовизированного понимания чисто медийная докса "экспертно-журналистских комментариев" – с другой, позволяли предвосхищать структурирование темы в оптимальном для нее, или теперь уже "антихрупком", направлении и, тем самым, оправдывали "фракталоразмерное" понятие аттрактора. Наверное, можно было бы еще найти в этой теме немало любопытных догадок и гипотез, но к концу обучения в Университете меня стали интересовать более общие вещи, связанные с моделированием диалога (тематической частью которого оказывалась логика вопросов), а впоследствии – вещи куда более

практические, но ключевой и, казалось бы, очевидный без погружения в научные дебри, вывод, который я для себя сделал – то, что именно вопрос является тем языковым, когнитивным и управленческим инструментом, разноаспектная структура которого позволяет организованно работать с неопределенностью как таковой. Вопросно-ответная логика была и до сих пор остается привлекательна для меня тем, что представляет собой структурно-качественный подход к случайностям – в отличие от количественного, берущего начало в теории вероятностей, к которой больше склонен Талеб, как свидетельствует прочтение его книг.

Опциональность и два вида теогностики

Критика Талебом бэконовской линейной модели научной иерархии "от фундаментальной теории – к экономике и реинвестициям в фундаментальную теорию" прекрасна. Разумеется, такая теория идет вразрез со спонтанной "опциональностью". Он говорит о естественной живой практике как источнике науки; сам я эту тему не поднимал, и вопрос таким образом не ставил – у меня вместо этого имеется нарратив о примате искусства над наукой и о науке как искусстве познания, где как раз и оказывается уместным фейерабендово выражение "anything goes". Но за бюрократией критериальной науки, как за холстом в каморке Папы Карло, как раз лежит кунст-коллекция редкостей и образцов как лучших или примечательных опционалов.

Если опцион, по Талебу, замещает знание, и его же, по Григорьеву, замещают деньги, то можно ли сказать, что опцион есть разновидность чего-то денежного? По Талебу, знание есть следствие опционов, и нет чистого знания. С этим же связан и его тезис о том, что образование происходит от богатства, но никак не наоборот, вопреки мнению многих. Из тезисов этих двух авторов следует, что одноэлементный язык денег представляет собой инструментально-игровой абстракт опционального прилаживания, что оказывается важной предпосылкой рассмотренных выше гипотетических аппроксимаций насчет права модных нынче криптовалют на существование.

В "Антихрупкости" в параграфе "Учить птиц летать" Талеб рассуждает о тривиальных технологиях и о том, что на эту технологическую простоту не обращает внимание академическое сообщество. Отсюда он приходит к

проблеме воображения и верно отмечает, что за изобретением не обязательно следует его внедрение, а широкое применение отделено от первого рабочего образца значительным промежутком времени. И вводит интересное понятие полуизобретения.

В свою очередь, ссылаясь на Смита и Аллена, Григорьев отмечает (4-я лекция цикла "Приключения промышленного роста в России"), что для создания технологий эпохи промышленной революции наука имела минимальное значение (за исключением разве что парового двигателя, на появление которого повлияли исследования в области атмосферного давления и вакуума). Сюда же следует добавить и более расхожее общеисторическое наблюдение китайской техники, возникшей в социальной среде, где единственным видом естественной науки были учения о Дао, Ци да гексаграммах (воспринятых тем же Лейбницем во благо нынешней двоичной системы, кстати). Промышленные изобретения создавались в основном непосредственными пользователями техники – инженерами и квалифицированными рабочими (чтобы в этом убедиться, можно посмотреть авторство токарных резцов из советских технических учебников: в значительной мере это фамилии советских же рабочих-модернизаторов). Эти вещи служат хорошей иллюстрацией тому, что Талеб подразумевает под опциональностью технических изобретений, создаваемых методом экспериментальных по сути проб и антихрупких по сути мелких ошибок, составляющих ключевое условие информативности эксперимента. Этот способ развития технологий оказывается возможным назвать опциональной адаптацией комбинаторных решений к текущим задачам.

Талебово различие опциональности науки проб и ошибок и теоретико-бюрократической науки весьма совпадает с моим различием университетской "науки открытий" и академической "критериальной науки" (данной в предыдущей книге). Похоже, и ту, и другую автор "Антихрупкости" рассматривает как одно и то же, но говорит, что не любит университет с его эпифеноменальным приписыванием абстрагированным теоретикам достижений чужой практики. Я же, отдавая преимущество аутентичной (подлинной) университетскости перед бюрократической академичностью, вместе с тем отдаю должное и кунст-коллекционированию как именно что опциональному прилаживанию в деле эмпирического создания знаний о

предметно-природном мире и его удивительных свойствах, а также о полезных образцах; и предлагаю все же отличать историческую конкретику научного института от институциональной стилистики науки как таковой (кстати, также исторически обусловленной). Собственно же университетскую "науку открытия" я понимаю в друкеровском смысле работы на цель, представляющей собой конкретную сверхзадачу (поиск философского камня, Атлантиды, синтез гомункула, etc.), которая как раз и запускает процесс коллекционирования как поиска в соответствии с неким высшим или, в ином варианте – смутным и неопределенным (а значит, выпуклым и антихрупким) смыслом.

Таким образом, работая с историческими аутентичностями, оказывается возможным получить продуктив различия, не впадая в платонистические идеализации, поскольку и в том, и в другом случаях имеют место способы практической работы, тогда как в случае второго из них возникает критериальность как эпифеномен разделения научного труда.

Талеб дает очень важную ссылку на работы Кили с его "Экономическими законами научных открытий", где, в частности, отмечается важное наблюдение, сделанное в смысле моего же различия вузовской и академической типов науки: исчезновение частных инвестиций в науку там, где исследования начинают спонсироваться государством из налогов.

Он обозначает апофатический вид знания, как более сложный, нежели тот, что распространенно использует рационалистический человек рубежей XX и XXI веков, привязывается им к Попперу и тонко намекает на "ученое незнание" Николая Кребса. Само же различие категорий апофатического и катафатического видов познания восходит к патристическому теогнозису, хотя слово "катафатический" сам Талеб в "Атихрупкости" не упоминает. Последнее же, безотносительно к своему историческому названию, у Талеба связано со школьно-гарвардско-бюрократическими вещами. Между тем, эти два вида знания оказывается возможным дополнить еще одним, особым, видом предпосылочного познания, или знания метауровня, не сводящегося ни к апофатическому созданию собственно информации (как ограничения возможностей), ни к катафатическому утверждению "правильных возможностей" (и как следующего из него, так и связанного с ним обратной

связью, критериально-бюрократического устройства науки). Это метазнание и есть, собственно, предварительный поиск информационных лакун и связанная с ним логика вопросов (как часть логики смыслов) в широком и содержательном (не формальном) понимании. В этом же смысле различие апофатического и катафатического типов знания является предпосылочным основанием отвечания на всякий вопрос, но уже не относящимся напрямую ни к явной, ни к неявной предпосылкам самого вопроса до акта его формулировки (артикуляции) и в процессе таковой, однако по факту его постановки перед актом отвечания задающим возможность выбора того, будет ли изменена неявная предпосылка вопроса (каузально – его цель, риторически – его пафос). И как раз именно апофатическая стратегия (не стану говорить "метод" или "эпистема") знания оказывается тем самым выбором, что позволяет осознавать или менять сам вопрос, меняя смысл поиска ответа и следующего из этого действия. Это даже нечто большее, чем "глубинное" уточнение вопроса по аналогии с каскадным "depth of implication". Иначе говоря, глубина "фрактализации" уточняемого содержания имеет эмпирико-экспериментальный ограничитель как когнитивный инструмент – соответствующий человеческому естеству, однако способный к развитию. В действительности апофатический тип знания потому и не поддается систематизации в талебовом смысле, что по-риккеровски от управляемой "зоны точки контроля" идет управляющий сигнал к управляющей же "зоне вопроса", и размываются основания дихотомии управляющего и управляемого на уровне содержательных механизмов смыслополагания, по-фуллериански обнаруживая то, что у природы нет "верха" и "низа".

***

Взгляды Талеба также вполне соответствуют моим концепциям гельветического человека и внеэтатистского понимания республиканства (особенно когда он говорит о децентрализации и избавления от груза долгов, изрядно упоминая Швейцарию), а также предлагаемой здесь идее кооперации малых групп, геодезически распределенных по пространству ойкумены и связанных в сеть локализированными сервисами коммуникаций. При этом есть замечания к некоторым из тех вещей, на

которые Талеб указывает. Так, в одном из своих выступлений[106], говоря о том, что инструменты логики не работают в случае комплексных систем вроде человеческого тела, попыткой управления коими занимается религия, он, скорее всего, имеет в виду обыденную натуральную логику, способность к которой является признаком хорошей средней образованности, и с этим можно согласиться. Иное дело – не упоминаемый им класс неклассических логик (прежде всего – квантовой как неимпликативной "недологики", а также – иной многозначной, модальной, деонтической, свободной, темпоральной и других), ориентированных как раз на разрешение проблем комплексности и множественности взаимосвязей, да и возникших как познавательные инструменты, ориентированные на операции с подобного рода сущностями и сложностями (собственно, в "Черном лебеде", рассказывая про обвал рынков 1987 года и свое обучение в Уортоне, он как раз отмечает, что довольно рано стал "квант-инженером"). Эти логики далеко не всегда и всюду дают однозначный ответ, но настраивают ум строгим образом на оперирование теми вещами, о которых он говорит, и уж точно не являются примером упоминаемой им "линейной науки". При этом сверхрациональное, о котором идет речь здесь и в других моих материалах, не есть еще один метод просчитывания неопределенности, на неэффективность которых пеняет Талеб представителям общественных наук в самом начале "Черного лебедя", однако соотносится с тем, что уже, тем не менее, существует, причем довольно давно, в системе научной и метанаучной методологии на сей счет, и предлагается в развитие оной с проблемных позиций, блестяще им актуализированных. Говоря про квант-инженерию, он все равно имеет в виду нечто, ассоциированное с "высшими математизмами", гауссову часть которых он подвергает критике; однако квантовая и прочие неклассические логики имеют отношение к "низшим математизмам", иначе именуемым "основания математики"[107]. Впрочем, это о том же самом, но с другого конца науки "о моделях и структурах".

***

[106] https://www.youtube.com/watch?v=BDuLKdUT24M, последние минуты записи (18.12.2011, активно на к. 2016 г.).

[107] Напомню, что в квантовой логике нарушается закон дистрибутивности, а также под сомнением оказывается импликация. Более плотно проблему материальной импликации изучают такие направления неклассической логики, как интенциональная и релевантная (обычно эти два названия отождествляются, но есть основания видеть здесь два смежных направления).

Забегая вперед, стоит отметить, что Талеб вполне себе сверхрационально отдает должное религии, но сам он едва ли сверхрационален ("едва ли" – значит, что я в этом сомневаюсь, но не исключаю этого). Для него важнее то, что названо им "антихрупкостью" некой системы как таковой относительно внешних шоков, которая уже тем самым оказывается не то некой "вещью-в-себе", не то некой "сферической антихрупкостью в шоковом вакууме"), что объяснимо как его (самоотрицаемой, "и все же") математической подготовкой и конкурентно ориентированным (также самоотрицаемым, но также "и все же") трейдерским опытом. Нежели вписанность системы в некие сверхсистемные процессы – которые он также, кстати, не отрицает, но всяко склонен рассматривать именно что вероятностным (хотя и не гауссовым) образом, но не в первую очередь: здесь он все равно пребывает в пределах количеств, но не качеств, хотя и весьма близок к такой внутримирной связанности. Дело в том, что в естественной природе таких связей нет коммерческой исчислимости, но есть периодичность, ритмика и воздаяние – все то, что Талеб, похоже, относит к продуктивным аспектам религии, и что само по себе лишь иллюстрируется, но не объясняется, графиками "выпуклости и вогнутости". С другой стороны, у него весьма примечательны интерпретации вопросов здоровья в смысле via negativa, связанные с идеей и не(прямо)линейности трофического процесса. Это, кстати, типичный пример давней проблемы различия спекулятивного анализа и фундаментального: в первом случае нам даны интерпретируемые структуры динамик, которые мы (якобы антихрупко) прилаживаем к текущим событиям (и попадаем в ту самую ловушку прогнозирования будущего на основе прошлого), тогда как во втором проблемой часто становится недостаток объяснительных конструкций и дешевизна придуманных паразитами отвлеченных от реальности теорий – созданных как мелкотравчатая "предметно-объектная" частность, не связанная со вселенскими (ладно – межпредметными) процессами как раз из соображений "научности".

Масштаб, рекурсия и "растянутость мира"

Отличие талебова понятия рекурсии (данного в короткой сноске в начале "Черного лебедя" и упоминаемого также в связи с книгой Е.Н.Красновой) от моего – в том, что у него оно ближе к кондициональной каузальности в

смысле Юма и натурально-подражательной способности в смысле Вебера, Орлеана и Аглиетты, что позволяет ему рассматривать палитру экономических мультипликаций (в его же собственных "фрактальных" понятиях, но не словах – каскадов) с позиции психологии привычек, составляющей трендовое направление современных исследований принятия решений участниками рынка; у меня же рекурсия фигурирует в научно-методологическом и общекибернетическом смыслах – как попытка парадигмального сдвига картезианско-лейбницеанского понятия модели, восходящая к идеям Фуллера и Бира. Впрочем, сам Талеб неоднократно обращается к метафорам вроде выдавания карты за саму местность и, более того, прямо указывает на значимость категорий, о которых я сам веду речь: "*...даже если допустить, что случай может быть поверен математикой, то немногое в реальном мире, что поддается математизации, относится не к рядовой случайности гауссова толка, а к из ряда вон выходящей, сильно масштабируемой случайности. Математика применима, как правило, не к гауссовой, а к мандельбротовской реальности*"[108]. В свою очередь, ошибка неуместной конкретности А.Уайтхеда, о которой ведет речь Талеб, или ошибка смешения физического объекта с описываемой им моделью, перестает быть ошибкой как раз в случае того, что можно было бы назвать "истинной рекурсией", проявляемой в плане знаковых систем на "геометрическом" полюсе дифференциала знаков – именно на этом полюсе в социальных системах обнаруживается феномен совпадения функционального и статусного мотивов потребления (о чем пойдет речь далее здесь, а также будет рассмотрено в следующей книге применительно к языку денег).

Кроме того, упоминаемый Талебом феномен взаимодействия событий разных масштабов, известный как "эффект бабочки", может иметь не только временной аспект внутримирной системности, но и пространственный. Вернее, этот временной аспект как раз и проявляется в сложном рекурсивном устройстве системы, специфика которого задает временную дельту между взмахом крыла и ураганом на противоположном полушарии планеты.

***

[108] См. параграф «Неопределенность «ботаника» в "Лебеде".

Очень метким и вызывающим внутреннее согласие оказывается замечание Талеба насчет Пуанкаре как философа, и прочих граждан философского толка вроде Сартра, возведенных на пьедестал под влиянием моды. Данное Пуанкаре феноменальное различие "алгебраически" и "геометрически" ориентированных ученых весьма соответствует моему дифференциалу семантической типологизации знаков, расположенных между полюсами их структурной идентичности денотату: соответственно, максимальной идентичности, ближе к которым оказывается образно-геометрическая пиктографика, и минимальной, ближе к которым – символьно-алгебраическое. Этот дифференциал задает весьма интересный универсум способов артикуляции научного поиска, а также прекрасно согласуется с принципом предельности уравнений и значимости малых событий, на которые указывает Пуанкаре (идея такого дифференциала у меня возникла, когда мы на первом курсе проходили классификации знаков Пирса и Морриса). Работа с референтом некоторой структуры (например, простой тетраэдрической) в рекурсивной системе может привести к изменениям в большем масштабе. И это, кстати, как раз означает, что непредсказуемое коренится в несомасштабном. Этот, казалось бы, очевидный вывод не столь тривиален, как может показаться на первый взгляд: действительно, непредсказуемая опухоль может возникнуть при активации несомасштабного всему организму вируса, однако это же явление становится возможным, когда ослабляется иммунная система всего организма – также несомасштабная вирусу, но "в другую сторону". Таким образом, во всем этом нарративе про непредсказуемость проскальзывает старая добрая coinsidentia oppositorum, рассматриваемая здесь в рекурсивно мыслимой категории масштаба и впервые (в обозримой исторической ретроспективе) заявленная в ренессансном поиске "чистого доплатонизма" через сочетание идей Востока и Запада Николаем Кузанским и некоторыми другими авторами (применение идей отца Николая к Нассиму Талебу позволяет иначе взглянуть на проблему сотворения мира из точки как "внезапной неожиданности", возникающей как взрывообразно актуализируемая возможность). Значимость догадок Пуанкаре, о котором говорит Талеб – именно что ренессансная, в отличие от прочих, упоминаемых (и не упоминаемых) им выше в книге, открытий, возникших как синергия случайной побочности и незаслуженно получивших статус

ренессансной универсальности (как в его примере с открытием реликтового излучения, коему способствовал птичий помет на телескопе)[109].

Но, еще раз: будучи фуллерианцем, я бы с корнем выкорчевал понятие "нелинейности" вслед за евклидовой "точечностью-как-геометрической-объективностью", и дал бы ренессансным догадкам более полно влиться в талебов нарратив. Там, где он, говоря о нелинейном будущем, использует метафору дерева с ветвями, вспоминается темпоральная логика "КТ". Между тем, возникающая здесь мультипликативная сложность, оказывающаяся преградой для "вероятностных прогнозов", способна быть весьма благоприятной для качественного анализа трендов как реальных процессов запечатлевания, которые всегда есть процессы запечатлевания интенций, и работать по-разному для разных онтологических концепций движения – будь то концепции Аристотеля, Галилея, Декарта или Максвелла.

Метод сомнения (или множество методов сомнения) новоевропейской науки стал еще одним, после платонизма, светофильтром, застившим для последующих поколений пифагорейский первоисточник самого понятия философии. Однако здесь стоит вспомнить упоминаемую Талебом старую байку о том, как крутой на расправу Поппер выгонял из аудитории студентов, задававших ему вопрос о возможности сфальсифицировать фальсификацию – видимо, считая, что такие студенты демонстрируют пустое умничанье. Однако я совсем не исключено, что одним из них могли оказаться какие-нибудь Паскаль или Юм, в свое время задававшиеся весьма похожими вопросами.

Формирование новоевропейской научности являет собой ничто иное, как производное от "неоплатонизации" экспериментрально-наблюдательного опыта, пришедшей на смену неоплатонической же критике схоластического аристотелизма и восприятию аутентичной формы последнего в восточных трактовках, ставших доступными по мере открывания Европы остальному миру и проникновения в нее денег с Востока же. Дотематический ("до-галилеево-картезианский") платонизм Ренессанса носил ярко выраженный гностико-герметический характер, и представлял собой попытку

[109] Мне непонятно вот что: почему, ругая платонизм и превознося Поппера, Талеб ничего не говорит про Фейерабенда, оказавшего на Поппера влияние? Ведь, критикуя платонизм, он высказывается именно против методологического принуждения. Почему не говорит о "достойном мухлеже" математика Галилея?

рационалистически сотворить "магию как строгую науку", что было артикулировано Мирандолой и рассматривалось в таком качестве до тех пор, пока тайный язык постижения мира не стал явным языком повседневного оперирования – то есть пока математика из языка "высокого штиля" не превратилась в "вульгату", что еще дальше уводило массовое мировосприятие просвещенных умов тех лет от пифагорейского протознания, а представление о верности и полезности заимствований подогревалось примерами эффективности торговой оборотистости. Собственно третий этап ренессансной философии, условно датируемый 2Н XVII – 1Н XVIII вв., как раз и свидетельствует о попытках освободиться от восточных мистификаций, противопоставляя знание "законов природы" уже не дискредитированной "вере", но "опыту" – законов, аналитически в своем определении предполагающих категорию общего. Был возврат, но возврат до чего-то уже известного: Плифон, повлиявший на флорентийских академиков и Николая Кузанского, был неоплатоником, а то, что хоть как-то напоминало платонову Атлантиду, Лоренцо и Леон нашли в Риме.

Таким образом, в попытке выскочить за рамки поздних постсократических интерпретаций мира в рамках христианской догматики был осуществлен все тот же диспут Платона и Аристотеля, но в новых условиях, с начинающейся идеализацией локального национального государства, подменяющего постепенно собой категорию "царствия божьего" и самого Бога как источника социального движения, становящегося объектом конкретного, внутримирного, экспериментально-эмпирического, человекоразмерного, строительства (поскольку речь уже шла о подобии легендарному, и втайне или явно считавшему реально существовавшим, атлантическому обществу) – подобно тому, как ранее было целью движение (хотя и не строительство) к этому самому царствию божьему, к трансцендентному человеку. Власть – уже не церковная или божья, но государственная, с идеалом отделенного от черни аристократа, коему только и доступно высшее знание, и светлым задачам коего только и служит это новое государство, была предметом прямого вопрошания и исследования, равно как таковым предметом стал буквализм природного наблюдения, служащий целям укрепления и обеспечения этой власти, редуцирующий гностическую идею тонких связей внутри природы, но вполне сохраняющий гностическую же идею деления

общества по степенному критерию причастности к знаниям, обеспечивающий вид социальной сегрегации, а в своем экономическом выражении – принцип отчуждения знания и удешевления труда, нынче воспринимаемый как некий "естественный закон социальной природы".

Между тем, гностико-герметическое начало проникало в ренессансную Европу как именно что диссидентское, а потому и составило существенную часть содержания мировосприятия, впоследствии разделявшегося адептами тайных обществ эпохи Просвещения, только боровшихся уже не с церковно-схоластическими догмами в пользу новых государей, а наоборот, с абсолютизирующимися государями в пользу церковной по своим корням новоевропейской демократии.

Критикуя платонизм, Талеб ведет разговор одновременно и против абсолютного, неподвижного, вечного, единого источника движения, с которым в свое время была проассоциирована идея абсолютного же Бога, суть которого, в фуллеровой терминологии, представляет собой предельную сжатость, сконцентрированность и сосредоточенность, поскольку представляет собой же минимальную радиальность, направленную в сторону еще большего уменьшения радиальности, через внутренний самовзрыв создающий множественность эманационно-акцидентальной радиальности, но без потери своей изначальной самосжатости (здесь, впрочем, уже начинается пространство богословских вариаций). Примечательно, что Талеб говорит о жизни в большом городе как о неоценимом благе, дающем больше (больше, чем где – там, где есть "только интернет"?) возможностей, но не рассматривает город как фактическое место "социальной сжатости", воплощающей абстрактную сжатость "первопричинного" платонического абсолюта. Здесь речь не о том, что город бесполезен – спору нет, он нужен. Речь о том, что именно плотное и сжатое в своей конкретике не столь уж неподвижно. Собственно, "большой город" и есть платонов абсолют современного мира, живое социальное божество, представляемое массам иконами торговых центров. Ну и, логическим здесь образом – источник благоприятных для человека "случайных" возможностей, не рассматриваемых как закономерные в детерминированном хаосе процессов динамики городской среды.

Не видя растяжения как первичного состояния Вселенной с особой органической системностью, и одновременно отрицая неоплатоническую сжатость, Талеб не предполагает ничего иного, как признание неопределенности в качестве философской изначальности (впрочем, весьма фундированной в той же, особым образом рассматриваемой им, ретроспективной Истории), вполне обоснованно отмечая вечную (хотя, опять же, что у нас вечно?) свежесть следующего из неопределенности продуктива, предлагая при этом же старый добрый новоевропейский скепсис (хотя и возводимый им к более раннему Сексту Эмпирику) в качестве познавательной установки, да набор весьма метких психологических наблюдений за познавательной способностью человека. Ну и, конечно, хотя не такую уж старую, но немало раздобревшую фрактальную структурацию мира по Мандельброту (глава 15 и ранее)[110]. К этому добавляется неоднократно заметная у него, и весьма занятная, попытка провести антитезу между вероятностью и возможностью, с предпочтением второй на фоне демонстрации нищеты первой (глава 14 и раньше). В логике модальности соседствуют с вероятностными значениями (особенно с промежуточным значением неопределенности "1/2"), но когда у него речь заходит про ожидание возможности "плохой" или "хорошей" неожиданности, тогда логика модализированных высказываний приобретает алгедонические значения, а "паскалева" вероятность дистанцируется от "лейбницевой" возможности; но исчезает ли при этом вакуум паскалевой неопределенности, становится ли его меньше? Неопределенность суть познавательный вакуум, который, как известно из современной физики, весьма разнообразен и соотносителен с так называемым "абсолютным", где существуют так называемые "виртуальные частицы". Некогда мне удалось сформулировать своеобычные "парадокс вакуума" и "парадокс предметности", особенность которых оказывается в их особой взаимодополнительности: в своих пределах абсолютный хаос неотличим от абсолютного вакуума, и здесь как раз начинаются те самые архетипические интуиции, из которых, в частности, возникают концепции вроде

[110] Которую иные авторы, не особо разобравшись в предмете, ошибочно называют "синергетикой". Но то, о чем он говорит – еще не синергетика, но, безусловно, увлекательная и пестрая "постнеклассика" (понятие, введенное ак. В.Степиным), безусловно, имеющая к синергетике отношение, которое всякий раз в постнеклассике приходится отыскивать и уточнять, разбираясь в концепциях вроде масштабируемой случайности Уиллиса и Юла.

"виртуальных частиц" как флуктуаций "пенного хаосовакуума" (а не из методично выдвигаемых гипотез, верифицируемых или, напротив, фальсифицируемых наблюдениями и уравнениями – вопрос о достоверности интерпретаций наблюдаемого в современных, сильно опосредованных, физических экспериментах вообще отдельный). В смысле всего этого характер связи неопределенности со структурой вопроса оказывается глубоко паскалевской темой.

Действительно, структуру неопределенности изучает логика вопросов, а личностное принятие самой неопределенности в качестве онтологической и познавательной изначальности имплицитно предполагает необязательность изучения какого-либо предмета для действий в его рамках, ибо все узнать и, тем самым (мнимо, по Талебу) предотвратить риск истинного крайнестанового лебедя, не ожидаемого в рамках существующей предметной данности, в принципе не возможно и, так или иначе, всегда будут ситуации, когда придется действовать наобум, и нет никаких оснований считать, что логика вопросов станет при этом исключительным помощником. Именно здесь Талеб и говорит о том, что настает пора, когда приходится действовать "дерзко и безрассудно". Что сочетается с метким наблюдением глубокого исследователя соцсетей Д.А.Новикова о двух основаниях массового доверия к лидеру мнения: устойчиво оправдываемых прогнозах – с одной стороны, и позитивной продуктивности решительных действий (здесь мне почему-то всегда вспоминается Петр Великий со всеми его бесноватостями) – с другой.

Нелюбовь к платонизациям и проблема авторства

Здесь – о том, что касается приводимой Талебом критики больших любителей категориальных условностей, упускающих из виду важные обстоятельства мира – при том, что общую полезность классификации он признает, да и не особо категоричен при оценке иных переакцентированных в обществе вещей как таковых. В случае моей методики работы с открытыми источниками, в рамках которой оказался возможным мертворожденный "около-черный", или серый, лебеденок Modu (относящийся, в талебовых понятиях, к частично предсказуемым), можно привести следующую метафору. Представим себе дерево некоторой породы, на котором растут яблоки, достаточно густое, а потому с достаточно высокой глубиной

ветвления. И вот, яблоко, растущее выше, сливается с тем, что растет ниже и, подобно капелькам ртути, они образуют плод иного размера, интегрированного окраса и формы. И что такое происходит почти со всеми плодами. В дальнейшем между такими сдвоенными или даже строенными плодами устанавливаются связи, а получившаяся конструкция образует особую внешнюю сеть некоторой ограниченной глубины (ибо яблоки могут расти не только на самых конечных ветках), в которой начинается процесс обмена соками, для которой исходные ветви дерева образуют лишь каркасную и общую питательную структуру. Впоследствии эта сеть плодов опадает или снимается с дерева, и оказывается чем-то отдельно существующим. Аналогичные плодовые сети столь странно растущих яблонь иных пород, наложенные одна на другую, образуют аналог того, что мной называется познавательным контекстом (который операционально всякий раз есть семантическая сеть), выстраиваемым межпредметно, относительно которого оказывается возможным идентифицировать любой иной плод по степени его интегрированности в систему и признакам происхождения. Говоря в общем смысле, любая достаточно глубокая классификация лишь задает онтологические координаты различия, а наиболее значимыми в ней оказываются горизонтальные и диагональные связи, а также связи между конечными таксонами, образующие очередной порядок связанности, становящийся более предметным, нежели умозрительным[111]. Исходная классификация оказывается осмысленной именно для них и для образования первичных новостных кластеров. К тому же не будем забывать, что в логике правила классификации считаются именно квазиправилами, а сама она как инструмент рационализации имеет ограничения на свою применимость.

Когда Талеб говорит о "сюрпризных" событиях применимо к истории – про то, что между ними ничего существенного не происходит, это весьма напоминает артрологические идеи Р.Барта, а также то, что касается самосвязанной, но открытой, системы взаимодействующих вещей, дополняющих антропологические семантическую, социальную и экономическую (товарно-денежную); ну и, конечно, в отдельных случаях – собственно загадочный фрактальный феномен "окна стабильности". Эти

[111] Тогда как исходная категория демонстрирует обратное ветвление корней, в пределе заканчивающееся если и не клубнями (в случае плодового дерева), то постмодернистским ризоматическим мочалом.

вещи стоит рассмотреть подробнее, поскольку связаны они с введенными им понятиями Среднестана и Крайнестана (как очевидным образом соответствующими режимам стабильности и бифуркации), в рамках критикуемого им "платонико-гауссианского" способа оценки событий, реализуемого, говоря словами этого текста, в рамках ошибочной модально-темпоральной логики. Если в Среднестане возможно постепенное накопление знаний на основе данных, а выходящий из ряда вон случай не влияет на общую сумму взятой совокупности объектов, то в Крайнестане – наоборот, накопление знаний определяется скачкообразно и неровно, а единичный случай выборки может оказать влияние на значение суммы всей совокупности. Очевидно, что у Талеба именно Крайнестан является родиной черных лебедей, которые, в аспекте данного различия, ассоциированы у него не с "естественным" состоянием усредненного элемента множества (или может в разы, но не на порядки, отклоняющимся от усредненного), а с "социальным" и "информационным" (читай "искусственным") элементом (представленным управляющей системой или суммой денег), отклоняющимся как раз на порядки от средних значений. Между тем, социальность или искусственность области возникновения "черных лебедей" сильно коннотирует Крайнестан. В следующем разделе речь у него идет о том, что таковой областью также может оказаться область если и не собственно природной, то, во всяком случае, социоприродной, среды; что, в свою очередь, способно обнаружить роль экстернальных факторов в рассматриваемых процессах возникновения "неожиданных событий", но не в смысле темной, неизведанной и пугающей "дикой природы" доцивилизационного периода человеческого существования, а таких, что обнаруживают "неожиданное событие" как управленческий эффект взаимодействия с неизведанным, недоизученным или недопонятым предметом по модели "черного ящика". Что, в свою очередь, выводит логику коммуникативных состояний (и старое доброе вопрошание) с межличностного уровня на человеко-природный.

Когда Талеб говорит о логике (параграф "Не все зуглы – буглы"), он отмечает разницу жизненной и "ареал-специфической" ее применимости, отмечая при этом использование разных ментальных механизмов (или, как он говорит, "модулей") для различных жизненных ситуаций; что соответствует

современному и происходящему, насколько знаю, из США, типологистическому (или, если, угодно, "поливерсальному") подходу к пониманию природы интеллекта (социального, коммуникативного, логического, художественного или какого иного), декларирующему не единственность рационального способа реагирования на мир и не однозначную связанность поведенческой жизненной эмпирики со способами отвлеченного логического оперирования. То, что выше было обозначено как информационные лакуны, встретившиеся мне при исследовании новостного потока о сверхдинамичном рынке сотовой связи, Талеб прекрасно излагает на примере логических "огрехов-перевертышей" из медико-биологической сферы ("отсутствие свидетельств" vs "свидетельство отсутствия"), прямым образом тянущихся в проблематику индуктивизма. В этом смысле "огрех" может быть представлен как метод: задавая вопрос о перечне "отсутствия свидетельств" и последовательно исключая их из познавательного контекста как хаотизирующее множество бессчетных возможностей, оказывается возможным перейти к вопросу о том, "чего здесь нет", обладающему, в отличие от своего "перевертыша", существенным признаком – интенцией на холистическую комплементарность познавательного контекста.

В свою очередь, когда Талеб далее говорит о Поппере, становится ясной его нелюбовь к "платонизациям". Надобно заметить, что попперовская критика индуктивизма является наиболее серьезной темой его исследований, тогда как социологическая теория, мешающая в кучу того же Платона с Марксом и еще невесть кем, объявляя их скопом архаичным корнем фашизма, многими "специалистами по общественным наукам", скептически оцениваемым Талебом, рассматривается с кривыми физиономиями, но лишь по причине ее неубедительности и сомнительности, а не оттого, что она что-то революционно опровергает или провозглашает вопреки чему-то "косному и замшелому"[112]; зато неизменно становится штандартом господина Сороса, превращающего этот научный полуфабрикат в идеологию "открытого

[112] Тот факт, что платонистическая традиция, вкупе с дискурсом универсалий и абсолюта, повлияли на формирование концепции "национальной исключительности", не говорит о том, что они были ее непосредственной причиной; здесь имеет место либо подмена кондициональной причинности в смысле Юма монокаузальной, либо подмена формальной или действующей причинности целевой, поскольку принцип закрытого тоталитарного общества в смысле Поппера, воплощенный в задаче полнейшего обеспечения "исключительности" в каком бы то ни было статусе, скорее всего, относится к порядку именно целевой причинности в аристотелевом смысле.

общества", мало рефлексируемую по сути кормящимися с одноименного фонда паразитами, однако прекрасно выполняющую задачу информационных диверсий на территориях присутствия штатовского капитала – капитала тех самых банкиров, что, по словам Талеба, собственные прибыли тратят сами, а собственные издержки компенсируют за счет народа. В свою очередь, цитирующий Талеба автор неокономики Григорьев открыто говорит о своей любви к индукции, подразумевая под ней эмпирику, и пагубе дедуктивизма, под которым впоследствии обнаруживается априоризм. (Полагаю, всю эту путаницу вполне можно разложить по полкам уже ее простой актуализацией, но этим надо заниматься, поскольку "дьявол кроится в деталях", и было бы обидно, если от интересных и продуктивных концепций образованный люд будет отворачиваться по чисто эстетическим причинам из-за таких вот несуразиц.) Однако именно идею "открытого общества", восходящую в своем названии к понятиям постнеклассической системологии, представляющей собой эрудированную недосинергетику, прячущую за кучей названий и концепций недопонимание сути предмета[113], Талеб провозглашает как более сильную и оригинальную, нежели, в терминах постмодернизма, попперовскую критику центрации мышления на "логике эмпиризма" с отказом от противоположной когнитивной способности. С таким же успехом весьма многие любители прогрессивных идей в качестве "великой истины" провозглашают популярное нынче произведение Айн Рэнд "Атлант расправил плечи", не подозревая, в силу отсутствия у них соответствующих знаний в области истории идей, о том, что, подобно "Государю" Макиавелли, это весьма хитроумно сделанный продукт фундаментального брендирования – по меньшей мере, сборник заблуждений, оказывающийся хорошей основой для все тех же идеологических диверсий, специфика которого, в отличие от "Государя", состоит в оторванности от исторического контекста и особом коктейле из идей Ницше и Вебера, а также экономических заблуждений вроде металлодевизного "денежного материала", при полной ликвидации марксовой проблематики, судя по тексту произведения – интентно, но не по существу, троллящей ее начало вкупе с эстетическим блестками металлодевизного денежного стандарта (признаваемого, кстати, Марксом).

[113] Разница между размывающей "академической эрудицией" и четким знанием предмета обозначена в предисловии к книге "Возможность управления...".

Также, как "Государь", это сознательная или неосознанная идеологическая диверсия. Удивительно, что, будучи одурманено образами "льва" и "лисицы", человечество не увидело еще одного напряженного сюжета, достойного хорошего романа – дилемму подлинного государя Лоренцо – деда того, кому был посвящено творение Макиавелли, состоящую в выборе между тем, чтобы творить собственно общество как развитую систему человеческих отношений, будучи за его рамками и сверху в качестве государя – с одной стороны. И, с другой стороны, будучи банкиром – успешно играть в торгово-финансовые игры, как высшие игровые процессы мирного режима осуществления хрупкостей-неуязвимостей-антихрупкостей в обществе.

"Открытое общество" Поппера – продукт той же категории: упрощение, оторванное от сложностных и, кстати, эмпирических, порядков социальной реальности, воспринимаемое людьми бизнеса, по моим личным наблюдениям, не столько из-за соответствия их "глубоко анализируемой" жизненной практике (способность к которой ставит под сомнение сам Талеб), сколько из-за простоты восприятия, как весьма удобная "антиправая" (но интуитивистски далеко не "левая") конструкция, вполне приемлемая для представителей системно и по своей капиталистической сути право (а, в зависимости от объема финансового капитала в сторону его увеличения, по моим же собственным наблюдениям, и ультраправо) ориентированных представителей "бизнес-сообщества".

Талеб говорит, что переплетение цепочки фактов объяснением, тождественным для него логической связи, чревато формированием иллюзии понимания. Это верное наблюдение расширяет давний герменевтический тезис об объяснении для лучшего понимания. Однако объяснение еще не есть логическая связь. Объяснение есть демонстрация структуры, устройства или внутренней сути и, конечно, в числе прочего предполагает компонент причинности, который из логических отнюдь не единственный; можем ли мы вообще выскочить из логики без того, чтобы наше оперирование представлениями было осмысленным? Так, если факты даны в цепочке, то они уже скортежированы, то есть представляют собой упорядоченное в последовательность множество, и закономерным будет вопрос о случайности этого кортежа; в свою очередь, отсюда проистекает

вопрос о том, насколько данная выстроенная цепочка фактов оказалась здесь, сейчас и при данных обстоятельствах (то есть фактически) представленной именно в таком порядке наблюдателю, хотя очевидно (и особенно безотносительно к логической связи) могла бы быть выстроена относительно него каким-то иным образом? Именно в этом вопросе, пожалуй, и заключается основа моего собственного вопроса о сверхрациональном и тех специфических порядках управления, о которых речь идет в идущем далее материале, посвященном эпистемическому доверию миру, а также – одна из ключевых особенностей пансимволистического средневекового мировосприятия (чреватая определенными когнитивными опасностями). Это не говоря про то, что любой набор логически якобы не упорядоченных фактов (даже без "цепочки"), будучи конкретным и конечным, уже может быть представлен их конъюнкцией – ассоциативной логической связью. Конечно, здесь можно сказать, что эта их связь будет не информативна, однако в своей конкретике она будет прагматически отсылать к вопросу о причинах своего "dasein" этого набора – подобно тому, как это имеет место в случае с кортежем. Осознание совокупной данности наличного набора фактов и является первичной формой объяснения, за которым следует отбрасывание того, чего нет, и предполагание источников воздействия.

...и наверняка здесь Талеб скажет, что самую суть-то я и не понял.

Он говорит, что теоретизирование подобно биологическому устройству, и что от него непросто избавиться. Но всегда ли так было? Не культурная ли это привычка? Ведь некогда античный грек также был предметно-практическим, и воспринимал мир также лишь в совокупности фактов, связывая их не менее предметно-практическим мифом о деяниях богов, столь похожих на людей – то есть теорией, или "богогласием". Иное дело – кельты: их мир полон связей и ветвей, порой ризоматических или даже мультиризомных, причем настолько, что внутримирные фактические объекты оказываются лишь их проявлением, и среди них обнаруживаются весьма химерические существа, оказывающиеся эффектами игровых экспериментов с этими связями. Сам я не люблю сомнительное слово "факт", и почти никогда его не использую – за исключением случаев применения к медийной реальности, осуществляющей конструирование фактов удалением лишних обстоятельств и добавлением

(либо акцентированием) нужных. Ведь, говоря в здешних терминах, сам Талеб говорит об осмотрительности в доверии избыточной медийной "фактологии" насчет появления злых черных лебедей. Приверженец фракталов говорит о "турнирных эффектах", создающих неравенство посредством массовизации знания о некоторых, актуализированных, продуктах. Де факто это социальная флуктуация, забирающая на себя ресурсы. Однако эта флуктуация оказывается востребованной через масс-медиа и доступ к медиаресурсам. Это когда Талеб говорит об аргументе экономиста Ш.Розена, не включающем фактор удачливости. Насколько, однако, оправдано объяснение коренящейся в случайности удачливостью разницы массового спроса, регулируемого санкциями такого управленческого инструмента, как медийная отрасль? Которая, в свою очередь, коренится в классическом марксовом определении того, кому она служит, а сегодня сама причудливым образом оказывается симбиотическим корнем актов государственного управления, выражая интересы господствующих элит. Собственно, ссылка на Пьера Бурдье при объяснении Телебом кумулятивных преимуществ (эффекта Матфея) насчет независимости успеха от глобализации культурной и экономической жизни и есть имплицитная отсылка к отрасли масс-медиа и культурных индустрий в смысле Д.Хэсмондхалх.

По поводу же высказывания Талеба о том, что за нашим упорядоченным восприятием мира стоит биология, мне возразить нечего, но есть что добавить. Биология (или даже во многом социобиология) стоит за первичным (или привычным) нашим восприятием. А дальше идет выбор целенаправленного формирования привычек, являющихся результатом сознательной работы упражнения, по сути искусственных. И зависят они от характера этой целесообразности и прочих условий эксперимента.

Старый добрый "эффект Матфея" рассмотрен Талебом на примере цитатной актуализации в научной статье нескольких авторов, при игнорировании не менее талантливых и трудолюбивых, составляющих "антибиблиотеку Умберто Эко". По сути, здесь имеет место тот же порядок отбора доминирующих флуктуаций (случайных по своей природе), как в примере с Розеном. Или, кстати, как в примере с последовательно отбираемыми шестью костями из тех, что выпадают числом "шесть" – вместо того, чтобы

бесконечно долгого осуществлять броски с ожиданием случая выпадения "шестерок" на всех шести костях[114].

Весь вопрос (то есть "узкое место") в случае с отбором нескольких авторов по Мертону – в этом самом "чем-то приглянулись" обратившему на них внимание читателю, одновременно оказывающемуся автором очередного порядка. Дополнительная сложность возникает в связи с тем, что "приглянуться" некий автор может сообразно тому, что можно было бы назвать "абеляровой комплементарностью", когда коммуниканту открыты лишь те части и качества взаимодействующей с ним сущности (и, соответственно, его собственные – для этой сущности), которые актуальны в пределах текущего взаимодействия, но вот почему возникающий вследствие этой комплементарности результирующий конструкт смыслов оказывается доминантой массового внимания – отдельный вопрос, частью которого оказывается имплицитный в нем же еще один вопрос – о случайности.

Аргумент Талеба здесь – хорошие вилы в бок идее научного авторитета, основанного на "индексах цитирования"[115]. Для меня же верным и очень значимым оказывается его указание на клики взаимоцитируемых коллег-ученых, создающих содержательную засветку для тех хэдхантеров, что ищут уникальных экспертов под "искушенные инвестиции".

Стандарты научности и фрактальный стандарт жизни

В контексте моих собственных штудий стоит отметить еще одну, сделанную Талебом, вещь – то, как он прошелся по математикам – представителям того, что в иных эмпиреях именуют носителями математического стандарта научности, идущего от нововременных скептиков и марбургских неокантианцев. Очевидной "новостью" (переоткрытой, однако, лишь в XX веке) является то, что природа не использует математических формул, но повсюду оформляется и мультиплицирует формы, творя тем самым материю. Тем не менее, сегодняшний человек, творя, в массе своей по-прежнему не доверяет исходному сочетанию форм, неизменно требуя опосредовать их формулами. И, в общем-то, если следовать талебову совету наблюдать мир "как он есть" с редукцией общности (который, по сути, есть

[114] Сей пример в свое время нам рассказывали на семинаре по методологии естественных наук.
[115] Можно добавить здесь иной, хорошо известный, пример – Спинозы, почти на столетие забытого после его смерти.

призыв к феноменологической редукции), то на уровне практического действия это есть совет наблюдать непосредственное существование и взаимодействие форм и сил. Стремление человека к алгебраическому опосредованию также понятна: именно она сегодня представляет тот способ оперирования общностями, что дает конкретный прикладной результат. Однако в большинстве случаев конкретный смысл результата такого оперирования не дан, и эту игру мы предпочитаем той игре форм, что называем лишенной научного статуса художественностью, что одна лишь способна адаптировать результаты этого опосредованного оперирования природными формами к нам самим. Хорошим комментарием ко всем этим вещам также будет "Время картины мира" М.Хайдеггера, а также указание не то, восходящее к античности, обстоятельство, что привело к сегодняшнему помещению де-факто квадривиального (в сегодняшних понятиях – строго научного) музыкального знания в область художественного искусства.

Продолжая далее научностную тему, можно вспомнить то, что Талеб говорит о физиологии допаминовых рецепторов. Крайний скептицизм есть также физиологическое состояние: его предельная естественная форма есть нечто на стыке перманентной иронии, стеба, игры (научение посредством которой рассматривается им далее как опасное заблуждение) и того, что в постмодернизме называется "действием посредством ускользания". Здесь обнаруживает себя обстоятельство из "Имени розы" У.Эко, непрочитанные книги из библиотеки которого он назвал "антибиблиотекой": идея Бога, в рамках данной логики оказывающегося величайшим скептиком, создавшим мир посредством хохота, описанным в отравленной книге, из-за которой разгорелся криминальный сыр-бор среди монахов в далеком аббатстве. Однако в этом смысле составляющие "антибиблиотеку" Эко непрочитанные книги никуда не только не деваются, но начинают действовать посредством оформленных недосказанностей хотя бы потому, что познание мира через графемное слово осуществляется в презумпции когерентностной достоверности (соответствия текстов и тем друг другу), а не в презумпции корреспондентской достоверности (соответствия тем и текстов опытному наблюдению). Но в таком случае и библиотека аббатства, и антибиблиотека Эко вместе с ее "позитивнобиблиотечной" частью, инкапсулируются в одну

бесконечную борхесову книгу, дающую всегда что-то новое на произвольно открываемой странице (а другого способа открывания этой книги, похоже, нет)[116], что, в свою очередь, открывает проблематику навигации в этом бесконечном море сведений, а значит, в конечном счете, информативности и осмысленности. Поскольку, однако, эта проблема лежит между бессмыслицами предельной простоты и хаотизирующей бесконечной сложности, постольку ограничение последней обретает смысл лишь в комплементарном соответствии того, что книга открывает, мотивам обращения к ней читателя, всегда носящим прагматический, коммуникативный или диалоговый характер. Не говоря о том, что библиотека, как результат чаще всего довольно длительного процесса приобретения книг, также формируется в соответствии с этими мотивами.

Проблема "леса и деревьев", о которых говорит Талеб применительно к "полушарностям", относится не в меньшей степени и к паралогизмам Канта, и к проблеме соотношения бытия и сущего Хайдеггера: можно ли говорить о личности и познающем субъекте, если она (он) суть производная системы отношений, кочующая, подобно волне, по межсущностному "субстрату бытия"? Такого рода лингвистические обороты пугают неподготовленного читателя, однако оправданы, когда требуется демонстрация сочетания принципиально различного – как в случае аристотелевых формы и материи, своей игрой создающих современную категорию информации. Между тем, скептицизм в смысле Талеба – куда более физиологически приемлемая позиция, поскольку, будучи доведена до своего иронично-хохмачного предела, переводит умосозерцающий организм в режим самоисцеления; в отличие от той же феноменологии, повергающей этот организм в кататонический транс бесконечной кэрроловской (или, может, антикэрроловской?) саморефлексии непосредственного опыта. Стебущийся и хохочущий скептицизм вполне может быть торговой маркой философии как "веселой науки".

Талеб видит пагубу в самой упорядочивающей функции науки, как нам она известна от Поппера и К^{o}, но не в том, что такая функция оказалась пагубной именно в данном наборе собственных познавательных стандартов; это – в рамках его же призыва обращать внимание на контекст происходящего. Что

[116] Борхес довел до предела старую игру "гадания по книге".

касается ассоциации им науки с мифом и сказкой, то здесь у меня возражений нет.

Далее он ассоциирует то, что в логике и теории аргументации известно как ошибка поспешного обобщения, с принципом нарративности как таковым, якобы уже всегда содержащим пагубу обобщения, изолирующего нас от мира. У него в связи с критикой обобщений часто непонятен характер внутритекстовой квантификации – так, его выражение о том, что творческое и научное усилия есть результат нашей потребности истребить многомерность, и навязать Вселенной порядок (в параграфе "Правило Алексея Николаевича"), видимо, следует понимать так, что любые такие усилия следует рассматривать как таковое навязывание в любом случае. При этом он почему-то не говорит про то, что им предшествуют не менее научные и творческие усилия если и не по хаотизации некоторых уже изученных и сотворенных порядков, то всяко по их преодолению, всегда означающему ту или иную степень хаотизации представлений о мире; кстати, это касается и порядков самой концепции Талеба. В своем же социальном выражении талебова "жажда хаоса" и есть ничто иное, как бахтинская карнавализация. А еще это весьма похоже на Бога, творящего мир хохотом из "Имени Розы" Умберто Эко.

Однако если понимать пассаж в конце того же параграфа иначе, то получается простой вывод: сермяжная научная истина – в том, что мир или полностью, или скорее хаотичен. Но такая, очевидно тянущая на умеренный агностицизм, позиция, проистекает достаточно прозрачным образом из его жизненного опыта: войны – в детстве, учебы и биржевой торговли – в зрелом возрасте, составляющие содержание жизни автора, тогда как эмпирически наблюдаемое существование мира выражается трюизмом о том, что в нем есть место как порядку, так и хаосу. Впрочем, сам Талеб далее критикует подобную практику связывания жизненного опыта и "национальных особенностей" (также являющихся основанием "экономического расизма", критикуемого уже Олегом Григорьевым) с мировоззренческой позицией: действительно, отнюдь не многие левантийцы стали эмпириками-скептиками, подобно Талебу. Собственно, "порядку" и "хаосу" как внутримирным началам у него соответствует различие Среднестана и Крайнестана, рассматриваемое в акцентированно гносеологическом и

человекоразмерном ключе. Именно грань того и другого, и роль этой грани в существовании жизни, для нас остается во многом загадкой, несмотря на все наработки "постнеклассики" и наиболее здравомыслящей части "экономической кибернетики" – будь то "точка бифуркации", которая при бесконечном зуммировании в компьютерной модели оказывается бесконечно же дисперсной "вилкой", а не "точкой"[117]; будь то более конкретная точка "антибифуркации", или точка "Y", являющаяся моментом принятия решения о регулярном процессе в проектной концепции управления фирмой О.Григорьева. Однако Талеб как раз и говорит о неуправляемости "черных лебедей", происходящих, прежде всего, из Крайнестана – это ключевая идея его одноименной книги: если "черный лебедь" предсказуем и управляем, то "на самом деле" это уже не черный или не совсем черный лебедь. Данное обстоятельство образа мысли очевидным образом напоминает иные эскапады аналитической философии – например, парадокс Г.Мура "идет дождь, но я в это не верю", а также те вещи, что развивал прагматист Р.Рорти в связи с этим парадоксом (который, как всякий парадокс, есть диалектический "взрыв сознания", ведущий либо к отказу от прежней деятельности, либо наоборот, к началу новой бурной деятельности). Связь идей Талеба с этими философскими вещами заметна и в других местах. Читая его книгу, также получаешь впечатление, что в лице Талеба американская аналитическая философия полемизирует с французскими экзистенциализмом и социальной философией; не очень-то он любит французов, судя по всему.

В параграфе "Воспоминания о не совсем бывшем" Талеб говорит о нарративности и причинности как боязни многомерности[118]. И опять же –

[117] Согласно синергетической геометрии Р.Б.Фуллера, точка – абстракт, достаточной вредный в своей устойчивости: согласно ему, в мире не существует точек, но есть пересечения и петли, то есть взаимодействие, или "коммуникация сплетений" непрямых линий. В этом смысле стоит осуществить еще одну демаркацию идей Талеба от идей прочих авторов: когда он критикует "линейность" в Среднестане, то, скорее всего, следует подразумевать прямолинейность: когда в рамках подобных нарративов противопоставляется нечто "линейное" и "нелинейное", обычно сама нелинейность оказывается выступающей в каком-то невероятно абстрактном значении неких, весьма смутных, интуиций тех, кто впоследствии начинает использовать понятия нелинейности. Однако если синергетической новостью оказывается двойка, а не единица, как начало численности и оформленности мира, то речь здесь должна идти, скорее, о прямой и непрямой линейности, нежели о "линейности" и ее отрицании без позитивно выражаемой альтернативы. Рассуждения Талеба о нелинейности мира прекрасно демонстрируются геометрической эстетикой некоторых рисунков Эшера, где в свободной "экогеометрической" нише вдруг обнаруживается новая живая форма, ее заполняющая.

[118] Действительно, в аспекте сказанного в предыдущей сноске прямую линию так удобно поставить торцом и тем превратить в обобщающую точку как нечто якобы реальное и "объективное". Еще бы – ведь точку

уточнение: это конкретная нарративность и конкретная причинность; то, что в психологии называется рационализацией. При этом что есть хаотизирующие нарративы постмодернизма, как не гимн "непостижимой" многомерности бытия и форм? Однако здесь Талеб вполне ведет речь в русле постмодернистской критики логоцентризма нарративов, компенсирующих страх перед внутримирным хаосом. Насчет поднимаемой им темы смешения воспоминаний с линией времени спору быть не может, равно как того, что нарративность способна плохо влиять на память. Однако здесь, по-моему, также давно и много чего сказано хаотизаторами-постмодернистами в плане "смерти авторства" и критики литературоцентризма, составляющего основной принцип самопознания русского общества до тех пор, пока в него не проник целостный социально-научный Маркс и К^{о}.

Собственно, то, о чем ведет речь Талеб в восьмой главе "Черного лебедя" касательно отбракованных вариантов истории, и того, что мы большей частью склонны видеть истории успеха миллионеров по физиологической привычке, не утруждаясь фальсификациями наших познавательных установок многочисленными случаями неудач, является предметом частых упоминаний Григорьевым, когда он ведет речь о неоекономическом понимании вопросов существования фирмы[119]. Между неоекономикой и тем, о чем говорит Талеб, имеется немало иных соответствий: например, когда в параграфе "Что видно и чего не видно" речь идет об отъемно-распределительном принципе помощи пострадавшим во время трагедии в

обозначил чем-то более фундаментальным, чем линия, авторитетный Евклид, а те линии, что не превращаются в точку, какие-то неправильные, неверные, ненадежные и хаотичные, ибо непонятно, как и чем они образованы. Эти линии всегда есть нечто большее в образуемых ими фигурах, чем они сами, и за ними теряется сама "линейность", которая, в платоническом рассмотрении геометрии (заведомо критикуемом Талебом как все платоническое), должна быть рассмотрена в "максимально первичной" идеальности. Однако именно для непрямого новостью все равно оказывается линейность, но в этом случае она именно что многомерная. Для Фуллера первичной правильной многомерностью являются две противонаправленные ломаные линии, каждая из которых образует "реальный треугольник" (с возможностью его проекции на плоскость), тогда как во взаимозамкнутом виде они образуют тетраэдр – первичную объемную фигуру с углами.

[119] Философские основания позиции Григорьева я все больше нахожу близкими контовым, но без особой платонизации, ибо иерархии чужды Олегу Вадимовичу. Деньги, делающие деньги – лейтмотив неоекономики, и потому вполне логично ожидать на вершине все равно вылезающей здесь общественной "пирамиды" пользующихся услугами "экспертов" (не экономистов ли?) банкиров, определяющих перспективность и разумность инвестиций в те или иные направления, и неизменно становящихся объектом разного рода конспирологических нападок; неоекономика – про власть денег, происходящих от государственной власти, созданной стационированным бандитом, защищающим неприкосновенность храма-склада как первейшего предметно-технологического, сиречь искусственного, источника ресурсов.

Новом Орлеане за счет сокращения субсидий исследователям. Григорьев говорит о том, что как индустриализация в СССР была осуществлена за счет ограбления крестьян, так и вся система рациональной бюрократии основана на том же принципе "обращения граждан" к чиновникам и перераспределения ресурсов от одних групп и категорий к другим – в противовес той же системе конкурентного администрирования, все-таки составляющей управленческую основу внефинансового администрирования в США, несмотря на элементы бюрократической классики. Лично мне в наводнении в связи с эпичным ураганом на "родине джаза" было непонятно другое, причем сразу же когда это случилось, поскольку уже тогда я изучал все то, что касается вопросов "мобильного жилья": почему FEMA – американской аналог российского Министерства по Чрезвычайным Ситуациям (МЧС) – не удосужилась развернуть в Новом Орлеане компоненты мобильной инфраструктуры, заведомо имевшиеся в распоряжении этого агентства, и тем самым избавить пострадавший город от бродяжничества, мародерства, грабежей и болезней? При том, что ураган Катрина для FEMA – событие из Среднестана. Здесь напрашивается особый вывод, касающийся "черного лебедя": либо в случае возникновения его "злого варианта" каким-то образом перестает работать стандартный механизм реагирования, и это весьма интересно для столь могущественного ведомства, которое в Штатах, в отличие от российского МЧС, имеет репутацию не только силового, но и отчасти репрессивного, органа; либо имел место саботаж, и все равно интересно, почему не использование столь очевидных решений было столь очевидным образом упущено из внимания и не получило широкой огласки в СМИ. Ведь именно такое ведомство, как FEMA, по идее, должно быть населено специалистами если и не по "черным лебедям", то, во всяком случае, по фрактальным представлениям будущего уж точно. Непонятно, как в данном случае "внеминистерское" агентство, работающее в модели "сдержек и противовесов", оказалось несочетаемым с ключевым, предполагаемым в рамках этой модели, принципом свободных флуктуаций конкурентных предложений – при том, что в производстве самого широкого спектра различных префабов, трейлеров, кемпингов и прочего США занимает одно из ведущих мест в мире, не говоря про то, что США – родина Р.Б.Фуллера с его фунаментальными концепциями подобных вещей.

Талеб как эмпирик провозглашает ценность одного типа знаний перед всеми остальными. Но тому, кто считает себя противником центрации, будет непонятно, почему следует ценить некий один тип знания, когда для других типов также могут быть найдены случаи их применения – благо под такие случаи они и оформлялись.

Его рассуждения про ученого, который долгое время следует своим путем, наблюдая вокруг чужой праздник жизни – очень знакомая история и для меня, и для всех тех, кто подвизался делать что-то очень важное с отсроченной выгодой, и довольствуется теми мотивами, что наблюдает вокруг себя. Однако с некоторых пор, наблюдая иную группу людей, коим досталось не так много, как еще, казалось бы, с недавних пор празднующим, и также ищущим себе праздника, но во многих случаях тщетно, я заметил, что моя участь не столь уж плоха. И еще – то, сколь верны в своей наблюдательности были североамериканские индейцы, утверждавшие, что болезни человека происходят от несбывшихся желаний. Не особенно любя хитреца Бэкона Веруламского, я всегда сопротивлялся демонам успеха и хотелкам подражания – их массовое проявление всегда или почти всегда есть следствие социальной несправедливости, а не девиация (подобно тому, как если бы у какого-то человека вырос пушистый хвост, хотя люди от природы бесхвостые: конечно, можно им гордиться, но в повседневную органическую норму он не входит – равно как некоторые виды имущества), что бы ни говорили мне Талеб и прочие разные авторы насчет случайности распределения серебряных ложек по ртам при рождении или в течение жизни – я давно усвоил разницу цен человеческих категорий, зависящих не от качества ложек и их наполнения, а от воспитываемого отношения к ним. И прекрасно понимаю, о чем говорит Талеб насчет события, которое долго ждешь и которое происходит и разом ставит все на свои места, либо никогда не происходит. Последнее, впрочем – повод сделать то, что можно было бы назвать самофальсификацией, или критикой собственных ожиданий, за которой следует их коррекция и меры по обеспечению достижимости желаемого события.

***

Если Вселенная есть голограмма, то она же есть фрактал, ибо последний есть суперпозиция последовательных разбиений голограммы. И если в каждой

меньшей части рекурсивно представлена вся Вселенная с меньшей четкостью, то место этой меньшей, или недостаточной, или хаотичной, четкости занимает структурность масштаба части разбиения. Именно поэтому мы усматриваем и различия в уровнях организации материи от космических масштабов до субатомных, и подобия. Много десятилетий прошло с тех пор, когда Дэвид Бом выдвинул подобную концепцию, но продуктивные выводы из нее для человеческого масштаба, похоже, так и не были сделаны. Объяснение открытому Аланом Аспектом в 1982 году (за год до смерти Р.Б.Фуллера) явлению взаимодействия электронов безотносительно к сколь угодно большому расстоянию Бом дал в том ключе, что-де такая разделенность (пусть даже в сотни миллиардов километров) – лишь иллюзия, а сами электроны представляют собой часть единой вселенской "голографической" целостности, которая, в свою очередь, во многом оправдывает полностью наплевательское отношение к эйнштейновой ограниченности скорости природных процессов скоростью света. Однако такое объяснение механизма взаимодействия оставляет впечатление некоторой недосказанности. Хорошим дополнением здесь будет указание на то, что в таком вселенском единстве (а почему оно, кстати, должно быть сверхмногомерным?) есть еще такие вещи, как чередующие сжатия и растяжения продольные волны, передающие импульс тем более быстро, чем более плотна среда его передачи (лежащие в основе тесловского представления о возникшем из повторения опытов Герца "белом электричестве", распространяющемся в мировом светоносном эфире, плотность которого Тесла считал большей, чем плотность стали), а также имеющий место во вселенских масштабах фуллеров приоритет нагрузки растяжения перед нагрузкой сжатия, создающий сегодня впечатление (едва ли не иллюзорное) "бесконечно", но с курьезными исключениями, расширяющейся Вселенной. Иначе говоря, движущаяся в сторону "постнеклассики", ошибочно выдаваемая иными учеными за аутентичную синергетику, современная физическая космология прекрасно дополняется теми вещами, что по праву могут быть обозначены как разрозненная, но все более явственно обнаруживающая глубинные связи, исследовательская программа "сверхнового пифагореизма"[120], который свидетельствует не столько об абсолютно неуязвимых или антихрупких

[120] См. выше раздел "Схематический нарратив о натурфилософских...".

вещах, сколько о трансисторической воспроизводимости оптимальных форм (представленных элементарной геометромеханикой тетраэдра или соотнесенности радиусов), обнаружение которых удивительно и занимательно именно как чудо не подверженности времени.

Поскольку фрактал – столь же распространенная тема в современных академических диспутах, сколь же и в расхожих интересах обитающих вокруг нее зевак, позволю себе высказать пару слов по связанному с ней моменту, весьма часто становящемуся моментом ошибочного понимания этого феномена. Соображение возникло в 1997 году. Для меня эта давняя заметка важна в свете того, что было сказано по поводу рекурсии, понятие которой, как выясняется, может иметь различные толкования.

В большинстве случаев содержание наблюдаемого, именуемое как фрактал, не есть он сам, но, так сказать, фракталоид, ему соответствующий. В чем разница? Фракталоид не есть рисунок структуры, но, прежде всего, сама растущая или развивающаяся (то есть динамическая) структура (или даже система, имеющая фрактальтную структуру): растущая – если геометрически реализует способ (формулу) данного структурирования, развивается – если приобретает новое качество структуры (меняет формулу) без разрушения самой системы – в зависимости от изменения экзо- или эндогенных факторов. Фрактал же в мире конечного, данного (человеческому) наблюдателю, есть прежде всего сама эта формула, или математическое уравнение, выражаемая в идущей от картезианства методологии координат. Статичный же рисунок (например, широко известная ветвящаяся мандельбротова "паутина") может лишь символически намекать на фракталоид (например, конкретное дерево, или губку) или фрактал как полнейшую реализацию фракталоида в бесконечности, но в реальности ограниченную пределом.

Нарушение периодичности фрактализации (рекурсивного структурирования) имеет прикладное значение в онкологической интерпретации, то есть относится к области аналитического, или диагностического, обеспечения сферы управления отдельным организмом.

Если помнить о том, что фрактал есть явление, обратное явлению (идеальной или абсолютной в физическом смысле) голограммы (то есть такого объекта, в

котором информация о целом содержится в каждой его части, и такого, что его последовательное и равномерное разбиение с последовательной же суперпозицией полученных в результате такого разбиения элементов образует фрактал), то можно констатировать, что такую же интерпретацию могут иметь некоторые непериодичности во фрактальном множестве. Соответственно, эти непериодичности должны соответствовать некоторой хаотичности в голографическом изображении – например, пропускам уровней разбиения либо одноуровневых элементов разбиения в иерархии суперпозиций. Нарушенное изображение должно быть локальным относительного всего образа, однако оно может распространяться и на целое.

А потому оказывается возможным строить математические модели процесса метастазирования в такой, голографической, интерпретации. Ибо живому организму, с одной стороны, свойственно несение информации о целом в его частях и, соответственно, компенсация утраченных функций одного органа иными органами (или их группами), специализированным на другой функции, а с другой стороны, установление резонансов и диссонансов органами и подсистемами между собой по принципу обратной связи.

Последнее, впрочем – давно известные общие вещи о принципах работы организмов. Здесь же важно, что рассматриваемый момент рекурсивных систем может быть применен также в системе научной методологии и для других сфер управления (социальными и надличностными природными процессами), с применением к ним как рекурсивного, так и "поливерсально-структурного", подходов.

Разумеется также, что фрактал есть частное проявление множества, хотя, наверное, он есть именно высшее проявление понятия множественности и пре-умножения наряду с прочими определениями и выражениями этого понятия (например, наряду с аттрибутируемым предметам свойством, составляющим суть «аксиомы свертывания»), поскольку именно рекурсивная структура максимально выражает понятия стратификации, материальности, роста и развития (и, до кучи, ритма, сиречь волны). Вряд ли будет преуменьшением сказать, что фрактальность, или рекурсия, есть вторая после множества категория, содержащая метафизические основания

кибернетики «второй волны»; в то же время известно, что кибернетика также начинается с логических матриц (которые на уровне производственно-социальной управленческой конкретики могут представлять собой матрицы "аврально-опытной деятельности", или АОД). Эту взаимодополнительность также неплохо было бы прояснить в смысле рекурсивного мышления самих матриц, возможного в свете некоторых идей Н.Решера. Действительно, любая ячейка в матрице АОД может быть разбита (или, точнее, развернута) в некоторую структуру изложения, представляющую последовательное сочетание событий, каждое из которых оказывается опытом лишь в меру его актуальности в рамках данного изложения; смена сочетания событий и их актуальностей (машинно – с помощью фильтров и усилителей) способна привести к иному общему значению оценки в данной ячейке матрицы АОД.

Заключение

Благодарю Вас, дорогой читатель, за время и желание прочесть, остановиться, задуматься и поразмышлять. Моя вторая книга "Частично управляемое. К новой эпистемологии", будучи книгой о "частичном", сама вызывает у меня ощущение частичности и недосказанности, но вместе с тем и того, что, как любая недосказанность, является связующим звеном иных тем – в данном случае и в первую очередь, между принципиальным вопросом об управлении, поставленным в предыдущей книге, и поднимаемым жизненно важном вопросом о формировании человека, который, согласно иному своему, следующему из вопроса же, определению, есть существо, "что утром ходит на четырех, днем – на двух, а вечером – на трех ногах", а значит, в рамках этого, заключенного в предпосылке вопроса, определения его природы, отсылающей к этому осознанию собственной конечности и дальнейшему осознанию того, что способность к такому осознанию и есть то, что составляет суть человека, за которым следует, в рамках уже этого постижения, постулирование принципиальной человеческой бессущностности и захватывающее дух обнаружение способности к творению мира воображением и фантазией[121], с которой связан невероятный потенциал способности к выбору – увы, для многих людей оказывающемуся непосильной ношей, но лишь в меру обремененности некой, навязанной ему, "природой" (обычно через "сверх-я"), которую большинство толком-то и не знает, как использовать.

Безсущностность человека, не сводимая ни к его божественно-благостному началу, от которого он якобы отпал[122], ни к разного рода "научно обобщенным гипотезам" насчет его социальной функции (изначально нейтральным, но в силу надуманности и доверительности представляющим всю ту же платонизацию) делает его проводником, усилителем и сочетателем, реализуя собственно механизм творчества! Важной новостью здесь оказывается то, что эта творческая способность к воображению оказывается институционализированной в обществе и, тем самым, становится как условием реализации, так и ограничителем, свободы человека! Эта двойственность соотносится с софистическим тезисом о человеке как мере всех вещей, и связана с одним из трех фундаментальных антиномичных вопросов философии – о языке как средстве: познания или

[121] Согласно "строгим биологам", человек – редкий случай живого существа с наиболее развитой способностью к сексуальному фантазированию (по крайней мере – среди прочих существ, у которых может быть обнаружено подобие этой способности).

[122] Хотя не исключаю того, что некогда людское сообщество имело и более совершенные формы (но без чрезмерных платонизаций) – особенно глядя на то, как деградируют иные люди.

воображения (а значит – управления и, в сволочных случаях – манипулирования). Тем самым выраженная в этом античном тезисе установка (особенно в моменте "и", присутствующего внутри этого "или") отсылает к медийному измерению антропологии, поелику софистика и риторика суть вообще протомедийные исторические феномены. Что тем более актуально в позднекапиталистический период планетарной жизни человечества. И содержит моменты тех продуктивных возможностей, которые способна предоставить медийная отрасль сама по себе, рассмотренная в широком контексте своих текущих перспектив и трендов. Это не значит, что дальнейшая тема может быть сведена только к media, равно как того, что собственно институт антропологического формирования (не имевший прецедента в обозримой исторической ретроспективе до не таких уж и давних пор) должен рассматриваться в каком-то фиксированном ключе, однако в его рамках обнаруживается нечто инвариантное, и этому инвариантному будет уделено внимание в следующей книге вместе с некоторыми вещами как раз-таки манипулятивно-репрессивного характера, непосредственно угрожающими способности человека быть свободным. Что ж, до своего первичного перевода, этимологически, философия – любовь к свободе, именно потому она есть знание лишь во вторую очередь.

Что даст новая эпистемология? Прежде всего – презумпцию действия. Так или иначе, но мы (говоря «мы», я имею в виду представителей так называемого «трезвого научного сознания») больше не можем игнорировать факт целостности мира, в котором это самое «трезвое сознание» – лишь часть, помимо которого нечто «неосознаваемое» не только существует, но и действует, и не постигается до конца. Конечно, эта мысль совсем не нова; но нельзя отрицать и того, что у нее, по большому счету, не было той аргументации, что делало бы ее в «достаточной степени» общенаучной. И даже если брать к примеру столь авторитетные вещи, как учение В.И.Вернадского о ноосфере, все равно большинством научных сознаний оно относится к некоторой, конкретной, предметной определенности, причем относится скорее чувством или интуицией, нежели рассудком, не будучи распространяемо на прочие предметные области, и не будучи соотнесено с холистическим взглядом на мир – сегодняшнее массовое научное сознание все еще отрицает холизм. Во многом в преодоление этого мировоззренческого обстоятельства такой, казалось бы, расхожий, тезис о целостности, взятый с точки зрения эпистемы и общих вопросов управления (а также неизменно следующий за ним вопрос о целевой причинности, также

избегаемый все тем же массовым научным сознанием) представился мне тем, что должно быть расписано в нескольких главах.

Потому, конечно, в этой книге обозначена попытка говорить о том, что управление «с позиции скромности» не только не означает слабую позицию меньшей эффективности такого управления, но как раз наоборот, поскольку исходит из гипотезы о принципиальной, но не обязательной, познаваемости и осваиваемости мира. В этом – особое отношение к актуализации располагаемых управляющим агентом возможностей, в морально-историческом плане – стремление прояснить некоторые христианские истины с научных позиций, придерживаясь при этом того, что это, прежде всего, позиции разгадывания загадок и решения задач (по степени их фундаментальности и сложности). Иначе говоря, это попытка говорить о том, что взаимодействие с миром возможно с позиций частичного и недосказанного, но что более важно – с позиции недостаточно известного, структура чего в общеметодологическом смысле не может быть сведена к формально-логическим энтимемам. Последнее оказывается особенно существенным для решения ряда задач в области управления обществом.

И, конечно, книга – лишь начало способа говорить «таким образом», но в более четком прояснении того, что есть этот «образ»; приглашение к дискуссии, которая должна к чему-то привести. Прежде всего – к изменению субъекта, «таким образом» говорящего и мыслящего, коим, в известных исторических ретроспективе и перспективе, все еще является человек. Возможно, для того, чтобы он таким субъектом и оставался дальше (вопреки гипотезам некоторых эволюционистов, считающих следующими претендентами на роль разумных существ после человека головоногих моллюсков). Во многом книга также является попыткой преодолеть имплицитную солипсистскую позицию, также имеющую место в индивидуалистической конфигурации мировосприятия современных образованных людей.

Кто бы что ни думал, но все те вещи, что обозначены здесь, также рассчитываются на использование в сугубо прикладных и технологических целях. И образ того, кто будет воплощать эти цели, в первую очередь определяется его отношением к собственной способности действовать, в том числе – к относительности ограничений этой способности. А вот что это за субъект действия, и каковы его возможности, есть предмет еще одной, отдельной, работы.

Республиканское устройство общества (в переопределенном или, вернее переоткрытом значении этого выражения) как раз и обеспечивает управление системой разделения труда (причем в режиме самоорганизации), о котором говорит Григорьев в конце своей книги "Эпоха роста" как о ключевом вопросе конца этой эпохи. Однако связанное с этим управлением усвоение идеи разделения труда как именно сложной идеи оказывается возможным лишь в рамках особой, причем институционализированной, реальности управления смыслами, которая сегодня даже не сформирована, но которая, скорее, будет также носить более распределенный характер, нежели медийная среда эпохи известного нам позднеиндустриального капитализма, который до сих пор кое-кем именуется "постиндустриальным".

Даже когда Григорьев ведет речь о взаимодействии систем разделения труда, то так или иначе имеет в виду что-то достаточно очерченное в своих границах и целостное, к чему обязывает слово "система", хотя и делает оговорку о том, что внутри каждой такой системы можно обнаружить мириады других подсистем, а средством межсистемной коммуникации оказываются деньги. Тем не менее, используемое в этой книге представление о межсистемности имеет иной характер: здесь речь идет о неполноте как принципиальном исходном условии, а значит – о принципиальной потребности и спросе, удовлетворяемых в рамках более высокой целостности, из признания которой проистекает задача интеграции, но никак не квазигосударственной, властной по сути, денежной экспансии финансово-промышленного характера, в своем пределе известного под именем империализма; в последнем нет ничего, кроме архаичной сути, часть которой – феодальная. То есть в рамках этой работы речь идет не о взаимодействии систем разделения труда как функции "денежного обращения", но о собственно функции частичности как особой природной функции.

Неполнота и частичность предполагаются в качестве новой парадигмы хозяйствования, выходящей не только за рамки национальной экономики или транснациональных отношений (которые также, кстати, всегда в конкретном случае ограничены по числу участников), но на куда более масштабный уровень. Она предполагает, прежде всего, признание неполноты и частичности в качестве ключевого условия спроса, и даже больше: возможность предположить, что моя неполнота или нецелостность может при определенных условиях стать чьей-то еще, а чья-то – моей, из чего сама категория спроса способна изменить свою природу. Но до этого

нужно разобраться в механизмах и структуре продукта смыслопорождения (который в современном институциональном варианте носит массовый характер), дабы в сермяжном смысле обрести свободу и провести феноменологическую редукцию нашего бытия на, так сказать, промышленном уровне.

Для решения этой задачи лоцманам века сего, еще помнящим "постфеодальный мир", для которых написана эта книга, предстоит вести "космический корабль Земля" между сциллой неполноты и харибдой частичности, поскольку однозначных путей и решений, что становится очевидным уже для слишком многих, не существует. Возможно, моя попытка обозначить путь станет не самой удачной, но, по крайней мере, я буду одним из тех, кто попытался ответить на конструктивный призыв, и чувствую себя одним из этих людей, привлекающих Ваше внимание к свету, что Вы ищете для себя и всего человечества, погружающегося сегодня в полную темноту.

Список цитируемых источников

1. М.Гарднер "От загадок Пенроуза к надежным шифрам"
2. Р.Б.Фуллер. Тенсегрити. Перевод Д.Н.Алексеева
3. R.B.Fuller. Synergetics-1, Synergetics-2
4. Р.Б.Фуллер. Critical Path
5. Н.Н. Талеб, выступление: образование уничтожает наш мир. https://www.youtube.com/watch?v=BDuLKdUT24M
6. Н.Н.Талеб. Черный лебедь.
7. Н.Н.Талеб. Антихрупкость.
8. О.В.Григорьев. Эпоха роста.
9. Дж.Акерлоф, Р.Шиллер. Spiritus animalis
10. М.Хайдеггер. «Кант и проблемы метафизики», перевод О.В.Никифорова
11. В.М.Ефимов. Спор о методах и институциональная экономика
12. Р.Ланца. Биоцентризм.
13. Пресс-релиз руководителя Strategic Forces Дж.Фридмана. https://www.youtube.com/watch?v=pLeV1DsIOXo
14. Доклад National Intelligence Council (NIC, USA) под заголовком “Global Trends 2030: Alternative Worlds”. https://ru.scribd.com/doc/115962650/Global-Trends-2030-Alternative-Worlds
15. Прогнозный доклад McKinsey. http://expertonline.kz/a11077/
16. Интервью с нобелевским лауреатом Андреем Геймом. https://www.gazeta.ru/science/2013/05/29_a_5360905.shtml
17. Атомная бомба B-61. Учебный фильм. http://video.athenaeum.ru/watch/2s4oQnPWrDg/atomnaya-bomba-b-61-russkiy-perevod.html
18. Who Accepts Bitcoins As Payment? List of Companies, Stores, Shops. https://99bitcoins.com/who-accepts-bitcoins-payment-companies-stores-take-bitcoins/

Именной указатель

Список прямо или косвенно упомянутых персоналий разных эпох и рода занятий, постранично и (за некоторыми исключениями) пофамильно.

А

Абеляр П. – стр. 46, 47, 266

Аврелий М. – стр. 143

Аквинский Ф. – стр. 89, 230

Акерлоф Дж. – стр. 53, 55, 61, 319

Аглиетта М. – стр. 43, 61, 288

Аллен Р. – стр. 283

Альберт М. – стр. 266

Альберти Л. – стр. 35, 291

аль-Газали А.Х. – стр. 98, 238

Ан-Наим А.А. – стр. 90, 231

Аристоксен – стр. 237

Аристотель – стр. 18, 34, 35, 113, 116, 120, 230, 280, 290, 291

Артур король – стр. 206

Архит – стр. 137

Аспект А. – стр. 310

Аттали Ж. – стр. 131, 208

Б

Барт Р. – стр. 295

Беркли Дж. – стр. 19, 20

Берталанфи К.Л. – стр. 165, 166

Бильрот Т. – стр. 137

Бир С. – стр. 12, 36, 38, 48, 103, 104, 133, 138, 139, 177, 180, 181, 229, 236, 274, 288

Бодлер Ш. – стр. 18

Бодрийяр Ж. – стр. 84

Бом Д. – стр. 310

Борхес Х. – стр. 304

Брежнев Л. – стр. 129

Буль Дж. – стр. 84, 171

Бурдье П. – стр. 301

Бэббидж Ч. – стр. 132, 263

Бэкон Фр. – стр. 282, 309

В

Вебер М. – стр. 43, 53, 80, 143, 178, 189, 211, 214, 241, 261, 288, 298

Вейценбаум Дж. – 239

Венециано Г. – стр. 159

Вернадский В.И. – стр. 45, 315

Г

Гадамер Г.Г. – стр. 279

Галилей В. – стр. 137, 159

Галилей Г. – стр. 290

Гарднер М. – стр. 217, 251, 277, 319

Гаусс К. – стр. 24, 70

Гегель Г. – стр. 69, 70, 217, 225, 226, 251

Гедель К. – стр. 161, 171, 194, 214, 215, 228

Гезель Й. – стр. 199, 200, 201, 203

Гейзенберг В. – стр. 161, 254

Гейм А. – стр. 121, 122, 219

Гейтс Б. – стр. 138

Герц Г. – стр. 310

Гете В. – стр. 42

Глазьев С. – стр. 131, 133

Гогенштауфен Ф. – стр. 49

Гойя Ф. – стр. 80

Голдберг Р. – стр. 212

Голдрат Э.М. – стр. 172, 182, 203, 236, 261

Греф Г. – стр. 40

Григорьев О.В. – стр. 14, 18, 33, 35, 46, 49, 53, 55, 57, 70, 71, 76, 77, 80, 93, 95, 97, 101, 132, 150, 151, 170, 175, 177, 192, 193, 203, 205, 207, 208, 221, 224, 234-237, 241, 244, 248, 249-252, 254, 272-274, 282, 283, 298, 305-308,

Гук Р. – стр. 139

Гуссерль Э. – стр. 21, 159, 260, 272

Д

Дарвин Ч. – стр. 231, 270

ё Р. – стр. 47, 63, 76, 142, 290

Делез Ж. – стр. 14, 15, 261

Дефо Д. – стр. 29

Джеймс У. – стр. 271

Джобс С. – стр. 138

Е

Евклид – стр. 159, 290, 307

Ефимов М. – стр. 76, 319

З

Зурабов М. – стр. 123

И

Иисус Назарейский – стр. 204, 231

Истерли В. – стр. 53

Иштван З. – стр. 205

К

Казанова Дж. – стр. 212

Калашников М.Т. – стр. 148

Канеман Д. – стр. 278

Кант И. – стр. 23, 24, 46, 61, 63, 91, 152, 156. 169, 183, 214, 216, 231, 259, 302, 304, 319

Кардашов Н. – стр. 86, 87

Карни М. – стр. 205

Кейнс Дж.М. – стр. 53, 78

Кеплер И. – стр. 48

Кестлер А. – стр. 21, 79, 257, 260, 267

Кили Т. – стр. 284

Кларк А. – стр. 30

Кокс Дж. – стр. 165

Коллингвуд Дж.Р. – стр. 240

Комлев Н.Г. – стр. 162

Конуэй Дж. – стр. 251

Королев А. – стр. 262

Краснова Е. – стр. 287

Кромвель О. – стр. 206

Кубрик С. – стр. 274

Кузанский (Кребс) Н. – стр. 277, 284, 289, 291

Кун Т. – стр. 163

Л

Ланца Р. – стр. 155, 156, 157, 159-162, 164 319

Лаэннек Р. – стр. 139

Лейбниц Г. – стр. 23, 25, 26, 46, 49, 157, 158, 218, 261, 263, 276, 283, 288, 293,

Ленин В. – стр. 274

Ливанов Д. – стр. 121, 123

Линч Д. – стр. 274

Лиотар Ж. – стр. 129

Ломоносов М.В. – стр. 142, 155, 279

Луллий Р. – стр. 263

Люксембург Р. – стр. 205

М

Макиавелли Н. – стр. 298, 299

Максвелл Дж. – стр. 47, 76, 137, 290

Мандельброт Б. – стр. 251, 252, 261, 276, 288, 293, 311

Маркс К. – стр. 24, 29, 77, 120, 126, 181, 189, 202, 203, 248, 251, 297, 298, 301, 307

Матфей апостол – стр. 301

Мегилл А. – стр. 129

Медичи Л. – стр. 223, 291, 299

Медоуз Д. – стр. 103

Менгер К. – стр. 76

Менедот – стр. 239

Мертон Р. – стр. 302

Мирандола П. – стр. 291

Мичурин И.– стр. 124

Модсли Г. – стр. 25, 259

Моррис Ч. – стр. 192, 289

Мур Г. – стр. 306

Н

Нартов А. – стр. 25, 259

Нефедов С.А. – стр. 146, 149

Никифоров О.В. – стр. 61, 319

Ницше Ф. – стр. 33, 35, 224, 245, 263, 268, 298

Новиков Д.А. – стр. 294

Носовы (Н.А. и Т.В.) – стр. 173, 256

Ньютон И. – стр. 47, 48, 156, 157, 159, 262

О

Однер В.Т. – стр. 25

Орлеан А. – стр. 43, 61, 288

Охитович М. – стр. 198

П

Пажитнов А. – стр. 251

Пакстон Дж. – стр. 244

Папанек В. – стр. 183, 248, 278

Парацельс – стр. 47

Паскаль Б. – стр. 67, 263, 290, 293, 294

Пастернак Б. – стр. 40, 42

Пенроуз Р. – стр. 251, 319

Петр Великий – стр. 49, 221, 258, 294

Петри Ю. – стр. 250

Пирс Ч. – стр. 59, 143, 170, 271, 289

Питер Л. – стр. 262

Пифагор – стр. 47, 48, 70, 134, 135,142, 143, 145, 233, 236, 265, 277, 290, 291, 310

Платон – стр. 17, 22, 46, 64, 72, 134, 135, 142, 143, 213, 218, 221-223, 226-228, 232, 265, 269, 284, 289-294, 296, 297, 307, 314

Плифон – стр. 291

Поппер К. – стр. 214, 221, 248, 254, 264, 265, 284, 290, 297, 298, 304

Пригожин И.Р. – стр. 165, 166

Пуанкаре А. – стр. 256, 271, 280, 289

Р

Райфф Г. – стр. 266

Рамус П. – стр. 271

Рассел Б. – стр. 66, 152, 214, 275

Решер Н. – стр. 313

Рикер П. – стр. 281

Ришар Ж. – стр. 66

Робинсон У. – стр. 212

Розен Ш. – стр. 301

Рорти Р. – стр. 306

Рэнд А. – стр. 222, 298

С

Саган К. – стр. 86, 87

Сартр Ж.П. – стр. 289

Саха Р. – стр. 61

Свасьян К. – стр. 45, 47-49, 138

Секст Эмпирик – стр. 293

Сенека Л. – стр. 19, 231

Сепир Э. – стр. 243

Сердюков А. – стр. 123

Скот Д. – стр. 50, 147

Скрынник Е. – стр. 123

Смит А. – стр. 18, 33, 52, 55, 198, 202, 238, 249, 283, 241

Снельсон К. – стр. 73, 138, 139

Сократ – стр. 63, 78, 192, 196, 218, 240, 253, 291

Сорина Г.В. – стр. 280

Сорос Дж. – стр. 297, 231

Спиноза Б. – стр. 157, 164, 238, 248, 302

Степин В.С. – стр. 293

Т

Талеб Н.Н. – стр. 7, 13-15, 17, 18, 21, 24, 25, 59, 149, 205, 212-214, 216-309, 319

Таха М. – стр. 231

Тернер А. – стр. 205

Тесла Н. – стр. 47, 135, 137, 139-141, 165, 166, 243, 263, 310

Тоффлер Э. – стр. 189

У

Уайтхед А. – стр. 288

Уиллис – стр. 293

Уолпол Х. – стр. 269, 270

Уорф Б. – стр. 243

Ф

Фалес Милетский – стр. 230

Федоров Н.Ф. – стр. 88

Фейерабенд П. – стр. 282, 290

Фоллет М.П. – стр. 13

Фон Хайек – стр. 271

Форрестер Дж. – стр. 102, 103

Фрейд З. – стр. 221, 262

Фридмен Дж. – стр. 78

Фромм Э. – стр. 221

Фуллер Р.Б. – стр. 13, 17, 32, 48, 49, 55, 63, 64, 82, 87, 135, 137-141, 143, 144, 146, 148, 155-157, 159, 166, 205, 223, 230, 232, 233, 244, 245, 248, 251, 252, 263, 247, 278, 285, 288, 290, 292, 308, 310, 319

Х

Хайдеггер М. – стр. 18, 24, 29, 48, 61, 240, 303

Хинтикка Я. – стр. 279

Хокинг С. – стр. 159

Хрущев Н. – стр. 124, 211

Хэсмондхалх Д. – стр. 301

Ц

Циолковский К.Э. – стр. 88

Ч

Чаплин Ч. – стр. 212

Чингисхан – стр. 150

Ш

Шаубергер В. – стр. 48, 135, 137, 141, 155, 166

Шенк Р. – стр. 252

Шиллер Р. – стр. 53, 55, 61, 319

Шмит В. – стр. 59

Шмоллер Г.– стр. 76

Шухов В. – стр. 244

Щ

Щедровицкий Г.П. – стр. 14, 21, 251

Э

Эддингтон А. – стр. 165

Эйлер Л. – стр. 159

Эйнштейн А. – стр. 157, 243, 310

Эко У. – стр. 268, 301, 303, 305

Энгельс Ф. – стр. 248

Эшби У. – стр. 161, 208, 215

Эшер М. – стр. 306

Ю

Юл – стр. 293

Юм Д. – стр. 19, 23, 24, 272, 288, 290, 297

Я

Яровая И. – стр. 38-42

M

Meyl K. – стр. 140

Об авторе

Я родился в 1973 году в Москве, и спустя лишь значительный промежуток времени узнал, что же действительно произошло знаменательного в этот, непосредственно предшествующие и непосредственно последующие ему годы. Из наиболее ярких впечатлений детства помнится бурная природа Зауральной рощи, куда я часто летом ездил к деду на дачу. В начале 90-х получил среднеспециальное медицинское образование, 2 года работал в лаборатории реанимационного отделения клинической больницы, стал свидетелем крушения СССР, а также своими глазами увидел, от каких естественных причин умирают люди в преклонном возрасте в казенных условиях, и как до них нет никому никакого дела. В конце 90-х закончил Философский факультет МГУ по специальности «История и философия науки и техники». Это было время старой, как мир, борьбы противоречий: постижение наук вступало в конфликт с постоянным поиском заработка и попыткой понять основания своей востребованности. Одновременно росло ощущение и осознание того, что положение научной и образовательной базы в стране все больше напоминает положение стариков из клинической больницы: нет никому никакого дела. Осознание ценности самого фундаментального из всех возможных видов высшего образования требовало совмещения с ценностью освоения реальных условий спроса на собственный труд, и понимания направлений, где такое совмещение возможно. Наиболее активно вопрос прорабатывался с последних лет учебы в начале 00-х, с накоплением профессионального опыта и формирования собственного «бэкграунда». По той же причине я закончил аспирантуру своего факультета, но не стал защищать диссертацию. Я чувствовал, что именно там, за стенами, как раз и есть то важное, что требует ученого внимания и способно наполнить весомостью и содержанием предмет моих научных интересов на тот момент – логику диалога и структурные основы коммуникативных процессов. Уже тогда было видно, что и сам этот предмет, и какая-то значительная доля многих других предметов требовали совершенно иных форматов и методов исследований, нежели привычное источниковедение, и что сам способ познавательной деятельности должен быть каким-то иным, некампусовым. Период, о котором идет речь, равно как поиск таких способов, во многом продолжается до сих пор. В своей профессиональной деятельности я много лет работал аналитиком, а также руководителем аналитических подразделений, в организациях, специализирующихся на различных направлениях «индустрии пропаганды», «культурных индустрий» и «гуманитарных технологий». Будучи сферами приложения моей деятельности и ее продуктов, они стали одним из поводов расширять свой взгляд на мир, включая аспекты экономических, политических, экологических, урбанистических и культурных процессов, составляющих части единого процесса человеческой истории.

Je suis né en 1973 à Moscou, et après une période de temps considérable pour savoir ce qui est vraiment arrivé sur ce capitales précédentes et les suivent immédiatement ses années. Parmi les plus vives impressions de l'enfance, je me souviens d'une nature violente Zauralnoy Grove, où je suis allé souvent à son grand-père à l'été à la datcha. Au début des années 90 ont obtenu la formation médicale secondaire, 2 ans, il a travaillé dans le laboratoire de l'hôpital de l'unité de soins intensifs, assisté à l'effondrement de l'URSS, ainsi que de leurs propres yeux vu, de causes naturelles des gens meurent à un âge avancé dans des conditions de l'Etat, et comment ne pas avoir personne aucun cas. À la fin de la 90, il est diplômé de la Faculté de philosophie de l'Université d'Etat de Moscou sur une spécialité «Histoire et philosophie des sciences et de la technologie." Il fut un temps de vieux comme le monde, la lutte des contradictions: la compréhension de la science en conflit avec la recherche constante de la base des revenus et de tenter de comprendre leur pertinence. Dans le même temps il a augmenté le sentiment et la réalisation que la situation de la base scientifique et éducatif dans le pays ressemble de plus en plus l'ancienne situation de l'hôpital: il n'y a aucun cas à personne. Prise de conscience de la valeur de la plus fondamentale de toutes sortes possibles de l'enseignement supérieur requis pour l'intérêt de combiner le développement des conditions réelles de la demande pour leur propre travail, et la compréhension des domaines où une telle combinaison est possible. La question la plus active a été travaillé dans les dernières années d'études au début des années 00'S, avec l'accumulation de l'expertise et la formation de leurs propres «origines». Pour la même raison, je fini l'école d'études supérieures de la faculté, mais il n'a pas défendu sa thèse. Je me suis senti qu'il était là, à l'extérieur des murs, avoir juste quelque chose d'important qui nécessite une attention et le scientifique est en mesure de combler le poids et le contenu de l'objet de mes intérêts de recherche à ce moment - la logique du dialogue et des bases structurelles du processus de communication. Même alors, il était clair que le sujet lui-même, et une certaine proportion significative de nombreux autres sujets nécessitent un complètement différents formats et méthodes de recherche, plutôt que d'une source familière, et que la méthode même de l'activité cognitive doit être un autre, non-campus. La période en question, ainsi que la recherche de ces méthodes, à bien des égards est toujours en cours. Dans son activité professionnelle depuis de nombreuses années, je travaillais comme analyste et chef du département de la recherche, dans les organisations spécialisées dans des directions différentes "propagande de l'industrie", "industries culturelles" et "la technologie humaine." Comme les domaines de mon travail et de ses produits d'application, ils sont devenus l'une des raisons d'élargir leur vision du monde, y compris les aspects des processus économiques, politiques, environnementales, urbaines et culturelles qui font partie d'un processus unifié de l'histoire humaine.

I was born in 1973 in Moscow, and after a considerable period of time to find out what really happened on that momentous immediately preceding and immediately following his years. Among the most vivid impressions of childhood I remember a violent nature Zauralnoy grove, where I often went to his grandfather in the summer at the dacha. In the early 90's got Secondary medical education, 2 years he worked in the laboratory of the intensive care unit hospital, witnessed the collapse of the USSR, as well as with their own eyes saw, from any natural causes people die at an advanced age in state conditions, and how to they do not have anyone no case. At the end of the 90 he graduated from the Philosophical Faculty of Moscow State University on a specialty "History and Philosophy of Science and Technology." It was a time of old as the world, the struggle of contradictions: comprehension of science in conflict with the constant search for the earnings base and attempt to understand their relevance. At the same time it increased the feeling and the realization that the situation of scientific and educational base in the country increasingly resembles the old situation of the hospital: there is no case to anyone. Awareness of the value of the most fundamental of all possible kinds of higher education required to the value of combining the development of the real conditions of the demand for their own work, and understanding of the areas where such a combination is possible. The most active issue was worked from the last years of study in the early 00's, with the accumulation of expertise and the formation of their own "backgrounds." For the same reason I finished graduate school of the faculty, but he did not defend his dissertation. I felt that it was there, outside the walls, just have something important that needs attention and the scientist is able to fill the weight and content of the subject of my research interests at that time - the logic of dialogue and structural bases of communication processes. Even then it was clear that the subject himself, and some significant proportion of many other subjects require a completely different formats and methods of research, rather than a source familiar, and that the very method of cognitive activity must be some other, non-campus. The period in question, as well as the search for such methods, in many respects is still ongoing. In his professional activity for many years, I worked as an analyst and head of the research department, in organizations specializing in different directions "industry propaganda", "cultural industries" and "human technology." As the application areas of my work and its products, they have become one of the reasons to expand their view of the world, including aspects of economic, political, environmental, urban and cultural processes that make up part of a unified process of human history.

Также в серии – книга

Дмитрий Н. Алексеев
ВОЗМОЖНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ. ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ

Книга представляет первый том сборника и посвящена основным сферам управления, которые могут быть доступны человеку.

Существует сложность, связанная с тем, что наибольшее число книг про то или иное управление, давящих авторитетом либо достойных быть авторитетными, изданы на английском языке, в котором, в отличие от великого и могучего русского, существует целый ворох терминов, соответствующих этому понятию: “manage”, “govern”, “ruling”, “cybernetics”, “directorate”, “control”. И, кстати говоря, “economy” в своем третьем значении перевода – «организация», «строение», «структура», «устройство», «система»; в буквальном переводе – «домострой». Читателю я предлагаю самому почувствовать весь коннотативный колорит слова «домострой», поскольку именно тот колорит и та гамма чувств, что возникают вместе с аллюзиями на сочинения Островского, представляют собой отблеск наиболее корректных определений и отсылок, с учетом которых предстоит интерпретировать одну из наиболее прорывных и системных на начало XX века экономических концепций (опять же, на момент написания этих строк, да и на многие последующие моменты, подозреваю, тоже). В русском же языке здесь имеем слово «управление» (русскоязычный англицизм «контроль» – не в счет).

Понимание предмета управления (особенно что касается его прикладной части) и роли личности в этом самом деле стало фундаментальной, абстрактной и обезличенной научной идеей, потерявшей свои корни. Зачем этой наукой вообще занимаются? При том, по странному «совпадению», чем дальше развивается эта наука (особенно в сфере “computer science”), тем более мир становится неуправляемым. Похоже, пришло время писать историю науки об управлении, причем делать это с неких свежих позиций и подходов, за рамками того, что нам на сей счет диктуется в пределах мейнстрима. Но это значит, что придется пересматривать и саму научность (ибо смысл ее, в конечном итоге, как раз в организации и управлении); и значит, придется немало говорить об экономике, поскольку именно в ее рамках долгое время и до сих пор сосредотачивалась львиная доля прикладных и теоретических решений в плане того, на что может быть направлена управленческая деятельность человека. Особенно это оказывается важным, когда выражение «экономический кризис» становится расхожей оскоминой, а иные великие высказывают свежие идеи насчет того, что системной аномалией как раз является не рецессия и депрессия, но именно что рост. Отсюда и возникает вопрос о роли человека в процессе управления, о подконтрольности ему этих вещей.

Но допускать такую подконтрольность – значит поставить вопрос о подконтрольности человеку норм, стандартов и представлений его жизни, а значит – способность посмотреть на них со стороны и как бы сверху. На что здесь вообще нужно смотреть и что пересматривать? Каков здесь должен быть пространственно-временнОй масштаб, дабы определить горизонт используемой фактологии? Можно ли поставить под сомнения вещи, считающиеся или кажущиеся незыблемыми, особенно если они имеют статус «достижений разума»? Такое оказывается возможным лишь в условиях требования жизни, но никак не абстрактных спекуляций.

Также в серии – книга

Дмитрий Н. Алексеев
ПРОЕКТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. НОВЫЙ ОРГАНИЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Книга продолжает тему форматов, способов и определений, представленных в предыдущих книгах, и акцентируется на связанном с ними образе человека, пребывающем в поле конкретных и специфических проблем управления. Собственно, те, кому адресована эта книга, сегодня как раз пребывают в поле все более отчетливо ощущаемых проблем и рисков, связанных не более и не менее, как с идентичностью и фактом существования в качестве лиц, испорченных интеллектом, и сознаний, отягощенных просвещением.

В смысле базовых философем эта работа построена на признании социобиологической природы лишь на уровне эволюционно-органических опций, с отрицанием ее сущностной значимости; последняя связывается с возможностью выбора, актуализируемой через фактор развития и представляющей собой основание свободы как высшей ценности, абсолютная открытость и доступность которой человеку, в свою очередь, оказывается как основанием ответственности (права отказа и ограничения как условия идентичности), так и всякого творчества и смыслополагания. В качестве институциональной формы последнего предлагается рассматривать медиасреду как специфическую сферу деятельности (в более широком смысле – "культиндустрии"), возникшую в незапамятные времена, но свое индустриальное (системно-рыночное) выражение получившую в эпоху капитализма. Структурно-инструментальный аспект такого рассмотрения связан с задачей решения проблем исчезновения среднего класса и возникновения на его месте категории "проектного человека", выходящего в своих определениях, за рамки расхожих неолиберальных представлений на сей счет, представлений о веберовском организованном человеке, марксовых "квалифицированном пролетарии" либо "мелком буржуа", либо постмодернистском человеке "эклектичной вседозволенности". Безусловно, это весьма непростая задача, но попытка подойти хотя бы к ее постановке и хотя бы приступить к поиску ее решения крайне актуальна и безотлагательна.

Также постановка вопроса о проектном человеке и поиск ответов идет в развитие дискуссий, начатых несколько лет назад в рамках научно-исследовательского центра (НИЦ) "Неокономика" О.В.Григорьева – одного из выдающихся и наиболее трезвых (хотя и весьма жестких) умов современности, по мнению автора этих книг, а также по мнению ряда весьма искушенных в своих вопросах экспертов. Исчезновение ключевой социальной категории, на которую делал ставку мир на протяжении весьма долгого времени, стало чревато уже достаточно хорошо известными перверсиями архаизации, и по своей значимости представляет собой кризис идентичности, причем в смысле не только философской антропологии, но и медицинской. Также очень многое свидетельствует о том, что это исчезновение носит характер системной ликвидации, осуществляемой в столь изощренных форматах тотального контроля, что оставляют диктатуры XX века далеко позади, а разного рода антиутопии (порой весьма высокого качества) – в стороне, свидетельствуя о постепенном воплощении фантастического кошмара в реальности.

Между тем, несмотря на пессимистичность диагнозов, провозглашаемых миру суровыми экспертами, оказывается возможным усмотреть позитивные возможности, причем в тех вещах, которые не только не рассматриваются в смысле возможности позитивных изменений, но считаются факторами усугубления ситуации. Ключевую роль здесь играют давние и, кстати, тривиальные общие принципы: уравновешивания средств влияния средствами невосприятия, контрвлияния и альтервлияния; использования деструктивного фактора во благо или против своего источника; но самое главное, и, кстати, для многих далеко не тривиальное явление кризиса иерархической модели управления обществом, отрицающей саму себя через все бОльшую очевидность собственной иррациональности и абсурдности в качестве тотального, абсолютного и однозначного принципа общественной жизни.